

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2015   Том 21

№ 5

Сентябрь – Октябрь

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2015   Volume 21

№ 5

September – October

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV

Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

НАЗАРИ ФАТЕМЕ ТОРАБ
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка
Университет им. Шахида Бехешти (г. Тегеран, Иран)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literature Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

NAZARI FATEME TORAB
Candidate of Philological Sciences,
head of Russian Language Chair
Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Василик В.В.**
Отражение стихийных бедствий и эпидемий VI века в кондаках святого Романа Сладкопевца
- 13 **Егоров А.Н.**
Образ либерала в революционно-демократических кругах России второй половины XIX – начала XX вв.
- 18 **Белов А.М.**
Дореволюционная историография деятельности политических партий России среди рабочих в революции 1905–1907 гг.
- 24 **Гулин А.О.**
Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны
- 29 **Кидяров А.Е.**
Рыбинское восстание 1918 г.
- 32 **Миловидова Н.В.**
Российская повседневность в условиях НЭПа: жизнь между «традицией» и «новацией»
- 36 **Зиганшин Д.М.**
Экономическое положение рабочих-стеклоделов в 60-е – 80-е годы XX века
- 39 **Зарубин С.А.**
Взаимоотношения Испании и Аргентины в 1946–1955 гг.: образование и крах альянса Франко – Перона
- 44 **Яблоков Б.В.**
О роли «фактора ГДР» в политике разрядки
- 50 **Крысенко Д.С.**
«Польский вопрос» в американско-советских отношениях (1981–1988 гг.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 55 **Захарова Н.В.**
Переводы Конан Дойля и становление жанра детектива в Китае в начале XX века
- 59 **Кикнадзе Д.Г.**
Новый взгляд на сборник жанра *сэцува* «Удзи сюи моногатари» как на важный источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794– 185)
- 63 **Денисова И.В.**
К проблеме исследования рязанского летописного текста
- 66 **Ву Тхыонг Линь**
Пословица в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: проблема перевода на вьетнамский язык
- 70 **Трухина М.В.**
Разрушение гармонии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя как результат перехода в «чужое» пространство
- 74 **Белопухова О.В.**
Шиллеровские «отражения» в романах И.С. Тургенева 1850-х – 1860-х годов
- 77 **Белякова Е.Н.**
Некоторые наблюдения о становлении авторского замысла в процессе формирования речевого пространства комедии А.Н. Островского «За чем пойдёшь, то и найдёшь» (на материале чернового автографа пьесы)
- 82 **Строганова Е.Н., Строганов М.В.**
О проекте энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники»
- 86 **Биликина А.А.**
Художественные особенности якутской драматургии 50–70-х годов XX века

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **V.V. Vasilik**
The reflection of natural disasters and epidemics of the 6th century in the kontakia by St. Romanos the Melodist
- 13 **A.N. Yegorov**
The image of a liberal in the revolutionary-democratic circles of Russia of second half of the 19th—early 20th centuries
- 18 **A.M. Belov**
Historiography of political parties in Russia among the workers in the revolution of 1905—1907 (writings before the 1917 revolutions)
- 24 **A.O. Gulin**
Refugees on the territory of Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces during World War I
- 29 **A.Ye. Kidyarov**
Rybinsk uprising of 1918
- 32 **N.V. Milovidova**
Russian daily life under the so-called New Economic Policy of the Soviet power: life between “tradition” and “novelty”
- 36 **D.M. Ziganshin**
Economic position of glassmaking workers in 1960s—1980s
- 39 **S.M. Zarubin**
Hispanic-Argentinian relations in 1946—1955: the establishment and collapse of Franco-Perón Alliance
- 44 **B.V. Yablokov**
On the role of the GDR in the policy of détente
- 50 **D.S. Krysenko**
“Polish issue” in the American-Soviet relations of 1981—1988

SCIENCE OF LITERATURE

- 55 **N.V. Zakharova**
Translations of Conan Doyle and the emergence of a new genre – detective– in the Chinese literature in the early twentieth century
- 59 **D.G. Kiknadze**
New view on the collection of setsuwa story-tales «Uji Shui Monogatari» as an important source of spiritual culture of Japan’s Heian period (794—1185)
- 63 **I.V. Denisova**
On the study of the problem of Ryazan chronicle text
- 66 **Vu Thuong Linh**
Proverb in Alexander Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter”: the problem of the translation to Vietnamese
- 70 **M.V. Truhina**
The destruction of harmony in «Evenings on a Farm near Dikanka» by Nikolai Gogol as a result of the transition in the «alien» space
- 74 **O.V. Belopukhova**
Schiller’s reflexions in the novels by Ivan Turgenev in 1850—1860
- 77 **Ye.N. Belyakova**
Some observations about the formation of the author’s intention in the process of speech space of comedy by Alexander Ostrovsky «Whatever You Look for, You’ll Find» (on the material of draft autograph of the play)
- 82 **Ye.N. Stroganova, M.V. Stroganov**
Concerning the project of the encyclopedia “Mikhail Saltykov-Shchedrin and his contemporaries”
- 86 **A.A. Bilyukina**
Artistic features of Yakut drama in the 1850s—1970s

- 91 Хусайнова А.Х.**
Экзистенция свободы выбора
и «лабораторно-онтологический эксперимент»
событий войны в художественном творчестве:
Ж.-П. Сартр и В. Быков
- 96 Козьмина Е.Ю.**
Авантюрно-философская фантастика XX века
и философская повесть
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 101 Калабекова Л.Т.**
Модели формирования начинательного способа
действия в разнотемных языках
(опыт сопоставительного анализа)
- 104 Боднарук Е.В.**
Футуральность в высказываниях со свернутой
косвенной речью (на материале немецкого языка)
- 107 Золинова Е.В.**
Сложноподчиненные предложения с условно-уступи-
тельным значением в современном английском языке
(на материале публицистики)
- 111 Рудакова Ж.И.**
Распределение финитных и афинитных структур
в композиционных частях сложного синтаксического
целого (на материале текста немецкой газеты
«Die Relation» 1609 года)
- 115 Варзапова В.Ю.**
Заголовок современного медиатекста в аспекте
межтекстовых отношений (на материале заголовков
интернет-версий изданий The Telegraph и The Guardian)
- 120 Гаранина Н.В.**
Наименования подвижных игр
в языковом мире английского школьника
- 125 Кузьменко Н.В.**
Холо-меронимическая структура
как модель концептуализации тела человека
- 131 Кудрявцева Е.В.**
Фразеологические компоненты-зоонимы
как объект окказиональных трансформаций
(на примере преобразований фразеологизмов
с компонентом *свинья*)
- 135 Селюкова-Федорова Т.А.**
Роль средств коммуникативного уровня русского языка
в рассказах о невиданном и непонятном

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 139 Кудряшова А.В.**
Рассмотрение судом уголовных дел
с досудебным соглашением о сотрудничестве
- 142 Григоров А.А.**
Система самозащиты
- 147 Кафиатулина А.В.**
Характеристика осужденных к лишению права
занимать определенные должности
или заниматься определенной деятельностью
- 151 Сулейманова С.Р.**
Проблема законодательного регулирования
взаимодействия молодежных общественных
объединений России с органами государственной вла-
сти в процессе формирования гражданского общества
- 156 Колупаева О.Н.**
Юридическая ответственность за нарушения
заказчиком документации законодательства
Российской Федерации о государственной
экологической экспертизе

- 91 A.Kh. Khusainova**
Free choice existence
and “laboratory experiment ontological”
of war events in the artistic creative work:
Jean-Paul Sartre and Vasil Bykov
- 96 E.Y. Kozmina**
The adventure-philosophical fantastic of the 20th century
and the philosophical tale
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 101 L.T. Kalabekova**
Models of formation of inceptive mode of verbal action
in the languages with different systems
(experience of comparative analysis)
- 104 Ye.V. Bodnaruk**
Future meaning in the utterances with the compressed
indirect speech (on the material of German language)
- 107 E.V. Zolina**
Complex sentences of condition-concession
in Modern English
(based on publicism)
- 111 Z.I. Rudakova**
Distribution of finite and non-finite structures
in composite parts of a complex syntactic whole
(based on the text of the German newspaper “Die Relation”
dating back to 1609)
- 115 V.Y. Varzapova**
The headline of the modern media text in the aspect
of intertextual relations (on the material from Internet
versions of the Telegraph and The Guardian)
- 120 N.V. Garanina**
Names of the outdoor games in language world
of English schoolchildren
- 125 N.V. Kuzmenka**
Holo-meronymic structure as a model of human body
conceptualisation
- 131 Ye.V. Kudryavtseva**
Phraseological zoonym components as an object
of occasional transformations (by the example of
transformations of phraseological units with
the component *swine*)
- 135 T.A. Selyukova-Fyodorova**
The role of communicative means in the Russian language
with regard to narration about unknown and obscure
- JURAL SCIENCES**
- 139 A.V. Kudryashova**
Consideration by the court of criminal cases
with pre-trial agreement on cooperation
- 142 A.A. Grigorov**
The system of self-defence
- 147 A.V. Kafiutulina**
Characteristics of those who are sentenced to deprivation
of the right to occupy certain positions or to engage in
certain activities
- 151 S.R. Suleymanova**
The problem of legislative regulation of the interaction
of youth organisations of Russia with public authorities
in the process of formation of civil society: legislative
priorities
- 156 O.N. Kolupayeva**
Legal responsibility for violations
by the customer of documentation
of the legislation of the Russian Federation
on the state environmental assessment

161 Демидюк В.А.

Правовая природа виндикационных и негаторных исков в деятельности федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования

164 Коряковцева О.А., Плуженская Л.В.

Возникновение прав интеллектуальной собственности в образовательном процессе: к постановке проблемы

168 Ковалева С.В.

Философско-юридические основания экономики и предпринимательства

173 Рошин Б.Е.

Трудовые армии в годы военного коммунизма: историко-юридический аспект (к 95-летию Первой Революционной Армии Труда)

178 SUMMARY

190 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

161 V.A. Demidyuk

Legal nature of replevins and negatory actions in the activities of federal state budgetary educational institutions of higher professional education

164 O.A. Koryakovtseva, L.V. Pluzhenskaya

The emergence of intellectual property rights in the educational process: on statement of the problem

168 S.V. Kovalyova

Philosophical foundations of economics and entrepreneurship

173 B.Ye. Roshchin

Labour armies in days of war communism: the historical and legal aspect (to 95th anniversary of the First Revolutionary Labour Army)

178 SUMMARY

190 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ОТРАЖЕНИЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ И ЭПИДЕМИЙ VI ВЕКА В КОНДАКАХ СЯТОГО РОМАНА СЛАДКОПЕВЦА

В статье рассматривается отражение фактов землетрясений и эпидемий в богослужебных песнопениях (кондаках) византийского поэта второй половины V – середины VI вв. св. Романа Сладкопевца. Ранее, за исключением отдельных экскурсов в книге Гродидье де Матона «Роман Сладкопевец» (1977), эта тема не рассматривалась никем из византинистов, и творения св. Романа даже не привлекались как источник сведений о землетрясениях и эпидемиях в Восточной Римской империи VI в. В работе на фоне близких по времени к св. Роману исторических произведений, прежде всего хроник Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы и Иоанна Эфесского, подробно рассматриваются источниковедческие, социальные и богословские аспекты изображения им стихийных бедствий как проявлений Божественного гнева. Особой новизной обладает выявленная автором данной статьи тема превращения в произведениях св. Романа Сладкопевца Ромейской империи из Нового Израйля в Новый Египет, утраты православными ромеями статуса избранного народа из-за их нечестия и греховного инфантилизма. Такие настроения носили общий характер и разделялись многими современниками св. Романа, а общеправославное значение его кондаков выразилось в их многовековом бытовании в литургическом обиходе.

Ключевые слова: Роман Сладкопевец, византийская гимнография, Византийская империя, землетрясения, эпидемии, катастрофы.

Изучение отражения землетрясений и других естественных бедствий в византийской гимнографии интересно, во-первых, для изучения влияния экстремальных ситуаций на сознание общества и отдельной личности в Византийской империи. Во-вторых, это именно та ситуация, когда «с Божией стихией царям не совладать», и историей начинают управлять иные, не связанные человеческим участием силы. Святитель Николай Велимирович писал о земле: «А не является ли она сама движущей силой истории, когда стряхивает с себя ее обитателей?» [1, с. 343]. Ромеи с присущим византийскому сознанию провиденциализмом воспринимали землетрясения как Божественное наказание и с недоверием, а временами и с негодованием относились к идущим еще от Аристотеля попыткам их естественного объяснения наполнением земных пустот [9, р. 48–49].

Для изучения восприятия природных бедствий в общественном сознании Византии во второй половине V – первой половине VI вв. важно восприятие землетрясений преп. Романом Сладкопевцем – автором многочисленных церковных песнопений, по сей день звучащих в православных храмах. В пятнадцатом кондаке (на Рождество) Роман упоминает землетрясение в Египте во время прихода в него Святого Семейства: «Немедленно потряслись * все рукотворенные, / Ибо Ирод, вбросив ужас, * землетрясенье * наводит на идолов. / Во чреве матери скрывался, * но как Бог действовал. / В Египет шествовал, * но служили ему Ангелы. / С высоты бегством своим, * был изгнан волею, * как младенец беднейший»¹ [15, р. 222] (значком «*» обозначены паузы внутри стиха, значок «/» разделяет строки. – В. В.).

Этот отрывок целесообразно сопоставить с фрагментом из Акафиста – песнопения, созданного под влиянием творчества преп. Романа: «Воссиял Ты в Египте * просвещение правды, / Изгнал Ты * тьму неправды. / Ибо, Спасе, * идолы его, / Не терпя твоей силы, * низринутись» [18, р. 30].

За сюжетом о ниспровержении идолов стоит древнее предание о падении и разрушении идолов при вхождении Марии с младенцем Иисусом во храм, известное по апокрифам еще с IV в. Св. Василий Великий предлагал сугубо символическую интерпретацию пророчеству о том, что по пришествии Господа «потрясутся рукотворные Египта» [17, р. 441]. В то же время источники сообщают о реальных землетрясениях в Италии во 2 г. до н. э. и 5 г. н. э. с возможными отзвуками на всем Востоке, в том числе и в Египте [9, р. 186].

Землетрясение мыслилось не только разрушительным знаменем гнева Божия, но и эсхатологическим знаменем изменения мира и предвестием жизни будущего века, о чем писал Роман: «И оставшие мы * да исследуем днесь / Этот гроб * и увидим, друзья, / В сотрясении камень * отвалился сейчас. / Помолчим, если мертвый * внутри там лежит, / Коль невиден мертвец, * то восплачем мы с дольными, / Тогда Смерть бо восплакала, * возрыдал же и Ад преисподнейший» [15, р. 186].

Согласно эсхатологическим представлениям византийцев, основывавшимся на Апокалипсисе (Откр. 6, 12; 8, 5; 16, 18), перед концом света, во времена Антихриста, должны последовать страшные землетрясения, и Роман полностью разделял эти взгляды: «И когда все же преставятся * те преследуемые * и Христа ожидающие, / псалмы и гимны окончатся, / Ни литургии * не будет, ни освящения, / Приношенья и каждения. / И на года три

с половиною * жертва отнимется, * в Писаньи как сказано. / Землетрясения и моры, * и скорбь всякая * владеть будут миром. / И истают же чада * в материнских утробах. / Умрет же и мать * и прежде младенца, * на площадях не явится / останки погребаящий, * но всех Ты воскресишь, / Судья всеправеднейший» (выделено автором. – В.В.) [15, р. 196].

Хотя Роман говорил о временах Антихриста, картина, которую он описывал, в значительной степени совпадает с рассказом его современника Прокопия Кесарийского о бубонной чуме, охватившей всю империю в 541–544 гг.: «И для женщин, которые были беременными, если они заболели, смерть оказывалась неизбежной. Умирали и те, у которых случались выкидыши, но и роженицы погибали вместе с новорожденными... Все совершаемые при погребении обряды были тогда забыты. Мертвых не провожали, как положено, не отпевали их по обычаю, но считалось достаточным, если кто-либо, взяв на плечи покойника, относил его к части города, расположенной у самого моря, и бросал его там» [2, с. 223]. Хотя Прокопий, как справедливо отмечает А.А. Чекалова, в качестве образца использовал описание афинской чумы у Фукидида [2, с. 420], влияние последнего касается лишь литературной манеры изложения, ничуть не уменьшая достоверности насыщенного подробностями и мастерски выполненного рассказа.

Помимо пересечений кондака Романа с текстом Прокопия существуют и прямые параллели с текстом проповеди так называемого греческого Ефрема Сирина (или псевдо-Ефрема) «О втором пришествии»: «Тогда истают младенцы в утробах матерей. Умрет и мать ранее младенца. Умрет и отец с женой и детьми на площадях. И не будет погребаящего и помещающего в гробницы. От многих мертвых тел, брошенных на площадях, смрад будет повсюду, страшно подавляющий живых» [4, р. 192].

В настоящее время наиболее распространена датировка текста псевдо-Ефрема седьмым веком [6, р. 147; 7, р. 234–235.]. Если это так, то на его проповедь мог повлиять кондак преп. Романа Сладкопепца. По сравнению с проповедью текст кондака выглядит логичнее, так как приводит картину тотальной стихии, при которой нарушается всякий порядок. Характерно, что Роман в отличие от Ефрема не упоминает о голоде как черте антихристового времени, что может быть связано, с одной стороны, с копированием и переносом окружавших поэта реалий на время Антихриста, а с другой – ощущением современности как времени эсхатологического.

Следовательно, если данный кондак первичен по отношению к тексту псевдо-Ефрема и содержит намеки на чуму, то он мог быть написан под свежим впечатлением от страшных событий,

описываемых в нем. Помимо этого, в кондаке Романа заметна тесная и неразрывная связь чумы в Константинополе и землетрясений, отмеченная и у Феофана Исповедника: «В то лето, в месяце октябре, пятого индиктиона, произошла в Византии великая эпидемия (τὸ μέγα θανάτικόν), и в том же году начало праздноваться Сретение Господне в Византии второго числа февраля месяца. ...Августа шестнадцатого числа того же пятого индиктиона произошло великое землетрясение в Константинополе и пали церкви, и дома, и стены... и был страх великий» [18, р. 222].

Некоторые ученые выражают сомнения в датировке данного события [9, р. 327], однако, на наш взгляд, безусловными датирующими признаками являются упоминание чумы, а также праздника Сретения Господня. Само общеимперское празднование Сретения могло быть связано как с поражениями в войне против персов (с этим может быть связано прошение в проэмии (вступительной строфе) кондака: «Но умири в войнах общество»), так и распространением чумы, на что могут указывать заключительные строфы кондака: «Молим тебя, всесвященный, * незлобивее, / Жизнь и воззвание * источнике благости. / С неба призри, * на Тебя уповающих / всегда посети. / И избави от гнева и скорби, и нужды * жизнь нашу, Господи. / И в вере * истины * руководи всеми нами» [15, р. 196].

Перечисление гнева, скорби и нужды (ἐξ ὀργῆς καὶ ἀνάγκης καὶ θλίψεως εἰς λύτρωσαι), взятое из Великой, или Мирной, ектении, говорит как о бедствиях, причиняемых людьми (нашествия и гонения), подразумеваемые словом θλίψις, так и о гневе Божиим, проявляющемся чрез так называемые «естественные события» – землетрясение, чуму и т. д.

Землетрясение 542 г. явилось не единственным из тех бедствий, которые происходили на фоне чумы. В 543 г. землетрясение потрясло Коринф, о чем свидетельствуют Прокопий Кесарийский и Илия Нисибинский: «В этом году было землетрясение в городе Коринфе, и обрушились стены его» (Fiha kanat zalzalatin bimadinatin Qurintus wa waqa'a 'akthar suraha) [5, р. 120].

В 543 г. произошло также землетрясение в Кизике на Пропонтидском побережье Малой Азии, о чем сообщает Иоанн Эфесский [11, р. 329]. Иоанн Малала также помещает это событие в 543 г. и подтверждает известия Иоанна Эфесского [12, р. 482]. Соответственно, если мы рассмотрим данные землетрясения в контексте чумы 542–544 г., то связь между «мором» и землетрясениями в кондаке Романа окажется исторически обусловленной.

Однако не только эти землетрясения нашли отражение в кондаках св. Романа. Наибольшее впечатление на него произвело землетрясение 551 г., в котором он явственно увидел предвестие конца света: «Так бодрствуй и ныне * о том, что мы видим, / Угрозы несносные, * землетрясения постоян-

ные / И войн удары разнообразны / Сотрясли всю землю * и со всем, что в ней, / И заставили бежать * и море самое» [16, р. 338]. Сообщение об этом страшном землетрясении содержится во многих источниках, например у Иоанна Малалы: «В июне месяце 9 числа произошло великое и ужасное землетрясение во всей области Палестины и Аравии, и Месопотамии, и Сирии, и Финикии, и пострадал Тир и Сидон, и Бейрут (Вирит), и Триполи, и Библ, и погибло в них множество людей... И убежало море в глубину на одну милю, и погибло множество кораблей. И снова, по повелению Божию, возвратилось море в свое ложе» [12, р. 485].

Иоанн Эфесский дает еще более подробные сведения: «...Произошло великое землетрясение, и обрушился Бейрут, а также города многие на побережье моря и деревни в Галилее, Аравии, а также в Палестине и в доме Шемрон (т. е. в Самарии). И море вышло из своих пределов и отступило на две мили по всей Финикии. И сильное бедствие, и великие знамения и чудеса, бывшие в граде Бейруте финикийском, когда было землетрясение и пали города, мы захотели сделать знаком предупреждения для тех, кто будет после вас. Когда было сильное землетрясение с небес, то море отступило и удалилось от Бейрута града и от прочих городов на берегу моря Финикии по повелению Бога на расстояние примерно две мили. И открылись ужасные глубины моря, и явились в нем зрелища великие и многие, и удивительные. И приготовленные корабли, наполненные многими товарами, а они были привязаны в гаванях и во время ухода моря от земли остались на дне. И они сокрушились и разбились, когда оставило их море и ушло по повелению Господа. И тогда по повелению тайному пучина моря ужасная обрушилась, чтобы вернуться на свое первоначальное место, и покрыла, и погребла в глубине своей в низу бездны всех тех несчастных. **Ведь они устремились, чтобы найти богатство в глубине бездны, и по образу Фараона канули в пучину и потонули как камень, как и написано** (Исх. 15, 4). И устремил на них Господь воды морские, когда исполнился поток и вернулся к первой полноте...» [11, р. 333–334]. О страшных разрушениях в Бейруте рассказывает и Агафий Миринейский: «Вирит, до того времени прекраснейшее украшение Финикии, тогда был весь разрушен, и обрушились преславные и широко известные чудеса строительства, так что почти ничего не осталось, разве что основания строений. И большое количество местных жителей погибло, задавленных тяжестью обломков...» [3, р. 59]

Преп. Роман Сладкопеев рассматривал землетрясение 551 г. в ряду предшествующих сейсмических катастроф 546 и 548 гг., а возможно, и более ранних. На это указывает его упоминание «постоянных землетрясений», которое соотносится с сообщением о «постоянных землетрясениях» Иоанна

Малалы, причем оба автора использовали словосочетание *σεισμοὶ συνεχῆς* [12, р. 483]. Прокопий Кесарийский считал эти землетрясения «сверхприродными» (*ὑπερφυσῆς*), однако у Романа Сладкопеева даже на фоне землетрясений 540-х гг. бедствие 551 г. приобретает исключительное значение и рассматривается как эсхатологическое: «Устрашился итак, как Иона, и пробудись. / Гремят по всему миру * трубы знамений, / Возвещающая о Христе его ожидающим, / Ибо придет * и закроет, придя, / Священное вхождение * знамений» [16, р. 435].

Этими знамениями являются чума и землетрясения: «Это и ныне мы видим, душе * двери открыты, а не при дверях, / Настало днесь * и уже приготовлено, / Ведь не минет ничто, * что предрек нам Христос, / Но что предрек он, все сбудется: / Глады вместе с чумой, * сотрясенья земли, / И народ на народ поднимается. / И прибежища нет нигде, для всех же бегство, / И дверь затворяется, * запечатано милосердие: / Ведь мы не пожелали * внутри оказаться, * ныне все восклицаем: “Отверзи”».

Приведем и другой, весьма характерный фрагмент, где землетрясения связываются с засухой: «Жатва достигла, достигла до нас, * серп совершенья / Готовится * и днесь изостряется, / Сотрясенья земли, * сухость, как лютый жар, / Днесь на нивы земли изливается. / И стремятся жнецы * на деянье свое, / И приносят с собой пропитание» [16, р. 436].

В этих строфах явно ощущаются связи с эсхатологической речью Христа на Елеонской горе (Мф. 24) и с Апокалипсисом: «Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это – начало болезней» (Мф. 24, 7–8).

Эсхатологические предчувствия в связи с землетрясением 551 г. были свойственны не только св. Роману. Достаточно показателен 50-й рассказ «Луга Духовного» – памятника, датируемого первой четвертью VII в., но основанного на устной традиции VI в. [13, р. 16]. В этом рассказе, относящемся к 551 г., авва Анастасий повествует, что его учитель авва Георгий однажды ночью заплакал, и когда ученик спросил его о причине плача, ответил: «Как мне не плакать, когда Владыка наш не желает примириться с нами? Мне казалось, о чадо, что я стою перед Кем-то, сидящим на высоком престоле. Многие пред ним были десятки тысяч, просящих и умоляющих о каком-то деле. Он же был неумолим. Затем приблизилась к нему некая Жена, одетая в порфиру (*ὑνὴ τῆς πορφύρας ἡμφοτεσμένη*), припадающая и говорящая: “Хотя бы ради меня умилилось”. Он же ничуть не менее пребывал непреклонным. И посему плачу и рыдаю, страшась грядущего». Старец рассказал это, «когда рассветал четверг. А на следующий день, который был пятницей, в девятый час сотрясается земля страшно и разрушаются города на финикийском побережье» [13, р. 2905]. 9 июля 551 г. дей-

ствительно было пятницей [8, р. 433], что свидетельствует об историчности рассказа.

В житии св. Симеона Младшего, которое суммирует события с 550 по 557 гг., также говорится, что святой предвидел это землетрясение и плакал о тех, кто должны были погибнуть из-за него: «На следующий же день, около десятого часа сотряслась вся земля в великом землетрясении, подобно-го которому не могли припомнить многие поколения, и пали города и деревни побережья, согласно виденному ему видению, и горы обрушились, расколовшись из-за сильного удара, и по местам в земле появились трещины» [20, р. 105].

Как и для Иоанна Эфесского и, соответственно, Иоанна Малалы, отступление моря от суши на целую милю для Романа подобно чуду, происшедшему во время Исхода, когда Красное море расступилось перед Моисеем и евреями. Однако знак события с плюса перемещается на минус: теперь христиане, «новый Израиль», избранный народ уподобляются египтянам: «Ночь перед ночью * и прежде же мрака тьма * всех внезапно объяла / Ныне мы * египтянам подобию / Мраком казней * и трепетом труса земли, / И военной мглой * одержимые. / И доныне их * не кончается гнев: / Принимает же всех * Море Красное. / Там геенна – и не на время, навек» [16, р. 440].

Параллель между казнями египетскими и современной св. Роману ситуацией была тем более актуальна, что землетрясение коснулось и расположенной в Египте Александрии. Слова о том, что «Красное море всех принимает», связанные с реальным происшествием – гибелью неосторожных финикийцев, устремившихся грабить товары, – событиях, описанных в тексте Иоанна Эфесского, соотносены со строками Писания о египтянах, стремившихся не только остановить бегущих евреев, убить непокорных, а остальных вновь пригнать в Египет как рабов, но и вернуть ценности, по повелению Божию выпрошенные евреями у египтян в ожидании бегства (Исх. 15, 9).

Однако установить точно, каково соотношение кондака св. Романа и первоначального текста Иоанна Малалы, не представляется возможным. Вряд ли св. Роман мог знать его, так как в 562 г., когда была завершена его хроника, его уже не было в живых. Сам кондак св. Романа мог послужить источником для Иоанна Малалы, коль скоро он исполнялся в церкви до того времени, когда была завершена его история; однако более вероятно, что и св. Роману, и Малале были доступны описания непосредственных очевидцев событий, которые могли включать и библейские аллюзии.

В кондаке нашел выражение критический взгляд св. Романа на современное ему общество, вполне сравнимое с библейскими египтянами в меру распространения таких пороков, как несправедливость, жестокосердие, неверие, языческая жизнь:

«Весьма ведь был прогневан * Иисус, Спаситель наш, / Что творил чудеса, * но не веровали в него, / Посему бичами * несправедливости неверных / Посетил Он, * чтоб мы уверовали, воскликнув: / “Отверзи!”... Мы, кто от фараона мысленного * и от горького его рабства / Бежали, вконец его возненавидим. / И родились мы ныне, * Израиль Божественный, / Не возвратимся мы * во Египет, / Не в страну, * куда пришел Христос, / Но в страну, * Моисею не поверившую, / Сердце жестокое * и неверное * мы считаем Египтом, / Сердце, трепещущее * находящего бедствия, / При уходе же его * ожесточающееся, / И являем, * что его мы стяжали, * и что имеем / От наших плодов, * ибо в нуждах * мы только зываем: / “Отверзи!”» [16, р. 442].

Итак, Египет мыслится в двух аспектах – и как жестокая деспотия, где египтяне немилосердно угнетали евреев и убивали еврейских младенцев, и, шире, как духовное пространство служения демонам. Египтянин, благодаря образу библейского Фараона, становится метафорой человека, который вразумляется только наказаниями и лишь на время наказаний, а по их окончании вновь предается непокорству и греху. Соответственно, землетрясение осмысливается как Божественное наказание, как тот ремень, которым любящий отец наказывает своего неупутевого сына.

Сыновний образ у Романа имеет продолжение по двум линиям, первая из которых указывает на духовный инфантилизм: «А мы, словно дети, * родились разумом, / Лишь заботясь о еде, * питье и играх, / И сидим на рынках, * зывая друг ко другу: / Пусть и суд придет, * будем наслаждаться, * и тогда воскликнем: / “Отверзи!”» [16, р. 442].

Здесь нельзя не вспомнить Св. Писание: «Возлюбленные, не будьте дети умом» (1 Кор. 14, 20), а также «Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали» (Мф. 11, 16–17). Тема греховного инфантилизма была достаточно актуальна для общества, и конкретный пример его – жадный бег за добычей из разбитых кораблей по дну только что опустевшего моря – уподоблен стремлению фараоновых колесниц. У толпы, ринувшейся грабить, не хватило разума даже на то, чтобы понять, что после такого необычного отлива вода должна очень скоро вернуться на место и бежать нужно не в море, а из города, подальше от падающих зданий.

Вторая тема – образ ремня – переходит в воспоминание о биче, которым Христос изгонял торгующих из храма: «Пришли же удары на главу, * но не печалится сердце, / Болеет плоть, * но разум не чувствует / И бичуется всяк *, но никтоже из нас / Не умоляет жарко * бичующего. / Сотрясение земли, * словно бич против нас, / Обновил Христос, * ибо возревновал / Во храме прежде бич * Господь соделавший» [16, р. 342].

Благодаря введению темы очищения Храма Христом, ромейское общество уподобляется не только древнему Египту, по словам св. Иоанна Златоуста «более других народов виновному пред Господом», но и тому Израилю, который распял Христа. Пороки нового Израиля повторяют грехи Израиля древнего: и тот и другой упорны, жестоковыи, нераскаяны. Однако аналогия с Израилем, и в особенности с очищением Храма, может говорить и о другом общественном пороке – номинальном христианстве и лицемерии, когда «дом Отца Небесного» делается «домом торговли» (Иоан. 2, 16) или «вертепом разбойников» (Мф. 21, 13). Соответственно, из Божьего мира, как из Иерусалимского храма, землетрясением – бичом Божиим – изгоняются духовные торговцы, продавцы и предатели, которые своим нечестием и грехом оскверняют богоданный мир, омытый Христовою кровью.

Возможно, что аналогией с очищением храма св. Роман Сладкопевец решал и другую проблему, стоявшую перед общественным сознанием: во время землетрясения рухнул ряд церквей. Перед ромеями вставал вопрос: как Бог мог это попустить? Ответ находится в аналогии с очищением храма – дома, который «оставляется пуст» (Мф. 23, 29).

Подведем итоги. В кондаках преп. Романа нашел отражение целый ряд великих землетрясений VI в., а также чума 544 г. Землетрясения преп. Роман Сладкопевец рассматривает как бич Божий, который обрушивается на головы неразумных детей – детей умом, а не духом. Упоминания о землетрясениях опираются на реальные факты его времени и отличаются жизненностью. При их описании могли быть использованы общие источники с хроникой Иоанна Малалы. Египетские аналогии св. Романа связаны как с реальными событиями 551 г., так и с обличением ромеев, которые в результате своего нечестия перестали быть Новым Израилем и уподобились язычникам-египтянам.

Примечание

¹ Здесь и далее перевод автора.

Библиографический список

1. *Святитель Николай Велимирович*. Душа Сербии. – М., 2008. – 672 с.

2. *Проконий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. и комм. А.А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993. – 570 с.

3. *Agathias*. *Historiae*. II. 15 / ed. R. Keydell // *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Vol. 2. – Berlin, 1967. – 197 p.

4. *Assemani J.S.* *Sancti patris nostri Ephraem Syri opera omnia*. Vol. 2. – Rome: Citta del Vaticano, 1732. – 600 p.

5. *Elia Nisibenus*. *Historia*. *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. T. 62 (Series Syriaca 21). – Paris, 1910.

6. *Emerau C.* *Saint Ephrem le Syrien. Son oeuvre. Litteraire grecque*. – Paris, 1919. – 290 p.

7. *Geerard G.* *Clavis partum Graecorum*. T. 2. – Turnhout, 1974.

8. *Grumel V.* *La Chronologie byzantine*. – Paris, 1958. – 487 p.

9. *Guidoboni E.* *The catalogue of ancient earthquakes*. – Roma, 1994. – 504 p.

10. *Haury J.* *Prokop Verweist auf seine Anekdoten* // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 36. – 1936. – S. 1–4.

11. *Joannes Ephesenus*. *Historia ecclesiastica* // *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. T. 105 (Series Syriaca 54). – Louvain, 1935. – 508 p.

12. *Joannes Malalas*. *Chronographia*. / ed. L. Dindorf // *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. – Bonn: Weber, 1831. – 796 p.

13. *Joannes Moschus*. *Pratum spirituale*. *Patrologiae cursus complectus. Series Graeca*. T. 86. – Parisio, 1860. – Col. 2847–3115.

14. *Palmer J.S.* *El monacato Oriental en el Pratum Spirituale de Joan Mosco*. – Madrid, 1993. – 502 p.

15. *Romanos le Melode*. *Hymnes. Sources Chretiennes*. T. 110. – Paris, 1965. – 378 p.

16. *Romanos le Melode*. *Hymnes. Sources Chretiennes*. T. 28. – Paris, 1967. – 600 p.

17. *San Basilio*. *Commento al profeta Isaia*. Vol. 2. – Turin, 1939. – Vol. 1. – 397 p.; Vol. 2. – 575 p.

18. *Theophanes*. *Chronographia* / ed. C.de Boor. – Lipsiae: Teubner, 1883. – 503 p.

19. *Trypanis K.* *Fourteen Byzantine Canticles* // *Wiener Byzantinische Studien*. Bd 5. – Wien, 1968. – 270 S.

20. *Vita Symeoni Junioris* / ed. P. Van de Ven. – Brussels, 1962. – 155 p.

ОБРАЗ ЛИБЕРАЛА В РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУГАХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В статье показано, что в революционно-демократических кругах России второй половины XIX – начала XX вв. образ российского либерала формировался через призму отношения либералов к революции и самодержавию. В действиях либералов по согласованию интересов различных социальных групп революционеры усматривали трусость, заискивание перед властью, предательство народных интересов. По мере роста освободительного движения слово «либерал» стало чуть ли не синонимом соглашательства и непоследовательности, за ним в левых кругах закреплялся негативный смысл, оно становилось все более непопулярным. Отмечается роль политической сатиры в формировании негативного образа либерала. В сатирических произведениях подчеркивались благодушие и мягкотелость либералов, неверие в «темный народ», боязнь революции и вера в благоразумие сверху. Либерализм противопоставлялся насущным интересам трудящихся; подчеркивалось отсутствие серьезных противоречий между либералами и существующей властью. Либералам приписывали такие черты, как нерешительность, словоблудие, изворотливость, лицемерие и т. п. Рассматривается отражение образа либерала в мемуарах видных деятелей революционного движения – В.М. Чернова, В.Л. Бурцева и др. Сделан вывод о том, что негативное отношение революционно-демократических кругов к либеральным ценностям и их носителям исключало разумный диалог между социалистами и либералами, что, в свою очередь, вело Россию к революционным потрясениям начала XX века.

Ключевые слова: либерализм, социализм, революционное движение, общественное мнение, политическая сатира, мемуаристика.

В эпоху Великих реформ Александра II существенную роль в общественно-политической жизни страны стали играть либеральные деятели, что не могло не вызвать ответной реакции их политических оппонентов. В революционно-демократических кругах образ российского либерала стал формироваться через призму отношения либералов к революции и самодержавию. Решительно настроенные российские революционеры не были сторонниками компромиссов в политике. Мировоззренческая установка изменить «все и сразу» отрицала любой диалог с властью, не принимала тактику уступок и соглашений. Поэтому в действиях либералов по согласованию интересов различных социальных групп революционеры усматривали трусость, холуйство перед властью, предательство народных интересов. В итоге по мере роста освободительного движения слово либерал стало чуть ли не синонимом соглашательства и непоследовательности, за ним в левых кругах закреплялся негативный смысл, оно становилось все более непопулярным.

Важнейшим инструментом формирования образа либерала в революционно-демократических кругах служила политическая сатира. Первый всеобъемлющий сатирический образ либерала представлен в стихотворении А.Н. Плещеева «Мой знакомый» (1858 г.). Герой стихотворения, бедный дворянин, показан вначале «ярким либералом», говорившем красивые слова о «свободах». Однако жизненные обстоятельства привели его к мысли о женитьбе на богатой девушке, не разделявшей либеральных увлечений, но имевшей большое богатство. Жена ввела его в губернский высший круг, он разбогател, и либеральные идеи стали потихоньку исчезать:

Он был с порядочным брюшком
И чин имел большой.
Пред ним чиновный весь народ
И трепетал и млеял;
И уж не триста душ – пятьсот
Он собственных имел.
О добродетели судил
Он за колодой карт...
Когда же юноша входил
Порой пред ним в азарт,
Он непокорность порицал
Как истый бюрократ...
И на виновного бросал
Молниеносный взгляд... [6, с. 105]

Уже в этом стихотворении были заложены основы образа либерала: громкие красивые слова, не сопровождающиеся решительными действиями по изменению существующего строя, рано или поздно приводят к заискиванию перед властью, следствием чего становится прямая измена «делу народа».

В 1871 г. в журнале «Отечественные записки» вышел роман И.А. Куцевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин». В духе демократической литературы 1860-х гг. центральной в романе является тема воспитания революционного поколения и поиска путей борьбы за новый общественный строй. Одна из сюжетных линий романа посвящена либеральной тематике. Через образ Николая Негорева показано, как умный, честный либерал превращается в хладнокровного, благонадежного мещанина, а затем и злобного «предателя-реакционера». Так тема обличения «продажных либералов», благонамеренных и благополучных россиян, врагов всего нового и прогрессивного стала утверждаться в произведениях революционно-демократических авторов. Либералам приписывали такие черты, как мягкотелость, нерешитель-

тельность, словоблудие, изворотливость, трусость, лицемерие и т. п.

Наибольшую известность получили сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина (1880-е гг.), среди которых выделялись произведения, высмеивающие либеральную общественность. Она была показана в широком спектре оттенков прямого или завуалированного отступничества, приспособленчества и перерождения вчерашних передовых людей. Вершиной щедринского обличения либерализма стала сказка «Либерал» (1884 г.), в которой даются сатирические определения трем факторам, которые «должны лежать в основании всякой общественности: свобода, обеспеченность и самодеятельность». По мнению либерала, эти три фактора «могут дать обществу прочные устои и привести за собою все остальные блага, необходимые для развития общественности» [7, с. 492]. Начинает либерализм, по мнению Салтыкова-Щедрина, с требования «по возможности», затем переходит к принципу «хоть что-нибудь» и завершает свой путь позорным «применительно к подлости». Не без участия выдающегося писателя в 1880-е гг. получил развитие тезис об ограниченности и трусости либерализма.

Любопытную зарисовку об общении М.Е. Салтыкова-Щедрина с либералами приводит известный эсер В.Л. Бурцев в своих воспоминаниях. Он рассказывает, как после убийства видного жандарма Г.П. Судейкина в редакции «Отечественных записок» один из известных провинциальных земских деятелей спросил писателя:

– Михаил Евграфович, говорят – революционеры убили какого-то Судейкина. За что убили его?

– Сыщик он был! – ответил Салтыков.

– Да за что же они его убили?

– Говорят вам по-русски, кажется: сыщик он был!

– Ах, Боже мой! Я слышу, что он был сыщик, да за что же его убили?

– Повторяю вам еще раз: сыщик он был!

– Да слышу, слышу я, что он сыщик был, да объясните мне, за что его убили? – не унимался земец.

– Ну, если вы этого не понимаете, так я вам лучше растолковать не умею! – ответил Салтыков [2, с. 28].

Приведенный рассказ интересен в плане выявления мировоззренческих различий между революционно настроенными деятелями и либералами. Для революционера сам факт того, что Судейкин – сыщик, является неоспоримым доказательством его вины и основанием для заслуженной кары. А с точки зрения либерала человек должен отвечать за свои проступки, а не за занимаемую должность.

В своей работе Н.В. Аверенкова показала, как сложившиеся в художественной литературе XIX в. стереотипные образы либерала сохранились и довольно часто использовались в печати различных политических направлений в годы первой россий-

ской революции, а также после ее окончания. Для острых сатирических разоблачений авторы статей и листовок нередко пользовались созданными в литературе образами. За лицемерие и ханжество либерала сравнивали с Иудушкой Головлевым, который «сладкими, медоточивыми словами прикрывает самую необузданную алчность собственника», за мечтательность и наивность эсеровская «Революционная Россия» назвала кадетов «прекраснодушными Маниловыми русского либерализма» [1, с. 94]. За праздность и бездеятельность либерала сравнивали с Обломовым.

Свою роль в конструировании таких черт либерала, как половинчатость, тусклость, бесцветность, сыграл и М. Горький. В ноябре 1905 г. он написал притчу «О Сером», суть которой такова: спорят на земле Красный и Черный, а между ними «суетливо и робко мечется однообразный маленький Серый», под которым подразумевается либерал. Далее дается совершенно однозначная характеристика либерала: «Он любит только жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь уютную, и ради этой любви треплет свою душу... Он готов рабски служить всякой силе, только бы она охраняла его сытость и покой... Его сердце – вместилище трусливой осторожности. Он хочет много наслаждаться и боится беспокойства – это делает его раздвоенным и фальшивым». В результате Черный все шире распускает крылья своей власти, жизнь темнеет, а Серый наслаждается счастьем покоя. «Он может предать и продать, он способен на все, но никогда не действует честно и никогда не бывает красивым. Эта маленькая двоедушная гадина всегда занимает средину между крайностями, мешая им своекорыстной суетой своей развиться до конца... Серый задерживает смерть отжившего, затрудняет рост живого, он-то и есть вечный враг всего, что ярко и смело» [5, с. 7]. Немалую роль в формировании образа либерала сыграли и фельетоны большевистского публициста В.В. Воровского (см. [3]).

Богатый материал для понимания механизма конструирования образа либерала в среде социалистов-революционеров дают мемуары лидера ПСР В.М. Чернова. В них соединяются личные наблюдения за знакомыми либералами с теоретическими рассуждениями о «классовых интересах». Чернов отмечает неоднородность российского либерализма. Одну группу он характеризует как земских либералов «лэндлордистской складки», чей либерализм являлся, прежде всего, «фрондой против губернатора, в политическом отношении довольно невинной и порою сильно смахивавшей на спор о “местничестве” между развитыми старожилками-помещиками и чиновным выскочкой-“гастролером”, присланным сверху». В этом либерализме было «и желание показать свою “культурность”, и широкую просвещенность, и англоманство, столь традиционное среди той части

русских земельных магнатов, у которой конституционализм был в родстве не столько с французской “декларацией прав человека и гражданина”, сколько с “ограничительной записью”, подsunутой Анне Иоанновне замыслами “верховников”». В вопросах народного образования, полагал Чернов, в ассигнованиях средств на культурные цели, в отстаивании прав земства, в отношениях к церковно-приходским школам эти люди «блистали самыми передовыми воззрениями»; но в экономических вопросах (установлении такс взысканий за поборы, порубки; организации агрономической помощи населению) классовые помещичьи интересы «вылезали у них наружу с полной бесцеремонностью». Многие из них вели свое хозяйство по-старому, нанимая крестьян на работы буквально за гроши, т. е. занимались «самым настоящим земельным ростовщичеством» [9, с. 251]. Другая группа земских либералов была тесно связана с «третьим элементом» земств и обнаруживала «явно демократические симпатии; если не идеология, то общий “дух” русского народничества пропитывал собою их либерализм» [9, с. 252].

Встречался В.М. Чернов с либералами и в студенческой среде. Он вспоминал, как узнав о существовании кружка студентов-либералов «мы во что бы то ни стало захотели попасть в него и посмотреть: что это за удивительный биологический тип – настоящий, убежденный студент-либерал?». Чернов отмечал, что на обычном студенческом жаргоне «либерал» было насмешливое прозвище, прилагаемое к той «“золотой молодежи”, которая не решалась “просто и кратко” говорить: “плевать нам на все убеждения в мире!” а искала прикрытия в дешевых фразах... Припадки такого “либерализма” начинались обычно с приближением к окончанию курса.

Третьекурсник-либерал
Редко сходки посещал.
Редко сходки посещал –
Свою шкуру сберегал...
Душа ль моя, душенька,
Душа – мил сердечный друг...» [9, с. 146].

Однако на этот раз Чернов встретился с либеральным политическим кружком, находившимся под патронатом редактора «Русской мысли» В.А. Гольцева, влиявшего на кружок через своего сотрудника В.Е. Ерголова. Либерально настроенные студенты не произвели большого впечатления на будущего лидера эсеровской партии: «общий состав кружка был довольно тусклым». «С молодыми “либералами”, – вспоминал Чернов, – мы жарко спорили, но не очень враждовали: в спорах они были очень слабы, а победителям нетрудно быть великодушными» [9, с. 147]. Лидер эсеров не уставал подчеркивать ограниченность российского либерализма: «Вообще говоря, русский либерализм того времени имел очень определенную культурную и земско-конституционную программу;

она блистала “практичностью”, узостью и... тусклостью. Но он совершенно не имел своей общей идеологии... В области философской, этической, социологической, русский либерализм не имел даже и намека на какую-нибудь свою собственную физиономию». Либералы для Чернова были «слишком узко практичны» и «идейно не интересны» [9, с. 148].

В.М. Чернов показал, как формировалось отношение эсеров к либералам: «Мы, конечно, ничего не имели против борьбы либералов с правительством. Мы даже не боялись того, что они смогут воспользоваться результатами нашей борьбы с правительством, заставивши “нас” вытаскивать для них каштаны из огня. Нет, мы скорее готовы были презрительно третировать либералов за то, что они и этого-то не сумеют сделать. Единственно, на что мы тогда считали либералов годными – это на то, чтобы устроить в России промежуточный либерально-конституционный режим для того времени, когда “мы” будем *еще* (здесь и далее курсив автора. – А.Е.) недостаточно сильны для овладения властью, а самодержавие – *уже* недостаточно сильно для ее удержания в своих руках». Либеральный режим Чернов считал «меньшим злом», даже «известным удобством для себя», так как либералы введут права и свободы, которые революционеры смогут использовать в своих целях. «В будущем, – полагал он, – либералы – наши враги; пока же – меньшее зло, если только делают свое дело, а не топчутся на одном месте, стараясь и невинность соблудности, и капитал приобрести» [9, с. 155].

Любопытные зарисовки образа либерала встречаются в воспоминаниях В.Л. Бурцева, придававшего большое значение союзу тех революционных и либеральных кругов, которые были нацелены на государственное строительство. Он полагал, что либералы любили Россию и свое служение ей видели в легализме. Отрицательно относясь к революционному движению, они надеялись, что будущее будет принадлежать им, их идеалам, их методам борьбы. Они не верили в социалистическое и рабочее движение в России, относились к нему свысока, как к «иллюзиям увлекающихся людей». При этом они не верили, или только показывали вид, что не верят, и в разрушительные силы народных масс. «Они, – писал Бурцев, – как будто верили только в силу одних своих идей и полагали, что этой платонической веры достаточно для борьбы и с правительственной реакцией, и с угрожающими явлениями слева. Но многие из них – может быть, даже большинство – не только видели свою слабость, но открыто признавали, что они бессильны против антигосударственного направления, которое легко могут принять революционное и рабочее движение, если только государственная власть не будет на их стороне. Они поэтому сознательно уклонялись от решительной борьбы с этой

властью. Они понимали, что они сами существуют лишь до тех пор, пока их прикрывает и защищает власть, хотя бы и реакционная». По мнению Бурцева, либералы искренне желали развития «истинного демократического течения» в России и считали это единственным спасением для страны. «Но, — высказывал он главный упрек либералам, — все то, что в этом отношении реально было ими сделано за те годы, было слабо, во всем этом было мало энергии, мало энтузиазма и пафоса, мало жертвенности» [2, с. 45–46]. Бурцев подчеркивал: «В чуждом для меня либерально-прогрессивном лагере я видел много здорового, но в этом лагере я не нашел ни широких перспектив, ни энергии, ни жертвенности, ни желания рисковать... Не эти люди могут спасти Россию в роковые моменты ее истории» [2, с. 47]. В этих словах заложена основа образа либерала как «бессильного политика», получившего развитие в эсеров-меньшевистских кругах.

В.Л. Бурцев отмечал враждебное отношение революционных кругов к либералам в эмиграции. Он приводил мнение народовольца Дембо, говорившего, что «либералы — буржуа, враги народа, враги революции, что русские оппозиционные партии не имеют никакого значения, что либералы меня обманут, предадут, что они не способны ни на какую борьбу, что я в них разочаруюсь и что я совершаю ужасную ошибку, защищая союз с ними» [2, с. 69]. Один из основателей украинского социализма М.П. Драгоманов так характеризовал Бурцеву либеральную оппозицию: «эти либералы не способны ни на какую активную борьбу и ни на какой риск, никогда не примут участия в делах, которые не являются украшением их деятельности и в которых они не могут играть показной роли» [2, с. 75].

В ходе образования кадетской партии ключевые позиции в ее центральных структурах как в центре, так и на местах заняли представители интеллигенции и либерально настроенного дворянства. Политические противники называли кадетов «партией профессоров», «господской партией», подчеркивая ее элитарность и отрыв от народа. Поведение лидеров партии, их активная деятельность, общение с народом рождали определенный образ, что важно для понимания механизма его формирования. Любопытный материал на эту тему дают записки крестьянина, учителя церковно-приходской школы Казанской губернии И.Е. Лаврентьева. Во время выборов в I Государственную думу он пришел на организационное собрание выборщиков, назначенное на квартире профессора, члена кадетской партии: «Огромный зал, электрическое освещение, сотня стульев, пузатых кресел, оживленная и чистая публика, ровный свободный говор и кучка — десятка полтора русских мужичков в уголке сидят, поджав ноги, — вот что я увидел, когда... пришел на организационное собрание Партии народной свободы». Лаврентьев стал приглядываться к собра-

нию: «Чистая, знатная публика! Ну что мы, серые, здесь подделаем, если они задумают нас обойти? ... Профессор-хозяин — веселый, бодрый господин — произнес речь. Немного уловил я из нее, что-то свое роилось и шумело в голове, но речь была красива...» [4, с. 271]. Затем, уже в Санкт-Петербурге, Лаврентьев пошел на собрание кадетской партии. «Здесь публика оказалась все солидная, важная и по виду именитая, а мы против них заморыши какие-то. — писал он, — «Нет, здесь нам не рука», — думалось неволью, хотя с нами конст[итуционалисты]-дем[ократы] были очень любезны» [4, с. 274].

Левые общественные деятели, как правило, конструировали образ либерала исходя из чисто теоретических построений, своих мировоззренческих установок. Лично с либералами они общались редко, это были люди не из их среды. В тех же случаях, когда личное общение позволяло сделать о либералах выводы, не вполне соответствующие революционным доктринам, социалистические авторы вынуждены были подгонять свои впечатления под сложившиеся штампы. Яркий пример — мемуары видного советского юриста Б.С. Утевского. С 1910 по 1917 г. он был помощником присяжного поверенного известного адвоката Н.П. Карабчевского. Находясь в обществе передовых петербургских юристов того времени, он не раз общался и с известными адвокатами либеральных убеждений. В своих воспоминаниях Утевский уделит несколько страниц кадету В.А. Маклакову, которого он слышал на судебных процессах и лично с ним общался. Утевский отмечал положительные качества Маклакова как юриста — его принадлежность к новой в то время школе адвокатов, избегавших искусственного пафоса, трагического тона, напыщенных фраз. Маклаков говорил в суде спокойно и просто, избегал избитых образов. Не будь он кадетом, получился бы вполне приличный образ прогрессивного юриста. Но Маклаков был либералом, и, соответственно, все его положительные качества в глазах мемуариста померкли перед ленинским определением «златоуста кадетской партии». Утевский приводит негативные высказывания В.И. Ленина и М. Горького о Маклакове, и затем дает его характеристику в соответствии с этими заявлениями. Кадетский адвокат оказывается человеком, который руководствуется «исключительно размером гонорара»; имея в Петербурге квартиру, он еще снимает комнату в отеле для донжуанских походов, на обедах «много и жадно ест и пьет». Поступки Маклакова характеризуются словами «хитрость», «осторожность», «ловкий ход» и т. п. Получается классический образ либерала как прислужника / представителя буржуазии, озабоченного лишь соображениями материальной выгоды, а не интересами народа. Правда, иногда Утевский невольно проговаривается. Описывая свою первую встречу с Маклаковым, он дает ему, в общем, впол-

не благожелательную характеристику (приветливый, умный, толково критикует действия правительства), но затем, словно оправдываясь перед читателями, заключает: «Трудно было представить, что предо мною будущий откровенный монархист и отъявленный контрреволюционер, а не блестящий представитель молодой адвокатуры, защитник Бейлиса, членов Государственной думы, подписавших Выборгское воззвание, Павловских сектантов и участник других политических процессов» [8, с. 172].

Аналогичная двойственность наблюдается и в нарисованных Утевским образах двух министров юстиции Временного правительства – П.Н. Переверзева и А.С. Зарудного. Они характеризуются как «наиболее яркие образчики подлинного классового лица и политической природы так называемых либеральных адвокатов» [8, с. 199]. Образ «дореволюционного» Переверзева вполне позитивен: в качестве адвоката на политических процессах он был «принципиальным, смелым и мужественным»; за свои политические защиты не раз подвергался репрессиям со стороны властей; его речи производили сильное впечатление на слушателей и самого мемуариста. «Но, – недоумевает Утевский, – мог ли кто-нибудь представить себе, что Переверзев станет после Февральской революции прокурором Петербургской судебной палаты, а затем министром юстиции Временного правительства, что он разовьет бешеную контрреволюционную деятельность, что он вместе со старыми царскими охранниками будет лихорадочно разыскивать В.И. Ленина, чтобы расправиться с ним на суде...». Эволюция Переверзева дает повод мемуаристу раскрыть сущность образа либерала, как врага народа: «такое позорное превращение, казалось бы, порядочного человека в гнусного преступника не было в тот период исключением. Таковую же чудовищную «смену кожи» продемонстрировал другой бывший профессиональный политический защитник... А. Зарудный». Вновь в мемуарах мы видим положительный образ «дореволюционного» Зарудного (скромный, лишенный честолюбия, не думающий о наживе, пользующийся большим уважением в адвокатской среде и т. п.), заканчивающийся словами: «эта оценка была правильной только до 1917 года». Затем Зарудный получает «убийственную характеристику» за «грязную стряпню против В.И. Ленина и других большевиков», за массовые аресты рево-

люционных рабочих, матросов и солдат и т. п. [8, с. 200] Мораль Утевского очевидна – либералы хороши только внешне, а нужно видеть их классовую сущность, которая рано или поздно проявится.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. в революционно-демократических кругах сложился образ «продажных либералов», благонамеренных и благополучных россиян, врагов всего нового и прогрессивного. Либералам приписывали такие черты, как мягкотелость, нерешительность, словоблудие, изворотливость, трусость, лицемерие и т. п. Суть данного образа хорошо передает выражение «гнилой либерализм». В сатирических произведениях подчеркивались благодушие и мягкотелость либералов, неверие в «темный народ», боязнь революции и вера в благоразумие сверху. Либерализм противопоставлялся насущным интересам трудящихся; подчеркивалось отсутствие серьезных противоречий между либералами и существующей властью. Подобная позиция революционно-демократических кругов исключала разумный диалог между социалистами и либералами, что, в свою очередь, вело Россию к революционным потрясениям начала XX века.

Библиографический список

1. *Аверенкова Н.В.* Образы либерала в уральской печати в период Первой российской революции: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2006. – 205 с.
2. *Бурцев В.Л.* Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922 гг.). Т. 1. – Берлин: Гамаюн, 1923. – 381 с.
3. *Воровский В.В.* Фельетоны. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 376 с.
4. *Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под ред. А.В. Иванченко.* – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – 860 с.
5. *Горький М.* О Сером: сказка. – Гельсингфорс: Изд. редакции газеты «Волна», 1917. – 8 с.
6. *Плещеев А.Н.* Сочинения. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1985. – 383 с.
7. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 8. – 576 с.
8. *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. – М.: Юридическая литература, 1989. – 302 с.
9. *Чернов В.М.* Записки социалиста-революционера. Кн. 1. – Берлин; Петербург; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. – 340 с.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ СРЕДИ РАБОЧИХ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

В статье рассматривается историография деятельности общероссийских политических партий среди рабочих в период Первой русской революции 1905–1907 гг. В этот период идеологическая пристрастность не позволяла лидерам партий в полной мере объективно подойти к изучаемым явлениям, подняться над конъюнктурой момента. В досоветский период с разной степенью полноты исследовались вопросы взаимоотношений политических партий и рабочих в России, в том числе в Центральном промышленном районе (ЦПР). Партийные публицисты, исследователи пытались «по горячим следам» осмыслить громадный объем фактического материала, связанного с вовлечением рабочих в общественное движение в 1905–1907 гг., деятельность партий различных направлений в это время. Но идеологическая пристрастность не позволяла им в полной мере объективно подойти к изучаемым явлениям, подняться над конъюнктурой момента. Обращение меньшевистских лидеров, публицистов и исследователей к общественному движению в России в начале XX в. и деятельности различных партий, несомненно, ценно, но не раскрывает в полной мере становление самосознания рабочих ЦПР, а также влияние политических партий на этот процесс в изучаемый период.

Ключевые слова: историография, политические партии, рабочие, Первая русская революция.

В ходе Первой русской революции различные политические партии стремились обосновать свои претензии на руководящую роль среди рабочих России. Это определялось тем, что рабочие оказались в центре событий 1905–1907 гг., а следовательно, представляли интерес для проверки различных теоретических построений по решению проблем не только рабочего класса, но и России в целом.

Утвердившийся в литературе последнего времени подход к оценке действий в ходе революции трех политических лагерей – монархического, либерального и революционного – практически оправдан. Но нам думается, не следует вводить жестких хронологических рамок их складывания. Только лишь к 1906 г. начинает просматриваться как самостоятельный либеральный лагерь, а в 1905 г. радикальные либеральные организации, и прежде всего «Союз освобождения», выступали с революционными позициями. С другой стороны, октябристы в начале 1906 г. стремились отмежеваться от монархистов, в чей лагерь они вошли после декабрьских вооруженных выступлений в Москве и провинции. В связи с формированием трех политических лагерей выявились основные подходы к изучению и оценке рабочих ЦПР, а также оформляются организационные и тактические установки политических партий в ходе революции и в послереволюционный период.

Изучение места рабочих в происходивших событиях исследователи начинают уже в первые месяцы революции. Один из оперативных видов оценки происходивших событий – публицистика, которая достаточно рельефно представляла основные точки зрения. Она находила свое отражение в периодической печати, главным образом в газетах. Газетные публикации статей, являясь одним из видов источников, в оценочных выводах относятся к историографии.

Первыми с резко антиреволюционных позиций выступили монархисты. Начиная с января 1905 г. на страницах «Московских ведомостей» звучат призывы всеми «законными мерами способствовать прекращению внутренней смуты, так как никакие внутренние реформы» [33] не принесут плодов под натиском революции. К концу 1905 г. другой монархический орган – «Русское Знамя» следующим образом оценивал стачечную борьбу рабочих: «Забастовки употребляются революционерами как средство борьбы с самодержавием русского царя... чтобы подорвать нашу торговлю и промышленность...» [48]. В другой статье с характерным названием «Долой забастовки» автор видел в забастовках цель весьма далекую от нужд рабочих и с осуждением утверждал, что революционеры «забастовками добиваются не улучшения быта рабочих, а ведут открытую войну с русским царем и его правительством» [49].

Еще до революции, негативно оценивая стачки рабочих, идеолог монархистов Л. Тихомиров признавал: «В действительности фабрично-заводские рабочие – такие же русские люди, как и всякие другие, и даже гораздо более русские по крови и по духу, нежели наша интеллигенция» [53, с. 65].

В другой работе он предлагал приблизить рабочих к власти, ввести их в семью других «наших классов», превратить в «сословие... признанное Государством, и сословно Государству служащее» [52]. Необходимо отметить, что эти предложения нашли отражение в некоторых государственных законах, принятых в отношении рабочих в годы 1-й революции.

По мере укрепления партийных организаций монархистов в 1906–1907 гг., в их публикациях звучат призывы к сопротивлению забастовщикам, к противодействию ораторам словом и делом, к воспрепятствованию установлению революцион-

ной морали на заводах и фабриках [30; 31; 45; 46; 47]. По замыслам монархистов, должно было побудить рабочих отказаться от «пролетарской идеи», осознать себя гражданами и приобрести «сильное и почетное, а вместе с тем, для всех полезное положение в обществе и государстве» [52, с. 25].

Монархисты давали не только оценку происшедшим событиям, но и преследовали чисто практические цели, которые проявлялись в стремлении ограждать рабочих от забастовочной борьбы, пробуждать национальное самосознание в их понимании, почувствовать себя гражданами, стремиться всеми средствами выйти из положения пролетариев.

Позициям монархистов среди рабочих противостояли легально выходившие газеты либералов, а также их нелегальные издания – журналы «Освобождение», «Листки “Освобождения”» и другая литература.

В ЦПР среди легальных изданий либералов пользовались известностью подробно освещавшие стачечное движение рабочих московские газеты «Вечерняя почта», «Русские ведомости», «Жизнь», а также «Северный край» (Ярославль), «Нижегородский листок» (Н. Новгород) и др. Взгляды этих изданий в начале революции носили настолько радикальный характер, что временами мало отличались от позиций печати революционных партий.

Публицистические статьи с оценкой стачечного движения рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска, Середского района, Сормова регулярно публиковались на страницах «Вечерней почты». Так, 12 января 1905 г. в рубрике «Стачки рабочих в Москве» газета сообщала не только о начавшихся с 10 января забастовках, но и об активном противодействии стачечникам со стороны рабочих суконной фабрики Досушева. И только вторичным действием массе забастовщиков удалось добиться присоединения этой фабрики к стачке [2]. Публикуя регулярные сообщения о всеобщей забастовке в Иваново-Вознесенске [3; 4; 42; 43; 44; 50], либеральные газеты отмечали своеобразие стачечного движения в ЦПР. Так указывалось на слабое влияние ивановской стачки на находящийся рядом Середский район. При этом среди причин либералы видели стихийный характер борьбы в связи с отсутствием законов, вводящих рабочее движение в правовые отношения, как на Западе. Сдержанное поведение рабочих газета объясняет и тем, что только 20% рабочих не имеют крестьянского хозяйства, тогда как основная масса имеет мелкую собственность. «Ясно, – заключает газета, – что тип рабочего собственника менее склонен к риску» [5], т. е. к забастовке.

К концу 1905 г. у лидеров либералов все больше опасений вызывало выходившее из-под их контроля революционное и рабочее движение. Поэтому с октября 1905 г. они пытались формулировать собственную позицию по отношению к рабочим. В печати либералов настойчиво пропагандировалась позиция и деятельность Московского стачечного

комитета, находившегося под их влиянием [10; 40]. К концу 1905 г., после образования партии кадетов, становится и более четкой линия по отношению к рабочим идеологов российского либерализма. В статье «Политическое положение в конце 1905 г. и начале 1906 г.» П.Н. Милуков призывал «не обоготворять революцию», помнить, что «революция есть только метод, способ борьбы, а не цель сама по себе. Этот метод хорош, если – и пока – он достигает цели: напротив, он плох, если вредит делу, которому хочет служить» [29, с. 165].

В либеральной печати широко освещалось декабрьское вооруженное восстание в Москве [38; 39], а их публицисты П.Б. Струве [51, с. 86–89], Григорий Трубецкой [54, с. 156–159], Г.Н. Штильман [57, с. 342–352] стремились убедить читателей, что революционеры виноваты в той же мере за кровавые жертвы в Москве в декабрьские дни 1905 г., что и правительство при расстреле рабочих 9 января в Петербурге. И как вывод следовало утверждение, что «этот метод борьбы выгоден лишь прислужникам самодержавия, опирающимся на организованную грубую физическую силу» [57, с. 352].

В то же время либералы стремились указать выход из создавшегося положения – без промедления проводить в жизнь основные положения царского манифеста 17 октября 1905 года. По мере отступления революции все более умеренной становилась и публицистическая позиция лидеров кадетов. Так, в конце деятельности I Думы, один из них писал в центральном органе партии: «Дума будет орудием умиротворения страны, или ее не будет вовсе; но орудием для водворения хаоса она не будет» [29, с. 396].

По-разному оценивали революцию 1905–1907 гг. лидеры социал-демократов как в ходе самой революции, так и в последующие периоды. Находясь в эмиграции, В.И. Ленин и Г.В. Плеханов, получая информацию о событиях в России из газет и писем, немедленно откликались в печати, давали оценки событиям. Г.В. Плеханов оставался в эмиграции в течение всей революции. В.И. Ленин с ноября 1905 г. и до конца революции находился в России, поэтому его оценки событий этого времени исходили из анализа непосредственных личных впечатлений.

В.И. Ленин стоял у истоков разработки тактики партии большевиков в революции [21, т. 2, с. 1–131]. В его работах определены основные этапы революции: январь – декабрь 1905 г. – подъем революции, январь 1906 г. – июнь 1907 г. – период отступления революции. В определении каждого этапа положены особенности рабочего движения и деятельности РСДРП. В.И. Ленин обращал особое внимание на место и значение революционной стачки, определяя Октябрьскую политическую стачку 1905 г. «одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество...» [21, т. 12, с. 1]. Важную роль как в ходе революции, так и в дальнейшем разви-

тии революционной борьбы Ленин отводил Советам рабочих депутатов. В.И. Ленину принадлежит определение тактики бойкота социал-демократии при выборах в I Думу и необходимость их участия в последующих выборах.

Большое внимание В.И. Ленин уделил извлечению уроков революции 1905–1907 гг. для теоретической и практической деятельности партии, считая, что первая революция явилась предшественницей февральской (1917) революции (Письма из далека. Письмо 1) [21, т. 31, с. 11–12] и «генеральной репетицией» Октябрьской революции [20, с. 9–10]. Общая большевистская оценка революции, ее особенностей и основных этапов содержалась в «Докладе о революции 1905 года» [21, т. 30, с. 306–328].

Наряду с оценками общероссийских событий В.И. Ленин с первых дней революции анализировал факты из стачечного движения рабочих ЦПР. В статьях «Начало революции в России», «Революционные дни» [21, т. 9, с. 201–204, 205–229] лидер большевиков в числе других примеров рабочего движения в стране приводил стачечную борьбу в Москве и приходил к выводу, что «революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни» [21, т. 9, с. 201–202]. С первых дней революции В.И. Ленин предлагал тактику борьбы с самодержавием, используя слова московского рабочего: «Нет, нужны револьверы, по меньшей мере, револьверы, а еще лучше – ружья» [21, т. 9, с. 213].

Признавая, что революционное движение в Центральной России развивается более замедленными темпами, чем в Петербурге и на окраинах империи, В.И. Ленин объясняет эту «сравнительную устойчивость» отсутствием национальной розни, менее развитыми формами крупной промышленности, объединявшей большие массы рабочих, не потерявших «связи с землей» [21, т. 2, с. 313].

Среди факторов, оказавших важное революционное воздействие на процессы в ЦПР летом 1905 г. В.И. Ленин называл Иваново-Вознесенскую стачку, после которой брожение во всем районе «шло непрерывно усиливаясь и расширяясь» [21, т. 11, с. 314].

С позиции извлечения уроков для успешного проведения революционной борьбы в будущем В.И. Ленин рассматривал факты стачечной и вооруженной борьбы рабочих ЦПР в статьях «Уроки московского восстания», «Уроки революции» [21, т. 19, с. 416–424] и др.

Важное значение в рамках данного исследования имеет статья В.И. Ленина «Опыт классификации русских политических партий» [21, т. 14, с. 21–27], написанная в сентябре 1906 г., в которой автор определяет пять типов политических партий: черносотенцы, октябристы, кадеты, трудовики и социал-демократы. В основу их классификации В.И. Ленин положил классовый подход.

Так, социал-демократов он считал единственной рабочей партией, это «партия пролетариата и по своему составу и по своей строго выдержанной пролетарской точке зрения» [21, т. 14, с. 22].

Если обратиться к составу, то в целом ряде организаций союза русского народа в ЦПР входила значительная часть рабочих. Да и другие партии в той или иной степени пытались опереться по различным вопросам на рабочих, нередко выражая их точку зрения. В этом плане, думается, правы составители энциклопедии по политическим партиям России, утверждавшие: «И российский, и мировой опыт убеждает, что ни по своему социальному составу, ни по социальным группам слоев, интересы декларируются в программах и лозунгах, нет и не может быть чисто классовых партий» [37, с. 6]. Классификация партий в российском варианте требует учета не только программных заявлений, но и «других характеристик: по менталитету, методам достижения целей, политической семантике и т. д.» [37, с. 6].

И если в практике непосредственной революционной агитационно-пропагандистской деятельности, осуществляемой в условиях революции, можно было объяснить предлагаемую В.И. Лениным, а также резолюцией V съезда РСДРП классификацию партий, то ретроспективно, при научной разработке проблемы, ленинская постановка не может быть приемлемой.

Стремясь оказать влияние на рабочих ЦПР, меньшевики на страницах «Искры» публиковали сведения и давали оценки стачечной борьбе рабочих Московской, Владимирской, Нижегородской, Смоленской и других губерний центра России [11].

Вместе с тем, их тактические установки предусматривали связь с демократами социалистической и буржуазной ориентации. Поэтому на страницах меньшевистского издания регулярно появлялись статьи, направленные на координацию действий с буржуазно-революционными партиями, сведения о профессионально-политических союзах учителей, земских съездах и прочее [12; 13; 14]. Одним из защитников этой тактики в начале революции выступал Г.В. Плеханов, определивший ее лозунгом, вынесенным в название статьи «Врозь идти, вместе бить!» [36, с. 188–197]. Известно, что в 1905 г. Плеханов занимал позицию, отличную не только от большевиков, но и в целом ряде случаев от меньшевиков. Он одним из первых пытался осмыслить факты участия в погромах после 17 октября многочисленных чернорабочих. Опираясь на сведения, полученные из Московской губернии, других мест, он замечал, что «чернорабочий есть человек, еще не успевший проникнуться современными пролетарскими стремлениями, разделяющий все предрассудки крестьянства, но зато и страдающий всеми его страданиями» [36, с. 351]. В отличие от современников Г.В. Плеханов обращался к самосознанию рабочих, т.е. фактически одним из пер-

вых предпринимал попытку исследования их менталитета периода 1905 г. Отмечал, что сила РСДРП определяется «ясностью массового самосознания и организованностью пролетариата», он считал «носителем революционной идей» не «весь пролетариат», а «только известный слой его». И «это — только слой, т.е. только часть рабочего класса...» В то же время Г.В. Плеханов признавал, что «черная сотня» состояла не только из «профессиональных воров и пропойц», но и из «заводских рабочих», делая вывод о большом количестве пролетариев, «не проникшихся революционной мыслью». Кроме указанного «антиреволюционного слоя» Г.В. Плеханов отмечал и другой «более широкий слой», относящийся к революционному движению «равнодушно». Без вовлечения этого слоя в борьбу говорить о новой всеобщей забастовке было бы, по его мнению, преждевременно [35, с. 6–7].

Рассматривая всеобщую Октябрьскую политическую стачку с точки зрения результативности борьбы, он отмечал, что она удалась, так как ей сочувствовала «вся Россия за исключением полиции и записных реакционеров». Для успеха же во «второй всеобщей забастовке» важно было, по мнению Плеханова, привлечение «к борьбе новых слоев пролетариата» и «сочувствия к ней непролетарских классов». В то же время декабрьская забастовка, которая привела к вооруженным восстаниям в Москве, Соромове и других местах и в которой передовые рабочие фактически выступили в одиночестве, заранее была обречена на неудачу. «А потому не нужно было и браться за оружие», — приходил к выводу Г.В. Плеханов. Таким образом, анализируя развитие самосознания рабочих России в целом, а также Москвы, Соромова, Г.В. Плеханов отмечал противоречивые процессы, происходившие в среде рабочих в ходе революции, а также называл те меры, которые могли расширить участие рабочих в революционной борьбе (в частности, использование профсоюзов) и возможность привлечения к борьбе непролетарских слоев [35, с. 8–12]. Именно эти выводы определили его отрицательную позицию и в вопросе о бойкоте 1-й Государственной думы.

Исследование взаимоотношения политических партий и рабочих центральной России нашло отражение в статьях, брошюрах, книгах, вышедших из-под пера деятелей, состоявших в революционных партиях или им сочувствовавших [17; 6; 34; 41; 1, с. 36–45; 7, с. 16–52; 8].

Исследования, предпринятые в годы революции, преследовали не столько попытку теоретического обобщения революционного опыта, сколько стремление практически его распространить на другие территории России. Поэтому в брошюрах присутствовала не только публицистика и оценки, но приводились и документы революционных организаций, публиковавшиеся в печати революционных партий тех дней [32, с. 6–8]. Давалась оцен-

ка удачных и неудачных действий революционных партий среди рабочих. Так, по мнению одного из практических работников Нижегородской организации РСДРП, декабрьской забастовки в Нижнем не ожидали, будучи уверенными, что она начнется не ранее января 1906 г. [18, с. 145]. В литературе революционных дней немало внимания теоретиков революционных партий уделялось как фракционной борьбе внутри партий [55, с. 36–61], так и борьбе между партиями за влияние на рабочих. Яркими сторонниками классовой борьбы показывали себя теоретики меньшевиков, и в то же время они фактически признавали, что часть рабочих России шла за эсерами [24, с. 46–47]. Впрочем, цель изданий теоретиков меньшевиков и эсеров носила более агитационно-пропагандистский характер в связи с той или иной политической компанией в России [23; 16; 56].

Период научного осмысления и обобщения событий революции, взаимоотношения политических партий и рабочих начинается по мере отдаления во времени бурных лет первой российской революции. Определенный вклад в обобщение и систематизацию материала по вопросу взаимоотношений политических партий и рабочих в ЦПР внесли авторы меньшевистского многотомника «Общественное движение в России в начале XX века», вышедшего в свет в 1909–1914 гг. в Петербурге. Тематически основные материалы сборника, затрагивающего интересующие нас вопросы, можно разделить на следующие части: 1) массовое движение; 2) рабочие в 1905–1907 гг.; 3) партии, их состав и проявление в массовом движении; 4) 1-я и 2-я Государственные думы.

Раскрывая картину массового движения, Е. Маевский пытался не только выделить этапы нарастания революционного движения, но и показать не гладкие, не мирные, не одинаково антисамодержавные настроения внутри этого движения. Автор показывал негативное восприятие Октябрьской забастовки городскими низами, считая, что индифферентизм превратил значительную часть этих слоев «в массу, враждебную революции». Остановившись на фактах погромных действий толпы, Е. Маевский пытался определить, против кого они направлены. Он считал, что погром 17 октября в Твери предшествовал появлению манифеста и имел направление «по преимуществу против интеллигенции». Погром 19 октября в Костроме превратился в «избиение учащихся». Аналогичными были действия толпы в Калуге 23 октября, во Владимире 18-го, Туле 20–21 октября, Ярославле, Димитрове и др. местах. Основываясь на судебных материалах, опубликованных в кадетской «Речи», автор рассматривал и социальный состав толпы, состоявший из мелких лавочников, хулиганов, ремесленников, бывших городских и сыщиков [22, с. 96–98]. Выделяя кровавый антиреволюцион-

ный погром в Иваново-Вознесенске, Е. Маевский показывал его направленность – вначале против передовых рабочих, депутатов совета, перешедший затем в еврейский погром. Основываясь на опубликованных газетами фактах, автор стремился дифференцировать рабочих, выделил пассивную «темную рабочую массу», а также «часть рабочих» которая принимала участие «в этом кровавом деле» [22, с. 103], т. е. в погроме.

С оценками приведенных Е. Маевским фактов можно согласиться, но сделанный автором крен в сторону лишь одних погромов (хотя они имели место) свести общую картину массового движения, заявленную автором в названии статьи, нельзя. Более того, указанная систематизация тенденциозна. Д. Кольцов поставил перед собой задачу ответить на вопрос: почему пролетариат остался изолированным в период революции [15, с. 185]. Этот вопрос оказался в значительной мере нераскрытым. Да и не мог быть раскрыт, так как сама постановка вопроса некорректна, о чем свидетельствуют приводимые автором факты. Автор приводит ценные сведения об участии в событиях рабочих ЦПР, о деятельности советов рабочих депутатов, стачечного комитета в Москве, противоречивой реакции рабочих Тулы на декабрьскую всеобщую забастовку 1905 г. Анализируя результаты борьбы 1905 г., Д. Кольцов проходит к следующему выводу: «В психологии рабочих происходит медленный перелом, который... разбивает создавшееся в эпоху революционного подъема идейное единство рабочего класса» [15, с. 248]. В результате – часть рабочих возлагает свои надежды на крестьянство, другие – на Государственную думу, третьи – на профсоюзы, а незначительное меньшинство думает найти удовлетворение в разных патриотических и монархических организациях.

Можно ли согласиться с выводом Д. Кольцова? Сначала – идейное единство, затем – развал класса, который деградирует, не проявляя никаких способностей к сопротивлению этому. Вывод – бездоказателен, неисторичен.

Определенным этапом в обобщении и накоплении сведений о деятельности политических партий среди рабочих ЦПР стали статьи, помещенные в пятой книге «Общественного движения в России в начале XX-го века». В сборнике даны характеристики деятельности основных общероссийских партий. В статьях, посвященных либеральным партиям [27, с. 1–85; 9, с. 161–224] рассмотрены теоретические положения либералов в рабочем вопросе. А. Мартынов считает, что центром кадетского движения до открытия I Думы служила Москва, а главной сферой влияния либералов была «среда городских обывателей из средних классов общества» [27, с. 29–30].

С привлечением источников, партийного происхождения, написана статья о народнических

партиях. В ней автор П.П. Маслов пытался определить численный состав партии эсеров, в том числе количество «организованных рабочих» в Москве и губернии, Нижегородской, Тверской, Рязанской губерниях. Вместе с тем цифру в «2028 членов партии» во Владимирской губернии П.П. Маслов считает «фантастической» не приводя, впрочем, убедительных доводов против нее [28, с. 126].

Большой фактический материал об образовании и росте политического влияния правых партий содержится в исследовании В. Левицкого. Останавливаясь на данных газет о возраставшем влиянии монархистов на рабочих Москвы, Тулы, Иваново-Вознесенска, Костромы, В. Левицкий считал опубликованные ими цифры преувеличенными. Стремясь найти объяснение этому факту, он повторял общие для меньшевистских публицистов утверждения о том, что часть рабочих не смогла понять «причин своего тяжелого положения... так как до классового самосознания не доросла» [19, с. 354, 410]. Л. Мартовым предпринято исследование социал-демократии в 1905–1907 гг. Автор затрагивает вопросы деятельности социал-демократических организаций в ЦПР весной-летом 1905 г., приводит число «организованных рабочих» в Москве, Иваново-Вознесенске, Костроме, Твери, Туле и других местах, дает расклад симпатий между большевиками и меньшевиками в ЦПР [25, с. 547, 573]. Эти материалы частично вошли в более позднее его исследование истории российской социал-демократии [26].

Следовательно, меньшевистские публицисты и историки одними из первых предприняли исследование общественных процессов, происходивших в России накануне и в период первой революции. Впервые был введен в оборот большой фактический материал из периодической печати (газет, журналов), различных партийных источников по вопросам деятельности партий среди рабочих ЦПР. Предпринята также была попытка осмыслить изменения сознания рабочих, происшедшие в связи с бурными революционными событиями в России, на основе методологии классового подхода к явлениям.

Однако меньшевики сосредоточили внимание на недостаточной зрелости российского пролетариата, согласно выводам Д. Кольцова, рабочие деградировали, разлагаясь на различные социальные группы. Е. Маевский сосредоточивал главное внимание на участии рабочих в погромах. А. Мартынов считал, что рабочий класс в ходе революции не проявил все же той степени сознательности и самостоятельности, которая давала бы право говорить о гегемонии пролетариата в истекший период.

Таким образом, уже в досоветский период с разной степенью полноты исследовались вопросы взаимоотношений политических партий и рабочих в России, в том числе в ЦПР. Партийные публицисты, исследователи пытались «по горячим следам» осмыслить громадный объем фактического мате-

риала, связанного с вовлечением рабочих в общественное движение в 1905–1907 гг., деятельность партий различных направлений в это время. Но идеологическая пристрастность не позволяла им в полной мере объективно подойти к изучаемым явлениям, подняться над конъюнктурой момента.

Обращение меньшевистских лидеров, публицистов и исследователей к трактовке общественного движения в России в начале XX в., деятельности различных партий и политического поведения рабочих в революции, несомненно, ценно, но не раскрывает в полной мере становления самосознания рабочих ЦПР, а также влияния политических партий на этот процесс в изучаемый период.

Библиографический список

1. *Алтайский Б.* Кое-что о черной сотне // Народно-социалистическое обозрение. – СПб.: Народный труд, 1906. – Вып. 2.
2. Вечерняя почта. – 1905. – 12 янв.
3. Вечерняя почта. – 1905. – 25 мая.
4. Вечерняя почта. – 1905. – 6 июня.
5. Вечерняя почта. – 1905. – 30 мая.
6. *Вологдин А.* Революционное движение в России. – СПб., 1906.
7. *Воробьев Н.* Из жизни иваново-вознесенских рабочих // Образование. – 1906. – № 3. – Отдел 2.
8. *Воробьев Н.* Стачка иваново-вознесенских рабочих 12 мая – 22 июля 1905 года // К экономическому положению рабочих в русской промышленности. – М., 1907.
9. *Дан Ф.* Союз 17 октября / Ф. Дан, Н. Череванин // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб.: Общественная польза, 1914. – Т. 3. – Кн. 5.
10. Жизнь. – 1905. – 6 дек.
11. Искра. – 1905. – 17 марта
12. Искра. – 1905. – 1 мая.
13. Искра. – 1905. – 15 мая.
14. Искра. – 1905. – 1 июня.
15. *Кольцов Д.* Рабочие в 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX-го века. – СПб.: Общественная польза, 1910.
16. *Кричевский Б.* Восемичасовой рабочий день. – СПб.: Колокол, 1906.
17. *Кропоткин П.* Революция в России. – СПб.: Эхо, 1906.
18. *Лебедев П.* Красные дни в Нижнем Новгороде // Былое. – 1907. – № 5.
19. *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб.: Общественная польза, 1914. – Т. 3. – Кн. 5.
20. *Ленин В.И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. – М.: Полит. лит., 1981. – Т. 41.
21. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М.: Полит. лит., 1967. – Т. 2.
30. *Маевский Евг.* Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX-го века. – СПб.: Общественная польза, 1910. – Ч. 1.
31. *Мартов Л.* Политические партии в России. – М.: Новый мир, 1906.
32. *Мартов Л.* Социалисты-революционеры и пролетарий. – СПб., 1907.
33. *Мартов Л.* Социал-демократия 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб.: Общественная польза, 1914. – Т. 3. – Кн. 5.
34. *Мартов Л.* История российской социал-демократии. – Пг.; М., 1918.
35. *Мартынов А.* Конституционно-демократическая Партия // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб.: Общественная польза, 1914. – Т. 3. – Кн. 5.
36. *Маслов П.П.* Народнические партии // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб.: Общественная польза, 1914. – Т. 3. – Кн. 5.
37. *Милуков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. – СПб.: Общественная польза, 1907.
38. Минин. – 1906. – 15 окт.
39. Минин. – 1906. – 19 окт.
40. Москва в декабре 1905 года. – М., 1906.
41. Московские ведомости. – 1905. – 22 апр.
42. *Ольминский М.* Памяти погибших. – СПб., 1907.
43. *Плеханов Г.В.* Сочинения. – М.: Гос. издат., 1925. – Т. 15.
44. *Плеханов Г.В.* Сочинения. – М.: Гос. издат., 1925. – Т. 13.
45. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОС-СПЭН, 1996.
46. Право. – 1905. – 18 дек.
47. Право. – 1905. – 24 дек.
48. Право. – 1905. – 31 окт;
49. *Рожков Н.* Судьбы русской революции. – СПб.: Книгоиздательство ВЕК, 1907.
50. Русские ведомости. – 1905. – 6 июня.
51. Русские ведомости. – 1905. – 15 июня.
52. Русские ведомости. – 1905. – 17 июня.
53. Русский Народ. – 1906. – 23 апр.
54. Русский Народ. – 1906. – 3 сент.
55. Русский Народ. – 1906. – 15 сент.
56. Русское Знамя. – 1905. – 27 нояб.
57. Русское Знамя. – 1905. – 11 дек.
58. Северный край. – 1905. – 17 июня.
59. *Струве П.Б.* В последнюю минуту // Полярная звезда. – 1905. – № 1.
60. *Тихомиров Л.* Гражданин и пролетарий. Социально-политические очерки. Очерк 1. – М.: Университетская типография, 1907.
61. *Тихомиров Л.* Рабочий вопрос и русские идеалы. – М.: Университетская типография, 1902.
62. *Трубецкой Гр.* Московские декабрьские дни // Полярная звезда. – 1905. – 22 дек.
63. *Чернов В.* Анархизм и программа минимума // Сознательная Россия. – СПб., 1906. – № 4.
64. *Чернов В.М.* Пролетариат и трудовое крестьянство. – М.: Новое товарищество, 1906.
65. *Штильман Г.Н.* Революция и вооруженное восстание // Полярная звезда. – 1905. – № 5.

**БЕЖЕНЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ, КОСТРОМСКОЙ
И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматриваются вопросы эвакуации, регистрации, размещения, организации первичной помощи, трудоустройства и социальной адаптации беженцев и вынужденных переселенцев из районов боевых действий в годы Первой мировой войны. Обобщаются статистические данные о количестве и национальном составе перемещенных во Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии жителей западных и юго-западных регионов Российской Империи. Показываются процессы формирования и деятельности государственной системы обеспечения нужд беженцев, роль местных органов власти, общественных организаций и частных лиц в деле помощи этой категории вынужденных мигрантов. На основании данных государственных архивов Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей, опубликованных документов, материалов центральных, губернских и уездных газет и журналов, воспоминаний современников приводятся примеры отношения широких масс населения Верхневолжского региона к проблемам беженцев.

В статье делается вывод о том, что явление «беженства» возникло именно в результате участия Российской империи в боевых действиях периода 1914–1917 годов; оно стало массовым летом – осенью 1915 года в связи с так называемым «Великим отступлением» русских армий на Западном и Юго-Западном стратегических направлениях и не без участия военных и административных властей прифронтовых регионов. Особое внимание уделено истории принятия законодательных актов военного времени, имевших особое значение для беженцев и нуждающихся в помощи пострадавших от военных действий: «Положению о комитете Ее Императорского Высочества Великой Княгини Татьяны Николаевны», закону «Об обеспечении нужд беженцев» и «Руководящим положениям по устройству беженцев».

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, российская провинция, земские союзы, социальная помощь, благотворительность.

Обстановка, сложившаяся на Германско-Австрийско-Российском фронте летом 1915 года в результате так называемого «Великого отступления» русских армий, породила в уже гораздо больших, чем в начале войны, объемах как добровольное бегство, так и принудительное переселение десятков и сотен тысяч жителей западных губерний в центральные и восточные регионы Российской Империи. Под влиянием сопровождавшегося тяжелыми боями отступления у военного руководства страны сформировалось мнение о том, что большая часть населения западных и юго-западных областей окажется «на оккупированной территории, где их могут заставить пойти на военную службу, выдать сведения о русской армии, участвовать в шпионских операциях или даже просто снабжать вражескую армию продовольствием» [20, с. 158]. Подходы к решению вопросов выселения местного населения из предполагаемых районов оккупации у военных и гражданских администраций в течение 1915 года неоднократно менялись, и только 4 августа по инициативе Ставки Верховного Главнокомандующего «состоялось решение центральных властей о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии Империи для разгрузки прифронтовой местности от избыточного населения и предоставления ему более действенной помощи в условиях тылового проживания» [18, с. 134]. С этого времени на восток двинулись формируемые местными органами власти беженские обозы во главе с представителями сельских администраций и духовенства. В пути следования для беженцев были

организованы пункты питания, выдавался «сухой паек» и корм для скота, нуждающимся оказывалась медицинская помощь, предоставлялся ночлег [19, с. 103–104].

В течение первого года войны центральным органом по защите беженцев в России являлся образованный 14 сентября 1914 года Комитет под председательством Великой Княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский Комитет). С момента создания комитет функционировал при поддержке правительства, получая государственные субсидии, также определенную часть денежных средств давали частные взносы и сборы пожертвований. В условиях многократного роста числа беженцев и массы возникших проблем с их эвакуацией и размещением правительство было вынуждено принять специальный «Закон об обеспечении нужд беженцев», который в общеимперском формате предусматривал выделение в 1915 году 25 млн. рублей на «беззамедлительное удовлетворение настоятельных нужд беженцев» и учреждал под председательством министра внутренних дел Особое Собрание по устройству беженцев. В губернских масштабах закон возлагал «местное попечение о беженцах и их дальнейшей судьбе... на земские учреждения и городские общественные управления» [25, с. 11–14].

Власти, общественные организации и население Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в середине лета 1915 года в большинстве своем проявляли искреннее участие к судьбам беженцев. Газета «Старый Владимирец», например, писала: «...волна беженцев докатывается и до нас.

Скоро они будут стучаться и в двери нашей Владимирской губернии. Надо будет незамедлительно раскрыть двери и приютить их у себя... Это дело должны безотлагательно взять в свои руки местная администрация, земства и городское самоуправление» [26]. Владимирское Губернское Земское собрание 5 сентября 1915 года постановило дело помощи беженцам поручить образованному Губернскому Комитету, который на своем заседании совместно с представителями городов определил план первоочередных мероприятий и составил смету предстоящих расходов. Всего к началу октября 1915 года для помощи беженцам в Комитет «поступило 56 тыс. руб. (31 тыс. от Всероссийского Земского Союза и 25 тыс. от Губ. земства)» [30, с. 133]. В Ярославской губернии 28 июля и 21 августа 1915 года были образованы Городской Комитет и Губернская Комиссия помощи беженцам [13, л. 1 об.] Аналогичные органы были созданы в Рыбинске и Ростове [14, л. 1].

25–26 сентября в Костроме состоялось заседание Губернского Земского Комитета с участием общественности городов, уездов и кооперативных обществ, где «в срочном порядке был образован Губернский Объединенный Комитет по устройству беженцев» [1, с. 271]. На заседании были проанализированы возможности размещения беженцев в губернии на постоянной основе. Предварительные расчеты уездных руководителей и специалистов показывали, что Галичский уезд мог принять 2 тыс. человек, Буйский и Юрьевоцкий – по 1 тыс., Кинешемский и Костромской – по 4 тыс., Нерехтский – 2 тыс. и Макарьевский – 3,5 тыс. беженцев. Общее число прибывших в губернию могло составить не менее 17,5 тысяч человек [7, л. 5 об. – 6].

Во второй половине 1915 года вынужденные переселенцы из западных областей России были размещены также и в промышленных центрах Владимирской губернии – городах Иваново-Вознесенске и Шуе. Порядок прибытия, регистрации, расселения и содержания беженцев в этих городах в общих чертах совпадал с установившимся в других городах и уездах Верхневолжских губерний. Так, в Иваново-Вознесенске «распределение беженцев, продовольственная и врачебная помощь им оказывалась в едином санитарно-питательном пункте», расположенном в частном доме [3, с. 390]. Для оборудования пункта понадобились денежные средства в размере 1332 рублей [5, л. 473]. Проблема последующего расселения беженцев решалась путем выдачи так называемых «квартирных пайков», которые в течение сентября – декабря 1915 года получили 843 беженца, а их сумма составила 1246 рублей [6, л. 492]. В Шую было направлено гораздо меньшее количество беженцев, чем в Иваново-Вознесенск, чем и объяснялись определенные различия в порядке размещения и обеспечения беженцев.

Такой многогранный вопрос, как доставка, размещение и содержание десятков тысяч напуганных, озлобленных, голодных и часто больных людей, требовал постоянной многоуровневой отчетности. В начале октября 1915 года Главный Отдел по устройству беженцев просил губернские комитеты «каждые пять дней сообщать телеграммой (Москва – Собеж): 1) сколько беженцев и в какие железнодорожные пункты прибыло за истекшие пять суток; 2) какое количество беженцев и в какие железнодорожные пункты может быть направлено в течение ближайших пяти суток» [8, л. б/н]. Таким образом, расположенные в Верхневолжском регионе губернии в полном объеме испытали всю тяжесть ситуации, при которой «тысячи людей совершенно разорены, нищие в полном смысле слова, старики, женщины и дети, босые, почти раздетые требуют о себе заботы общества и общественных организаций» [16, с. 228].

Основные направления деятельности Губернских Комитетов и Комиссий заключались в следующем: «...выработка общего плана помощи беженцам в губернии, заведование приемом и расселением беженцев по уездам, распределение денежных средств, полученных от казны и других источников, между уездными организациями. Главной заботой являлось обеспечение беженцев средствами к жизни (жилье, питание, работа)» [24, с. 93]. В состав комитетов избирались представители национальных организаций, органов власти, земств и других слоев провинциального общества. Из числа членов комитетов образовывались комиссии, призванные решать определенные задачи: регистрация прибывающих беженцев, поиск помещений для расселения, организация санитарного и медицинского обслуживания, трудоустройство, распределение денежных средств и т.п. [13, л. 20].

Главная проблема комитетов и комиссий всех уровней заключалась, безусловно, в расселении людей, число которых летом-осенью 1915 года увеличивалось от месяца к месяцу. Как известно, массовое движение беженцев в тыловые регионы России, обозначив свой максимум в сентябре-октябре, завершилось в ноябре-декабре 1915 года. «К середине сентября 1915 года “в различных губерниях находилось около 750 тыс. беженцев”, включая всех прибывших в тыл с начала войны. В следующие 3,5 месяца только маршрутные поезда вывезли на восток свыше 2 млн. человек» [18, с. 135]. Следует также отметить, что «за вторую половину 1915 года в порядке организованной эвакуации объектов государственного значения вывезли в тыловые губернии примерно 4000 учреждений и учебных заведений, заводов и фабрик, монастырей и т.д.» [18, с. 136]. Так, за июль 1915 года в Ярославскую губернию прибыли 887 беженцев, к 1 сентября их насчитывалось 4000, а к 1 октября – уже 6325 человек [13, л. 70]. К концу ноября

1915 года в Ярославле было поставлено на учет свыше 10175 беженцев [21, с. 3].

Решение жилищных проблем беженцев Губернские и Городские Комитеты пытались найти в организации убежищ-общежитий казарменного типа, в каждом из которых размещалось от 20 до 400 человек по национальному признаку. При общежитиях создавались кухни, занимавшиеся приготовлением обедов, стоимость которых не превышала 15 копеек в день на человека. Те из беженцев, кому удавалось поселиться на частных квартирах, получали ежедневный продовольственный паек, размер которого не превышал 20 копеек. В планах беженских комитетов подчеркивалось, что эти средства выдавались с целью не «совершенно обеспечить беженца, а только поддержать его до приискания себе заработка» [13, л. 2 об.].

Не менее остро стоял вопрос с трудоустройством беженцев. Комиссии по трудоустройству Городских Комитетов помощи проводили большую работу по отысканию вакансий на заводах и фабриках, в организациях и учреждениях губерний с тем, чтобы привлечь к трудовой деятельности сотни и тысячи прибывавших. В основном, на предприятиях были востребованы рабочие профессии – строителей, металлообработчиков, пильщиков леса, портных и чернорабочих. Однако, как оказалось впоследствии, активное внедрение беженцев в производственную жизнь городов и уездов «вызывало определенное раздражение в местной рабочей среде»: беженцы «предлагают свой труд за половину той цены, за которую местные рабочие раньше беженцев подрадились выполнять ту или иную работу, вследствие чего коренные рабочие бывают поставлены в необходимость – или работать на таких же условиях, как беженцы, или же приискивать работу в других местах» [17, с. 332].

Костромским Губернским Комитетом помощи беженцам для организации правильного учета перемещения беженцев было принято решение «снабжать каждую семью так называемым билетом беженца» [9, л. 74]. Это позволило в некоторой степени упорядочить систему выдачи денежной и товарной помощи, ввести учет раздаточных ведомостей, в которые заносились сведения о прежнем месте жительства беженца, его персональные данные, размер и сроки выдачи пособий [9, л. 96]. Размер денежного пособия определялся количеством членов семьи беженца, их доходами и составлял:

- «1. Продовольственный паек по 20 коп. на человека в день.
2. Квартирное довольствие по 5 коп. на человека в день.
3. Стирка белья, баня, мыло в целях профилактики по 30 коп. на человека в месяц.
4. Врачебная помощь по 50 коп. на человека в месяц.
5. Удовлетворение образовательных нужд по 50 коп. в месяц на детей» [10, л. 14].

Одним из главных моментов в своей работе беженские комитеты считали привлечение к делу оказания помощи нуждающимся общественности городов и уездов, широких слоев населения. Через печать информация о предстоящих мероприятиях доводилась до жителей, на страницах губернских и уездных газет печатались результаты проводимых благотворительных акций. Так, «Поволжский вестник» сообщал о том, что «в четверг 1 октября городским комитетом о беженцах был устроен фургонный сбор вещей в пользу беженцев, причем в обращение были пущены для денежных пожертвований также и кружки. Подсчет пока не закончен, но приблизительно в 29 кружках... собрано около 500 рублей» [22]. По информации газеты, в последующие дни распределением собранных вещей занималась вокзальная комиссия комитета, причем большая часть одежды и обуви была выдана вновь поступающим беженцам, поскольку «прибывающие из Волынской и Гродненской губ. беженцы, в особенности дети, буквально раздеты и потому устроенный Комитетом сбор вещей был вполне своевременным». Собранные «кружечные» деньги комиссия намеревалась потратить на покупку валеных сапог [23].

Общественностью губернских и уездных городов уделялось внимание организации благотворительных спектаклей и концертов в пользу беженцев. «Музыкально-драматический кружок Т-ва БКЛМ намеревается в ближайшее воскресенье дать в Волжском саду спектакль, весь доход с которого поступит в пользу беженцев», – такие объявления были нередки в неофициальных разделах выходивших в Костроме газет [2, с. 79]. В рапорте от 2 декабря 1915 года Нерехтский уездный исправник представлял костромскому губернатору «...отчет по спектаклю, данному 22 Ноября в селе Середи в училищном зале при фабрике Т-ва М-р, основанных И.И. Скворцовым, в пользу местных беженцев и квитанции... в приеме вырученной суммы 115 р. 20 копеек» [11, л. 482]. «В городе Вязники Владимирской губернии проведенный силами местного драмкружка спектакль в пользу беженцев дал 486 р. 73 к. чистой прибыли», – сообщал «Старый Владимирец» в сентябре [27], а позднее – газета информировала о том, что в пользу детей-беженцев «Общество детской помощи» поставило в театре «Амбир» 5 сентября 1915 года спектакль – феерическую сказку «Аленький цветочек», выручка от которого составила 200 рублей [28].

Еще одной проблемой, с которой столкнулись и организаторы помощи, и, в первую очередь, сами беженцы, стала проблема психологической адаптации прибывших в Верхневолжские губернии «западников» к «...иной этнической, языковой и культурно-бытовой среде» [24, с. 95]. Так, в ярославском Городском Комитете помощи беженцам отмечали, что «первое время беженец в чужом и

чуждом по национальности городе совершенно чувствует себя растерянным, часто не зная даже русского языка» [13, л. 2]. В этой связи в органах помощи разных уровней было заявлено о необходимости сохранения у беженцев национальной самобытности, поддержки у них чувства собственного достоинства и самоуважения. Непосредственная забота о духовных, культурных и образовательных потребностях беженцев возлагалась на региональные отделения национальных обществ и благотворительных организаций, деятельность которых имела всероссийский охват и смягчала недостатки государственной системы помощи беженцам. В Ярославле, например, к концу 1915 года «для беженцев были открыты школьные комплекты: 3 русских, 2 польских, 3 латышских, 2 литовских, 4 еврейских, а всего 14 комплектов, в которых обучалось до 600 детей беженцев» [24, с. 95]. В Заволжском районе Костромы, где проживало большинство из осевших в городе латышей, была открыта школа с преподаванием латышского языка, а Литовское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны «организовало шитье белья и обуви для беженцев, открыло дешевую столовую и приют для детей беженцев с сапожной и столярной мастерской» [1, с. 273]. Членами национальных обществ в пользу различных категорий беженцев проводились культурные мероприятия, о чем свидетельствует, например, следующее объявление: «Правление Литовского общества просит не отказывать в любезности выставить на видном месте прилагаемое объявление об устраиваемом 26 ноября спектакле в пользу детей-сирот, призываемых в приютах» [12, лл. 18–19]. Во Владимире в сентябре 1915 года «были открыты ясли и детский сад на 30–40 детей. Начал работу приют на 100 детей в помещении 2-го высшего начального училища. Польский комитет на свои средства открыл приют на 20 детей... Для бедных ребят-беженцев была открыта школа на 50 человек в доме учительского общежития» [30, с. 134].

По состоянию на 1 декабря 1915 года во Владимирской губернии находилось 22090 беженцев, в том числе 7011 человек, поселившихся в городах. Непосредственно во Владимире поселились 2054 человека, в том числе 899 поляков, 233 еврея, 45 латышей и 4 человека татарской национальности [4, л. 141–144]. Распределение беженцев по уездам носило неравномерный характер: если в Ковровском, Владимирском, Шуйском и Покровском уездах расселились 4454, 3750, 3743 и 3127 человек, то в Судогодском, Юрьевском и Суздальском – зарегистрировались всего 137, 135 и 8 человек. Такие различия в расселении беженцев объяснялись тем, что «главная волна беженцев шла по Нижегородской железной дороге и основная масса поселилась в уездах, которые обслуживаются этой дорогой. По Северной железной дороге волна шла

меньше, поэтому уезды по этой дороге менее заселены, а уезды, отстоящие от железной дороги, вообще практически не коснулось движение беженцев» [29].

Объем работ, выполненный губернскими учреждениями Костромы совместно с общественностью, позволил к началу 1916 года в основном решить вопросы регистрации, расселения, выдачи пособий и оказания медицинской помощи 13178 беженцам [7, л. б/н]. Под покровительством национальных организаций и обществ, действовавших в Костромской губернии, – Польского, Западно-Русского, Литовского, Латышского и Еврейского – находились 8968 человек [7, л. б/н]. В Ярославской губернии, по данным на 1 марта 1916 года, находилось 33616 беженцев, из которых 20800 человек проживали в городах и 12816 – в уездах [15, л. 50 – 50 об.].

Таким образом, во второй половине 1915 года в России в целом, и в Верхневолжских губерниях в частности, был проведен большой объем работ по размещению населения, эвакуированного из западных областей, ставших театром военных действий. В этот период начала складываться система государственных и общественных органов помощи беженцам, организационное оформление получили приоритеты органов власти в этом вопросе. Практическая реализация принятых законов и намеченных программ легла на плечи губернских, городских и уездных «беженских» организаций и напрямую зависела как от размеров финансовой поддержки органов государственной власти, так и от уровня развития социальной инфраструктуры и кадровой политики в регионах.

Библиографический список

1. Басов Н.Ф., Аристова О.А. Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – Т. 14. – № 3. – С. 270–274.
2. Бердова О.В. Благотворительность и социальная помощь в Костромской губернии (XIX – нач. XX в.). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 318 с.
3. Бутрин Е.С. Беженцы в Шуге и Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны // Государство, общество и церковь в истории России XX века: материалы XIII междунар. науч. конф.; Иваново, 12–13 марта 2014 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – С. 389–398.
4. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 981. – Оп. 1. – Д. 83.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5499.
6. ГАИО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 4499.
7. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. 1026. – Оп. 1. – Д. 2.

8. ГАКО. – Ф. 1026. – Оп. 1. – Д. 116.
9. ГАКО. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 290.
10. ГАКО. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 292.
11. ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 2. – Т. 9. – Д. 12526.
12. ГАКО. – Ф. 1026. – Оп. 1. – Д. 93.
13. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 1738.
14. ГАЯО. – Ф. 485. – Оп. 1. – Д. 1183.
15. ГАЯО. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. 5215.
16. Журналы Костромской городской думы за 1915 год. – Кострома: Типография А.С. Азерского, 1916.
17. *Кищенков М.С.* Европейские диаспоры в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник (Гуманитарные науки). – 2001. – № 1. – С. 329–333.
18. *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 129–146.
19. *Курцев А.Н.* Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 99–113.
20. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны: пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 304 с.
21. Обзор деятельности Ярославского Городского Комитета помощи беженцам по 27 ноября 1915 года. – Ярославль, 1915.
22. Поволжский вестник. – 1915 год. – № 2708. – 3 октября.
23. Поволжский вестник. – 1915 год. – № 2719. – 16 октября.
24. *Попинова М.В.* Организация помощи беженцам Первой мировой войны (на примере деятельности Ярославского Городского Комитета помощи беженцам) // Народ, политика, власть в истории России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г.Н. Кочешкова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2000. – С. 91–97.
25. Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. – Ярославль: Типография Губернского правления, 1916.
26. Старый Владимирец. – 1915 год. – № 165. – 2 августа.
27. Старый Владимирец. – 1915 год. – № 190. – 4 сентября.
28. Старый Владимирец. – 1915 год. – № 206. – 25 сентября.
29. Старый Владимирец. – 1915 год. – № 272. – 16 декабря.
30. *Суслина О.Н.* Беженцы в г. Владимире в годы Первой мировой войны // Материалы областной краеведческой конференции «Город Владимир. Век XX (2 апреля 2001 года)». – Владимир, 2002.

РЫБИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 Г.

В статье рассматриваются подготовка и ход антибольшевистского восстания, организованного в июле 1918 г. в Рыбинске Союзом защиты Родины и свободы под руководством Б.В. Савинкова. Рыбинск занимал особое место в планах Союза защиты Родины и свободы благодаря своему географическому положению, а также наличию в городе крупных артиллерийских запасов. Подготовка восстания способствовала и нестабильная общественно-политическая обстановка, сохранявшаяся в Рыбинске в конце 1917 – первой половине 1918 гг., вследствие чего процесс установления власти большевиков протекал сложно, встречая активное сопротивление меньшевиков и эсеров. Советским работникам Рыбинска удалось раскрыть план готовившегося вооруженного выступления. В силу этого почти все отряды повстанцев были заблокированы. Тем не менее отряд, которым командовал Б.В. Савинков, поднял восстание 8 июля 1918 г. Восстание было разгромлено рабочими отрядами и латышскими стрелками. Провал антибольшевистского выступления в Рыбинске стал одной из причин поражения восстания, поднятого в Ярославле под руководством полковника А.П. Перхурова. Участники восстания в Ярославле не получили подкрепления из Рыбинска, на которое рассчитывали. В конечном итоге это повлияло на крушение планов Союза защиты Родины и свободы по свержению власти большевиков, опираясь на восставшие против Советов города.

Ключевые слова: Союз защиты Родины и свободы, Б.В. Савинков, Рыбинск, восстание, большевики, меньшевики, эсеры.

Одним из малоизученных эпизодов начала Гражданской войны в России является антибольшевистское восстание 8 июля 1918 г. в Рыбинске. Этому событию исследователями почти не уделялось внимания. В то же время, несмотря на свой локальный характер, Рыбинское восстание имело тесную связь с другими вооруженными выступлениями против советской власти (прежде всего, ярославским мятежом), а его подавление оказало влияние на дальнейший ход Гражданской войны в Верхнем Поволжье.

Восстание в Рыбинске являлось частью плана антисоветских выступлений, готовившихся Союзом защиты Родины и свободы под руководством Б.В. Савинкова. Союз намеревался поднять восстания в Рыбинске, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Ростове, Муроме и других городах. Савинков стремился отрезать Москву от Архангельска, где в начале июля 1918 г. ожидалась высадка англо-французского десанта. Предполагалось окружить столицу восставшими городами, пользуясь поддержкой союзников и чехословацкого корпуса. При этом Рыбинску придавалось особое значение.

Рыбинск, крупный портовый город на Верхней Волге, соединенный железной дорогой с Москвой и Петроградом, был важным пунктом стратегического плана Союза защиты Родины и свободы. «Весь план восстания был основан на захвате Рыбинска и находящихся в нем огромных артиллерийских запасов, – отмечал член Союза А.А. Дикгоф-Деренталь. – Ярославско-Рыбинское выступления организационно были тесно связаны одно с другим и одно без другого теряли самостоятельное значение» [5, с. 148]. При этом успех восстания в Рыбинске казался членам Союза обеспеченным [12, с. 507]. Анализируя значение Ярославля и Рыбинска в стратегическом плане Союза, Б.В. Савинков отмечал: «Я не очень надеялся на удачное восста-

ние в Ярославле и почти был уверен, что зато мы без особого труда овладеем Рыбинском. <...> Нам было важнее овладеть Рыбинском, чем Ярославлем. В Рыбинске было много артиллерии и снарядов. В Ярославле не было почти ничего. С другой стороны, в Рыбинске наше тайное общество насчитывало до 400 человек отборных офицеров, кадровых и военного времени, большевицкий же гарнизон был немногочисленный. В Ярославле соотношение сил было гораздо хуже. Организация была качественно слабее, чем в Рыбинске, а большевицких частей было больше. Чтобы увеличить наши ярославские силы, я распорядился послать из Москвы несколько сот человек в Ярославль. Полковник Перхуров имел задачей овладеть Ярославлем, держаться до прихода артиллерии, которую мы должны были ему подвезти из Рыбинска.

Как это часто бывает, произошло как раз обратное тому, что мы ждали. В Рыбинске восстание было раздавлено, а в Ярославле оно увенчалось успехом» [9, с. 21].

Полковник А.П. Перхуров, руководитель ярославского восстания, в своих воспоминаниях также отмечал, что «уверенность в успехе рыбинского выступления... была полная» [13, с. 51].

Непосредственной подготовкой восстания в Рыбинске занимался сам Б.В. Савинков. Местное отделение Союза возглавлял назначенный Савинковым Ф.А. Бреде (Бредис). В самом восстании Бреде, однако, не участвовал, будучи накануне арестован чекистами в Москве [12, с. 598]. По оценке полковника А.П. Перхурова, рыбинское отделение Союза было вторым по силе после московской организации [12, с. 282].

Штаб рыбинской организации поддерживал связь с отделением Союза в Ярославле [12, л. 1].

Первоначально в своих планах заговорщики намеревались захватить именно Рыбинск, а по-

том и Ярославль, поскольку в Рыбинске имелись артиллерийские склады, тогда как в Ярославле артиллерия отсутствовала. Чтобы удержать Ярославль до ожидавшегося прихода иностранного десанта, участникам восстания необходимо было не только взять Рыбинск, но и укрепиться там. В Рыбинске были сосредоточены запасы снарядов, патронов и обмундирования для 6-й Красной Армии Северо-Западного фронта. Председатель исполкома Ярославского губсовета рабочих и солдатских депутатов С.М. Нахимсон подчеркивал: «Рыбинск имеет огромное значение вследствие того, что тут основная база всего артиллерийского имущества и снаряжения всех армий Северного фронта. Оружием этой базы в случае ее захвата можно вооружить белую армию половины России» [6, с. 198].

По данным участника ярославского мятежа К. Гоппера, команда и офицеры, обслуживавшие артиллерию Рыбинска, были настроены против большевиков; более того, некоторые из них были членами Союза защиты Родины и свободы [12, с. 507].

Представляется, что помимо стратегического положения Рыбинска и наличия в городе значительных запасов оружия члены Союза могли учитывать нестабильную общественно-политическую обстановку, сохранявшуюся в Рыбинске в конце 1917 – первой половине 1918 гг.

В Рыбинске процесс прихода большевиков к власти шел напряженно, встречая активное сопротивление меньшевиков и эсеров. Имевший большинство в Рыбинском Совете, эсеры и меньшевики дважды, 30 октября и 2 ноября 1917 г., добивались принятия резолюций, осуждавших большевиков за захват власти и требовавших формирования органов власти из числа представителей всех социалистических партий. На крестьянском Совете в Рыбинске, состоявшемся 4 ноября 1917 г., эсеры выступили с осуждением «насилия большевиков», высказывались против ареста Временного правительства.

23 января 1918 г. исполком Рыбинского совета рабочих и солдатских депутатов отправил срочную телеграмму в Петроград, в политический отдел при Верховной морской коллегии: «Во имя революции немедленно дать отряд матросов для ликвидации беспорядков, представляющих угрозу советской власти в Рыбинске». 26 января 1918 г. по указанию Н.И. Подвойского из Петрограда в Рыбинск был направлен отряд матросов Балтийского флота в количестве 106 человек во главе с председателем Военно-морского революционного комитета И.И. Вахрамеевым. Отряд разогнал городскую думу и земскую управу. На улицах города выставили патрули с заданием: не допускать никаких скоплений людей, арестовывать всех подозрительных и оказывающих сопротивление. В купеческих домах и на волжских баржах провели обыски и реквизировали в пользу города обнаруженные запасы зерна.

Совет рабочих и солдатских депутатов, большинство в котором составляли меньшевики и эсеры, был распущен. Расформирован был и находившийся в городе полк тяжелой артиллерии. В феврале 1918 г. были проведены перевыборы Совета. В новый Рыбинский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вошли только большевики и левые эсеры. 2 марта 1918 г. новый Совет начал свою работу [6, с. 193–195].

В марте 1918 г., как отмечалось в печати, в Рыбинске «в продовольственный отдел явилась толпа крестьян из близлежащих деревень с требованием немедленной выдачи хлеба. Избили некоторых членов Совета. Красной Армией была применена сила <...> началась перестрелка, закончившаяся поздно вечером» [8, с. 177].

2 апреля 1918 г. в Рыбинске произошло выступление крестьянства окрестных деревень и части горожан против местного Совета. Инцидент возник на почве продовольственного кризиса. Выступлению способствовала агитация правых эсеров и меньшевиков. Оно было подавлено отрядом латышских стрелков [1, с. 42].

В мае – июне 1918 г. в Рыбинске сохранялась напряженная обстановка. Под руководством большевиков В.К. Желобова, П.И. Голышкова, Н.П. Кустова и других большевистская партийная организация приняла меры к укреплению связей с массами и усилению агитационной работы. Опорой советской власти в Рыбинске были латышские стрелки и другие военные подразделения [1, с. 98]. Ввиду частых антибольшевистских выступлений Рыбинский Совет 12 июня 1918 г. ввел в городе военное положение [2, л. 25]. 2 июля Совет опубликовал воззвание ко всем гражданам города и уезда, в котором призывал поддерживать и укреплять советскую власть. Воинские части Рыбинска были приведены в боевую готовность, склады, фабрики и заводы охранялись рабочими, коммунистами и членами местной ЧК. Обо всех подозрительных происшествиях гражданам предлагалось сообщать в соответствующие комиссариаты [3, л. 87]. Кроме команды латышских стрелков и других частей гарнизона в Рыбинске был размещен и особый караульный батальон численностью в 576 человек [1, с. 98]. Эти меры позволили большевикам предотвратить крупное восстание.

Под руководством Н.П. Кустова чекистам удалось раскрыть план готовящегося выступления. За несколько часов до восстания чекисты арестовали в селе Ивановском, близ Рыбинска, группу вооруженных заговорщиков. В ходе операции в руки чекистов попали секретные документы участников подготовки восстания. В документах определялась дата начала выступления – 8 июля (3 часа утра), и был составлен подробный план предполагаемых действий. План включал следующие пункты: занять артсклады, караульное помещение, почту, те-

леграф, телефон, банк и железнодорожный вокзал, разгромить Совдеп и ЧК, арестовать руководителей большевистской организации и Союза молодежи «III Интернационал» [6, с. 201].

Б. Савинков предполагал, что большевиков Рыбинска кто-то предупредил о готовящемся восстании [12, с. 364].

Немедленно после раскрытия плана восстания все советские воинские части Рыбинска были подняты по тревоге и приведены в полную боевую готовность. Почти все отряды восставших оказались заблокированными в местах сбора. По этой причине они так и не смогли развернуться для наступления. Однако отряд, которым руководил лично Борис Савинков, в 3 часа утра 8 июля поднял в городе восстание. Вначале восставшим удалось захватить военные казармы (Мыркинские) и расположенные при них склады. Находившиеся в казармах красноармейцы сдались без боя. В казармах было захвачено пять пулеметов, винтовки и патроны к ним. Восставшие расставили пулеметы по улицам Мологской, Мышкинской, Ивановской и Крестовой, захватили здание бывшего коммерческого училища и двинулись к артиллерийским складам, но были остановлены ружейным и пулеметным огнем [6, с. 202]. Латышские стрелки и рабочие отряды вступили в бой с повстанцами. Часть отряда, с которой шел и сам Савинков, отошла к железнодорожному вокзалу, где снова пришлось вступить в бой, в ходе которого было убито четыре офицера. Однако отряду Савинкова удалось вырваться из окружения. Через несколько часов восставшие отступили за Волгу. Отступая, восставшие бросали карабины, винтовки и пулеметы [3, л. 78]. При этом, как сообщалось в донесениях из Рыбинска, непосредственное участие в восстании приняло всего около 70 человек [12, с. 71]. Б. Савинков вместе с секретарем Ф. Клепиковым и А. Дикгоф-Деренталем бежали из Рыбинска [4, с. 72].

Для Б. Савинкова неудача выступления в Рыбинске означала провал всего плана Союза защиты Родины и свободы. Савинков направил офицера в Ярославль, чтобы передать А.П. Перхурову свое мнение о бесперспективности восстания в Ярославле, однако офицер не смог доставить сообщение [12, с. 424].

Быстрая ликвидация восстания в Рыбинске объяснялась принятием местной ЧК и партийной организацией ряда мер предосторожности. Об этом свидетельствует доклад члена Военно-революционного комитета Вичина из Рыбинска, представленный в Реввоенсовет республики, о мятеже в городе (от 9 июля 1918 г.): «Вчера, в третьем часу ночи, выступили белогвардейцы... Достали значительное количество оружия и, воспользовавшись тем, что наши войска отправлены в Ярославль для подавления восстания белогвардейских банд, начали забирать город. Была сильная пулеметная и ору-

жейная пальба до 12 часов дня примерно. Наконец, усилиями оставшейся части латышских стрелков, железнодорожников, партийных работников, вооружившихся, удалось белогвардейцев прогнать за Волгу и частью к Мологе по шоссе. Причем нами было отбито много оружия. В настоящее время спокойно, и лишь изредка раздаются выстрелы из окон. Есть сведения, что отступающие белогвардейцы организуются и собираются на сегодня ночью. Мы все на чеку...» [9].

10 июля из Рыбинска в Москву телеграфировали, что в городе все спокойно: «Выступление белогвардейцев, не поддержанное населением, быстро подавлено, – сообщали газеты. – Захваченных мятежников расстреливают. В городе наступает успокоение» [7]. После подавления восстания на буржуазию Рыбинска была наложена контрибуция в размере 5 млн рублей [2, с. 87].

Таким образом, восстание оказалось подавлено в зародыше. Местные советские работники, приняв энергичные меры в борьбе с противником, сумели предотвратить крупное выступление. В то же время поражению восстания способствовала слабая согласованность действий отдельных организаций савинковского Союза. Поднятые им восстания возникали и гасли поодиночке.

Вместе с тем провал антибольшевистского выступления в Рыбинске способствовал поражению восстания, поднятого в Ярославле. Ярославские повстанцы не получили подкрепления из Рыбинска, на которое рассчитывали. В конечном итоге это привело к крушению плана Союза защиты Родины и свободы окружить Москву кольцом фронтов и добиться свержения советской власти.

Библиографический список

1. *Балашов Р.В.* Пламя над Волгой (ликвидация белогвард. мятежа в Ярославле летом 1918 г.) / под общ. ред. В.Т. Андреева. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 131, [2] с.
2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) – Рыбинский филиал. – Ф. Р. 2. – Оп. 1. – Д. 28.
3. ГАЯО – Рыбинский филиал. – Ф. Р. 2. – Оп. 1. – Д. 35.
4. *Голиков Д.Л.* Правда о врагах народа. – М.: Алгоритм, 2006. – 448 с.
5. Красная книга ВЧК. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1989; Рыбинск: Документы и материалы по истории города. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1980. – С. 198.
6. Рыбинск: Документы и материалы по истории города. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1980. – 440 с.
7. Рыбинск // Красная газета. – 16.07.1918.
8. *Саватеев В.В.* Крестьянское хозяйство Ярославской губернии в годы Гражданской войны // От

мудрости и святости былого...: VII Тихомировские чтения: тезисы докладов. – Ярославль, 1999.

9. Савинков Б.В. Записки террориста: автобиографическая проза. – М.: Захаров, 2002. – 558 с.

10. Соколов А. Рыбинск после революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anfasnews.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=1081.

11. Филиал Государственного архива Ярослав-

ской области – Центр документации новейшей истории. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 69.

12. Ярославское восстание. 1918 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. – М.: МФД: Материк, 2007. – 704 с.

13. Ярославское восстание. Июль 1918 / ред. и сост. В.Ж. Цветков. – М.: Посев, 1998. – С. 51–78. – (Библиотека руссееведения. Вып. 2).

УДК 94(470)"19/..."

Миловидова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
istclass@rambler.ru

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ЖИЗНЬ МЕЖДУ «ТРАДИЦИЕЙ» И «НОВАЦИЕЙ»

Статья посвящена менее изученной и потому актуальной сегодня теме, а именно истории повседневности. в исследовании за счет расширения традиционной источниковой базы и дополнения ее историческими фактами из литературно-художественных и сатирических журналов и газет; воспоминаний, романов, повестей, рассказов, фельетонов, написанных российскими писателями – современниками нэпа, предпринимается попытка реконструировать жизнь и быт России, особенности мировоззрения людей 1920-х гг.

Автор глазами очевидцев рисует Москву, которая только что пережила Гражданскую войну и «военный коммунизм» и теперь восстанавливалась, стремилась жить в мире, торгуя, шикую и бедствуя, пытаясь внешне меняться во всём и оставаясь при этом в главном, внутри той же. Внимание уделяется описанию зданий и улиц столицы, поражающих обилием различного рода транспорта, ярких вывесок, броской рекламы, множеством банков, контор и магазинов, ресторанов, игорных домов, которых становилось всё больше и больше. Рисует автор и картинки из московской послевоенной пёстрой торговой жизни. В статье уделяется внимание бывшим «деловым людям», торговцам, нэпманам, классу-созидателю материальных благ: рабочим, беспризорным детям.

Есть несколько зарисовок из провинциальной нэповской повседневности. Описывается быт, нравы людей, их стремление приспособиться к новой, хотя, как видим, хорошо забытой старой жизни. Автор статьи констатирует, что люди оказались между прошлым и настоящим, в противоречивом мире надежд, потерь и иллюзий, веры в светлое будущее.

Ключевые слова: Советская Россия 1920-х гг., новая экономическая политика (НЭП), повседневность, воспоминания, повести, рассказы писателей-современников НЭПа, человек между «рынком» и «социализмом».

По истории России первой половины 1920-х гг. написано немало разнообразных интересных монографий и статей, затрагивающих политический, экономический, социальный, культурный аспекты противоречивой новой экономической политики. При этом использовались архивные документы, статистические сборники, экономические труды современников, воспоминания, периодическая печать и другие официальные материалы. Однако, вступив в XXI век, продолжая развивать рыночные отношения, нам необходимо еще пристальнее всмотреться в эту эпоху. Исторический процесс многомерен и одна из его сторон, на сегодняшний день менее изученная – это история повседневности, различные стороны человеческого бытия, сочетающие старое и новое. Решение этой исследовательской задачи возможно при условии расширения традиционной источниковой базы. Среди таких дополнительных материалов – литературно-художественные и общественные, сатирические и юмористические журналы и газеты; художественная литература.

Обратимся же к источникам и представим, каким был город и его жители в период НЭПа. Начнём со столицы. Приближаясь к ней, можно

было увидеть, как у реденьких лесочков и рощ находились у насыпи веселенькие дачи, деревянные дворцы, блещущие стеклом веранд и свежеевыкрашенными железными крышами, простые деревянные срубы с крохотными квадратными оконцами. И чем дальше, тем полнее разворачивалась величественная панорама столичного города [5, с. 139–140, 142]. Наблюдая Москву с высоты птичьего полёта, можно было увидеть бесчисленные кровли, фабричные трубы и маковки «сорока сороков». Здания за время революций и войн осунулись, посерели и требовали ремонта. Начинали строиться частные особняки. Вновь появились домовладельцы. В разных местах стали открываться гостиницы с меблированными комнатами.

Внутренняя обстановка квартир была разной. Одни довольствовались малым: спали на полу, из мебели имели стол, стул. Другие приобретали мягкую мебель, хрустальные люстры, ковры, картины, зеркала, фарфор, канареек в клетках. Каждый устраивал свой мирок, руководствуясь в первую очередь наличием финансовых средств.

Продолжал остро стоять жилищный вопрос. Не каждый рабочий желал поселиться в центре города в бывших барских домах, так как на со-

держание новой квартиры требовалось много денег. Кроме того, ему каждый день пришлось бы преодолевать немалое расстояние пешком или на автобусе от дома до работы и обратно. Одним из итогов перераспределения жилья стало появление коммунальных квартир. Это было особым явлением тех лет. Ни дать ни взять сцена, где ежечасно можно было наблюдать то бытовую комедию, то трагедию. Главными действующими лицами были её жители – люди разные по социальному статусу, возрасту, профессии [3, с. 125–128].

Жизнь бурлила не только внутри домов, но и за их пределами, то была уличная реальность. Поражало огромное количество легковых и ломовых извозчиков, проезжавших рядом с ними грузовиков отечественного производства и выпускавших сизо-голубой удушливый дым авто. Наряду со всеми этими звуками можно было услышать робкое жужжание новеньких автобусов и специфическое позвякивание возобновивших движение после Гражданской войны трамваев. По избитым тротуарам сновали велосипеды, двигался поток пешеходов. Среди этой пёстрой толпы в условиях транспортно-уличного хаоса кондукторы и милиционеры путём неоднократных штрафов, с помощью свистка и жезла пытались навести порядок... А за окнами автобусов мелькали вывеска за вывеской. И чего-чего на них не было. Только были они уже без «ерей» и «ятей»: Цупвоз, Моссельпром, Униторг, Мосторг, ГУМ, Нарпит, Всекобанк, Хлебпродукт, Главлесторг и др. [2, с. 227–228]. Так назывались различные тресты, акционерные общества, банки, магазины, конторы – всё как в старину. На афишных тумбах, столбах, заборах, стенах домов были расклеены многочисленные объявления: «Ищу квартиру...», «Отгадываю мысли» и т. д. На Страстной площади на крыше одного из домов даже был установлен экран для рекламы.

Как феникс из пепла воскресла и московская торговля: Сухаревка, Мальцевский и Смоленский рынки... Пойдёшь по рядам, меж лотками, и можешь заблудиться. В общем, все торговали. Разница была только в том, что одни прямо на улице, в пыли, в грязи, с рук, другие – в магазинах, третьи – в ларьках. Не зря тогда говорили: «Купить в ларьке – сохранить в кошельке!» На прилавках продукции было видимо-невидимо – говядина и свинина, севрюга и осетр, картофель и лук, тропические фрукты, топоры и примусы, ситец и обувь, книги и картины, фотоаппараты «Кодак», швейные машинки «Зингер», продукция фирмы «Нестле» и т. д.

Бывали дни, когда на асфальте базарной мостовой в длинный ряд выстраивались необычные продавцы – это дамы, в прошлом принадлежавшие к высшему обществу. Сидя на ящиках, складных стульях, они продавали остатки бывшего благополучия, комфорта, роскоши. Это мог быть веер из сло-

новой кости, напоминавший им о днях прекрасной молодости, или брюссельские кружева, или бисерные ридикюли. Когда эти дамы обращались друг к другу, нередко слышалась французская речь... Вспоминаются строки из чеховского «Вишневого сада». Эта жизнь была уже на исходе, ей на смену спешила другая. Здоровые, горластые, в пестрых юбках и косынках «бабы» суетились возле прилавков. Воздух базара был им полезней и прибыльнее другой атмосферы.

Частные, государственные, кооперативные магазины зазывали покупателей рекламой и яркостью витрин. Вновь засиял бывший Елисеевский на Тверской. Икра черная лоснилась в банках, колбасы, пирамиды яблок – всего вдоволь! Щелкали кассы. Удивляли цены, завораживали товары. Расширялась сеть универсальных магазинов. Как писал В. Маяковский, «Всё, что требует желудка, тело или ум, – // Всё человеку предоставляет ГУМ» [9, с. 274].

Всё это в определенной мере стало возможным благодаря начавшемуся тогда восстановлению сельского хозяйства и промышленности, появлению стимулов в труде, развитию внешней торговли, разгосударствлению собственности, проведению денежной реформы.

Вновь стало появляться всё то, что смахнуло, как пух, революция. НЭП всколыхнул бывших «деловых людей», торгашей, спекулянтов, биржевиков, владельцев недвижимости, шулеров. До сих пор в исторической науке нет единого мнения о том, кого называли нэпманами. Если всё-таки считать, что это были люди, живущие на доходы, получаемые не за счёт «непосредственного участия в производстве», то социальное происхождение их, конечно, было достаточно пёстрым. Число таких людей росло. Так, в 1924/25 гг. их было 3 млн 30 тыс., а в 1926/27 гг. – уже 3 млн 211 тыс. человек [14, с. 83]. Временную уступку частному капиталу они приняли за свою полную победу. В полгода образовывались миллионные состояния, а в казино эти же состояния за ночь проигрывались. Судьба этих людей была незавидной, тем более что власть сознательно формировала их отталкивающий облик в обывательской среде. Большинство из них проводило свободное время в бильярдных, на скачках, на бирже, в банке, путешествиях, в лучших ресторанах, тем более последних открывалось всё больше и больше. В их залах, как и прежде, ярко горели люстры, белели скатерти, блестела посуда, посетителей обслуживали лучшие повара. Деликатесные кушанья: стерлядь в белом вине, паштет из дичи, рябчики в сметане, расстегаи с вибригой, лучшее вино, заморские фрукты – непременно подавались богатым клиентам. Подобные трапезы сопровождалась пением цыган, русского хора, звуками балалайки, скрипки. У входа ресторанов «Прага», «Лиссабон», «Эрмитаж» гулявших

поджидали лихачи. Нередко были драки. Для большинства из них «нэповский сон» мог закончиться в любую минуту; буквально с наступлением утра и появлением сотрудника ГПУ. Более стабильным было положение многочисленных чиновников. Жили они чаще всего в коммунальных квартирах, ели в столовых скромные биточки, проводя весь день на работе. Инженеры, врачи, учителя, различные служащие, оплачиваемые по 17-разрядной тарифной сетке, получали свою мизерную зарплату, и то нерегулярно, бедствовали. Некоторым из них, например врачам и учителям, удавалось завести своё дело. Творческая интеллигенция разрывалась между различными клубами, студиями, театрами, издательствами, журналами, съёмками кино, так как это было время духовного взлёта.

А как жил тогда класс-созидатель материальных благ? К 1926 г. рабочий класс насчитывал приблизительно 6 млн, из них 2 млн рабочих были заняты в крупной фабрично-заводской промышленности. К этому времени и среди рабочих наблюдалось расслоение. Одни трудились на государственных, другие – на частных предприятиях. Были проблемы и с выплатой зарплаты. В самом начале 1920-х гг. её нередко ещё выплачивали в виде выработанной продукции. Ставки были низкими. Так, в декабре 1921 г. питерский рабочий в среднем получал 839 тыс. руб., тогда как стоимость минимального бюджетного набора составляла более 1 млн руб. [13, с. 74]. С 1924 г. зарплату стали выдавать деньгами. Реальный заработок металлистов достиг 36,6% довоенного уровня, текстильщиков – 52,1%, пищевиков – 98,7% [11, с. 150]. Осенью 1925 г. реальная заработная плата в крупной промышленности в сравнении с 1913 г. увеличилась до 95,5%. По данным бюджетных обследований, в 1918–1921 гг. почти вся зарплата рабочего. уходила на питание. Расходы на продукты стали составлять 50% зарплаты. С 1922–1925 гг. у рабочих появилась возможность тратить зарплату и на другие нужды. Рабочий день с 1913 по 1926 гг. уменьшился с 10 до 7,5 часов. Всё заметнее давала о себе знать безработица. Пятую часть безработных составляли промышленные рабочие, имеющие квалификацию. Кстати, в стране открывались биржи труда. Как заметил очевидец, в день регистрации сюда кроме рабочих приходили и девушки в кумачовых косынках, старички в чесучовых пиджаках, пахнущих нафталином, величавые матроны с ридикюлями и зонтиками, техники в пенсне и по старой привычке с портфелями, набитыми газетами, весёлые парни в кепках на затылках [4].

На фабриках ещё сохранялись тяжелые условия труда. Процветал туберкулёз. На предприятиях стали создавать лечебно-профилактические учреждения, проводились медосмотры, санпоходы. За чистоту соревновались цеха и общежития. Рабочие направлялись в санатории, дома отдыха. Ме-

нялся и внешний облик рабочего. Разнообразнее становился его гардероб. Фасоны с выкройками можно было найти в журнале «Работница». Появлявшееся иногда свободное время рабочие теперь могли проводить в рабочем клубе, библиотеке, различных кружках, кинематографе.

Трудовые отношения представляли собой сгусток противоречий, как унаследованных из прошлого, так и порождённых спецификой проводимой властью экономической и социальной политики [12, с. 446]. Возникали трудовые конфликты, рабочие волнения и забастовки, вызванные главным образом объективными причинами социально-экономического характера, и дополнявшиеся непрофессионализмом и ошибками партийных, административных и хозяйственных руководителей как в центре, так и на местах; трудностями перехода от политики «военного коммунизма» к рыночным отношениям. Предпринимаемые же властью меры носили в большей степени идеолого-политический и репрессивный характер, что следует из материалов сводок ГПУ.

Непросто складывалась жизнь детей, потерявших на войне родителей. Вечными спутниками рынка были безработные взрослые и беспризорные дети, а также воры и нищие – те, чья жизнь изо дня в день протекала на рынке, на вокзале, в очереди на бирже труда, в ночлежке. «Ходили по дворам полуразрушенных домов, – отмечал кинорежиссер Г. Козинцев. – На камнях валялись, прикрывшись выгоревшим тряпьем, молчаливые люди. Угрюмые глаза исподтишка следили за нами. Чумазные, в рваных штанах и рубашках, с челками, начесанными на глаза беспризорники копошились в этих развалинах» [8, с. 89]. Взрослые жили тем, что называлось пособием по безработице, а также средствами, которые выручали благодаря продаже всех тех домашних вещей, что еще имели ценность; некоторые продавали ворованное, торговали газетами, папиросами, а их дети подносили товары, просили милостыню, за деньги совершали различные преступления. Некоторые из них со временем станут «жителями» Республики ШКИД. Нередко можно было среди адского городского шума и толчеи услышать осипшие голоса инвалидов, подыгрывавших себе на гармошке или балалайке [6, с. 27; 7, с. 375].

Более разнообразной становилась культурная жизнь. Начала свои передачи 1-я Московская радиостанция имени Коминтерна. Проходили различные диспуты, обсуждались выставки художников разных направлений, проводились поэтические вечера, концерты, набирал силу отечественный кинематограф. Был брошен клич «Долой иностранные дешёвые фильмы!» Открывались кинофабрики. К новой жизни приглядывались традиционные театры. Бурную деятельность вели пролеткультовские студии, театральные кружки в рабочих клубах. Со-

временники вспоминали, что в театрах оставалось только нарядное зрелище, восхитительное, игровое, пропала мысль, чувство, так как теснил кассовый зритель. От безработицы актёров спасала антреприза, театры миниатюр, оперетта, кабаре.

Да, Москва – это ещё не вся Россия, а НЭП катился и на периферию, в провинцию, но медленно, с опозданием. В этом контексте представляют интерес зарисовки повседневной жизни костромской глубинки... Тишина старого российского захолустья. Улицы грязные, освещения толком не было, прохожих мало; кругом деревянные дома, некоторые уже покосились от времени, но рядом выделялись бывшие купеческие особняки. Ближе к центру шум нарастал, людей становилось всё больше, так как все они стремились к торговым рядам, городскому рынку. Картины городской толкучки 1920-х гг. дошли до нас благодаря известному писателю А. Алёшину. Вот перед нами проходит учитель, жизнь которого в период НЭПа сложилась не просто, и он вынужден за 10 мин. обучать письму неграмотных прохожих, спрашивая за это «лимон». Другой тип – «торговец». Его прилавок – деревянный складной столик и стул, на плечах ковровая шаль, на голове старая студенческая фуражка. На аптекарских весах он отвешивает немногим покупателям сахарин. Он худ, бледен, скучен. Вечером его можно встретить в театре, на концерте. А вот перед нами закутанная в три шали, с обветренным лицом Марья Колбасница. В мутной горячей жиже она жарит колбаски, печенку. Особенно донимают ее мальчишки. Ходко идут ее дела, и это хорошо, ведь ей надо дома накормить пять ртов [1].

В городе работали рестораны («Старый двор», первоклассный «Кострома» и др.), трактиры. По числу пивных Кострома подобна Лондону. Вечерами в них былолюдно и шумно. Другая же часть костромичей по старинке любила посидеть у самовара, беседуя о том о сём. Были и свои завсегдатаи клубов, библиотек, театра, кинематографа («Современный театр», «Пале»). Везде пестрела реклама.

Проходит век.

И в нем сто лет за двести.

Сегодня жизнь устраивает час.

А по медвежьим уголкам у нас

Дремучий быт на том же самом месте...

[10, с. 9].

Таким образом, в условиях НЭПа повседневная жизнь людей протекала по-разному. Одни ещё не могли привыкнуть к миру, возвращению неравенства, а другие, наоборот, быстро освоившись, процветали, беря от жизни всё, что душа пожелает. В жизни этих людей постоянно боролось прошлое и настоящее, представления же о будущем становились всё более расплывчатыми и противоречивыми.

Библиографический список

1. Алешин А. Типы толкучки // Красный понедельник. – 1923. – 12, 19, 26 февр., 19, 26 марта, 23 апр.
2. Булгаков М.А. Москва Краснокаменная // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1989. – 750 с.
3. Зоценко М. Нервные люди // Зоценко М. Избранное. – М.: Советская Россия, 1989. – 431 с.
4. Известия СССР и ВЦИК. – 1925. – 15 нояб.
5. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: романы. – М.: Эксмо, 2006. – 716 с.
6. Каплер А. Загадка королевы экрана. – М.: Советская Россия, 1979. – 204 с.
7. Кетлинская В. Здравствуй, молодость! // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 4. – Л.: Художественная литература, 1980. – 534 с.
8. Козинцев Г. Глубокий экран // Козинцев Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. – Л.: Искусство, 1982. – 558 с.
9. Маяковский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. – М.: Гослитиздат, 1957. – 479 с.
10. Смехач: еженедельный сатирический журнал. – 1926. – № 49.
11. Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917–1973). – М.: Политиздат, 1975. – 576 с.
12. Соколов А.К. Проблемы трудовых отношений на советских предприятиях в годы НЭПа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 427–447.
13. Ульянова С.Б. «Несуны» в законе // Родина. – 2001. – № 10. – С. 74–76.
14. Эньюань У. Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С. 78–87.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ-СТЕКЛОДЕЛОВ В 60-Е – 80-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Социально-экономическое положение стеклоделов в 60–80-х годах обеспечивалось путем удовлетворения материальных и культурных потребностей на основе успешного развития механизированного и автоматизированного производства. Автор подчеркивает, что в указанный период уровень жизни работников заводов и их достаток возрастали. Большое значение в процессе улучшения жизни имела идеологическая убежденность граждан, их движение к общим целям, строительство благополучного общества.

Администрация заводов была заинтересована в том, чтобы создать для рабочих благоприятные условия. Примечательно, что руководство заводов решало вместе с общественными организациями, профсоюзами широкий круг вопросов: по интенсификации общественного производства, повышению производительности труда, улучшению качества продукции, экономии материальных, энергетических, трудовых ресурсов, укреплению плановой и трудовой дисциплины. Общественными организациями и администрацией ставилась задача дать каждому рабочему среднее образование. Значительно улучшилась жизнь в рабочих поселках, трудовое законодательство предусматривало особые условия для беременных женщин и кормящих детей, профсоюзам значительно помогали страховые фонды. Единственной большой проблемой, не полностью решенной до конца XX века, остался квартирный вопрос в городах и селах.

Ключевые слова: экономическое положение, рабочие, стекольные заводы, заводские комитеты, профсоюзы, повседневная жизнь рабочих.

Развитие экономики страны и каждого предприятия в отдельности влияет на социально-экономическое положение народных масс. На рубеже XX–XXI веков только механизированное и автоматизированное производство способно наиболее полно удовлетворить материальные и культурные потребности населения. На стекольных заводах модернизация производства создаёт наилучшие условия для жизнедеятельности рабочих и специалистов.

Заводоуправления и общественные организации всегда создавали наиболее благоприятные условия для труда и отдыха рабочих и инженерно-технических работников, роста их материального обеспечения, повышения образовательного и культурного уровня, для охраны здоровья, укрепления семьи, воспитания детей. Основой для решения этих задач служили успехи в развитии производства. Все производственные планы в 60–70-е годы рабочие выполняли досрочно [1]. Успех в работе заводов в 60–80-е годы обеспечивался грамотными специалистами в химической лаборатории.

На открытых собраниях, в лекциях и беседах, проводившихся администрацией завода, экономистами, начальниками и мастерами завода, рабочие осознавали проблемы развития экономики страны и своих заводов. Коллектив принимал активное участие в обсуждении Положения о социалистическом государственном предприятии и пятилетних планов. Привлечение тружеников к управлению производством осуществлялось через собрания рабочих и служащих, научно-техническое общество, всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, советы мастеров, новаторов.

Личные рекорды не были самоцелью. Активисты были озабочены тем, чтобы рядом не было отстающих, а достижения новаторов находили

постоянное повторение. Не ради славы, а во имя всеобщих интересов они выступали с патриотическими починами и первыми поддерживали новое, передовое, прогрессивное.

Заводскими комитетами профсоюза уделялось большое внимание внедрению бригадных форм организации труда, развитию соревнования за экономию и бережливость по почину муромлян, увеличению выпуска стекольной продукции и улучшению её качества [2].

Регулярно проводились единые политдни, дни деловых встреч. Трудящиеся активно участвовали в работе общественных организаций, работники заводов избирались депутатами местных Советов.

Зарплата работников в начале XXI века была на уровне средней по области. После реконструкции заводов заработок рабочих возрастал.

Все, кто работал добросовестно в заводских профсоюзах, выполняли многогранную работу с коллективами тружеников заводов. Постоянно действовавшие комиссии способствовали улучшению социалистического соревнования между цехами и отделами, участками и сменами, создавали лучшие производственные условия труда, заботились об охране труда и технике безопасности, помогали организовать спортивную работу, отдых трудящихся, постоянно проявляли заботу о жилищно-бытовых условиях работавших и пенсионеров, разрешали трудовые споры.

На долю советского народа выпало счастье строить социалистическое государство, начать новую эпоху истории народов мира. Великий Октябрь – это образец решения социальных проблем: свержение власти эксплуататоров установление диктатуры пролетариата; превращение частной, буржуазной и помещичьей собственности в общественную; справедливое решение аграрного вопроса в пользу

крестьян; освобождение зависимых народов от колониального и национального гнета; создание политических и экономических предпосылок социализма. Выдающиеся успехи советского народа к началу 70-х годов: СССР занимал первое место в мире по добыче угля, железной руды, производству кокса, стальных труб, магистральных тепловозов, цемента; наша страна первой начала освоение космоса; валовая продукция сельского хозяйства увеличилась почти в 3 раза; в 50 раз вырос национальный доход; полностью ликвидирована (в 1930 г.) безработица; реальные доходы рабочих выросли в 7 раз, крестьян – в 11 раз; государство полностью взяло на себя заботу о здоровье народа, просвещении, развитии науки, обеспечении людей квартирами, материальном обеспечении в старости, всестороннем сближении наций и народностей.

Профкомы добились повышения ответственности руководителей цехкомов и профгрупп, усовершенствовали стиль и методы работы, большое внимание уделяли производственной деятельности коллективов цехов, смен, участков, бригад, активного взаимодействия с профсоюзными активистами, опирались на поддержку общественности.

Вместе с общественными организациями, администрацией заводов профкомы сосредоточили внимание на главных направлениях: интенсификации общественного производства, повышении производительности труда, улучшении качества продукции, экономии материальных, энергетических, трудовых ресурсов, укреплении плановой и трудовой дисциплины.

Общественными организациями и администрацией ставилась задача дать каждому рабочему среднее образование. Для учащихся создавались все условия, позволявшие совмещать работу с учёбой, еженедельно предоставлялся один свободный день от работы с оплатой 50% среднего заработка. Молодые рабочие получали среднее образование в вечерних школах рабочей молодёжи, потом в учебно-консультационных пунктах при средних школах.

Подготовку и переподготовку кадры проходили в техникумах и вузах. Инженерно-технические работники повышали квалификацию на заводских технических курсах. С отрывом от производства со второй половины 60-х годов обучались стеклоделы ежедневно в средних специальных и высших учебных заведениях Москвы, Владимира, Иванова, Гусь-Хрустального, на курсах повышения квалификации во Владимире.

Для профессиональной подготовки молодёжи в заводах создали советы наставников. Наставниками и воспитателями общественные организации определили опытных производственников, работавших в заводе десятки лет.

Никто не оставался без внимания общественных организаций, если работники честно и добросовестно трудились на благо своего коллектива.

Ветераны труда у народа всегда пользовались большим уважением. Их по праву называют трудовой гвардией, обладающей большим жизненным и политическим опытом. Они представляют поколения людей, на жизнь которых выпала историческая миссия – совершить революцию, отстоять в битвах с врагами молодую Республику Советов, заложить основы социалистического общества, завоевать победу в Великой Отечественной войне, восстановить и развить народное хозяйство. Профкомы и заводоуправления материально помогали инвалидам Великой Отечественной войны. Инвалидам бесплатно предоставлялись квартиры, путёвки детям в пионерские лагеря, земельные участки для заготовки сена. Новые квартиры получили семьи погибших воинов.

Рос материальный и культурный уровень людей. Жизнь с каждым годом становилась лучше. Росла среднемесячная заработная плата рабочих. О постоянном росте материального уровня стеклоделов свидетельствовало также увеличение числа вкладчиков в местные сберегательные кассы.

Рабочие посёлки, соседние деревни и села полностью электрифицированы и радиофицированы. В каждой квартире имелись радиоприёмники. Рабочие приобретали пианино, баяны, аккордеоны и другие музыкальные инструменты, автомобили, мотоциклы. Почти каждая семья имела велосипед.

В годы Советской власти из фонда предприятий использовались средства на механизацию и расширение производства, жилищное строительство, ремонт жилого фонда, содержание Домов культуры, на физкультурные мероприятия, приобретение инвентаря для клубов оказание материальной помощи рабочим и служащим. Большую часть этих средств завкомы и заводоуправления направляли на жилищное строительство и ремонт жилого фонда.

Росли и становились всё более красивыми рабочие посёлки. В связи с начавшимся строительством многоквартирных домов завкомы проявили большое внимание к нуждающимся в получении жилой площади. Все советские люди, как и раньше, получили бы бесплатно квартиры до 2000 г., если бы патриотам в 1991–1993 гг. удалось сохранить народную власть.

На заводах в 60–80-х годах действовали душевые установки, комнаты гигиены, двухсменные медицинские пункты с фельдшерами, столовые. Освещение цехов заменили с ламп накаливания на люминесцентные, но осталась ещё большая запылённость в составных цехах [3].

В посёлках организовано централизованное водоснабжение. Для учителей и медицинских работников построили квартиры. Здания больниц и школ переведены с печного отопления на центральное. Для улучшения питания больных построили пищеблоки с новейшим оборудованием.

Все эти работы проведены при активном участии депутатов Советов.

Завкомы с начала 80-х годов помогали приобретать автомашины «Жигули» в порядке очереди. Через десять лет не стало необходимости соблюдать очередь, любой автолюбитель мог свободно приобрести машину любой марки или мотоцикл. На рубеже XX–XXI веков стеклоделы имели сотни легковых машин и мотоциклов.

Проводы на пенсию работников заводов традиционно сопровождались добрыми пожеланиями, им оказывалась материальная помощь.

На стеклозаводах неукоснительно соблюдались законы об охране труда. Женщины в цехах и по профессиям, где женский труд запрещён, не работали. Беременные женщины и кормящие младенцев матери не привлекались к сверхурочным работам в выходные и праздничные дни. Подростки, работавшие на заводах, имели сокращённый рабочий день, к работам в летнее время не допускались. Они получали отпуска в летнее время с учётом их пожеланий. Учитывая непрерывность стекольного производства, решениями завкомов в праздничные дни работники основных и составных цехов трудились и затем получали право на отдых по два дня или эти дни отдыха использовались во время очередного отпуска.

Ежегодно заводы отчисляли 12% в бюджет социального страхования. Профсоюзные комитеты по сметам, утверждённым обкомом профсоюза, с полным правом использовали средства на выплату пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, на оплату отпуска по уходу за ребёнком, на организацию санаторно-курортного лечения, на приобретение путёвок, на выплату пенсий работающим пенсионерам, единовременно пособия при рождении ребёнка.

Профсоюзам в этом деле помогали страховые фонды.

Комиссии содействия семье и школе принимали активное участие при организации летнего отдыха детей. В поселковых пионерских лагерях отдыхали дети работников заводов. Все путёвки в пионерские лагеря выдавались бесплатно, дети

содержались за счёт средств социального страхования и фондов предприятия. Поселковые пионерские лагеря и лагеря труда и отдыха обычно размещались в средних школах.

Комиссии содействия семье и школе посещали средние и восьмилетние школы, присутствовали на уроках. Члены комиссии беседовали с учениками, приглашали родителей на свои заседания, способствовали улучшению успеваемости школьников.

О здоровье стеклоделов постоянно заботились медицинские работники. С чувством большого уважения они вспоминают врачей, акушеров, медицинских сестёр.

В 70–80-х годах потребности коллективов заводов в санаторных путёвках удовлетворялись полностью. Заводчане получали путёвки в санатории Болгарии, в Моршин, Анапу, Ессентуки, Кисловодск, Нальчик, Сочи.

Все путёвки в санатории и дома отдыха выдавались бесплатно за счёт социального страхования и фондов предприятий. На лучшие курорты СССР ездили лечиться и отдыхать рядовые заводчане. Многие из них впервые побывали в Трускавце и Друскеникай, на курортах Сочи, Крыма,

Северного Кавказа – Кисловодске, Ессентуках, Нальчике, Пятигорске, Железноводске.

Высшей целью экономической стратегии Советской власти было народное благо. Общественные организации, рабочие стекольных заводов ясно осознавали, что неуклонный подъём материального и культурного уровня народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности можно обеспечить лишь на основе дальнейшего повышения эффективности производства. Именно на этих направлениях они сосредоточивали усилия трудовых коллективов, показывая образцы творческой высокопроизводительной работы, неустанного поиска резервов.

Библиографический список

1. ГАВО. – Ф. 3974. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 10; Д. 44. – Л. 42; Д. 108. – Л. 7; Д. 201. – Л. 10.
2. ГАВО. – Ф. 103. – Оп. 43. – Д. 1. – Л. 100.
3. ГАВО. – Ф. 3974. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 192.

Зарубин Сергей Александровичаспирант Института международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
zarubinsergey@gmail.com**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИСПАНИИ И АРГЕНТИНЫ В 1946–1955 ГГ.:
ОБРАЗОВАНИЕ И КРАХ АЛЬЯНСА ФРАНКО – ПЕРОНА**

В статье рассматривается процесс укрепления испано-аргентинских отношений после Второй мировой войны. Автор доказывает, что сближение между Испанией и Аргентиной в указанный период было обусловлено не только взаимным экономическим интересом, но и процессами, протекавшими на международной арене. Оказавшаяся в международной изоляции после войны Испания во главе с генералом Франсиско Франко нашла союзника в лице аргентинского президента Хуана Доминго Перона, стремившегося проводить независимый внешнеполитический курс. Интенсивно развивавшееся до конца 1940-х гг. торгово-экономическое сотрудничество отвечало интересам обеих сторон, и прежде всего Испании, так как торговля с южноамериканской республикой помогла режиму Франко стабилизировать тяжелое социально-экономическое положение в стране. Важную роль для Испании сыграла и дипломатическая поддержка со стороны Аргентины на международных конференциях и в ООН в указанный период. Несмотря на положительную динамику развития, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в испано-аргентинских отношениях наступил кризис. По мнению автора, в основе кризиса лежали причины как внутреннего характера, так и внешнего. Испания и Аргентина не сумели разрешить возникшие политические и экономические разногласия, что привело к постепенному ухудшению двусторонних отношений и прекращению действия альянса Франко – Перона.

Ключевые слова: испано-аргентинские отношения, Франко, Перон, внешняя политика, послевоенный период.

Исторически Испания и Аргентина были тесно связаны между собой. Общий язык и культура способствовали подержанию определенных экономических и политических связей между двумя странами. Первоначально они были обусловлены последствиями колонизации южноамериканского континента испанскими конкистадорами, а позднее, в период с конца XIX – первой половины XX вв., они были связаны с многочисленными волнами испанской иммиграции в Аргентину [9]. Поражение стран Оси (Германии, Италии, Японии и их союзников) во Второй мировой войне (1939–1945 гг.), а также начало глобального противостояния между двумя супердержавами (США и СССР) в ходе холодной войны оказали значительное влияние на развитие двусторонних отношений между Испанией и Аргентиной. Изменения в расстановке сил на международной арене наряду с внутривнутриполитическими факторами привели к трансформации двусторонних отношений. Испано-аргентинское сотрудничество вышло на качественно новый уровень.

**Положение Испании во время
и после Второй мировой войны**

Франсиско Франко, пришедший к власти в Испании в результате Гражданской войны 1936–1939 гг., в сентябре 1939 г. заявил о нейтралитете своей страны во Второй мировой войне. Основной причиной нейтрального статуса Испании в конфликте была экономическая, так как страна оказалась в тяжелом материальном положении после трех лет кровопролитной Гражданской войны. Кроме того, каудильо (официальный титул Франко) не мог не учитывать настроения офицеров своей армии, которые в большинстве своем «высказывались против войны... по причине экономической разрухи, а также из-за дефектов в военной подготовке» [2, с. 326].

Объявив нейтралитет, Франко тем не менее открыто симпатизировал Германии и ее союзникам, которые оказали ему значительную поддержку в борьбе с коммунистами во время Гражданской войны. В основе симпатий Франко к Гитлеру лежала идеология. Созданная каудильо военно-тоталитарная диктатура фашистского типа была похожа на политический режим, который был установлен Гитлером в Германии. По этой причине Мадрид заявил о намерении поддержать Берлин всеми имеющимися в его распоряжении средствами [1].

Нейтральный статус Испании был выгоден Великобритании и США, которые не хотели допустить участия Франко в войне и расширения испано-немецкого сотрудничества. С этой целью союзники оказали франкистскому режиму экономическую помощь в виде кредитов и поставок сырья. Осторожная политика союзников в отношении Испании наряду с затягиванием боевых действий на восточном фронте и военные неудачи Германии заставили Франко подтвердить свою нейтральную позицию до окончания войны.

Поддержка Германии и ее союзников во Второй мировой войне привела к осложнению отношений между Испанией и остальным мировым сообществом после ее окончания. Режим Франко подвергся международной критике за свою фашистскую ориентацию и несоблюдение прав человека. На конференциях в Сан-Франциско (апрель – июль 1945 г.) и Потсдаме (июль – август 1945 г.) было принято решение не принимать Испанию в ООН. В 1946 г. на заседании Генеральной Ассамблеи диктатура Франко была охарактеризована как «угроза международному миру и безопасности», и Испания была объявлен дипломатический бойкот. Страна оказалась в полной международной изоляции [3].

В этих условиях Франко пытался найти выход из сложившейся ситуации путем налаживания от-

ношений со странами Латинской Америки. Идея сближения с южноамериканскими республиками появилась у Франко еще в 1939 г. В ее основе лежало общее культурное наследие, общий язык и религия. Это и послужило одной из основных причин начала сближения между Аргентиной и Испанией в послевоенный период

Положение Аргентины во время и после Второй мировой войны

В период с 1938 по 1946 гг. у власти в Аргентине находились пять президентов (двое гражданских и трое военных). Несмотря на разные политические и идеологические взгляды, все они поддерживали идею нейтралитета страны во Второй мировой войне. Нейтралитет Аргентины опирался на традиционно развитые экономические и культурные связи с Европой. Кроме того, нейтральная позиция аргентинского правительства может рассматриваться и как попытка противостоять США, которые стремились установить свою политическую и экономическую гегемонию на южноамериканском континенте [9].

В 1943 г. в Аргентине произошло событие, изменившее внутривнутриполитическую расстановку сил в стране. Группа националистически настроенных офицеров, недовольных политикой президента Рамона Кастильо, осуществила военный переворот. Среди пришедших к власти офицеров выделялся полковник Хуан Доминго Перон, который еще более упрочил свое положение в течение 1944 г., когда он занял пост вице-президента при Эдельмиро Фарреле [5, р. 31]. В это время основной акцент во внешней политике был сделан на разрешении аргентино-американских разногласий, так как после военного переворота 1943 г. отношения между Вашингтоном и Буэнос-Айресом значительно ухудшились. Это привело к дипломатическому бойкоту со стороны США в 1945 г.

После окончания Второй мировой войны Аргентина оказалась в сложной внешнеполитической ситуации. Напряженность в отношениях с США препятствовала развитию торговых отношений с Европой. Кроме того, аргентинское правительство обвинялось в предоставлении убежища некоторым нацистским преступникам и вынашивании экспансионистских планов в отношении стран Латинской Америки. В этих условиях Перон, победивший на официальных президентских выборах в 1946 г., выбрал курс на сближение с франкистской Испанией. Этому способствовала не только богатая история двухсторонних отношений, но и общая международная обстановка. Политические режимы в Испании и Аргентине мировым сообществом рассматривались как националистические, что сделало возможным сближение между двумя странами по идеологическому принципу.

Кроме того, можно выделить еще два основных мотива, которыми руководствовался Перон

при принятии решения о сближении с Испанией. Во-первых, подобный внешнеполитический шаг соответствовал идеологии «третьего пути» Перона и означал самостоятельность внешней политики южноамериканской республики. Во-вторых, Аргентина нуждалась в новых рынках для своей сельскохозяйственной продукции, и Испания, которая по причине международной изоляции не могла импортировать продукты питания, могла стать одним из рынков сбыта в Европе наряду с Италией [4, р. 470].

Отношения между Испанией и Аргентиной: экономический и политический аспекты

В апреле 1946 г. Польша обратилась к администрации президента Трумэна с заявлением, что диктаторский режим генерала Франсиско Франко в Испании является угрозой международному миру и безопасности и что международному сообществу следует предпринять срочные меры в его отношении. Государства – члены ООН приняли предложение о созыве специального подкомитета для анализа внутренней ситуации в стране. В июне того же года был подготовлен официальный доклад, согласно которому режим Франко действительно «является угрозой поддержанию международного мира и безопасности и вызывает международные трения» [7]. Совет безопасности передал данный документ для рассмотрения на заседании Генеральной Ассамблеи, рекомендовав государствам – членам ООН разорвать дипломатические отношения с Испанией в случае, если режим Франко не станет соблюдать гражданские права и свободы. После длительной дискуссии Генеральная Ассамблея объявила дипломатический бойкот Испании, который привел к международной изоляции страны.

Оказавшись в такой сложной внешнеполитической ситуации, Франко решил сделать акцент на развитии отношений со странами Латинской Америки, руководствуясь идеей культурной и религиозной общности испаноговорящих народов. Эта идея нашла поддержку у правительства Хуана Доминго Перона в Аргентине.

30 апреля 1946 г., еще до официального избрания Перона президентом, был подписан договор, согласно которому Испания получила кредит в размере 30 млн песо, предназначенных для покупки аргентинской пшеницы. Следует отметить, что ни сам договор, ни условия предоставления кредита не были опубликованы, так как Перон и Франко опасались негативной реакции международного сообщества.

После инаугурации Перона в июне 1946 г., на которой присутствовала испанская делегация, были проведены переговоры. Основной темой обсуждения была помощь Испании со стороны Аргентины и возможность подписания нового эконо-

мического соглашения. Итогом переговоров стало подписание 30 октября торгового договора между двумя странами. По условиям данного соглашения Испания получала от Аргентины ежегодный кредит в размере 350 млн песо под 2,7% в течение трех лет. Кроме того, договор предусматривал для Аргентины обязательства по поставке зерна и кукурузу в Испанию, которая могла импортировать и другие продукты (например, мясо и овощи). Испания в свою очередь должна была поставить в Аргентину определенное количество природных ресурсов (в основном металлы) и продукцию машиностроительной и текстильной отраслей.

В целом, условия договора были очень благоприятны для Испании. Кроме того, соглашение способствовало укреплению международных позиций страны, так как оно было подписано до созыва Генеральной Ассамблеи ООН, на которой планировалось обсуждение «испанского вопроса» и возможности введения санкций против режима Франко. В ноябре 1946 г. Перон выразил готовность поддержать Испанию в ООН под предлогом принципа невмешательства во внутренние дела [6].

Несмотря на дипломатическую поддержку Аргентины, в итоговой резолюции Генеральной Ассамблеи содержалась рекомендация государствам – членам ООН отозвать своих послов из Мадрида. Кроме того, данная резолюция признала невозможным вхождение Испании в состав ООН до тех пор, пока режим Франко находится у власти [8]. Резолюция была принята 34 голосами «за», 6 государств, в том числе Аргентина, высказались «против», а 13 воздержались от голосования.

В то время как большинство стран – членов ООН выполняли условия резолюции Генеральной Ассамблеи и отзывали своих послов из Мадрида, Перон назначил нового посла в Испанию. Этот шаг был позитивно воспринят Франко, который в свою очередь тоже назначил нового посла в Аргентину. Испанский посол прибыл в Буэнос-Айрес в мае 1947 г. с целью добиться поддержки Аргентины на международных форумах. Кроме того, перед ним была поставлена задача убедить Перона взять на себя роль посредника в переговорах Испании со странами Латинской Америки. Первая задача не была выполнена полностью, так как Аргентина сталкивалась с определенными трудностями, оказывая дипломатическую помощь Испании. Тем не менее в данном вопросе были достигнуты значимые успехи. В ноябре 1947 г. в Генеральной Ассамблее ООН был поднят вопрос о введении экономических санкций против режима Франко. Аргентинская делегация заняла твердую позицию в пользу Испании, ссылаясь на невозможность вмешательства во внутренние дела других государств согласно Уставу ООН. Итоговая резолюция Генеральной Ассамблеи по данному вопросу не предусматривала введение экономических санк-

ций против режима Франко, а лишь выражала уверенность, что Совет Безопасности будет исполнять свои обязанности в соответствии с Уставом ООН, если того потребует ситуация в Испании.

Что касается второй задачи испанского посла (установление контактов со странами Латинской Америки при поддержке Аргентины), здесь также были достигнуты значительные успехи. При посредничестве Аргентины Испания добилась нормализации отношений с Боливией, были налажены контакты с Бразилией и Чили.

В 1948 г. отношения между перонистской Аргентиной и франкистской Испанией еще более укрепились, так как именно в этом году после многомесячных переговоров между аргентинской и испанской сторонами было подписано соглашение, которое получило название Протокол Франко – Перона. По своей сути Протокол дополнял торговое соглашение 1946 г. и был своеобразным ответом на исключение Испании из Плана Маршалла [9]. По условиям договора испанская сторона получила кредит в размере 1750 млн песо на покупку сельскохозяйственной продукции и сырья в Аргентине до 1951 г. Кроме того, цены на сельхозпродукцию для Испании не могли превышать цены для других стран, что было крайне выгодно для испанской стороны.

Следует также отметить, что в 1948 г. состоялось и другое событие, имевшее большое значение для развития двухсторонних отношений. В октябре министр иностранных дел Испании Альберто Артахо прибыл в Буэнос-Айрес для проведения переговоров с аргентинской стороной. Итогом визита испанского министра стало подписание четырех соглашений. В них затрагивались различные вопросы двухсторонних отношений, в частности вопросы испанской миграции в Аргентину и признание академических титулов в обеих странах. Несмотря на определенные практические успехи, визит Артахо носил ярко выраженный пропагандистский характер и был использован режимом Франко для усиления позиций Испании на международной арене как «самого крепкого европейского бастиона против коммунизма» [9].

Протокол Франко – Перона и визит испанского министра Артахо 1948 г. не решил всех проблем в двухсторонних отношениях между Испанией и Аргентиной. Они не способствовали восстановлению испанской экономики и индустриализации страны. Протокол лишь устранил на короткий срок опасность возникновения голода в Испании, тем самым укрепив режим Франко. Кроме того, есть основания полагать, что этот Протокол был для каудильо временной мерой до того момента, когда Испания преодолит международную изоляцию и Запад будет иметь возможность оказать экономическую помощь стране.

В 1948 г. Испания стала четвертым торговым партнером Аргентины после Великобритании,

Италии и США. Это вызвало негативную реакцию в испанском обществе, которое было обеспокоено растущей зависимостью своей страны от «бывшей колонии». Этот фактор наряду с экономическим кризисом в Аргентине крайне негативно отразился на состоянии двухсторонних отношений. В августе 1949 г. практически полностью прекратились поставки зерна в Испанию, так как страна израсходовала кредит, предусмотренный Протоколом. В сложившейся ситуации Франко был вынужден закупать зерно за доллары у США, что вызвало негативную реакцию у правительства Перона в Аргентине. Попытки примирения не дали никакого результата, и 27 декабря 1949 г. было принято решение о приостановлении действия Протокола Франко – Перона [9].

В период 1950–1955 гг. отношения между Аргентиной и Испанией продолжали ухудшаться. Все попытки восстановить экономические отношения оканчивались неудачно. В определенной степени этому способствовало и резкое изменение внешнеполитического курса Перона. Идее единства испаноговорящих народов (*Hispanidad*) аргентинский президент начал противопоставлять концепцию единства народов Латинской Америки (*Latinidad*) и начал искать пути сближения с Италией. Испания более не являлась приоритетным партнером Аргентины на международной арене, что привело фактически к прекращению существования альянса Франко – Перона в середине 50-х гг. XX века.

Заключение

Анализируя испано-аргентинские отношения после Второй мировой войны, можно выделить три этапа в их развитии:

1. 1946–1948 гг.: период сближения между двумя странами из-за наличия схожих политических и экономических интересов. Развитие отношений в области экономики, культуры, миграционной политики. Начало ослабления международной изоляции Испании благодаря дипломатической поддержке со стороны Аргентины в ООН.

2. 1948–1949 гг.: высшая точка развития двухсторонних отношений между двумя странами. Экономическая помощь со стороны Аргентины помогла режиму Франко укрепить внутренние позиции. Дипломатическая поддержка Аргентины укрепила положение Испании и на международной арене.

3. 1949–1955 гг.: постепенное прекращение торгово-экономического сотрудничества по причине кризиса в Аргентине и недовольства Испанией условиями, на которых оно осуществлялось. Испания и Аргентина поменяли ориентиры в своем внешнеполитическом курсе, что фактически означало крах альянса Франко – Перона.

Интенсивное развитие экономических и политических связей между Испанией и Аргентиной

во второй половине 40-х гг. XX в. помогло обеим странам достичь стоявшие перед ними цели. При материальной поддержке аргентинского президента режим Франко сумел сохранить свою легитимность в условиях социально-экономического кризиса, вызванного последствиями Второй мировой войны. Кроме того, активное заступничество Аргентины в ООН помогло Испании преодолеть международную изоляцию и заняться поиском новых партнеров на мировой арене. Для президента Перона сотрудничество с режимом Франко также было крайне выгодным, так как его страна нашла новый рынок сбыта для своих товаров, что способствовало экономическому подъему в Аргентине. Оказывая дипломатическую поддержку Испании, Перон демонстрировал независимость аргентинского внешнеполитического курса в рамках идеологии «третьего пути».

Несмотря на позитивные тенденции развития, в 1946–1948 гг., постепенно наблюдается ухудшение двусторонних отношений, приведшее в конечном итоге к краху альянса Франко – Перона. Можно выделить несколько основных причин:

1. Неравноправные условия торгово-экономического сотрудничества. Пользуясь экономическими трудностями Испании, Аргентина навязывала свои условия предоставления финансовой помощи, что не нравилось Франко. Несколько раз эти условия пересматривались и заключались новые соглашения, но эта проблема так и не была разрешена, так как не был найден баланс между экономическими интересами Испании и Аргентины.

2. Сильнейший экономический кризис в Аргентине в конце 40-х гг. XX в. заставил правительство Перона прекратить поставки зерна в Испанию, что негативно отразилось на двусторонних отношениях. Кроме того, Перон не был доволен тем, что Испания ничего не могла предложить Аргентине взамен. Оказывая помощь режиму Франко, Перон надеялся, что Испания может обеспечить Аргентину определенными промышленными товарами (прежде всего, оборудованием и электромоторами). Однако испытывавшая серьезные социально-экономические трудности Испания этого не могла сделать.

3. Изменения на международной арене тоже сыграли свою роль. Усиление противостояния СССР и его союзников с капиталистическим Западом заставили и Аргентину, и Испанию изменить свои внешнеполитические приоритеты. Аргентина стала ориентироваться на страны Латинской Америки и Южной Европы (прежде всего, Италию). Испания же попыталась использовать свою антикоммунистическую идеологию для нормализации отношений с США и Западной Европой. Изменив свои приоритеты на международной арене, Испания и Аргентина более не рассматривали себя в качестве стратегических партнеров.

Библиографический список

1. *Нагиева В.А., Челядинский А.А.* Внешняя политика Испании во время Второй мировой войны (1939–1945) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/2188/235/> (дата обращения: 18.09.2015).
2. *Филатов Г.С.* История фашизма в Западной Европе. – М.: Наука, 1978. – 616 с.
3. *Escudé C., Cisneros A.* Historia general de las relaciones exteriores de la República Argentina. Tomo XIII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.argentina-rree.com/13/13-012.htm> (дата обращения: 18.09.2015).
4. *Galasso N.* Perón: Formación, ascenso y caída (1893–1955). – Buenos Aires: Colihue, 2005. – 768 p.
5. *Rapoport M.* Argentina: economía y política internacional. Los procesos históricos // Diplomacia, Estrategia & Política (DEP). – 2009. – N°10. – P. 27–51
6. *Rein R.* El Pacto Perón-Franco: justificación ideológica y nacionalismo en Argentina [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eial.tau.ac.il/index.php/eial/article/view/1313/1339> (дата обращения: 18.09.2015).
7. Report of the United Nations Subcommittee on the Spanish question appointed by the Security Council on 29 April 1946 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repository.un.org/handle/11176/88939> (дата обращения: 18.09.2015).
8. Resolution A/RES/39(I) adopted by the United Nations General Assembly on 12 December 1946 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://research.un.org/en/docs/ga/quick/regular/1> (дата обращения: 18.09.2015).
9. *Van der Velde D.* La alianza Franco-Perón: la relación entre España y Argentina, 1946–1955 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.library.uu.nl/handle/1874/36129> (дата обращения: 18.09.2015).

О РОЛИ «ФАКТОРА ГДР» В ПОЛИТИКЕ РАЗРЯДКИ*

Статья посвящена внешнеполитическому развитию ГДР на рубеже 1960–1970-х гг., когда резко обозначился кризис доктрин, строившихся на постулатах взаимного непризнания ГДР и ФРГ и становившихся решающим препятствием для налаживания политики разрядки международной напряженности. На основании архивных материалов дается представление о выработке единой тактики стран восточного блока в отношении новой восточной политики Брандта. Делается вывод о схожести внешнеполитической ситуации, в которой оказались ГДР и ФРГ, и различиях в способах практической реализации целей их дипломатии. Так, оба немецких государства на международной политической арене, как правило, воспринимались не столько в качестве самостоятельных игроков, сколько в качестве носителей идей соответствующего военно-политического блока. Любые их дипломатические шаги неизбежно рассматривались в контексте глобального противостояния Советского Союза и США. Опасаясь стать «лишними» в ландшафте холодной войны, руководство ГДР и ФРГ прилагало максимум усилий для интенсификации развития собственных экономик. Задача преодоления дипломатической блокады решалась через налаживание и координацию внешнеэкономических отношений внутри таких транснациональных объединений, как Совет экономической взаимопомощи и Европейское экономическое сообщество. Данные мероприятия привели к несоответствию уровня экономического развития этих стран их политическому весу на мировой арене. В этой связи острую полемику вызывал вопрос международно-правового статуса ГДР и ФРГ, основанный на тезисе о неправомерности притязаний ГДР или ФРГ по отдельности представлять интересы всего немецкого народа. Принципиальная позиция руководства ГДР в отношении новой восточной политики привела к отставке В. Ульбрихта и, как следствие, отказу от дальнейшего реформирования восточногерманской экономики.

Ключевые слова: ГДР, ФРГ, СССР, СЭВ, новая восточная политика, экономическая дипломатия, В. Ульбрихт, В. Брандт.

В 1990-е гг. преобладание в развитии отечественной исторической науки была в известной степени нарушена, что связывалось в первую очередь с отходом ученых от устоявшихся методов исследования. На фоне общего падения интереса к неудавшемуся эксперименту по построению в странах Восточной Европы социалистической общественно-политической модели это зачастую приводило к безусловному уничтожению всего опыта пребывания этих стран в социалистическом лагере. Этим, наряду с ограниченной в советское время доступностью для широкого круга исследователей документальных материалов, было обусловлено неравномерное распределение научной литературы и публицистики по отдельным проблемам и периодам новейшей истории. В этой связи представляются несправедливо «забытыми» — особенно в контексте возвращения к проблематике холодной войны — страницы становления и развития Германской Демократической Республики, от которой в отличие прочих стран народной демократии, как иронично заметил Б.В. Петелин, «ничего не осталось, кроме ностальгии» [14].

Введение в научный оборот новых архивных источников и активная публикация документов в последнее десятилетие дают возможность не только для систематизации опубликованных прежде работ, но и переосмысления основных проблем истории разделенной Германии, а также выявления тем дискуссионных и недостаточно изученных.

Следует заметить, что исторические исследования редко обращались к изучению феномена ГДР

комплексно, как правило, ограничиваясь описанием отдельных сторон ее развития, что отмечали еще советские историографы [19, с. 4–6]. Причиной тому становилось наличие так называемых проблемных вопросов — проявлений специфических особенностей, которые опыт ГДР вносил в теорию и практику социалистического строительства, не позволяя, исходя из марксистско-ленинской теории, четко описать его общие закономерности, а также выявить наиболее типичные процессы и тенденции. Значительные усилия историков зачастую сводились к тому, чтобы сопоставить эти специфические черты с элементами социалистического строительства, присущими другим странами народной демократии [11; 13].

В западной, прежде всего западногерманской, историографии разрешение этих вопросов нередко переносилось в плоскость соотношения в практике государственного строительства элементов советизации и исконно присущих национальных традиций, на стыке которых и возникала некая структурная амбивалентность, проявлявшаяся в отступлении восточногерманского руководства от советских образцов [7, с. 82].

Отдельное место в ряду проблемных вопросов принадлежало внешнеполитическому развитию ГДР, что было обусловлено неразрешенным германским вопросом, остававшимся ключевым для безопасности и политической конфигурации Европы на протяжении всего послевоенного периода. Наиболее ярко кризисные явления во внешней политике ГДР проявились в конце 1960-х гг. и были

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02677), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

связаны с началом новой восточной политики кабинета В. Брандта – В. Шееля.

В отношении новой восточной политики в советской историографии сложилось устойчивое представление как об объективно «вынужденной уступке» правящих кругов ФРГ перед лицом изменения «реального» соотношения сил в мире и укрепления социалистического лагеря. С этой точки зрения определенная корректировка внешнеполитического курса не могла служить свидетельством отказа от прежних «империалистических» претензий Бонна, ибо подлинной трансформации «классовой сущности» западногерманского режима не произошло. В этом отношении весьма показателен труд коллектива ученых ГДР «Внешняя политика и международные отношения ГДР», в котором четко проводится мысль о том, что успехи социалистических стран и международного рабочего движения, достигнутые в совместной антиимпериалистической борьбе, явились именно тем фактором, который привел к изменению соотношения сил на международной арене в пользу социализма в целом, и тем самым – к завоеванию и укреплению международных позиций ГДР в частности [3, с. 26].

Необходимо отметить, что новая восточная политика рассматривалась преимущественно через призму взаимоотношений СССР и ФРГ. Причиной этого, с одной стороны, стало «адресное» признание руководством ФРГ руководящей роли СССР по отношению к прочим странам социалистического содружества в соответствии с так называемой доктриной ограниченного суверенитета, или, иначе, доктриной Брежнева. Фактическое решение о признании незыблемости послевоенных границ в Европе, зафиксированное в Московском договоре 1970 г., принималось без участия Польской народной республики и ГДР, о границах которых собственно и шла речь. С точки зрения западногерманского руководства это был исключительно важный тактический маневр: помимо того, что инициативы ФРГ упирались в принципиальность позиций, занимаемых руководством этих стран, попытки установления прямых двухсторонних соглашений могли быть также неверно интерпретированы советской стороной как подрывные действия в отношении стран восточного блока по аналогии с налаживанием «особых отношений» с Румынией в 1966–1967 гг. в духе концепции «наведения мостов», а также событиями 1968 г. в Чехословакии [9; 21, с. 292–293, 300–301; 22, с. 184].

Более того, сама по себе ФРГ на международной политической арене, как правило, воспринималась не столько в качестве самостоятельного игрока, сколько в качестве носителя идей «атлантической» военно-политической системы, а ее взаимоотношения со странами социалистического содружества оценивались в контексте позиции Запада в этом вопросе. В результате любые контакты Москвы

и Бонна неизбежно переносились в глобальный контекст блокового противостояния Советского Союза и США, при этом внешняя политика ФРГ хоть и отвечала общей стратегии США в Европе, но все же имела с ней достаточно ограниченную сферу совпадения интересов. Американско-западногерманское партнерство складывалось из различия положения, роли и возможностей этих стран в мировой и европейской политике. Без помощи США ФРГ могла выступать только с декларированием своих требований, но не могла проводить практическую дипломатию по их реализации [10, с. 7, 13; 12, с. 73].

Но все же главным препятствием, лишавшим исследователей возможности объективной оценки роли «фактора ГДР» в процессе европейской разрядки, становилась официальная позиция ГДР, декларировавшая свою безоговорочную приверженность миролюбивой политике СССР, основываясь, как считалось, на классовой однородности общественно-политического строя СССР и ГДР. В научной литературе двух стран, следовавшей за официальными заявлениями партийного руководства, всячески подчеркивалось, что «залог успешного продвижения вперед всего социалистического содружества – успешное развитие каждой из входящих в него стран» [24, с. 17–18], что исключало уже саму возможность для возникновения разногласий. Национальные интересы отдельных социалистических стран были, таким образом, органично растворены в коллективном интересе всего содружества.

Тот же самый подход распространялся и на сферу внешней политики. Так, отмечая внешнеполитические успехи ГДР, уточнялось, что они в первую очередь связаны с историческими достижениями СССР в борьбе за разрядку международной напряженности и упрочение мира [4, с. 450; 5, с. 24]. Подобная установка в теоретическом плане опиралась на ленинский принцип сочетания национального и интернационального, что позволяло с формальной точки зрения отмечать обвинения Запада в подавлении Советским Союзом национальных интересов отдельных стран восточного блока и подчинении их политической воли интересам СССР [5, с. 20–21]. Этому противопоставлялись разногласия в лагере западных стран, дававшие повод делать вывод о вынужденном характере союза ФРГ и США, в котором каждый из участников искал пути решения своих собственных внешнеполитических задач за счет другого [10, с. 6–7].

Однако именно подобная, как считалось на Западе, «безальтернативная» солидарность в действиях социалистических стран на международной политической арене долгое время служила основанием для западных публицистов называть ГДР вовсе не «бастионом социализма», а «бессловесной колонией» Советского Союза. Внешняя

же политика стран восточного блока в целом, хоть и с небольшими отступлениями, но все же ставилась в зависимое от СССР положение [2, с. 102; 20, с. 224—225].

Свою негативную роль сыграла и риторика холодной войны, характеризовавшая ГДР исключительно как искусственное образование, чуждое интересам немецкого народа и порожденное советской оккупационной политикой, нашедшей свое выражение в насильственно-принудительных методах, практикуемых СЕПГ [17, с. 12].

В этом кроются причины того, что западные исследователи в своих попытках научного анализа взаимоотношений социалистических стран неизбежно оказывались в плену идеологических штампов, совершенно не допуская вариативности принятия отдельными участниками содружества самостоятельных решений.

Следуя такой логике, координация внешнеполитической деятельности понималась исключительно как согласование партийным руководством шагов тактического порядка, никак не влияющих на долгосрочное стратегическое планирование. Долгое время характерным было и восприятие руководящей элиты стран восточного блока как некоего монолита, в то время как на самом деле выработке единого внешнеполитического курса в этих странах придавалось огромное значение, и далеко не всегда принимаемое в конечном счете решение находило единодушную поддержку всех заинтересованных сторон. Напротив, к решению насущных задач предлагались самые различные подходы. Этот феномен получил название «внутрисистемного инакомыслия» [21, с. 10].

В силу обозначенных причин из внимания исследователей также совершенно ускользала схожесть ситуации, в которой оказались в конце 1960-х гг. оба немецких государства. К этому времени резко обозначился кризис внешнеполитических доктрин, строившихся на постулатах взаимного непризнания ГДР и ФРГ и все в большей степени становившихся решающим препятствием для налаживания разрядки международной напряженности. Приход к власти в ФРГ в октябре 1969 г. Вилли Брандта и социал-демократов, выступивших с качественно новой внешнеполитической платформой, отражал объективную необходимость включения Германии в этот процесс.

Ситуация усугублялась тем, что политический вес ФРГ на мировой арене, как уже отмечалось выше, оставался на необычайно низком уровне, в то время как успехи экономического развития при другой внешнеполитической ситуации позволяли бы западногерманскому руководству выступать с совершенно иных позиций [8, с. 122—123, 128]. Именно это несоответствие определяло то значение, которое Брандт придавал успеху реализации новой восточной политики. Он не скрывал,

что «...восточная политика, помимо всего прочего, преследует цели добиться для Федеративной Республики равноценного положения также по отношению к нашим западным партнерам» [12, с. 73].

Не случайно с самого начала развертывания интеграционных процессов в Западной Европе ФРГ непосредственно рассматривала свое участие в таких транснациональных объединениях, как Европейское объединение угля и стали и Евратом, в качестве средства завоевания бóльшей политической самостоятельности, а в перспективе — и признания своего суверенитета. Аналогично этому решалась задача преодоления дипломатической блокады и руководством ГДР — прежде всего через налаживание и координацию внешнеэкономических отношений внутри Совета экономической взаимопомощи. Большое значение также придавалось развитию торговых связей с развивающимися странами и участию ГДР в таких международных экономических организациях, как ЮНКТАД [23].

В этой связи особую остроту приобретал вопрос международно-правового статуса обоих немецких государств в системе международных отношений, основанный на тезисе о неправомерности притязаний ГДР или ФРГ по отдельности представлять интересы всего немецкого народа.

В частности, отмечая рост влияния ГДР в восточном блоке, западногерманские исследователи пытались доказать, что экономическое сотрудничество в рамках СЭВ противоречит ее национальным интересам и ущемляет суверенитет. Нередко можно было встретить утверждения, что зависимость от экспортных поставок Советского Союза вынужденно ограничивала свободу действий ГДР во внешней торговле с капиталистическими странами, в том числе с ФРГ [25, S. 65—67].

Проведение в ГДР в середине 1960-х гг. экономических преобразований дало основание говорить о наличии противоречия между требованиями индустриального развития общества и коммунистическими методами управления экономикой и необходимости «изменения социализма изнутри». Новая экономическая модель, принятая VI съездом СЕПГ в январе 1963 г., истолковывалась на Западе как проявление элементов капиталистического хозяйствования, на основании чего делался вывод о том, что ГДР потеряла перспективы дальнейшего социалистического строительства и находится на пути к реставрации капитализма, что создает возможность для устранения конфликтов между двумя германскими государствами и конвергенции их общественно-политических систем [1, с. 221; 19, с. 190].

Что характерно, идеологическое противостояние ГДР и ФРГ весьма ограниченно распространялось на сферу их экономического сотрудничества, в котором были заинтересованы оба немецких государства. В частности, на переговорах, предше-

ствовавших заключению в 1957 г. Римских соглашений, было принято требование ФРГ не считать «советскую зону оккупации», иначе говоря ГДР, иностранной державой, а значит и торговлю между ними следовало рассматривать исключительно как внутригерманскую, не облагаемую таможенными сборами и пошлинами [6, с. 86, 90]. Советское руководство с неодобрением отмечало рост значения внутригерманской торговли для ГДР и существенное усиление в этой связи экономического давления на нее ФРГ. Как следовало из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 1 декабря 1969 г., «...в настоящее время торговля между ГДР и ФРГ достигла или приближается к такому рубежу, переход которого был бы чреват нежелательными политическими последствиями» [15, л. 23].

Таким образом, оба немецких государства, опасаясь стать «лишними» в ландшафте холодной войны, шли на определенный политический риск, прилагая максимум усилий для интенсификации развития собственных экономик. Но если западные немцы все же старались проводить достаточно гибкий курс по отношению к внешней политике США в регионе, то руководство ГДР принципиально отстаивало за собой право на определение позиции социалистического лагеря по отношению к ФРГ, что не могло не вызвать определенного раздражения в Москве. Даже несмотря на события 1968 г. в Чехословакии, к которым апеллировал Ульбрихт в качестве примера вмешательства ФРГ во внутренние дела и потенциальной угрозы прямой военной агрессии НАТО в отношении социалистических стран в Европе, советским руководством подобные допущения не были восприняты всерьез: в своей оценке краха А. Дубчека и Пражской весны решающее место отводилось не столько подрывным действиям Запада, сколько несостоятельности чехословацкого реформизма [16, л. 16], что, в свою очередь, негативно сказывалось на репутации Ульбрихта как сторонника экономических реформ и тем самым служило идейной подпиткой его противников в СЕПГ.

Сложившаяся ситуация, несмотря на известный популизм внешнеполитических заявлений Брандта, создавала благоприятные перспективы для советско-западногерманского экономического сближения. Как следовало из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 1 декабря 1969 г., советское руководство придерживалось мнения, что именно заинтересованность деловых кругов ФРГ в дальнейшем развитии торговых отношений с СССР удерживает правительство ФРГ от шагов, заключающих в себе опасность обострения отношений со странами социалистического сотрудничества. Это, в частности, подтверждалось положительной динамикой установления и поддержания прямых контактов с западногерманскими фирмами на протяжении 1969 г. С учетом того, что в 1970 г.

вступало в силу положение, ограничивающее страны ЕЭС в заключении двухсторонних договоров, возможность подписания долгосрочного торгового соглашения отвечала как интересам СССР, считавшим предпринимаемые странами Общего рынка «защитные мероприятия» дискриминационными, так и интересам ФРГ, нуждавшейся в укреплении своих позиций в конкурентной борьбе с американскими, британскими, французскими и японскими предприятиями [15, л. 19–20].

В результате опасения, вызываемые очевидной заинтересованностью Москвы в улучшении отношений с Бонном, заставили Ульбрихта активизировать усилия внешней политики ГДР, направленные на консолидацию позиции социалистического сотрудничества в отношении новой восточной политики Брандта. 3–4 декабря 1969 г. по инициативе ГДР в Москве состоялась встреча руководства стран восточного блока. Позиции СССР и ГДР в оценке прихода к власти социал-демократов и образования нового западногерманского правительства оказались в значительной мере схожими. Так, по мнению Ульбрихта, смена правительства ФРГ не только не привела к каким-либо коренным изменениям во власти, но более того – дополнила и усилила ее, включив в правящие круги Западной Германии социал-демократические силы, тесно связанные с рабочим классом, и сбалансировав тем самым общественные настроения внутри страны [17, л. 7; 10–11]. Однако если Л.И. Брежнев все же допускал использование сложившейся ситуации для решения задач «на перспективу» и выказывал готовность принимать в этой связи компромиссные решения, то Ульбрихт в категоричной форме указывал на принципиальную невозможность предпринимать какие-либо шаги навстречу ФРГ, тем более – в одностороннем порядке, без согласования с остальными странами восточного блока. Основным условием ведения диалога, как и прежде, оставалось взаимное международное признание ГДР и ФРГ: «только после этого... установление дипломатических отношений между странами народной демократии и ФРГ может быть политически приемлемым без ущерба для нашего общего дела» [17, л. 33].

Дальнейший обмен мнениями по вопросу о выработке единой тактики в отношении ФРГ выявил разную степень готовности партийных лидеров к конкретным внешнеполитическим шагам.

Наиболее близкую ГДР позицию ожидаемо занимал Первый секретарь Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка, опасавшийся, что неучитывание интересов ГДР в настоящий момент автоматически допускало в дальнейшем возможность пересмотра ранее заключенных соглашений, а вместе с тем – и государственных границ Польши. Именно поэтому отправной точкой диалога с ФРГ следовало, по его мнению, считать

окончательное и безоговорочное признание Западной Германией Згожелецкого договора между ГДР и ПНР от 6 июня 1950 г., зафиксировавшего границу между странами по Одеру и Нейсе, что отвечало бы «не только жизненным интересам Польши, но также интересам всех социалистических стран, интересам мира и безопасности в Европе» [17, л. 42].

Генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Тодор Живков вовсе заявил, что для нормализации отношений с ФРГ еще не сложились условия. Шаткая позиция Брандта в бундестаге вынуждает его пытаться укрепить свое положение во власти за счет популистских дипломатических заявлений, за которыми не следует конкретных действий. Подлинные же намерения нового правительства смогут показать только результаты возможных переговоров между ГДР и ФРГ «по вопросам об отношениях этих двух суверенных и независимых германских государств» [17, л. 12, 13–14].

За согласованные с ГДР действия в отношении ФРГ выступал и Первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии Густав Гусак. Но в отличие от Живкова он считал неправильным ограничиваться выжидательной позицией и требовал «побуждать Брандта к действиям, которые бы отвечали нашим целям и нашим намерениям». Гусак также с сожалением отмечал, что новая восточная политика все же обнаруживает в себе значительную преемственность прежнему внешнеполитическому курсу ФРГ [17, л. 24].

Наиболее осторожную позицию в рассматриваемом вопросе занимал Генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар, предложивший ограничиться в сотрудничестве с ФРГ, как и прежде, экономической его составляющей: «Большинство наших стран вот уже длительное время имеет широкие экономические связи с ФРГ. Это соответствует проводимому нами принципу мирного сосуществования. <...> Расширение наших экономических связей с ФРГ может, по нашему убеждению, способствовать и достижению наших политических целей» [17, л. 41].

На этом фоне достаточно резко прозвучало выступление Генерального секретаря Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску. По его мнению, недооценка положительного значения сдвигов в ФРГ может не только замедлить ритм улучшения международного положения в Европе, но и привести к повторению ошибок 1930-х гг., когда недооценка роли социал-демократов в антифашистском фронте способствовала приходу Гитлера к власти [17, л. 61].

Чаушеску призвал «придать большое значение расширению контактов... содействующих развитию отношений между каждой социалистической страной в отдельности и ФРГ», а также целесоо-

бразности любых действий, «которые привели к установлению дипломатических отношений между соцстранами и ФРГ». Чаушеску особо подчеркивал, что это не должно ставиться под условие предварительного установления отношений между ГДР и ФРГ [17, л. 55].

Заведомо ультимативная позиция Ульбрихта, полагавшего, что «...ни о каком подчинении ГДР условиям боннского правительства не может быть и речи» [17, л. 21], фактически лишала Брандта какой-либо свободы дипломатического маневра без риска для своего внутри- и внешнеполитического положения [21, с. 287], что подтвердили последовавшие за этим в марте и мае 1970 г. встречи В. Брандта и главы Совета министров ГДР Вилли Штофа.

Побудить ГДР к сотрудничеству с ФРГ путем двусторонних переговоров без предварительной договоренности с СССР оказывалось, таким образом, невозможным [21, с. 300–301]. Московский договор 12 августа 1970 г. между СССР и ФРГ зафиксировал существующие послевоенные границы в Европе и отсутствие территориальных претензий. Его заключение послужило прологом к подписанию 21 декабря 1972 г. договора об основах отношений между ГДР и ФРГ.

Однако, несмотря на то что Московский договор стал фактическим признанием суверенитета ГДР, проявленное Ульбрихтом недовольство советской политикой, наряду с обозначившимся ранее желанием освободиться от слишком жесткого идеологического и политического контроля со стороны СССР, привели к его отставке в 1971 г. с поста Первого секретаря ЦКПГ. Успешная реализация новой восточной политики, ставшей символом перехода от конфронтации к разрядке международной напряженности, положила конец эпохе ограниченного реформизма Ульбрихта. Несмотря на общее настороженное отношение к правительству Брандта, изменение внутривосточной ситуации в ФРГ открывало новые горизонты во взаимоотношениях между Западом и странами социалистического содружества, и бескомпромиссная позиция, занимаемая руководством ГДР, становилась в этих условиях самодовлеющей.

Создание договорно-правовой основы для нормализации отношений, бывшее на протяжении 1960-х гг. одним из определяющих векторов внешнеполитического развития ГДР, было достигнуто во многом вопреки стратегической линии Ульбрихта и перечеркивало тем самым усилия его экономической дипломатии, в основу которой и были положены успехи внутриэкономических преобразований в ГДР, а также попытки их перенесения в сферу внешнеэкономической деятельности по линии СЭВ. Новое руководство ГДР во главе с Эрихом Хонеккером фактически отказалось от самостоятельности во внешней политике и пред-

почло, следуя в фарватере политики разрядки и в целях обеспечения стабильности режима СЕПГ, проводить предельно лояльный курс в отношении СССР. Как оказалось в дальнейшем, выбранный Хонеккером путь оказался в стратегическом плане наименее перспективным из возможных: усугубив импортную зависимость ГДР от Советского Союза, он менее чем за десятилетие привел ГДР к стагнации экономического развития и политическому банкротству СЕПГ.

Библиографический список

1. *Ватлин А.Ю.* ГДР: Строительство социализма в эпоху В. Ульбрихта (1945–1971) // *Германия в XX веке.* – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 248–274.
2. *Виноградов В.И.* Из истории нормализации и развития взаимоотношений ГДР и США // *Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время.* – Вып. V. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1977. – С. 101–105.
3. *Внешняя политика и международные отношения ГДР.* – М.: Прогресс, 1974. – 294 с.
4. *ГДР: становление и рост / под ред. А.Я. Богомолова.* – М.: Прогресс, 1977. – 455 с.
5. *Гроссман А.С.* СССР – ГДР: сотрудничество и сближение (новейшая историография истории ГДР и отношений двух стран 1979–1984) // *Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки.* – М.: МГИАИ, 1985. – С. 17–31.
6. *Грюнер В.* Европейская интеграция и германский вопрос с 1945 г.: проблемы и перспективы // *История европейской интеграции (1945–1994) / под ред. А.С. Намазовой и Б. Эмерсона.* – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995. – С. 68–107.
7. *Клессман К.* Советские и национальные компоненты в истории ГДР в эпоху Ульбрихта // *Власть и общество в условиях диктатуры: Исторический опыт СССР и ГДР. 1945–1965 гг.* – Архангельск: Поморский университет, 2009. – С. 81–89.
8. *Кремер И.С.* ФРГ: этапы «восточной политики». – М.: Международные отношения, 1986. – 224 с.
9. *Липкин М.А., Филитов А.М.* Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: советско-западногерманские отношения в конце 1960-х – начале 1970-х гг. // *История: электронный научно-образовательный журнал.* – 2015. – Вып. 2 (35). [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <http://history.jes.su/s207987840000989-6-1> (дата обращения: 27.09.2015).
10. *Нарочницкая Н.А.* США и «новая восточная политика» ФРГ. – М.: Наука, 1977. – 175 с.
11. *Недорезов А.И.* Об изучении в СССР истории социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы // *Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.* – М.: Наука, 1979. – С. 5–20.
12. *Новик Ф.И.* Восточная политика ФРГ в 70-х гг. // *Ежегодник германской истории.* – М.: Наука, 1982. – С. 71–89.
13. *Павлова-Сильванская М.П.* Строительство развитого социалистического общества в ГДР. – М.: Наука, 1979. – 240 с.
14. *Петелин Б.В.* Крах ГДР: эволюция оценок в российской историографии // *История: электронный научно-образовательный журнал.* – 2014. – Т. 5. – Вып. 3 (26). [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <http://history.jes.su/s207987840000710-0-1#2> (дата обращения: 12.08.2015).
15. РГАНИ. – Ф. 3. – Оп. 72. – Д. 304.
16. РГАНИ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 235.
17. РГАНИ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 410.
18. *Сазонов Ю.А.* Новые тенденции в буржуазной литературе ФРГ о ГДР // *Критика современных буржуазных исторических концепций.* – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1977. – С. 3–32.
19. *Сапова Н.В.* Советская историография социалистического строительства в ГДР, 1949–1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 18 с.
20. *Сухоруков С.Р.* Актуальные проблемы истории ГДР в западногерманской историографии // *Ежегодник германской истории.* – М.: Наука, 1981. – С. 214–231.
21. *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. – М.: Наука, 2009. – 333 с.
22. *Филитов А.М.* Советский Союз и «новая восточная политика» ФРГ // *Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы.* – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2003. – С. 163–186.
23. *Яблоков Б.В.* Экономическая дипломатия ГДР 1963–1973 гг. в контексте политики разрядки // *История: электронный научно-образовательный журнал.* – 2015. – Т. 6. – Вып. 2 (35). [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <http://history.jes.su/s207987840000982-9-1#25> (дата обращения: 12.08.2015).
24. X съезд Социалистической единой партии Германии. – М.: Политиздат, 1982. – 216 с.
25. *Osten W.* Die Aussenpolitik der DDR im Spannungsfeld zwischen. – Moskau und Bonn, Verlag: Leske Verlag Opladen, 1968. – 124 s.

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В АМЕРИКАНСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1981–1988 ГГ.)

В статье освещаются основные события и закономерности геополитического соперничества США и СССР в Польской Народной Республике на завершающем этапе холодной войны. Автор аргументирует тезис о том, что события 1980–1981 гг. в Польше сделали её приоритетом американской внешней политики. Задачи относительно СССР, которые реализовывались посредством «польской политики», заключались в его материальном и психологическом истощении и дискредитации в глазах мировой общественности. Цель Вашингтона в отношении Варшавы сводилась к стимуляции оппозиционного движения, в перспективе – его приведении к власти, проведении либерально-демократических реформ и выводу страны из Варшавского договора. Тактика достижения поставленных задач заключалась, прежде всего, в информационном воздействии на ПНР (поощрение деятельности антиправительственных телерадиосетей), которое осуществлялась в совокупности с экономическими (торговое эмбарго и финансовое давление), военно-политическими (проведение учений в соседних регионах) и дипломатическими (создание максимально широкой коалиции государств, поддерживавших польскую оппозицию) акциями США.

Ключевые слова: США, СССР, ПНР, оппозиция, «Солидарность», геополитика, конфликт.

Глобальное противостояние СССР и США, названное в 1947 г. Б. Барухом холодной войной, вызвало к жизни множество локальных конфликтов и очагов напряжённости. Однако среди всех регионов мира для Москвы и Вашингтона наибольшее значение имели европейские страны. В свою очередь, ключевой страной социалистической части Европы была Польша. Представляя в военном и экономическом отношениях одно из важнейших государств восточного блока, ПНР вместе с тем оказалась его «слабым звеном». Причинами этого были: наличие собственной имперской традиции, преданность римско-католической церкви, культурные связи с западноевропейскими народами, проживание в США миллионов польских эмигрантов. С учётом этого, в серии политических кризисов, периодически вспыхивавших в этой республике (1956, 1968, 1970 гг.), наибольшей остроты достигли события начала 1980-х гг. Причины данного кризиса имели прежде всего внутренний характер; тем не менее деятельность США по укреплению оппозиционных сил является очевидным и вместе с тем малоисследованным фактом. Итак, предметом данной статьи являются особенности политики Вашингтона и Москвы по отношению к Варшаве в 1980-е гг. Для реализации поставленной цели решаются такие задачи: определить место Польши во внешней политике США в контексте холодной войны; установить цели и задачи США в отношении неё; проанализировать тактические средства достижения поставленных целей.

Внутренняя политика социалистического правительства Польши, заключавшаяся в ограничении индивидуального предпринимательства, и сам факт покорения историческому сопернику опосредовали невысокий авторитет власти в определённых слоях польского населения. Отсчёт событиям, поляризовавшим польское общество, был дан 14 августа 1980 г., когда началась забастовка

на Гданьской судостроительной верфи им. Ленина. На следующий день забастовка распространилась и на другие предприятия, а в ночь на 17 августа образовался межзаводской забастовочный комитет во главе с Лехом Валенсой. События развивались стремительно, и после подписания 31 августа соглашения с рабочими в Гданьске возник первый в социалистическом содружестве негосударственный профсоюз «Солидарность», который вскоре обрёл черты широкого социально-политического движения. При наличии сильного аппарата государственной безопасности эффективная деятельность и победа «Солидарности» была крайне затруднена. Поэтому единственным выходом была ориентация его лидеров на внешние силы, а именно – на западные государства, возглавляемые США.

Вскоре после начала польского кризиса пост президента США занял Р. Рейган, чья стратегия борьбы в холодной войне значительную роль отводила соседним с СССР государствам: там, где существовал конфликтный потенциал, должны были проводиться акции, направленные на дестабилизацию ситуации. Итак, после появления на польской политической сцене упомянутого профсоюза США стремились реализовать политическую линию в духе деструктивного влияния на страны Восточной Европы. Выступая с речью в университете Нотр-Дам, Р. Рейган, в частности, упоминал и о польских событиях, подчеркнув, что оппозиционное движение и создание «Солидарности» свидетельствуют о кризисе и неизбежности краха коммунизма; по его мнению, отрицание одной из базовых ценностей человеческого общества – свободы – является преступным, следовательно, и сама коммунистическая система ошибочна и аморальна в своей основе [9]. Р. Рейган обвинял лидеров Советского Союза в непоследовательности соблюдения линии курса на улучшение американо-советских отношений, акцентируя внимание

на советской политике в Польше и переговорах по контролю вооружений [6, с. 105].

О большом значении Варшавы во внешней политике США говорил тот факт, что новой вашингтонской администрацией «польский вопрос» был рассмотрен уже через десять дней после инаугурации Рейгана – на заседании 30 января 1981 г., когда обсуждалась тема тайных наступательных операций против Советского Союза. В ближайшее окружение Рейгана, ответственное за принятие важных решений в государстве, входили вице-президент Дж. Буш, К. Уайнбергер, А. Хейг, У. Кейси и Р. Аллен, который председательствовал на этой встрече, доказывая ошибочность политики США в отношении СССР. «Дискуссия была очень оживлённой, – вспоминал Уайнбергер. – Именно тогда мы решили, что существует необходимость занять твёрдую позицию по польскому вопросу. Не только для того, чтобы предотвратить вторжение, но и чтобы найти возможность ослабить советскую власть в Польше» [4, с. 13].

Эффективным и недорогим инструментом давления на социалистическое правительство Польши, а вместе с тем и на Кремль была массовая информация. Теоретической базой этого вида деятельности в Польше были проекты «Истина» и «Демократия». Первый из этих проектов, разработанный Советом национальной безопасности, предусматривал резкое увеличение информационного потока на страны Восточной Европы, прежде всего на Польшу. Ещё более идеологически и политически действенным оказался проект «Демократия», в соответствии с которым в Польше семь западных радиостанций начали массированное вещание диверсионных передач. Среди прочего, подавалась фальшивая информация относительно характера связей Москвы и Варшавы, которые характеризовались как «неравноправные отношения», «экономический грабёж» Польши и «односторонние выгоды» для СССР, информация о дотациях последнего в энергетическом секторе при этом замалчивалась. Подобные настроения должны были способствовать ослаблению государственных структур, росту влияния оппозиционных группировок, усилению недоверия к правительству и, как следствие, усилению антисоветских настроений. Кроме того, возросло количество подрывной литературы, нелегально ввозимой в республику [2, с. 15–16].

Наряду с резидентурой важным каналом связи с польской оппозицией был костёл. Контакты с Ватиканом касательно «польского вопроса» упрощались по причине избрания главой католической церкви в 1978 г. Кароля Войтылы, поляка по происхождению, антима르크систские взгляды которого, как и способность влиять на массовое сознание, были широко известными. Итак, наличие общих интересов США и Ватикана способствова-

ло установлению контактов администрации Рейгана с престолом. В течение своих президентских сроков он провёл несколько встреч с Папой Римским [8, с. 577–595].

Тем временем кризис в польской экономике углублялся, психологическая обработка населения была весьма ощутимой: на улицах происходили открытые провокации, население требовало выборов на многопартийной основе и независимых профсоюзов, в 1981 г. проходили массовые забастовки. Такое положение вещей привело к сокращению промышленного производства и снижению импорта, в результате чего в республике ощущалась нехватка продовольствия. В связи с этим страна была близка к банкротству, поскольку имела значительную внешнюю задолженность, для погашения которой требовались 12 млрд долл. Учитывая то, что министерство финансов Польши не могло вернуть и половины этой суммы, реакцией Москвы была передача Варшаве суммы в размере 4,5 млрд долл. и увеличение поставок энергоносителей и сельскохозяйственной продукции. Итак, наиболее действенным средством давления на Варшаву был финансовый фактор, поэтому Белый дом стремился закрыть возможность получения краткосрочных кредитов западных банков, которые Польша могла бы безболезненно выплатить. Исходя из этого, в июле 1981 г. комитет американских банков выработал позицию, которая была рекомендована другим банкам мира для переговоров в отношении польских долгов: они должны были занять бескомпромиссную позицию и поставить перед Варшавой требование незамедлительно их возвернуть; кроме того, условием получения последующих кредитов было проведение ряда реформ [1, с. 523].

Давление в сочетании с предложением Вашингтона своей финансовой помощи и торговли было направлено на вырывание Польши из социалистического содружества, поэтому отказ последней от дефолта можно было расценивать как провал американской дипломатии. Следовательно, США продолжали свою борьбу за Варшаву: было принято решение о «закручивании экономических гаек», в роли которых могли выступить торговые санкции, введённые Соединёнными Штатами и поддержанные другими государствами западного блока. 9 октября президент Рейган остановил для Польши режим наибольшего благоприятствования в торговле с США (на практике это означало, что тарифы на польскую продукцию, экспортируемую в Америку, выросли на 300–400 процентов, что практически исключило её на американском рынке). Впрочем, свои действия Белый дом позиционировал как направленные против коммунистического правительства, а не народа Польши, поскольку условием восстановления торговли и отсрочки выплаты долгов была легализация «Солидарности» и начало «национального диалога».

Санкции США против ПНР заставляли Москву оказывать последней финансовую помощь от 1 до 2 млрд долл. ежегодно; вместе со значительными затратами на решение «афганского вопроса» и экономической войной США против СССР в нефтегазовом секторе подобные действия приводили советский бюджет к значительным убыткам.

Стремительное обострение ситуации в ПНР повлекло дальнейшее усиление интереса Белого дома к «Солидарности», поэтому к середине февраля 1981 г. Кейси разработал план её материальной поддержки, предусматривавший передачу современных средств связи и обучение её членов пользованию ими, а также передачу средств и разведанных ЦРУ. Помощь должна была поступать через Национальный фонд поддержки демократии и благотворительные организации Ватикана, при посредничестве которых из США в Польшу начали поступать литература и копировальная техника. В распоряжение профцентра «Солидарность» были также предоставлены сотни радиостанций, печатных станков, телефонных аппаратов, коротковолновых передатчиков и телефаксов, компьютеров и другой оргтехники. Средства прежде всего направлялись издательствам, специализировавшимся на публикации политической литературы: «Nowa» и «Krag». Кроме того, начали выходить периодические издания «Krytyka» и «Tygodnik Mazowsze», выступивший официальным органом «Солидарности». Другим успехом США было налаживание каналов передачи из ЦРУ в руки «Солидарности» информации о ходе событий в высших эшелонах власти.

В начале сентября 1982 г. Р. Рейган продолжил политику, направленную на обострение кризиса в Советском Союзе, что побудило его к подписанию 2 сентября директивы NSDD-54 под названием «Политика Соединённых Штатов в отношении Восточной Европы». Согласно документу, одной из главных задач администрации провозглашалась поддержка либеральных сдвигов в регионе, продвижение гражданских прав и свобод человека в странах Восточной Европы, популяризация западного образа жизни среди их населения, поддержка развития частной собственности и уменьшение их политической и экономической зависимости от СССР [7].

Впрочем, возможности американского руководства по осуществлению активного вмешательства во внутренние дела социалистических стран были ограниченными, в отличие от способности эмоционально реагировать на них. В марте 1983 г. А. Хейг публично заявил, что советское вторжение в Польшу вызовет продажу Вашингтоном современного оружия Китаю, отношения Кремля с которым на тот момент не были дружественными. Кроме того, Рейган отправил в Москву сообщение о том, что военная акция вызовет ответную реакцию со сто-

роны Соединённых Штатов [11, с. 30]. На силовую активность СССР и проведение учений странами Варшавского договора США ответили симметрично: на территории Дании, а также других стран Западной Европы были проведены масштабные манёвры НАТО – «American Express» и «Autumn Forge». Таким образом, «польская проблема» приобрела международный характер и провоцировала новый виток конфронтации по линии Восток – Запад.

Вопреки угрожающей ситуации в мире, подготовка к введению в Польшу военного положения продолжалась; в течение нескольких месяцев силы безопасности республики проводили учения под условным названием «Операция “В”». Для контроля над введением военного положения в Варшаву прибыл В.Г. Куликов (командующий объединёнными силами стран ОВД). Было мобилизовано 250 тыс. военных и сотрудников полиции, на улицах городов появилась тяжёлая техника, были выключены частные телефоны и перекрыты государственные границы. 13 декабря 1981 г. польский премьер-министр генерал В. Ярузельский объявил о введении военного положения и о том, что вся власть находится в руках Военного совета национального спасения. Одновременно произошла попытка разгрома «Солидарности»: арестованы 5 тыс. её функционеров, а к середине февраля – ещё 35 тыс. активистов и руководителей, средства и имущество организации были конфискованы. Коммуникация членов организации стала невозможной. Таким образом, возможность организованной деятельности оппозиции была сведена на нет. Избежали ареста лишь несколько руководителей: С. Буяк, В. Хардек, Б. Лис и В. Фрасинюк.

Американские политики уверяли, что введение военного положения, так же как его молниеносность и применение значительных сил, оказались для них полной неожиданностью, персонал Белого дома был захвачен врасплох. На следующий день, 14 декабря 1981 г., президент Рейган обсуждал со своими ближайшими советниками (Дж. Бушем, В. Кларком, А. Хейгом, К. Уайнбергером, Э. Мизом, Р. Пайпсом и У. Кейси) ситуацию в Польше и возможные действия Соединённых Штатов. Этим политикам приходилось учитывать действие в общественном сознании и политических кругах так называемого вьетнамского синдрома – неприемлемости прямого участия США в международных кризисах. Итак, дальнейшее финансирование и проведение операции спасения «Солидарности» было решено проводить вне традиционных государственных каналов и без информирования Конгресса.

Объявление военного положения в Польше для администрации США оказалось поворотным моментом, и вскоре в рамках стратегической обороны была развёрнута деятельность, имевшая своей

целью подрыв советской мощи. В течение следующих нескольких месяцев были подписаны тайные директивы, в которых отражались принципы политики США: ослабление влияния СССР, а также призыв к масштабной экономической войне против него, поддержка оппозиции в других странах социалистического блока. В декабре 1981 г. американская администрация объявила о введении дополнительных санкций против СССР из-за поддержки, которую он оказывал «репрессивной политике руководства Польши».

В октябре 1982 г. генерал Ярузельский приложил максимум усилий для ослабления подполья, которое всё ещё не было подавлено. Польский сейм одобрил устав о профсоюзах, на основании которого «Солидарность» была признана нелегальной организацией, и теперь силы безопасности могли арестовывать её деятелей на основании закона. 30 декабря того же года правительство формально было вынуждено прекратить задержку оппозиционеров, однако аресты продолжались. Последняя волна арестов охватила подпольные типографии; кроме того, в Познани были раскрыты каналы, которые вели к зарубежным счетам, и арестован склад аппаратуры американского происхождения. В начале 1983 г. были задержаны семь руководителей «Солидарности» и пять диссидентов из Комитета защиты рабочих, которым предъявлялись обвинения в попытке подрыва существующего строя. Важным фактором живучести «Солидарности» было наличие отдела безопасности и разведки, в котором работали специалисты, прошедшие подготовку с помощью ЦРУ.

Программа тайных операций в Польше давала свои результаты, однако в 1983 г. У. Кейси решил изменить её структуру. Прежде руководство этой программой осуществлялось управлением ЦРУ во Франкфурте при содействии агентов варшавской базы. Однако такой порядок не был удобным и к тому же ограничивался лишь финансированием оппозиции; при этом одних только денег было недостаточно, поэтому президент стремился увеличить помощь. Соответственно, существовала необходимость дополнительного тайного канала для передачи основных материалов, поставка которых была аналогом сотрудничества с афганскими моджахедами. Часть продукции удавалось поставлять через профсоюзный центр; кроме того, транзитным пунктом переправки деятелей движения и приборов связи выступила Швеция. В октябре Кейси провёл с представителями этой страны встречу, в ходе которой стремился убедить их увеличить своё участие в «польском вопросе». В ходе телефонного разговора Кейси с Улофом Пальме, длившегося всего десять минут, последний согласился сделать всё, что в его силах, создав в течение недели инфраструктуру, необходимую для обслуживания помощи, посылавшейся Польше.

Несмотря на арест, видные деятели оппозиции (Я. Куронь, А. Михник, С. Ромашевский и Г. Вуец) продолжали свою деятельность, рассылая, в частности, письма. Попадая на радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа», они становились доступными для широкой общественности Западной Европы. В результате интерес Запада к «польскому вопросу» продолжал расти. Со стороны Белого дома было решено продолжать действие санкций до тех пор, пока не будут проведены внутренние реформы и реабилитированы политические заключённые; помощь «Солидарности» продолжалась, поступая через Брюссель и Стокгольм. 23 февраля 1983 г. вновь организовало свой эфир радио «Солидарность», а 22 июня под нарастающим давлением интеллигенции и церкви было отменено военное положение. Официальные власти были вынуждены пойти на диалог с оппозицией и под нажимом «Солидарности» перейти к политике уступок.

Итак, до середины 1980-х гг. Польша оставалась одним из фронтов холодной войны двух сверхдержав. Москва прилагала максимум усилий для сохранения в республике социалистического строя, предоставляя правительству Ярузельского экономическую, разведывательную и военную помощь. В то же время Вашингтон продолжал тайную акцию по финансовой и материальной помощи подполью, также посылая «Солидарности» информацию разведки. В середине десятилетия ей поступала помощь, достигавшая 8 млн долл. в год. Противоборство продолжалось, и даже амнистия, объявленная 22 июля 1984 г., не изменила позицию «Солидарности», лидер которой Лех Валенса обещал «продолжать борьбу до победного конца». В свою очередь, в начале 1985 г. служба безопасности возобновила контрмеры, и вскоре он вместе с Б. Лисом, В. Фрасинюком, С. Хандзлик, Я. Полубиским и А. Михником был арестован. Однако наибольшие усилия со стороны государства были направлены на выявление и прекращение поставки средств и материалов для подполья с Запада. Активная роль ЦРУ и посредничество Ватикана в эскалации кризиса в Польше были очевидными, впрочем, возможность противодействия им была ограниченной [4, с. 319]. Исходя из этого, персонал посольства США в Варшаве и консульский отдел в Кракове пребывали под постоянным наблюдением. Впрочем, посольство было не единственным и не главным звеном в этой сети, поэтому тщательное наблюдение, высылка некоторых сотрудников и прекращение авиапочты для американских дипломатов не могли оказать существенного влияния на ход событий. Моральным поражением для властей оказалась варшавская демонстрация с участием 15 тыс. человек, организованная сторонниками «Солидарности» 1 мая 1985 г. Кроме того, продолжалась печать подпольной литературы. На-

конец, во второй половине 1980-х гг. происходило постепенное снижение политической активности польского общества, одновременно угасал и накал борьбы между правительством и оппозицией. Среди причин этого следует отметить политику перестройки в СССР, которая оказала чрезвычайное влияние на дальнейший процесс социально-экономического развития стран Восточной Европы; в данный период, кроме ликвидации Берлинской стены, Р. Рейган фокусировал своё внимание на «польском вопросе», продолжая поддержку прозападной оппозиции. В течение финальных двух лет на посту президента этот курс служил одной из опор его внешней политики [10]. В конце концов стратегия Соединённых Штатов оказала нужный эффект: продолжив своё существование, «Солидарность» смогла заставить официальные власти сесть за стол переговоров, в результате чего Польша оказалась первой страной ОВД, предпринявшей шаги по выходу из социалистического содружества [5, с. 410].

Библиографический список

1. Млечин Л. Холодная война: политики, полководцы, разведчики. – М.: Центрполиграф, 2009. – 574 с.
2. Новак А. Информационная политика США по отношению к Польше в первой половине 80-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 22 с.
3. Окорочков А.В. СССР в борьбе за мировое господство. – М.: Яуза, 2009. – 448 с.
4. Швейцар П. Победа. – Минск: Авест, 1995. – 464 с.
5. Busch A. Ronald Reagan and the Defeat of the Soviet Empire // The Cold War. – Vol. 2. – N.Y.: Routledge, 2001. – 532 p.
6. Kengor P. The Crusader: Ronald Reagan and the Fall of Communism. – N.Y.: Harper&Collins, 2006. – 432 p.
7. NSDD 54 (US Policy towards Eastern Europe). September 2, 1982 [Электронный ресурс] Federation of American Scientists. – Режим доступа к документу: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-054.htm>.
8. Pope's Trip to Poland // Historic Documents of 1983. – Washington: Congressional Quarterly inc., 1984. – 683 p.
9. Reagan R. Address at Commencement Exercises at the University of Notre Dame. May 17, 1981 [Электронный ресурс] Ronald Reagan Presidential Library. – Режим доступа к документу: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/51781a.htm>.
10. Reagan R. Statement on the Fifth Anniversary of the Solidarity Movement in Poland. August 31, 1985 [Электронный ресурс] Ronald Reagan Presidential Library. – Режим доступа к документу: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/83185b.htm>.
11. The Reagan Diaries. Ronald Reagan / [ed. by Brinkley D.] – N.Y.: Harper Collins Publishers, 2007. – 751 p.

ПЕРЕВОДЫ КОНАН ДОЙЛЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА ДЕТЕКТИВА В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье раскрывается история возникновения китайского детектива. Предшественниками современного китайского детектива стали «романы о судьях» (гунъань сяошо) и уся – «героико-авантюрная рыцарская проза». На рубеже XIX–XX вв. начался процесс перехода от классической «судебной прозы» к новому жанру детективов. В первые годы XX в. с западных языков на китайский были переведены сотни романов и рассказов, в том числе и рассказы Конан Дойля. Первым автором китайских национальных детективов считается Чэн Сяоцин, опубликовавший в 1919 г. рассказ «Тень в свете лампы». Главный герой этого сочинения, сыщик Хо Сан, стал героем тридцати историй этого автора. В своих сочинениях Чэн Сяоцин постепенно отходит от черт, свойственных китайской судебной прозе, перенимая многое из романов Шерлока Холмса. Отличительной чертой творческой манеры Чэн Сяоцина является то, что сюжеты он заимствует из громких судебных разбирательств, происходивших в XIX в., но переносит действие в современную ему жизнь, в духе западных детективов дает психологический портрет героев. Чэн Сяоцин создает национальный, понятный и любимый читателями «китайский» детектив.

Ключевые слова: литература Китая, А. Конан Дойл, детектив, переводы западной прозы, судебный роман.

В китайской литературе в конце XIX в. еще не существовало как самого слова «детектив», так и литературного жанра (точнее, жанровой разновидности), обозначаемого понятием «детектив». В то же время был весьма популярен жанр авантюрного романа, в котором, по определению исследователя китайских романов периода Цин (VII – начало XX в.) В.И. Семанова, соединились два поджанра: «романы о судьях» (гунъань сяошо) [3, с. 271], история которых к началу прошлого века уже насчитывала несколько столетий, и уся – «героико-авантюрная рыцарская проза», по терминологии Д.Н. Воскресенского [1, с. 374]. Детектив, как известно, явление массовой культуры. Применительно к Китаю рассматриваемого периода термин «массовая культура» или «массовая литература» вряд ли приемлем. «Романы о судьях» и «рыцарская проза», как и само определение «проза» (сяошо), – это явление простонародной литературы, которая противопоставлялась литературе образованных людей *вэньжэнь*, создаваемой на классическом литературном языке *вэньянь*. К концу XIX в. эта литература была представлена записями народных сказов и оформлена в виде прозы. Одним из лучших образцов «романов о судьях» считается роман Ши Юйкуня «Трое храбрых, пятеро справедливых», опубликованный в 1879 г. В романе изображен мудрый и справедливый судья Бао Чжэн, раскрывший дело о «подмене царевича кошкой», очень похожее на сюжет из «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина, наказавший разбойников-убийц, казнивший чиновника Пан Юя, присвоившего себе средства, выделенные для пострадавших от стихийного бедствия, и т.д. [6, с. 82]. В основу романа были положены сказы устных рассказчиков *шошуды* о судебных расследованиях столичного правителя времен ди-

настии Северная Сун (X–XIII в.), жившего в XI в. Роману присущи характерные особенности как китайских простонародных сказов, например сказочные мотивы и ситуации, многочисленные пояснения и оценки, так и элементы классической литературы: исторические отсылки и аллюзии.

На рубеже XIX–XX вв. начался процесс перехода от классической «судебной прозы» к новому жанру детективов. В начале века, когда в Китае шел процесс активного заимствования иностранной лексики, появляется и термин «детектив» – «*чжэньтань*», который имеет значения «разведчик, тайный агент, детектив, шпион, сыщик», то есть является семантической калькой с английского языка. В китайском языке создание слова *чжэньтань* потребовалось также для обозначения детективной литературы.

К первым китайским детективам правомерно отнести романы известного писателя начала XX в. У Вояо «Расследование кражи» и «Тридцать четыре китайские детективные истории», изданные в 1906 г., а также его же роман «История четырех крупных бриллиантов», опубликованный до 1909 г. Самым же первым романом У Вояо, отвечающим критериям детективного жанра, стало сочинение под названием «Убийство девяти», второе название «Девять удивительно напрасно обиженных», написанное в 1903 г. Его главные герои – торговцы из родственных семей, Лян Тяньлай и Лин Гуйсин. При разделе имущества между ними возникают трения. Геомант предсказал Лин Гуйсину блестящую карьеру, если он очистит место возле своего родового кладбища. Но там стоит дом Лянов, и Лин убивает восемь человек. Девятым стал нищий, которого Лян призвал в свидетели, а подкупленный Лином судья забил палками до смерти [3, с. 290]. Сюжет романа У Вояо, следуя традиции,

заимствовал из сочинения предшественника, Ань Хэ, который на рубеже XVIII–XIX вв. написал роман «Лян Тяньлай предостерегает от богатства», в романе было много деталей судебной прозы. А Ань Хэ в основу своего сочинения положил сюжет популярной в народе пьесы, созданной на основе реальных событий, происходивших в эпоху императора Юн Чжэна (правил 1722–1735 гг.).

Китайские критики, давая оценку этому сочинению, подчеркивали влияние на его автора западной литературы. Так, Ху Ши считал этот роман самым ранним и явным результатом «буржуазного влияния» на китайскую прозу: «В “Убийстве девяти” использовано мастерство китайского сатирического романа при обрисовке семьи и чиновничества, а также северокайского разбойничьего романа при изображении бандитов и их проделок. Все это спаяно композицией, заимствованной из западного детектива» [цит. по: 3, с.293].

С конца XIX в. до двадцатых годов XX в. значительную часть прозы в Китае составляли переводы западной беллетристики. В основном это была проза социального, политического и просветительского характера, а также детективы. Переводческий бум пришелся на первые два десятилетия XX в., что было вызвано, кроме прочих причин, потрясениями в политической жизни страны. Поражение «ста дней реформ» 1898 г. убедило представителей прогрессивной китайской интеллигенции в том, что для возрождения Китая необходимо заняться просвещением простых людей. А для этого следовало реформировать традиционную систему образования, сделать ее доступной простым китайцам. Был выдвинут лозунг «Китайское обучение как основа и западная модель обучения как дополнение». Первой ступенью реализации этой программы стали публикации переводов западной беллетристики, в начале XX в. на классическом литературном языке *вэньянь*, а в первое десятилетие уже с привнесением в литературный язык элементов разговорной речи.

Традиционно китайская классическая литература делилась на изящную литературу *вэнь* и поэзию *ши*, проза сяошо как литературный род считался недостойным, низменным. *Сяошо* часто определяли как собрание анекдотов и неофициальных историй и вольностей, характеризовали как «уличные разговоры» (*цзетань, ганьюй*). Для китайцев было неожиданным осознание той значимости, которую придавали в странах Европы и России прозаическим жанрам, той роли, которую она играла на Западе для просвещения народных масс. Стараясь усилить положение прозы в собственной литературе, китайские переводчики при выборе сочинений западных авторов для знакомства с ними читателями Поднебесной отдавали предпочтение прозаическим произведениям. Среди переводчиков значительную часть составляли участники реформаторского движения 1898 г. После поражения этого движения они

скрывались от преследований маньчжурского правительства в Японии, там в начале XX в. и стали выходить журналы на китайском языке, публиковавшие переводы европейской прозы с японского, английского и французского языков. Кроме того, многие переводы выходили отдельными изданиями.

История переводов художественной прозы с западных языков в Китае к началу XX в. насчитывала всего несколько десятков лет, еще не сложилась переводческая школа, молодые переводчики следовали принципам, заложенным Янь Фу, часто давая не перевод, а вольное изложение содержания переводимого текста. Обычным явлением было при издании переводов не ставить ни имени автора текста, ни переводчика. Переводчики действовали по принципу: «убрать то, что можно убрать, добавить то, что можно добавить, изменить то, что можно изменить, главное, чтобы это было хорошо для читателя» [цит. по: 5]. Этому принципа придерживался и один из идеологов «движения за новую китайскую литературу» Лян Цичао, который призывал переводчиков в первую очередь понять идею, заложенную автором в его сочинении, а затем максимально точно передать эту идею на китайском языке. Не осуждалось, если переводчик добавлял что-то от себя. При переводе использовались типичные китайские выражения и аллюзии, поэтому часто у читателей создавалось впечатление, что они читают истории, происходящие не с английскими персонажами, а с китайскими героями. Флер китайской действительности усиливался тем, что переводы делались на книжном языке *вэньянь*, в начале XX в. все еще остававшемся официальным литературным языком.

В первые годы XX в. с западных языков на китайский были переведены сотни романов и рассказов самых известных французских, английских, немецких, русских авторов. Среди западных детективов наиболее привлекательными для китайских читателей оказались рассказы Артура Конан Дойля. Первым был переведен рассказ «Морское соглашение» («Naval Treaty»), опубликованный в 1896 г. В 1903 г. шанхайский журнал «Сюсян сяошо» напечатал сразу пять рассказов Конан Дойля, каждый из которых выходил в отдельном номере журнала. Они были объединены в серию под названием «Дополнительные переводы детективов о Ватсоне». Всего за двадцать лет до 1916 г. было переведено 32 рассказа Конан Дойля, которые были напечатаны 96 раз. При переводе допускались сокращения, особенно тогда, когда в тексте шли рассуждения и описание привычек Шерлока Холмса. Шерлоку были приданы черты героя, который защищает социальный порядок, он в переложении авторов переводов воплощал в себе все черты законопослушного гражданина, что соответствовало привычному для жителей Поднебесной образу истинного конфуцианца.

Китайского читателя в английских детективах притягивал не столько замысловатый сюжет, отсутствовавший в китайских романах о судьях, сколько также отсутствовавшие в сочинениях китайских авторов научные сведения, демонстрации аналитического мышления сыщика, подробное описание расследований. В китайской судебной прозе сюжет повествования держится на описании действий судьи, расследующего преступление. Как правило, образ судьи довольно схематичен, ему не свойственны корыстолюбие, жестокость, продажность – те качества, которыми отличались китайские судьи в реальной жизни. Судья, главный герой китайской судебной прозы, в первую очередь – гражданский чиновник, поэтому он наделен качествами цзюньцзы – благородного мужа. Героями же западных детективов часто выступают частные сыщики, не похожие на схематичных героев китайской прозы, да еще, в отличие от первых, обладающие разносторонними знаниями. Во-вторых, в китайских судебных романах и западных детективах различаются методы раскрытия преступлений. Судья хотя и является выразителем конфуцианской морали, иногда при раскрытии преступлений обращается к потусторонним силам, что совсем не схоже с методами героев-сыщиков западных детективов, как правило, полагающихся на свой ум и недюжинные способности логического мышления. Китайские и западные детективы разнятся и по построению сюжета. Китайские исследователи признают, что западные детективы отличаются от китайских большей сложностью и запутанностью сюжетов, но объясняют это причинами, к литературе имеющими косвенное отношение. Так, Ян Дунмэй пишет, что замысловатость повествования в западных детективах следует из того, что они появились в капиталистических странах с развитой наукой и экономикой [7]. Он же делает вывод о том, что, хотя китайские литераторы обратились к жанру детективов уже после того, как были сделаны переводы с европейских языков, их авторы нащупывали собственные пути в создании этого жанра [7], с чем трудно согласиться.

Первыми китайскими детективами, написанными по законам этого жанра, стали «Расследование в Шанхае» Чжоу Гуйшэна и «Расследование в Китае» У Цзяньжэня. Эти сочинения еще были довольно незрелыми, к их недостаткам можно отнести поверхностный стиль изложения, примитивность логических выводов и то, что написаны они были на *вэньянь*. Эти два сочинения не оставили следа в литературе Китая. Но уже следующий литератор, обратившийся к жанру детективов, Чэн Сяоцин (1893–1976), добился успехов.

Биография Чэн Сяоцина отличается от привычных жизнеописаний литераторов феодального Китая. Он родился в бедной семье, в юности работал в часовом магазине, самостоятельно выучил английский язык и стал зарабатывать литератур-

ными переводами с английского языка, в том числе и рассказов Конан Дойля. Свой первый перевод он выполнил вместе с Чжоу Соухэ, затем самостоятельно в течение нескольких лет перевел и опубликовал «Собрание дел Шерлока Холмса». Он писал в 1919 г.: «Я перевел больше десяти рассказов Конан Дойля. В них содержание и форма причудливы, все мысли читателя сосредоточены на выяснении того, кто совершил преступление. Интрига построена изящно, сюжет замысловат» [цит. по: 8]. В 1911 г., когда в литературном приложении к шанхайской газете «Синьвэнь бао» был объявлен конкурс на лучшее литературное произведение, Чэн Сяоцин, которому только что исполнилось восемнадцать лет, предложил свое первое сочинение – «Тень в свете лампы» («Дяньгуан жэньин»), привлечшее внимание читателей. Главным героем этого произведения стал Хо Сан, неизменный герой всех последующих сочинений Чэна. Читателям понравился рассказ, поэтому вскоре появились новые сочинения Чэн Сяоцина: «На реке Хуанпу», «Восемьдесят четыре», «Кровь под колесами», «Выстрел в ночи». О новом авторе высоко отозвался известный критик Чжэн Имэй: назвав его «мастером детективов» [4]. В 1919 г. была осуществлена экранизация повести Чэн Сяоцина «Ласточка южного Китая», а сам он стал настолько известным, что его стали называть «Подражателем Конан Дойля», а главного героя его рассказов Хо Сана – «Восточным Шерлоком Холмсом». Всего Чэн Сяоцином было опубликовано тридцать рассказов о делах, раскрытых Хо Саном.

Став удачным писателем и достаточно обеспеченным человеком, Чэн Сяоцин решил потратить гонорары на приобретение знаний в области криминалистики: он поступил на заочное отделение юридического факультета одного из университетов США, читал американские и европейские детективы, а также изучал судебные дела феодального Китая. Чэнь Сяоцин тщательно подбирал названия для своих рассказов, скрупулезно собирал материал, обдумывал замысел будущего рассказа, умело применял полученные знания по психологии. В его рассказах всегда действуют два главных героя: сыщик Хо Сан и его помощник Бао Лан, что у всякого любителя английских детективов сразу вызывает ассоциацию с Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном. Действительно, китайские критики (в частности, Ян Дунмэй [7]) пишут о влиянии на Чэн Сяоцина прозы Конан Дойля, например рассказов «Морское соглашение» и «Три студента», ставших одними из первых переводов Конан Дойля на китайский язык. Как известно, в рассказе «Три студента» Шерлок Холмс расследует преступление, совершенное в одном из колледжей «знаменитого университетского города» Англии. Перед экзаменом по греческому языку, во время которого учащиеся должны были перевести отрывок из незнакомого текста, кто-то проникает

в комнату экзаменатора и делает копию с текста. Эта ситуация была интересна китайскому читателю начала XX в., потому что подобное могло произойти и с китайскими кандидатами, сдающими экзамены на получение ученого звания, а затем и государственной должности. Повествования о студентах были любимой темой многих китайских авторов, начиная с первой половины первого тысячелетия, когда произошло оформление системы государственных экзаменов кэцзюй. Студенты, следующие на экзамены, часто становились героями новелл эпохи Сун, фантастических новелл Пу Сунлина, а также сатирического романа У Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев». Однако среди первых сочинений Чэн Сяоцина нет подобных сюжетов. Правомернее провести параллель между первым детективом Чэн Сяоцина «Тень в свете лампы» и рассказом «Морской договор» Конан Дойля. В английском детективе речь идет о краже важного государственного документа – тайного договора между Англией и Италией. Как оказывается в результате расследования, украденный документ все время находился в комнате главного героя, из-за болезни не покидавшего эту комнату. Так же и в рассказе Чэна Сяоцина украденная жемчужина находилась в комнате героя – Бао Лана, где ее спрятал вор Хао Лунь, воспользовавшись тем, что игроки в карты на время покинули эту комнату.

Однако в отличие от Конан Дойля Чэн Сяоцин в своих повествованиях делает больший акцент на социальных мотивах совершаемых преступлениях, подчеркивая, что преступники – порождение феодального общества Китая. Отличительной чертой творческой манеры Чэн Сяоцина является то, что сюжеты он заимствует из громких судебных разбирательств, происходивших в XIX в., но переносит действие в современную ему жизнь, в духе западных детективов дает психологический портрет героев, но при этом, помня о вкусе китайских читателей, не отказывается от натуралистического описания жестоких сцен убийств. Все эти особенности творческой манеры Чэн Сяоцина видны в его детективе «Возвращение в общежитие после танцев». В этом рассказе действие начинается с того, что в общежитии убита танцовщица. Подозрение падает на ее друга, который действительно стрелял в нее, но Хо Сан, проведя расследование, обнаруживает, что девушка умерла от ножевого ранения. Поэтому он хватается за жестокого убийцу, уверенного, что его не заподозрят в совершении преступления, который, к тому же еще и украл вещи убитой, да еще и служил в охранке.

В отличие от судей – героев судебной прозы, Хо Сан – современный человек, далекий от связей с потусторонними силами. В рассказе «Привидение в белых одеждах» речь идет о том, как в одном из домов в районе Шанхае, населенном богатыми китайцами, стало происходить необычайное. Однако Хо Сан не верил в существование привидений и понял,

что все мистификации – дело рук преступника. Когда гибнет один из жителей дома, Хо Сан проводит расследование на месте преступления и понимает, что убийство совершил один из торговцев золотом.

В своих рассказах о преступлениях, совершаемых в Китае начала XX в. и расследованиях этих преступлений сыщиком Хо Саном, Чэн Сяоцин постепенно отходит от черт, свойственных китайской судебной прозе, заимствуя многое из романов Шерлока Холмса, и создает национальный, понятный и любимый читателями, «китайский» детектив. Творчество Чэн Сяоцина является еще одним подтверждением того, что переводы детективов, так же как и все переводы прозы, повлияли на литературу, идеологию, общественную жизнь Китая, а также на укрепление положения прозы в иерархической системе литературы Китая.

Библиографический список

1. *Воскресенский Д.Н.* Современные судьбы старого жанра (Героико-авантюрная проза у китайцев Гонконга и Юго-Восточной Азии) // Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: собрание трудов. – М.: Вост. лит., 2006. – 622 с.
2. *Захарова Н.В.* Христианские миссионеры и западная литература в Китае // Проблемы литератур Дальнего Востока: сб. материалов VI Международной научной конференции. – СПб.: Студия НП-Принт, 2014. – Т. II. – С. 210–215.
3. *Семанов В.И.* Эволюция китайского романа: Конец XVIII – начало XX в. / АН СССР. ИМЛИ. – М.: ГРВЛ, 1970. – 343 с.
4. *Сюй Дэ.* 20 Шицзичу Чжунго юаньцзао чжэньтань сяошо мэйсюэ тэчжэн (Особенности эстетики детективной прозы Китая в начале XX в.) // Цзяньхань луньтань. – 2008. – №5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.docin.com/p-446467... (дата обращения: 15.09.2015).
5. *Чжан Цзе.* Фуэрмосы цзоуцзинь Чжунго – доюань ситун шицзюсядэ вань Цин чжэньтань сяошо фаньи (Шерлок Холмс приходит в Китай – многополярная система переводов детективов в период поздней Цин): дис. ... магистра. – Цзяньси, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: xueshu.baidu.com (дата обращения: 09.09.2015).
6. *Ши Юйкун.* Трое храбрых, пятеро справедливых. – М.: Художественная литература, 1974. – 350 с.
7. *Ян Дунмэй.* Вань Цин фаньи юй цзешао чжэньтань сяошо (Переводы и знакомство с детективами в период поздней Цин) // Бэйцзин диервайгоуй сюэюань бао (Вайюй бань). – 2008. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-992996> (дата обращения: 10.07.2015).
8. *Ян Ян.* 20 шицзи чу дэ Чжунго вэньсюэ яньцзю (Изучение литературы Китая в начале XX в.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinewriter.com.ru> (дата обращения: 01.10.2015).

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СБОРНИК ЖАНРА СЭЦУВА «УДЗИ СЮИ МОНОГАТАРИ» КАК НА ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ ЭПОХИ ХЭЙАН (794– 185)

В статье сделана попытка представить произведение японского повествовательного жанра *сэцува* XIII века «Удзи сюи моногатари» как ценный исторический источник, в частности источник по изучению духовной культуры конкретного периода – XI–XIII веков. До этого времени данный источник рассматривался российскими и зарубежными японоведами лишь в качестве литературного произведения в силу фольклорной составляющей жанра *сэцува*. Также к «Удзи сюи моногатари» обращались при текстуальном анализе и сравнении с его крупным предшественником «Кондзяку моногатари-сю» (1120 г.). Однако при углубленном изучении данного произведения выясняется его существенная роль в деле изучения исторических реалий средневековой Японии, а также значительное место в корпусе остальных сборников *сэцува*. В частности, данный источник отражает влияние буддийской эсхатологической идеи *манпо* на японское общество и религиозную атмосферу в целом: упрощение ритуальной обрядовости, возникновение новых культов и практик. Также «Удзи сюи моногатари» представляет ценность как источник по бытованию магических практик *оммёдо* – синтеза даосской магии и натурфилософии с местными обрядами и суевериями. Сборник помогает реконструировать повседневную жизнь аристократов, зависимых от обрядов *оммёдо*, а также биографию известного придворного мага Абэ-но Сэймэя.

Автор данной статьи предлагает выделить «Удзи сюи моногатари» из общего пласта сборников *сэцува* и обратиться к нему как к ценному историческому источнику по средневековой Японии.

Ключевые слова: Япония, эпоха Хэйан, жанр *сэцува*, буддизм, эсхатологическая идея, *оммёдо*.

Жанр *сэцува* распространился в Японии вместе с буддизмом в самом начале эпохи Хэйан (794–1191) и просуществовал вплоть до эпохи Камакура (1192–1333). Генетическими корнями жанра считаются синтоистская легенда, сказка, семейное предание, а также китайская литературная традиция [5, с. 7–8]. Термином *сэцува* обозначается как жанр, так и сам короткий рассказ о чем-то страшном, чудесном, забавном или необычном. Истории *сэцува* существуют в виде сборников, содержание и число которых варьируются согласно предпочтениям его составителей и реалиям времени. Первые сборники *сэцува* создавались монахами в пору распространения буддизма в Японии, были сугубо буддийского содержания с суровой дидактической концовкой, служили в качестве материала для проповедей. Целью таких *сэцува* было ознакомление всех слоев японского общества с новой религией, ее главными идеями и пантеоном. В деле укоренения буддизма этот жанр носил воспитательский характер, пока составителями сборников являлись монахи [1, с. 100]. Однако к XI веку в жанре происходит деление на чисто буддийские (*仏教説話*, *буккё: сэцува*) и светские *сэцува* (*世俗説話*, *сэдзоку сэцува*), а вскоре появляются сборники и смешанного содержания. Авторами таких *сэцува* становились придворные аристократы. Отсутствие авторства привлекало их возможностью высмеивать других придворных, а также пользоваться простым разговорным языком, писать на запретные темы. Одновременно происходил важный процесс сближения аристократов с жизнью простого населения – по закону жанра героями историй *сэцува* в основном были простые жители столицы. Прелесть записи

таких рассказов для аристократов заключалась хотя бы в мысленном сближении с простым народом – в подобных историях можно было не ограничивать себя благовоспитанностью, а изливать на бумаге грубые речевые обороты простоллюдинов, скабрёзно шутить на тему внешности человека, любовных утех, открыто смеяться над оплошавшими фрейлинами и придворными, над глупостью чиновников и самураев; над искусными розыгрышами глупых и жадных богачей смекалистыми крестьянами или торговцами [10, с. 36–38].

По своему содержанию сборники *сэцува* разнородны: помимо историй с описанием забавного или страшного случая, можно обнаружить семейное предание, старинную легенду, краткое переложение буддийской сутры. Эти истории обычно копировали из одного сборника в другой, пройдя через редактуру составителя.

Рассуждая об авторстве сборников *сэцува* корректно будет использовать слово «составитель» или «компилятор», но не «автор», в силу того что эти сборники не представляют собой плод творчества определенного автора, а лишь подборку преданий, легенд и реальных историй из жизни японского общества. Именно в подборе и интерпретации старой истории на новый лад и заключалось авторство составителя. Это означает, что в разное время существовали разные проблемы, поэтому подобный «редактор» *сэцува* не только отбирал наиболее актуальные для своего времени истории, но и проводил их соответствующую обработку: из большого числа историй извлекал наиболее важные, усиливал или преуменьшал дидактизм рассказов, сокращал или убирал ненужные, на его взгляд, фрагменты повествования, обращал

внимание читателя на то, что ранее не замечалось и не обсуждалось в силу своей неактуальности [4, с. 101].

Сборник «Удзи сюи моногатари» (宇治拾遺物語, «Рассказы, собранные в Удзи», XIII век) относится к типу смешанных *сэцува*: в нем содержатся как светские, так и буддийские истории, однако большее количество рассказов все-таки имеет буддийскую окраску. Несмотря на то что произведение датируется XIII веком, оно содержит большое число историй X–XI веков, по этой причине данный сборник уместнее назвать ценным источником по духовной культуре японского общества конца эпохи Хэйан.

Среди письменных памятников японской средневековой литературы и даже среди сборников жанра *сэцува* «Удзи сюи моногатари» нельзя назвать выдающимся или популярным – так уж сложилась судьба этого произведения. «Кондзяку моногатари-сю» (今昔物語集 «Собрание стародавних историй», 1120 г.) – сборник *сэцува* крупной формы и предшественник «Удзи сюи моногатари» – по праву затмевает многие другие сборники, созданные после него. Таким образом, «Удзи сюи моногатари» представлял интерес лишь для сравнения его текста с предыдущими сборниками *сэцува*, а также предположений и споров в отношении хаотичного, несистематизированного расположения рассказов в сборнике [3].

В Японии «Удзи сюи моногатари» всегда было принято рассматривать лишь вкупе с «Кондзяку моногатари»: филологи любят сравнивать текстологические особенности двух памятников, историки – искать расхождения в датировке исторических событий, несоответствия в их описании. Лишь британский исследователь Д.Э. Миллс осуществил полный перевод на английский язык и дал литературоведческий анализ «Удзи сюи моногатари» [10], отечественный японовед Г.Г. Свиридов посвятил этому произведению монографию «Японская средневековая проза сэцува», которая базировалась на сравнении этих двух сборников – «Удзи сюи моногатари» и «Кондзяку-моногатари» как великого предшественника и его преемника [5]. К настоящему времени на русский язык были переведены избранные рассказы из «Удзи сюи моногатари», благодаря усилиям Г.Г. Свиридова и Т.И. Редько-Добровольской [7, с. 34–84; 8, с. 516–541].

К сожалению, еще ни один труд не был посвящен всестороннему исследованию одного лишь «Удзи сюи моногатари», возможно из-за устоявшейся его оценки как вспомогательного источника по изучению «Кондзяку моногатари» и некоторых событий в истории эпохи Хэйан. Такое пренебрежение памятником, умаление его литературно-источниковедческой ценности кажется неоправданным, поскольку тщательное изучение этого сборника *сэцува* дает поразительные результаты.

Временем создания сборника считается период с 1190 по 1242 годы [9, с. 13]. Первым составителем сборника считается придворный советник Такакуни, что же касается остальных составителей – имена их неизвестны. Текстологический анализ историй не оставляет сомнений в том, что это были высокообразованные аристократы или придворные чиновники.

Помимо трудностей с авторством и точной датировкой создания памятника, основным камнем преткновения для исследователей «Удзи сюи моногатари» можно считать организацию рассказов в сборнике: в отличие от четко структурированного «Кондзяку моногатари», здесь мы не видим какой-либо классификации историй. Чем руководствовались составители сборника при подобном расположении всех 197 рассказов – остается лишь догадываться. В списках памятника разных лет в каждом свитке содержится самое разное число рассказов – два, четыре, пять, восемь, пятнадцать... Случайные ли это рассказы или автор-составитель руководствовался какой-либо идеей? Несмотря на редкое чередование парных рассказов об одном и том же персонаже, в целом, организация рассказов кажется хаотичной, однако при чтении и анализе всего сборника возникает ощущение гармоничного подбора историй. Так, страшная история сменяется чудесной, забавная – поучительной, буддийская история – нелепым случаем из жизни знатного аристократа. Тут уместно было бы вспомнить об изначальной функции короткой буддийской проповеди с использованием индийских джатак – проповедник всегда завершал свою проповедь смешной и даже непристойной историей в целях утешения грешной паствы. Подобная «психотерапия» была обращена к не укрепившимся в буддийской вере или чрезмерно корящим себя за грехи мирянам: короткая история о грехопадении знатной особы должна была утешить простого человека и развеять его сомнения в тяжести собственного греха [2, с. 14–15]. С другой стороны, подобное расположение историй можно принять и за дневниковую запись в жанре *дзуйхицу* (隨筆, вслед за кистью). Так или иначе, для исследователей «Удзи сюи моногатари» этот вопрос до сих пор остается открытым.

Концовка в «Удзи сюи моногатари» – своеобразный ключик к пониманию атмосферы конца XII – начала XIII века. Буддизм уже прочно пустил свои корни в японском обществе, даже сумев слиться с местными верованиями; буддийские идеи, сутры, пантеон – все это уже существовало и процветало к концу хэйанской эпохи. Поэтому в *сэцува* отпала необходимость в суровой дидактической концовке, в отличие от «Кондзяку моногатари», с которым принято сравнивать «Удзи сюи моногатари» [10, с. 52].

В чем же ценность сборника для современных исследователей истории и культуры Японии эпохи Хэйан и Камакура? Учитывая тот факт, что «Удзи

сюи моногатари» не изобилует оригинальными историями, заимствуя, в основном, популярные сюжеты из сборников *сэцува* предыдущих лет, ценность этого памятника прозы *сэцува* и заключается в удачном подборе историй и их авторской редакции. Отсутствие четкой организации рассказов или определенно особый подход к этому вопросу его анонимными авторами – все это лишь добавляет сборнику свою особенность. Текстологический анализ «Удзи сюи моногатари» с «Кондзяку моногатари» наглядно показывает скрупулезную редакцию «бродячих» сюжетов, проделанную составителем: исчезло детальное описание, излишне длинные диалоги героев сокращены, сведения об исторических событиях и личностях тщательно выверены и на эти сведения теперь можно положиться, привычная дидактическая концовка ослаблена или вовсе отсутствует, а порой внимание читателя обращено на сущий пустяк, хотя по логике повествования ожидалось совсем другое [2].

Возникает вопрос – зачем составитель «Удзи сюи моногатари» задумал столь детальную проработку уже известных сюжетов, посягнув на законы жанра *сэцува*: ведь вместо ожидаемой дидактической концовки может появиться абстрактное размышление автора на отвлеченную тему или же автор приводит высказывания людей, их реакцию на случившееся, слухи и кривотолки. Сугубо буддийские рассказы также лишены устрашения, свойственного ранним сборникам *сэцува*, когда запугиванием и устрашением мирян яркими примерами адовых мук можно было воспитать примерного буддиста. Для того чтобы лучше понять специфику исследуемого источника, его роль и место в корпусе источников хэйанского периода вообще и сборников *сэцува* в частности, важно выявить основной посыл, главенствующую идею, в рамках которой объединены почти все 197 историй сборника. Таким образом, у читателя больше не останется вопросов к принципу выбора составителями «Удзи сюи моногатари» героев и тем повествования.

Все вышеперечисленные факторы приводят нас к мысли о том, что в корпусе прозы *сэцува* «Удзи сюи моногатари» является чуть ли не важнейшим источником по изучению периода эпохи *манпо* 末法 – Конца Закона. Согласно идее *манпо* человечество вступало в последний, самый ужасный период, когда, по учению Будды, в мире начались бы всякого рода беспорядки и катаклизмы, буддийское вероучение придет в упадок и будет трактоваться неверно, а буддийская община не сможет соблюдать все каноны вероучения и погрязнет в грехах. По этой причине к монахам перестали предъявлять высокие требования – сам факт вступления на путь служения Будде уже считался подвигом и был достойным уважения [6, с.296].

Взглянув на исследуемый сборник *сэцува* с позиции происходящего в японском обществе с конца

хэйанской эпохи, можно увидеть отражение идеи *манпо* и в «Удзи сюи моногатари».

Читатель, обладающий превосходными знаниями по популярному буддийскому пантеону эпохи Хэйан, может не обнаружить в сборнике некоторых значимых буддийских персонажей того времени. Это объясняется конкретными задачами и целями авторов сборника, а часто и их личными предпочтениями и вкусом. Так или иначе, составители «Удзи сюи моногатари» стремились описать лишь короткий отрезок времени, когда в японском обществе доминировала идея *манпо*, а также ее отражение на умонастроении, поведении и повседневной жизни простого народа.

Далее мы сделаем попытку систематизировать признаки эпохи *манпо* в «Удзи сюи моногатари»:

1. Отсутствие суровой дидактической концовки; замена ее на нейтральное высказывание, кажущееся современному читателю несколько абсурдным и не относящимся к теме разговора; замещение назидательной концовки усмешкой или же выражением печали по поводу изложенного случая; отсутствие прямого осуждения негативных поступков героя.

Чем вызвана подобная редакция «бродячих» сюжетов составителями «Удзи сюи моногатари»? В эпоху *манпо*, когда важен был принцип наискорейшего спасения, привычные ритуалы, как обряды, посты, паломничества и особенности поклонения божествам, стали казаться чрезмерно долгими, трудновыполнимыми и дорогостоящими. Простому народу была предложена короткая молитва-нэмбуцу, прославляющая будду Амиду. Частая рецитация этой молитвы гарантировала перерождение в раю – Чистой земле будды Амиды. Благодаря простому ритуалу поклонения, вера в этого будду вскоре переросла в массовое почитание, которое стало называться амидаизмом. У амидаистов стали возникать новые ритуалы, сурово критикуемые сторонниками ортодоксальных школ японского буддизма.

2. Значительное сокращение пространного текста в «бродячих» сюжетах. К таковым относятся: излишне длинные диалоги героев; описания местности; детальное описание последовательности действий героев.

3. Уточнение хронологии событий, имен собственных и топонимов, на наш взгляд, может указывать как на влияние эпохи *манпо* на составителей сборника, так и на сугубо профессиональную привычку придворных чиновников к ведению поденных записей и личных дневников, которые отличаются сухим языком и большей достоверностью, чем истории *сэцува*. По нашему мнению, к старым историям *сэцува* могло появиться недоверие как к плоду творчества монахов. Из-за недоверчивого отношения к монашеству, которое отчетливо просматривается уже в придворной литературе с се-

редины X века, образованные аристократы могли подвергнуть сомнению некоторые реальные события, изложенные в «бродячих» сюжетах. Таким образом, тщательно выверенная ими информация относит этот сборник *сэцува* к исторически правдивым источникам по эпохе Хэйан.

4. При выявлении наиболее популярных и актуальных персонажей буддийского пантеона обнаруживается любопытный факт, когда метод статистического подсчета имен будд и бодхисаттв, так широко принятый в классическом литературоведении, перестает работать. Тут понимание исторических реалий эпохи начинает противоречить полученным статистическим данным. Безусловно, на первый взгляд, может показаться, что авторы-составители не подозревают о существовании тех или иных культов, ведь так массово популярный будда Амида в произведении по имени упоминается всего четырежды. Однако и в данном случае мы трактуем эти особенности влиянием *манпо* – составитель не посчитал необходимым часто упоминать о тех персонажах и явлениях, которые и так широко распространены, привычны и известны его современникам. Наоборот – наименьшее число упоминаний свидетельствует о наибольшей популярности тех или иных будд и бодхисаттв, а наибольшее – о малой распространенности того или иного культа или ритуала. Как мы видим, метод статистического подсчета работает лишь в случае изящной литературы. Подобный авторский прием может быть вызван влиянием идеи *манпо*, когда порицалось чрезмерное усердие в деле пропаганды буддизма.

5. На фоне стремления к скорейшему спасению в популярном буддийском пантеоне появляется бодхисаттва Дзидзо, вызволяющий из ада даже самых великих грешников. Если в раннем памятнике *сэцува* «Нихон рёики» имеется лишь единственное упоминание о Дзидзо как об эманации царя загробного мира Эмма и о нем герой рассказа узнает впервые, то в «Удзи сюи моногатари» культ этого бодхисаттвы успел получить еще не повсеместное, но все же некоторое признание.

6. Еще одним маркером беспокойного времени и духовного разброда служит включение в сборник рассказов о культе будды Амиды, творении молитвы-*нэмбуцу*, Чистой земле будды Амиды, а также истории о редком ритуале *фудараку-токай* – ритуале публичного самоубийства ради достижения Чистой земли. Массовое увлечение амидаизмом свойственно концу хэйанской эпохи, к которому и относится подавляющее число рассказов сборника. Невзначай и открыто упоминаются в памятнике ритуалы и обряды амидаизма, беспрестанное, и порой бессмысленное, творение *нэмбуцу*, что прекрасно характеризует нежелание или неумение постичь корень учения, лучше разобраться в догмах буддийской веры. Все это – прямое указание на тенденцию в тогдашнем буддизме, вызванную идеей *манпо*.

Помимо буддийских сюжетов, в «Удзи сюи моногатари» содержится целый пласт историй о ритуалах магико-мантической практики *оммёдо* в повседневной жизни аристократов. *Оммёдо* можно назвать сугубо японским синтезом китайской натурфилософии Инь-Ян с местными практиками и суевериями [6, с. 174]. В мировом японоведении за последние десять лет наметился всплеск интереса к теме ритуалов *оммёдо* и личности великого придворного мага-оммёдзи Абэ Сэймэя. Понимание важности календарных предписаний, запретов и воздержаний, гаданий и вредоносной магии позволяет воссоздать этические нормы, модель поведения соперничающих придворных чиновников, страх или осуждение подобных практик, а также позволяет реконструировать биографию придворного *оммёдзи* Абэ Сэймэя и его деятельность при дворе регента Фудзивара Митинага.

«Удзи сюи моногатари», используемый нами в качестве источника по духовной культуре японского общества эпохи Хэйан, при тщательном изучении дал богатый материал по простонародному буддизму и общей религиозной атмосфере конца XII века, помог выявить важные процессы, происходившие в буддизме, по которым можно судить о непрекращавшемся развитии этой новой для Японии веры, ее уникальной способности к синтезу не только с местными, но и заимствованными религиозными течениями.

Памятник также выявляет подлинную религиозную картину времени: буддизм пока еще нельзя назвать лидирующей религией, как о том принято считать, когда речь идет о буддизме хэйанской эпохи. Внутри японского общества – простого и знатного – все еще много вопросов и разногласий. Население Японии мало знает и трудно постигает постулаты буддизма. Материал «Удзи сюи моногатари» демонстрирует поразительную малограмотность, плохую осведомленность в культах, ритуалах и догмах буддизма даже среди буддийского духовенства.

Наряду с этим для эффектного контраста в памятнике описаны случаи, когда простая паства по своей глубокой и чистой вере получает верное спасение и заступничество того или иного бодхисаттвы. Сборник *сэцува* «Удзи сюи моногатари» помогает смотреть на конкретные ситуации глазами простолюдина и аристократа, молодежи и умудренных старцев, жестоких и кротких, богача и бедняка. В данной статье сделана попытка доказать значимость «Удзи сюи моногатари» как источника по истории и духовной культуре средневековой Японии.

Библиографический список

1. Горегляд В.Н. Японская литература VIII–XVI вв. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 400 с.

2. Джатаки. Избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. – СПб.: Возрождение, 2003. – 416 с.
3. Кунисаки Фумимаро. Мысли об авторстве «Кондзяку моногатари-сю». – Токио, 1985. – 394 с.
4. Мецержков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
5. Свиридов Г.Г. Японская средневековая проза сэцува. Структура и образ. – М.: Наука, 1981. – 232 с.
6. Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии. – М.: Наталис, 2009. – 560 с.
7. Удзи сюи моногатари // Японская новелла. Серия «Золотая серия японской литературы»:

пер. Г.Г. Свиридова. – СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – 595 с.

8. Удзи сюи моногатари // Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв.: пер. Т. Редько-Добровольской. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 992 с.
9. Удзи сюи моногатари. Библиотека-серия «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 27 / под ред. Ватанабэ Цуная, Нисио Коити. – Токио, 1960. – 592 с.
10. A Collection of Tales from Uji. A Study and Translation of Uji Shui Monogatari. D.E. Mills. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970 – 459 p.

УДК 821.161.1'0.09

Денисова Инна Васильевна

магистр филологии

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

i.denisova@rsu.edu.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЯЗАНСКОГО ЛЕТОПИСНОГО ТЕКСТА*

В статье анализируется рязанский летописный текст и его место в системе локальных текстов древнерусской литературы. Система провинциальных текстов литературы Древней Руси включает в себя множество записей, лишь немногие из которых можно назвать «локальным текстом». Исследователям хорошо известны московский, псковский, новгородский, галицко-волинский тексты. Летописи этих городов и княжеств хорошо сохранились и давно исследованы. Рязанский текст является одним из малоизученных локальных текстов древнерусской литературы и таит в себе массу загадок. Рязанское летописание рассматривалось фрагментарно с исторической точки зрения, но не подвергалось литературоведческому анализу. Вместе с тем текст, разбросанный по общерусским летописным сводам, обладает ярко выраженными чертами, выдающими автора-рязанца. Записи имеют четко выраженную прорязанскую и антирязанскую направленность, что свидетельствует о заинтересованности Москвы Рязанским княжеством и многолетнем их противостоянии. Вопросы поэтики рязанского текста довольно условны, но их обнаружение на содержательном и художественном уровнях требует комплексного исследования. Все вышеперечисленные факты позволяют утверждать, что рязанский летописный текст занимает важное место в системе локальных текстов литературы Древней Руси.

Ключевые слова: локальный текст, провинция, древнерусская литература, Рязань, Рязанское княжество, летописи, поэтика рязанского летописного текста.

В последние годы значительно вырос интерес к локальным текстам русской литературы. Первым, кто заявил о локальном тексте и ввёл в научный оборот это понятие, стал В.Н. Топоров. Его исследования были посвящены петербургскому тексту, на примере которого он обозначил ряд условий, позволяющих называть совокупность литературных произведений, созданных в одной местности и об этой местности, «локальным текстом»: «1) наличие исходного мифа, лежащего в основе дальнейших художественных построений; 2) структурная важность места действия, единственно возможного для развёртывания описанных событий и становящегося одним из «героев» литературного произведения; 3) «особый отпечаток», который носят на себе жители – литературные герои; 4) особые художественные характеристики городского пространства» [7, с. 84]. Относительно петербургского текста справедливее употребление термина «сверхтекст», наиболее точное определение которому дала Н.Е. Меднис: «сложная система

интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [6, с. 21]. Е.Ш. Галимова считает основополагающим другой момент – «статус самого локуса, значимость его в историко-культурном и геополитическом отношениях и способность «породить» сверхтекст должны быть неоспоримы» [1, с. 10]. Таким образом, «место рождения текста», город, является средоточием не только литературных произведений различных авторов и эпох, но и «неким сакральным топосом, на который накладывается сетка символическо-мифологических представлений» [9, с. 2]. На наш взгляд, все точки зрения объективны и взаимодополняют друг друга. Итак, основное отличие «сверхтекста» от «локального текста» заключается в «масштабности» локуса и достаточном количестве интегрированных текстов, созданных на протяжении долгого времени.

Справедливы данные определения относительно «локального текста» и для рязанского текста,

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области: проект РГНФ 15-14-62001 а (р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

которому не хватает «масштабности» для того, чтобы именоваться «сверхтекстом». Рязанский текст обширен: от не дошедшего до современности богатого летописного наследия, разбросанного по общерусским сводам, средневековой литературы, писем и мемуаров известных рязанцев (литераторов, участников Отечественной и Крымской войн), до произведений выдающихся писателей и поэтов XX века, уроженцев Рязанского края и писавших о нём. Одним из самых интересных и малоизученных вопросов является древнерусский период развития рязанского текста, поскольку в это время основным носителем информации были летописи, справедливо называть данный текст «рязанским летописным».

Рязанский летописный текст – текстовый материал в летописных сводах, посвящённый Рязанской земле и рязанцам XI–XVI веков, предположительно созданный в пределах Рязанского княжества или под влиянием рязанских книжников. Рязанское княжество занимало огромную территорию, о чётко определённых и навсегда установленных границах говорить сложно, поскольку оно постоянно подвергалось набегам кочевников и нападениям князей соседних княжеств, чаще всего Владимирского и Московского. Рязанская земля граничила с Владимирской на севере, с Черниговской – на юго-западе, владения половецких ханов примыкали к ней на юге, восточные границы терялись в мешёрских лесах.

Несмотря на то что летописи Рязанского княжества ныне утеряны, материал прорязанского или антирязанского характера уверенно прочитывается на страницах общерусских летописных сводов XIII–XVI веков.

В рамках данной статьи впервые анализируется рязанский летописный текст как локальный с характеризующими его особенностями. Ранее данная проблема уже поднималась в ряде наших статей [2; 3]. В числе аллегорических мифов, лежащих в основе художественных построений, можно назвать древнерусский миф об одном из самых страшных событий рязанской истории – татаро-монгольском нашествии на город в 1237 году. Все общерусские летописные своды XIII–XVI веков с различной степенью подробности рассказывают о данном событии. После длительной осады (16–21 декабря) обладающие опытом в ведении боевых действий и численным преимуществом монголы взяли штурмом и полностью уничтожили город. При обороне Рязани погиб князь Юрий Игоревич и его семья. На основе летописных материалов написана «Повесть о разорении Рязани Батыем», включающая миф о Евпатии Коловрате – рязанском вельможе, который по возвращении из Чернигова, где просил помощи в защите от иноземных захватчиков, увидел вместо родного города пепелище и погнался за разорителями: «И собрал небольшую дружину –

тысячу семьсот человек, которых Бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали» [8, с. 69]. Патриотичный образ рязанского богатыря является олицетворением силы, крепости духа и готовности отдать жизнь за Родину.

Структурная важность места действия – Рязанского княжества, единственно возможного для развертывания описанных событий и становящегося одним из «героев» литературного произведения, прослеживается на протяжении многих летописных фрагментов. Рельеф Рязанской земли изобилует холмами, непроходимыми лесами и глубокими реками. Часто именно эти географические особенности позволяли рязанцам выигрывать сражения. Так, под 1378 годом Никоновская летопись приводит повесть о битве на реке Воже. Ордынский хан Мамай послал войско во главе с мурзой Бегичем на объединённые силы Руси (в составе которых было немало рязанских воинов) под руководством московского князя Дмитрия Ивановича. Противники встретились на Рязанской земле, встав на противоположных берегах реки Вожи, чтобы перейти которую татарам потребовалось несколько дней: «И срѣтошася съ Татары у рѣки у Вожи въ Рязанской землѣ и стааху, предѣль имѣюще межи собою рѣку Вожу. Не по мнозѣхъ же днехъ Татарове преидоша на сю страну рѣки Вожи» [5, с. 42]. Русичи умело воспользовались упущенным иноземцами временем, выработав верную тактику: нанести удары с трёх сторон, повергнув их в бегство, затем загнать в реку. Рязанская природа и сообразительность позволили московскому правителю выиграть эту битву.

Следующая черта локального текста – «особый отпечаток», носимый жителями – литературными героями, именуется рязанским характером, представление о нём складывается из анализа летописного текста, повествующего о значительных рязанских событиях. Например, в Никоновской летописи под 1217 годом содержится пространный рассказ о кровавой трагедии в Исадах. Младшие рязанские князья Глеб и Константин хитростью созвали братьев для обсуждения вопроса о распределении рязанских уделов. Приехавшие на пир Изяслав, Кир Михаил, Святослав, Ростислав, Глеб, Роман были убиты. В живых остался только опоздавший к объявленному празднеству Ингварь Ингваревич. Рязанская трагедия однозначно осуждается книжниками, Глеб, как главный зачинщик, награждается эпитетом «окаянный» и уточнением – «научень сатоною на братоубиство, здумавше въ своемъ

окааннемъ помысле, и съ нимъ дьяволъ» [4, с. 77–78]. Даже суровая средневековая эпоха не оправдывает предательство и вероломный нрав рязанских князей. В то же время чудом выживший Ингварь Ингваревич отказался от мести братоубийцам: попросив помощи у владимирского князя Юрия, он изгнал их за пределы княжества к союзникам-половцам и до самой смерти не пускал в родной город. Таким образом, ещё в начале XIII в. книжники отметили как жестокость, вероломство, властолюбие, так мудрость и великодушие рязанцев.

Ещё одна черта рязанского характера, к которой обращались летописцы, – христианское смирение. Его иллюстрирует краткий рассказ о мученической смерти князя Романа Ольговича Рязанского, помещённый в сводах XV–XVI веков под 1270 годом. Обвинённый в «хуле» на татарского хана Менгу-Тимура и мусульманскую веру, князь Роман был вызван в Орду, где отказался изменить православию. Подобный ответ разгневал золотоордынца, и тот отправил храброго рязанца в темницу, затем – на пытки и мученическую смерть. Книжник обращает внимание на непоколебимую православную позицию князя – после страшных пыток он твёрдо отвечал злодеям: «Христианинъ есмь, и воистинну христианскаа вѣра свята есть, и ваша Татарскаа вѣра погана есть» [4, с. 149]. Подобен ему созданный в упоминавшейся выше «Повести о разорении Рязани Батыем» образ всех рязанцев, достойно принявших смерть в событиях 1237 года: «едину смертну чашу испиша».

В то же время московские летописцы часто дают рязанским жителям отрицательные характеристики, что связано с многолетним противостоянием княжеств (начало XIV – середина XVI вв.). Например, под 1372 годом читается рассказ об известной в истории проигранной рязанцами битве при Скорнищеве, приводимый всеми общерусскими сводами. Книжник поражается неуместному высокомерию рязанцев: «Рязанци же люди сурови, сверепы, високоумни, горди, чаятели, вознесшеся умом и возгордевшеся величаниемъ, и помыслиша в високоумии своємъ палоумныя и безумныя людища» [5, с. 16]. Таким образом, в рязанском характере отмечали противоположные черты: с одной стороны, вероломство, жестокость, а с другой – храбрость, мудрость и христианское смирение. Противоречия обусловлены принадлежностью летописца определённой местности и временем создания памятника.

К особым художественным характеристикам описания местности можно отнести многочисленные гиперболы: «...мгла бысть зѣло велика...», «...понеже вся земля бысть пуста и огнемъ сожжена...», «...великъ бысть мятежъ...», «велий градъ». Летописец часто преувеличивает последствия события или природного явления, наполняя текст максимальной экспрессией, появляющейся

благодаря эпитетам «великъ», «зѣло», чрезмерному употреблению различных форм местоимения «весь». Эмоциональность книжника приобретает грандиозный масштаб, подчёркивая его принадлежность к Рязанской земле.

Тематически рязанский текст можно разделить на две группы: 1) описания военной тематики (походы, битвы, поединки, нападения); 2) обращения к событиям частной жизни князя и его окружения. Преобладающим жанром является пространный летописный рассказ, повествующий о военных событиях (чаще всего княжеских междоусобицах), соседствующий с краткими и пространными погодными записями и летописными повестями. В качестве примера можно привести пространные рассказы о сражении рязанцев и владимирцев на реке Колокше (1177), кровавом происшествии в Исадах (1217), мученической смерти князя Романа Ольговича Рязанского (1270), битве под Шишевским лесом (1365).

Таким образом, выделение рязанского летописного текста в ряду других местных текстов древнерусской литературы является оправданным, поскольку он содержательно насыщен наиболее важными событиями рязанской истории, его поэтические особенности соотносятся со стилями эпохи, в которую создавался текст, и нередко показывают авторское отношение, свидетельствующее о месте создания летописной статьи. Рязанский летописный текст содержит все признаки локального текста, отмечаемые исследователями XX–XXI вв. В основе художественных построений лежит древнерусский миф о татаро-монгольском нашествии на город в 1237 году, структурная важность места действия – Рязанского княжества, становящегося одним из «героев» литературного произведения, прослеживается на протяжении ряда летописных фрагментов. Противоречивость рязанского характера – «особого отпечатка», носимого литературными героями, обусловлена принадлежностью летописца определённой местности и временем создания памятника. Тематическое и жанровое своеобразие позволяет провести классификацию текста. Приведённые аргументы свидетельствуют о его значимости и особом месте в системе локальных текстов древнерусской литературы.

Библиографический список

1. Галимова Е.Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) свертхтекстов русской литературы // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2010. – С. 5–18.
2. Денисова И.В. К проблеме рязанского летописания // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская

культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» 15 мая 2012 года. – М.; Ярославль: Ремдер, 2012. – С. 32–37.

3. Денисова И.В. Летописный рязанский текст как локальный текст древнерусской словесности // Северный текст русской литературы: сб. – Вып. 3. Северный текст как локальный свертхтекст / сост. Е.Ш. Галимова; Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2013. – С. 15–18.

4. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. – Т. 9. – 256 с.

5. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собра-

ние русских летописей. – М.: Наука, 1965. – Т. 11. – 266 с.

6. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. – 49 с.

7. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб.: Искусство, 2003. – 617 с.

8. «Чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча не погасла»: Изборник: были и предания Рязанского края. – Рязань: Издательство Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 1995. – 368 с.

9. Шмидт Н.В. Городской текст в поэзии русского модернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 20 с.

УДК 81.161.1.09"18"

Ву Тхыонг Линь

Ивановский государственный университет
vuthuonglinh@gmail.com

ПОСЛОВИЦА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

В статье осмысливается проблема адекватного перевода пушкинской прозы на вьетнамский язык. В центре внимания оказываются пословицы в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка», которые являются средством постижения характера русского дворянина, его верности долгу, великодушия, доброты и благородства, обуславливают своеобразие речи персонажей. Пословицы также выступают в качестве эпиграфов, выражают тему, идею или настроение пушкинского романа. Достижение равноценности, равнозначности текстов оригинала и перевода является основной задачей переводчика.

Воспроизведение духа семейственных преданий, изображение народной жизни, народных характеров, образа мысли народа в драматический период русской истории требовали поиска особого стиля, словоупотребления. В целях сохранения образности и смысловой нагрузки притч переводчик русских пословиц на вьетнамский язык прибегает к помощи разных приемов: подбору соответствующих русским пословицам вьетнамских эквивалентов и аналогов, созданию пословицеобразных оборотов, калькированию, передаче общего смысла притчи. Такой подход позволяет читателю узнавать пословицу в тексте и обеспечивает адекватность перевода. Переводчик берёт на себя ответственность за локализацию переведённого им автора, то есть вводит его в свою культуру.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», стиль, пословица, поговорка, притча, контекст, адекватность, перевод.

Роман («семейственные записки») «Капитанская дочка» является последним завершённым произведением А.С. Пушкина. «Духовное дитя» Пушкина стало самым популярным произведением среди зарубежных читателей [3, с. 197].

Во Вьетнаме в 1960 году вышел перевод романа «Капитанская дочка», выполненный выдающимся филологом Као Суан Хао (1930–2007). История переводческого искусства в странах Востока показывает, что основным критерием при выборе текста для перевода, как правило, служила идеологическая и эстетическая потребность воспринимающей литературы. Переводчика «Капитанской дочки» очаровала идея верности долгу, присяге, безыскусственность изложения в романе Пушкина. Долгое время данный перевод во Вьетнаме считался образцовым. Однако до сего времени существует много проблем в сближении пушкинского текста с вьетнамским читателем. В связи с этим особый интерес представ-

ляет вопрос: как адекватно донести до иноязычного читателя суть русских пословиц?

Примечательно, что особую сложность при практическом переводе художественной литературы представляют устойчивые метафорические сочетания, в том числе пословицы, в которых отражаются национально-культурные особенности народов. Причина трудности перевода пословиц заключается в том, что сами условия исторического бытия народов разнятся, к тому же нередко при переводе ускользает закреплённый в речи подспудный смысл. Пословица – это «коротенькая притча», выражающая народную мудрость. Благодаря использованию пословиц художественное произведение обладает особой стилистической окрашенностью. Именно поэтому правильная интерпретация значения пословиц способствует не только сохранению авторского замысла, но и воссозданию при переводе стилистических особенностей оригинала.

В каждой национальной культуре сложилась своя энциклопедия пословиц, в которой отражена картина природы, быта, национальных поверий. Для вьетнамского народа пословица является одним из ведущих речевых жанров фольклора, с которым он знаком с самого детства. Жизнь вьетнамского крестьянина находит своё яркое отражение в этом лаконичном жанре народного творчества. Вьетнамские пословицы, как и русские, не сочиняются, рождаются из народного опыта, связанного с производством, сельским хозяйством, погодой. В них проявляются не только быт и обиход, дух и характер, но и история, традиция вьетнамского народа. Пословицы отражают концептуальную картину мира народа, связанную с географическим положением, рельефом местности, климатом, животным и растительным миром. Как донести до вьетнамского читателя суть русских пословиц? Это – не простая задача для переводчика.

Обращаясь к переводу «Капитанской дочки», осуществлённому Као Суан Хао, заметим, что переводчик попытался найти во вьетнамском языке такие эквиваленты, которые бы максимально соответствовали конкретным речевым ситуациям. Переводчик первоначально прибегал к помощи существующих во вьетнамском языке пословиц. Так, в четвертой главе романа рассказывается о неприятной ситуации в военной жизни Петра Гринёва – ссоре со Швабриным, следствием которой был поединок. Гринёв просит Ивана Игнатьича быть секундантом. Кривой старичок в поношенном мундире в романе – фигура эпизодическая, однако весьма примечательная, так как является представителем «старинных людей», поэтому его речь ярко выразительна благодаря использованию пословиц. Он оценивает ссору Гринёва со Швабриным своеобразно – не прямо, а обиняком, используя пословицу: «*Брань на вороту не виснет*» (здесь и далее в пословицах курсив наш. – Линь; ср. у В.И. Даля: «Брань на вороту не виснет, а кулак в боку не киснет» [1, с.216]); «*Худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров*» (ср. у Даля: «Худой мир лучше доброй брани (драки)» [1, с.219]). Переводчик Као Суан Хао подбирает к первой пословице соответствующую вьетнамскую поговорку «Ньюк до дау вит» (букв. – Лить воду на голову утки). Эта поговорка говорит о напрасных действиях. Данное речение, хотя и не является в полном смысле пословицей, однако по сути – это суждение, «высказанное обиняком», поэтому и имеет тот же смысл, что и пословица оригинального текста. Вторая пословица в речи пушкинского персонажа претерпевает ситуативное развёртывание (в одной части фразы «*а и нечестен, так здоров*» происходит развёртывание пословицы). Слова «старинного человека» Ивана Игнатьича передаются посредством точного соответствия во вьетнамском языке: «Мот диеу ньин тьин диеу лань» (букв. – Уступая

однажды, девять раз встретишь добро). Эта пословица учит человека быть уступчивым, выдержанным, избегать нежелательных конфликтов. На наш взгляд, это – хороший вариант перевода, так как имеет тот же смысл, что и русская притча, и сохраняет звучание пословицы. Примечательно при этом, что в обоих случаях переводчик объединяет оба приёма: находя соответствующий вьетнамский эквивалент и представляя буквальный перевод, помещая его в комментариях [4, с. 152, 154]. Данный способ перевода не только даёт читателю представление о русских пословицах, употреблённых в исходном тексте, но и позволяет ему понять смысл этих выражений при помощи соответствующих вьетнамских паремий.

Осмысливая художественную функцию пословиц в «Капитанской дочке», заметим, что «красное слово» занимает значительное место в лексическом строе произведения. Оно выполняет характерологическую роль, объясняя при этом особенности народных типов. Богата иносказаниями речь Пугачёва – вожатого, выведшего заблудившегося ямщика Гринёва к постоялому двору, а позже – вождя крестьянского движения. В главе XI (третья встреча Гринёва с Пугачёвым в Бердской слободе) Гринёв просит Пугачёва освободить свою невесту. Узнав о злодеянии Швабрина, держащего в неволе бедную Машу Миронову, Пугачёв кричит: «<...> *Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори, кто виноватый?*» [5, с. 61]. Применительно к пословице «*Будь он семи пядень во лбу*» (ср. у Даля: «Семи пяденей во лбу. Промеж глаз калена стрела ляжет» [1, с. 257]) Као Суан Хао пользуется вьетнамской поговоркой «Ба дау шау таи» (букв. Три головы, шесть рук), что говорится в адрес человека, обладающего выдающимися способностями при решении особенно сложных, трудных задач и проблем. По нашему мнению, этот вариант можно считать удачным, так как вполне передаёт народную мудрость, содержащуюся в русской пословице. В ответной реплике Пугачёва по поводу его подарка Гринёву (лошади и тулупа) звучит пословица «*Долг платежом красен*» (ср. у Даля: «Долг платежом красен, а займы отдачею» [1, с. 443]). Эти слова произносит Пугачёв, когда он представляется Гринёву не как казак, а как вождь крестьянского движения. Благодарность за заячий тулуп и стакан вина определяет отношение Пугачёва к Гринёву. Он готов оказать нужную помощь своему благодетелю. Пословица, употреблённая в речи Пугачёва, переводится посредством вьетнамского эквивалента «Ко ди ко лай мой тоаи лонг ньяу» (букв. – Как с тобой поступают, тем же отвечаешь, и все довольны). В качестве комментария к вьетнамскому варианту даётся калька русской пословицы, что помогает читателям узнать народное речение в исходном тексте [4, с. 225]. Иноязычный читатель вполне может по-

нять смысл русской пословицы: на добро и зло отвечают тем же. В другой реплике Пугачёва по поводу общей судьбы Маши Мироновой и Гринёва слышим пословицу «*Утро вечера мудренее*». Као Суан Хао прибегает к помощи вьетнамской поговорки «Тхань тхиен бать ньят», в основе которой лежат образы голубого неба и светлого дня. Смысл этой поговорки в том, что все дела лучше решать открыто, при свидетельстве людей. Притом эта поговорка оформляется на старом литературном языке ханване (вьетнамизированной форме классического китайского языка вэньяня), что способствует сохранению стилистической окрашенности, лаконичности речи пушкинского героя. Хотя переводчику удалось воспроизвести архаичность пушкинского стиля, однако смысл вьетнамской поговорки не полностью соответствует русской пословице, выражающей то, что именно утро приносит мудрость. По нашему мнению, в этом случае необходимо в комментариях к тексту представить и буквальный перевод русской пословицы.

Осмысливая стилиевые особенности «семейственных записок», необходимо попытаться понять художественную функцию и семантику эпиграфов-пословиц, которые в афористически-краткой форме часто выражают основную коллизию, тему, идею или пафос произведения, способствуя глубокому восприятию читателем. Эпиграф обладает всеми свойствами цитаты, создаёт сложный образ, рассчитанный на восприятие также и того контекста, из которого эпиграф извлечён. Эпиграф может выполнять и роль «экспозиции», вводя действие, давая предварительные разъяснения к пониманию содержания каждой главы, а также и всего произведения в целом, определяет сюжет глав, способствует пониманию поступков героев и повествуемых событий. Пословицы выступают в качестве эпиграфов ко всему роману: «*Береги честь смолоду*» (ср. у Даля: «Береги платье снову, а честь – смолоду» [1, с. 253]), к главе VIII «Незванный гость»: «*Незванный гость хуже татарина*» (у Даля так же [2, т. 1, с. 386]), и к главе XIV «Суд»: «*Мирская молва – морская волна*» (ср. у Даля: «Мирская молва, что морская волна. Молва, что волна» [1, с. 572]). Среди этих пословиц только последняя имеет адекватное вьетнамское соответствие «Миенг тхэ жан ны лан шонг бэ» (букв. – Людские уста, что морская волна), показывающее обширность и непостоянство мнений людей по любому вопросу. В данном случае Као Суан Хао как бы вводит переведённого автора в свою культуру, находит существующую во вьетнамском языке пословицу, соответствующую русской паремии по смыслу и структуре, что выражает сходство в мировоззрении двух народов, отличающихся культурой.

С точки зрения переводческой практики несомненный интерес представляют пословицы, не имеющие соответствующих аналогов во вьетнам-

ском языке. В немногих случаях Као Суан Хао прибегает к помощи калькирования русских пословиц. Так, эпиграф ко всему роману представляет собой лишь часть пословицы «*Береги платье снову, а честь – смолоду*». Эти содержательные слова выражают основную мысль и настроение «записок Гринёва». Мысль о необходимости с молодости беречь честь как самое основное сословное качество дворянина подчеркивается еще раз в лаконичном прощальном напутствии Андрея Гринёва, обращённом к сыну перед отправлением на военную службу: «*Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду*» [5, с. 9]. В обоих случаях переводчик использует семантические кальки. Притчевое начало в данном случае оказалось «приглушённым», однако оригинальная пословица не превращается в буквальный перевод её составных частей, так как сохраняет вид народного представления о поведении человека на чужбине. Приём калькирования используется также при переводе таких пословиц, как «*Лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой*», употребляемой ямщиком Гринёва, и звучащих в речи старика Савельича: «*Зашел к куме, да засел в тюрьме*» (ср. у Даля: «Зашел к куме да и засел, как в тюрьме» [1, с. 322]), «*Конь и о четырех ногах, да спотыкается*» (ср. у Даля: «Конь о четырех ногах, да спотыкается» [1, с. 44]). Пословицу «*Конь и о четырех ногах, да спотыкается*» употребляет дважды Савельич в письме к старому барину Андрею Гринёву (гл. V) и в разговоре с Пугачёвым (гл. IX).

Анализ способов передачи пословиц в пушкинском тексте на вьетнамский язык показал, что переводчик стремится воссоздать особенности писательского стиля, поэтому и пытается в ряде случаев конструировать (используя все возможные средства своего языка) пословицеобразный оборот, позволяющий сохранить образность и смысловую нагрузку оригинальной пословицы. В связи с этим привлекает внимание то, как переведена пословица «*Из огня да в полымя*» (у Даля так же [2, т. 2, с. 44]), звучащая в речи старика Савельича, когда он с Гринёвым и Марьей Ивановной по дороге из Белогорской крепости находился под арестом солдат Зурина. Эта пословица имеет соответствующий вьетнамский эквивалент «Чань во зья гап во зья» (букв. Избежал арбузной корки – наткнулся на кокосовую скорлупу), описывающий ту же ситуацию: из неприятного положения в ещё худшее. Однако переводчик не пользуется вьетнамским эквивалентом, а создает пословицеобразный оборот: «чань лыа тхан лай гап лыа нгон» (букв. – избежал огонька да наткнулся на пламя), чтобы передать дух и образный строй оригинальной паремии. Нетрудно заметить, что созданный переводчиком обо-

рот строится на противопоставлении, выраженном при помощи пары антонимичных слов: «чань (избежать)» – «гап (наткнуться)», и слов с оттенком значения «усиленность в характере явления»: «лыа тхан (огонек)» – «лыа нгон (пламя)». Хотя переводчику удалось сохранить образность и смысловую нагрузку русской пословицы, конструирование пословицеобразного оборота оказалось не вполне удачным приёмом, так как совсем пропал оттенок архаичности, выраженный при употреблении устаревшего слова «попымя».

О сложности перевода свидетельствуют пословицы «Кто ни поп, тот батька» и «С лихой собаки хоть шерсти клок». Первая пословица употребляется в речи Пугачёва, когда он встретился с Гринёвым второй раз в Белогорской крепости, занятой повстанцами (гл. VIII). Важный разговор между ними ведётся после окончания «военного совета». Пугачёв предлагает Гринёву служить ему верой и правдою: «Так ты не веришь, – сказал он, – чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?» [5, с. 50]. В данном контексте переводчик предлагает передачу общего смысла русской пословицы: «Вуа нао ма тья ла вуа» (букв. – Кто бы ни был королём – всё равно). Вместе с тем в комментарии даётся калька оригинальной притчи, позволяющая читателю узнать пословицу в тексте. Что касается пословицы «С лихой собаки хоть шерсти клок» (гл. IX), выражающей отношение старого Савельича к «подарку» Пугачёва – лошади и тулупу, переводчик просто передаёт общий смысл оригинальной паремии: «кон хон хонг ко» (букв. (хоть мало) всё равно лучше ничего). При этом русская пословица в переводном тексте превращается в простую сухую фразу, которая теряет особенности жанра – стилистиче-

скую окрашенность, лаконичность, афористичность.

Осмысление художественной функции пословиц в «Капитанской дочке» Пушкина позволяет уточнить особенности жанровой специфики произведения, которое, по существу, представляет собой свод семейных преданий. Воспроизведение их духа, а также изображение народной жизни, народных характеров, образа мысли народа в драматический период русской истории требовали поиска особого стиля, словоупотребления. Анализ перевода, выполненного Као Суан Хао, показал, что оптимальным считается приём воспроизведения русских притч посредством вьетнамских эквивалентов. А вот семантическое калькирование или создание пословицеобразных оборотов не всегда способствуют максимальной адекватности перевода. Буквальный перевод лишь приближает вьетнамского читателя к пониманию общего смысла, однако оригинальные притчи превращаются в сухие фразы, теряющие при этом стилистическую окрашенность. Во многих случаях именно объединение разных приёмов служит разумным подходом переводчика, позволяющим читателю узнавать пословицу в тексте и обеспечивающим адекватность перевода.

Библиографический список

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 814 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981–1989.
3. Мамонов А.И. «Капитанская дочка», или «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка» (Пушкин в Японии) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 38. – 1979. – № 3. – С. 196–206.
4. Пушкин А.С. Дубровский. Капитанская дочка / пер. Као Суан Хао. – Ханой: Культура, 1960. – 285 с.
5. Пушкин А.С. Капитанская дочка. – Л.: Наука, 1985. – 320 с. (Литературные памятники).

РАЗРУШЕНИЕ ГАРМОНИИ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н.В. ГОГОЛЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПЕРЕХОДА В «ЧУЖОЕ» ПРОСТРАНСТВО

В статье раскрывается взаимосвязь мотивов гармонии и разлада и архетипов «своего» и «чужого» в повестях Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота» и «Заколдованное место». В указанных повестях герой находится в «чужом» пространстве, иначе говоря, во владениях инфернальных сил. Следствием перехода в это пространство является разрушение установленного миропорядка и гармонии жизни. Сам переход в «чужое» пространство зачастую незаметен для героя, мгновенен, но осязателен: первым признаком становится ощущение некоего дискомфорта.

Также в статье рассматриваются особенности «заколдованного места», локуса, в котором происходит слияние двух миров – людского и мира нечисти. В этом локусе действуют особые законы, неподвластные человеку. Однако если отыскать что-то «свое» в «чужом» мире, например обратиться к Богу и вере, то можно избавиться от влияния нечисти и вернуть былую гармонию. Автор статьи отмечает, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» подобные пространства еще малы, но в последующих циклах («Миргород» и «Петербургские повести») они разрастаются, а проделки нечисти из безобидных и вызывающих смех становятся губительными и разрушительными.

Ключевые слова: Гоголь, мотив, гармония, разлад, архетип, повесть, заколдованное место, нечистая сила.

В повестях Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота» и «Заколдованное место» мотивы гармонии и разлада оказываются тесно связанными с архетипом «своего» и «чужого». И в той и в другой повести основные события разворачиваются на «чужой» для героя, хтонической территории, во владениях нечистой силы. Таким образом, герой теряет контроль над ситуацией – ведь дома и стены помогают. В других повестях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» нечисть вторгается в мир людей, пытаясь изменить его, внести в него хаос и разлад. В «Пропавшей грамоте» и «Заколдованном месте» лишь начало истории происходит в привычном для героя, «своем» пространстве.

В «Пропавшей грамоте» деду Фомы Григорьевича необходимо попасть в место обитания нечисти, чтобы вернуть утраченное – ведь черт украл коня и грамоту и исчез вместе с ними. Дорога в «другой» мир сложна: путь нужно проделать ночью (пограничное время – один день завершен, другой еще не начался), преградами становятся холодный ветер и колючий кустарник. Эти препятствия вызывают дискомфорт как физический («еще от роду не видывал он, чтобы проклятые шипы и сучья так больно царапались: почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть» [3, с. 186]), так и морального («покойный дед был человек не то, чтобы из трусливого десятка <...> однако ж что-то подирало его по коже, когда вступил он в такую глухую ночь в лес» [3, с. 186]). Неуютное чувство, возникающее в душе деда Фомы Григорьевича, – вполне закономерно: он совершает переход из своего мира в мир, где властвуют иные силы и иные законы, он попадает на «чужую» территорию.

В конце пути деду Фомы Григорьевича предстоит перейти с одного берега на другой – из привычного мира в пространство, где хозяевами являются инфернальные силы. Берега соединяет мост,

символизирующий в литературе переход из одного мира в другой, что подтверждается мифами разных народов. Например, персы считали, что умершие должны переходить мост Шиневад, который ведет на небо. А в немецких сагах говорится о мосте, перейдя через который можно достать золото и несметные богатства [1, т. 1, с. 732]. В некоторых сказках Норвегии мост возводится чертом с целью получить в награду за это человеческую душу [1, т. 2, с. 536].

В славянском фольклоре мост также осмысливается как звено, соединяющее «тот» и «этот» свет. Более того, он мыслится как наиболее опасная часть пути в потусторонний мир, зачастую – место поединка с противником.

В «Пропавшей грамоте» мост оказывается в конце пути. В соответствии с фольклорными представлениями он узок настолько, что «одна только чертовская таратайка разве проедет» [3, с. 187]. Однако герой легко преодолевает эту последнюю преграду: «Дед, однако ж, ступил смело, и скорее, чем бы иной успел достать рожок понюхать табаку, был уже на другом берегу» [3, с. 187]. Это говорит о том, что душа его праведна (грешники по народным преданиям не в состоянии пройти по узенькому мосту), а цель – благородна, ведь он пытается вернуть грамоту, украденную у него нечистью, которую он вез по поручению гетмана царие.

Переход в «чужое» пространство не сразу осознается героем, несмотря на странное поведение собравшихся у костра. Осталось выполнить последнее условие для пересечения границы двух миров – отдать деньги: «это добро и дьяволы, и люди любят» [3, с. 186], – таково было наставление шинкаря перед дорогой. Кинув нечисти деньги, дед «попал чуть ли не в самое пекло» [3, с. 187]. Обратим внимание, что непосредственно момент перемещения происходит мгновенно и «он и сам

рассказать не умел» [3, с. 187], как оказался почти что в пекле.

В «Заколдованном месте» перемещение тоже мгновенно, хотя и непреднамеренно: танец деда Фомы Григорьевича прерывается странным параличом: «ноги, как деревянные, стали» [3, с. 311]. После этого он оказывается в гладком поле, не имея ни малейшего представления о том, как это произошло.

Как только совершается окончательный переход в мир нечисти, дед Фомы Григорьевича почти окончательно теряет контроль над происходящим. Он не в состоянии правильно оценить ситуацию, все его действия оборачиваются против него. Он не может ничего сделать по своей воле, а все его движения контролирует нечисть. Потусторонние силы обретают власть над ним. И даже поесть для него – задача невыполнимая, герой проносит еду мимо рта: «схватил другой кусок и вот, кажись, и по губам зацепил, только опять не в свое горло» [3, с. 188].

Несмотря на то что повесть называется «Пропавшая грамота» и рассказывается в ней о возвращении украденной грамоты, Фома Григорьевич заявляет, что речь пойдет о том, «как ведьмы играли с покойным дедом в дурня» [3, с. 181], акцентируя внимание именно на карточной игре, помогающей вернуть исчезнувшее. Таким образом, одним из объектов повествования становится именно «игра в дурня», что принципиально важно для нашего исследования, так как любая карточная игра «представляет собой модель конфликтной ситуации» [7, с. 789]. То есть мы можем говорить о противостоянии деда и нечисти, а соответственно, о мотиве разлада, проявляющемся в эпизоде игры. Ю.М. Лотман говорит, что «карточная игра может выступать как модель определенного типа конфликтов.

1. Конфликтов между равными противниками, то есть между людьми.

2. Конфликтов, подразумевающих возможность полной информированности (вернее, достаточно полной) участников относительно интересующих их сторон конфликта и, следовательно, рационально регулируемой возможности выигрыша» [7, с. 792]. В данном случае один из «дуэлянтов» принадлежит к миру нечисти, кроме того, использует в игре сверхъестественную силу, что не позволяет деду Фомы Григорьевича контролировать ход игры или как-то влиять на результат. Поэтому мы не можем отнести эту «игру в дурня» ни к одному из упомянутых Ю.М. Лотманом типов.

Непосредственно в процессе «игры в дурня» обнаруживается разлад между истинной сущностью и видимым: карты меняются в руках у деда в зависимости от хода партии. Борьба с наваждением бессмысленно – все попытки обречены на провал. Тому есть ряд причин: дед Фомы Григорьевича находится в окружении чертей и ведьм, не на

своей территории, а в «чужом» пространстве – все «kozyри» на руках у нечисти в прямом и переносном смысле. Не помогает ни брань, ни злость (первое время дед на чем свет стоит ругает нечисть), ни угрозы («Если не отдадите, сей же час, моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переверочу свиных рыл ваших на затылок!» [3, с. 188]). И хотя брань используется против злых сил, разрастающийся конфликт не может быть разрешен руганью и угрозами – раздор и бранные слова не могут восстановить гармонию ни в каком случае, а вот навлечь чертыханья вполне способны. В «Заколдованном месте» дед, скованный странной неодолимой силой, не дающей продолжать ему танец, начинает ругаться: «А, шельмовский сатана! чтоб ты подавился гнилою дынею! чтоб еще маленьким издохнул, собачий сын! вот на старость наделал стыда какого!..» [3, с. 311]. Брань в этом случае является своеобразной силой, помогающей проделывать путь из мира людей в мир нечисти.

Несмотря на кажущуюся неуязвимость нечистой силы, способ одолеть чертей и ведьм в «чужом» для героя пространстве есть, и дед Фомы Григорьевича в «Пропавшей грамоте» находит его по мере игры в дурня. Перекрестив карты, дед разрывает цепочку наваждений. На «чужой» территории, где он оказался один в окружении потусторонней силы, дед обращается к помощи Бога, к «своей» вере. Отыскав в этом «чужом» ему мире кусочек «своего», обретя поддержку, он легко одолевает нечисть.

Однако для деда Фомы Григорьевича посещение обиталища нечистой силы бесследно не проходит. Он лишился своего верного коня, и выбираться из пекла ему приходится на сатанинской лошади. После возвращения же жизнь деда Фомы Григорьевича потекла своим чередом, только «бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуется» [3, с. 191]. Предположение, почему это происходит, есть в самом тексте – не освятил дед хаты, как обещал. А против нечисти самым действенным методом оказывается обращение к религии и Богу. В «Заколдованном месте» после истории с обманым кладом и странными перемещениями из проклятого места дед Фомы Григорьевича начинал «класть кресты» в любом беспокойном месте.

Обратим внимание, что путь в «чужой» мир занимает мгновение, а вот путь на «свою» сторону – некоторое время. То есть попасть в локус нечистой силы можно быстро, более того, человек не замечает, как он оказывается в «другом» мире. Мир нечисти моментально затягивает и цепко держит, не хочет отпускать свою «добычу».

Если в «Пропавшей грамоте» дед сам ищет дорогу, ведущую его в пекло, чтобы забрать грамоту, то в «Заколдованном месте» он оказывается в странном месте помимо его воли: «Оглянулся:

ни баштану, ни чумаков, ничего; назади, впереди, по сторонам – гладкое поле. “Э! ссс... вот тебе на!”» [3, с. 311]. Более того, найти туда дорогу самостоятельно не получается во второй раз, хоть места вокруг и знакомые: «голубятня, что у попа в огороде» [3, с. 311] да «гумно волостного писаря» [3, с. 312]. Тем не менее, когда дед пытается отправиться туда по дороге на следующий день, он не может найти такую точку, с которой будет видно и гумно, и голубятню. Таким образом, можно сделать вывод: то, что видит дед, попадая в определенную точку через «заколдованное место» – морок, наваждение, иллюзия. На самом деле он находится на территории потусторонних сил, а не в своем мире, где существуют реальные гумно и голубятня: «невозможность соединить не соединяемые в реальном пространстве голубятню и гумно представляют мир как наваждение» [4, с. 249].

А вот чтобы вернуться оттуда, приходится ему поколесить изрядно и, тем не менее, «поздненько однако ж пришел он домой» [3, с. 312]. Получается, что оказаться в «чужом» мире потусторонних сил проще, чем выбраться оттуда. Это можно рассматривать как аллгорию: для того чтобы «сойти к демонам», то есть уподобиться им в своей жизни, пасть, достаточно одного мгновения, а для того чтобы вновь подняться, обелиться, необходимы годы и годы покаяния, труда, попыток исправления, очищения души от следа общения с этими инфермальными силами.

В народных представлениях потусторонний мир надежно отгорожен от мира реального. В «Заколдованном месте» происходит пространственное столкновение двух миров – мира людей и мира нечисти, в результате чего возникает особый локус – «“пороговое”» пространство, в котором осуществляется переход от жизни к смерти и наоборот» [5, с. 147]. Это самое пространство становится «живым» и приобретает функции персонажа, влияет на события и имеет характер. Оно играет с дедом: кто-то невидимый чихает, из-за деревьев высовываются то баранья голова, то медведь, земля уходит из-под ног... Но в то же время реального вреда заколдованное место не причиняет, оно морочит, обманывает, обводит вокруг пальца, пугает, но проделки его скорее шутивы, чем опасны.

Герой повести испытывает на себе влияние странного места: он начинает браниться на силу, морочающую его («Экая мерзостная рожа!» [3, с. 314]), и боится ее. Однако продолжает поиски клада, уступая своим страстям в погоне за богатством. Таким образом, заколдованное место можно назвать своеобразным испытанием героя, которое он, к сожалению, не проходит, пытаясь заполучить легкие деньги. Но поскольку (в отличие от Петруся из «Вечера накануне Ивана Купала»), дед не приносит никакой жертвы, чтобы найти сокровище, наказанием ему становится всего лишь «сор,

дрязг... стыдно сказать, что такое» [3, с. 315], вместо желаемых богатств. Таким образом, слияние двух пространств – реального и потустороннего не может породить ничего хорошего, оно лишь вносит определенную дисгармонию: «на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз – не арбуз, тыква – не тыква, огурец – не огурец...» [3, с. 316].

Избавление от проделок черта дед Фомы Григорьевича (как и многие другие персонажи «Вечеров...») видит в вере: «бывало, чуть только услышит старик, что в ином месте не спокойно: “а ну-те, ребята, давайте крестить!”» [3, с. 315]. Однако заколдованное место пришлось огородить плетнем, так как противостоять ему и не поддаваться на создаваемые им мороки можно только обходя его стороной. Таким образом, в «Заколдованном месте» впервые происходит полное слияние мира, принадлежащего нечисти, и мира людей: «волшебная природа этого “места” состоит в том, что в нем пересекаются волшебный и обыденный миры. Вступивший на него получает возможность перехода из одного в другой» [8, с. 627]. И если в других повестях «Вечеров...» переход из одного мира в другой осуществлял так называемый «пороговый» герой [2, с. 46] (например, Вакула из «Ночи перед Рождеством»), «чьи нечеловеческие возможности позволяют пересекать как мифологические, так и реальные границы между мирами» [6, с. 73–74], то заколдованное место открывает путь в «чужое» пространство всем. Это еще небольшой локус, но в границах его уже трудно отличить реальность от наваждения, а обращение к вере спасает лишь на некоторое время или не спасает вовсе. Постигание законов, действующих в пределах «заколдованного места», возможно лишь по законам «нечеткой логики» [10, с. 11–14], где любые границы расплывчаты и неустойчивы. Привычное человеку пространство искажается, и хозяином положения становятся инфернальные силы, которые пока развлекаются, одурачивая персонажа, слегка подшучивая над ним. Однако в последующих циклах – «Миргород» и «Петербургские повести» – подобные пространства будут разрастаться, а проделки сверхъестественного мира станут менее безобидными, а разрушающими, вносящими в жизнь персонажей дисгармонию и превращающими все в хаос. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» нечистая сила не столько страшна, сколько комична. Козни чертей и ведьм зачастую смешны и легко преодолимы. Человек сильнее, он легко может одержать победу над злом и тьмой. Это соответствует народнопоэтической традиции, так обычно случается в сказках и легендах. В других же циклах место действия – не романтизированный мир, в котором властвуют иные законы, иное соотношение сил.

Мережковский писал о Гоголе: «основная черта всей его личности – дисгармония» [9, с. 223]. Дисгармоничность натуры писателя отразилась в его произведениях, в образах героев, ищущих гармонию внутри себя и вовне. Поиск их долгий, трудный, иногда – бесконечный и безрезультативный. Гармония, возможная в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», становится атрибутом прошлого в «Миргороде» и превращается в призрачную мечту в «Петербургских повестях».

Библиографический список

1. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. – М.: Современный писатель, 1995.
2. *Волоконская Т.А.* Странные превращения в мотивной структуре малой прозы Н.В. Гоголя 1830–1840-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2014. – 230 с.
3. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 1. – 556 с.
4. *Ицук-Фадеева Н.И.* Мир Гоголя как «заколдованное место» // Н.В. Гоголь и народная культура. – М.: ЧеРо, 2008. – С. 244–252.
5. *Кривонос В.Ш.* Гоголь: Проблемы творчества и интерпретации. – Самара: Издательство СГПУ, 2009. – 420 с.
6. *Кривонос В.Ш.* Повести Гоголя: пространство смысла. – Самара: СГПУ, 2006. – 442 с.
7. *Лотман Ю.М.* «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарии. – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – С. 786–814.
8. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993): История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: Искусство-СПб, 1997. – С. 621–658.
9. *Мережковский Д.С.* Гоголь и черт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – 384 с.
10. *Прозоров В.В.* Другая реальность: очерки о жизни в литературе. – Саратов: Лицей, 2005. – 208 с.

ШИЛЛЕРОВСКИЕ «ОТРАЖЕНИЯ» В РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-Х – 1860-Х ГОДОВ

Автор подчёркивает общность философских и эстетических взглядов писателей и приходит к выводу о том, что заинтересованность Тургенева в художественном наследии Шиллера обусловлена как объективными, так и субъективными причинами, а именно: некоторой типологической близостью, психологической особенностью писателей, которые отразились в сопоставимости их мирозерцания. Прослеживается эволюция ориентированности тургеневского творчества на шиллеровские традиции. Большинство шиллеровских реминисценций у Тургенева играет чисто литературную роль. Связь между писателями выражается в общности идейно-тематических черт, в стиле речи положительных героев и в изображении любви в разных её проявлениях. Шиллеровские «отражения» в романах русского классика позволяют акцентировать внимание на идеальной стороне произведений Тургенева. Переоценка философского и поэтического идеализма побуждает Тургенева связать образы Шиллера с воспоминаниями о молодости, о романтических порывах. Образы тургеневских идеалистов формируются в связи с шиллеровской концепцией отречения, которая воспринимается как призыв к действию. Тургенев неоднократно изображает русское философское шиллеровство как бытовое явление конца 1830-х начала 1840-х годов. В произведениях Тургенева Шиллер был введён в реальный контекст социально-бытовой и политической жизни нового времени.

Ключевые слова: баллада, роман, художественный метод, влияние, немецкие и русские писатели.

В наших предыдущих статьях сделана попытка рассмотреть романы И.С. Тургенева 1850-х – 1860-х годов в нетрадиционном контексте и привлечь внимание к тем особенностям его художественной природы, которые до сих пор не были достаточно оценены. Шиллеровские «отражения» в романах русского классика позволяют акцентировать внимание на «идеальной» стороне творений Тургенева, являющейся доминирующей в большинстве из них.

Восемнадцатый век передал девятнадцатому своё восхищение наследием Шиллера как непреходящей эстетической ценностью. Шиллер был введён в реальный контекст социально-бытовой и политической жизни нового времени как передовой поэт и мыслитель своей эпохи, откликнувшийся на острые злободневные проблемы современной ему действительности. На пороге столетия образ Шиллера приобрёл особую значимость, а направленность его произведений в соотношении с жизненной судьбой поэта и его заинтересованность во всех важных проблемах своего времени (политических, философских, социально-психологических и т. д.) давала основание увидеть в шиллеровском творчестве сложное и внутренне противоречивое целое.

Увлечение произведениями Шиллера сочеталось у современников И.С. Тургенева с интересом к личности поэта, его жизненной судьбе и нравственному облику писателя, мыслителя, борца.

На протяжении всего XIX столетия наследие Шиллера остаётся действенным фактором литературного развития: интенсивно осваивается художественный опыт Шиллера-поэта и Шиллера-прозаика и философа. Многосторонность Шиллера, обращение к насущным проблемам своего времени, не потерявшим для России острой актуальности, обусловили настойчивое обращение русских писателей к его творческому опыту.

Годы учения в Берлинском университете (1838–1841), проведённые в философско-поэтической атмосфере русской студенческой колонии, знакомство со Станкевичем, старая дружба с Грановским, близость с М. Бакуниным и, по возвращении в Россию, «премухинский роман» с его сестрой Татьяной – все эти факты биографии молодого Тургенева, которые объясняют испытанное им глубокое влияние русско-немецкой философско-поэтической культуры конца 1830-х годов.

Однако в противоположность шиллеровским цитатам у Станкевича, Бакунина или Герцена, имеющим принципиальное значение в построении их мировоззрения, большинство шиллеровских реминисценций у Тургенева играет чисто литературную роль, как привычные формулы речевого стиля дворянской интеллигенции, окрашенного литературными аллюзиями. Тонкий наблюдатель, прошедший через обязательное увлечение немецкой философией и поэзией, Тургенев неоднократно изображал впоследствии русское философское шиллеровство как бытовое явление конца 1830-х и начала 1840-х годов.

Переоценка философского и поэтического идеализма в общественно-бытовом плане как пройденной стадии русской дворянской культуры побуждает Тургенева связать образы Шиллера с воспоминаниями о молодости, о романтических порывах, собственных лучшей части тогдашней молодёжи, о первых радостях и разочарованиях. Образы тургеневских идеалистов формируются в несомненной, хотя порой и трудно уловимой, связи с шиллеровской концепцией самоотречения, воспринимаемой как призыв к действию и подражанию.

Социальный и идейный антагонизм, который разделяет действующих лиц и порождает трагические столкновения, резкие контрасты между персонажами, приподнятость их речей и лежащая

в основе всего этого идея борьбы с несправедливостью, с косностью и гнётом старого общества – вот черты сочинений Шиллера, которые легко сопоставимы с романами Тургенева.

Роль шиллеровских баллад античного и средневекового цикла исключительно важна для романного творчества Тургенева. Связь между ними выражается и в общности идейно-тематических черт, и в тождестве стиля речи положительных героев, и в отдельных частных совпадениях, из которых, впрочем, далеко не все могут служить убедительным доказательством прямого «влияния» или тем более – заимствования.

При этом, однако, черты сходства настолько тесно сплетаются с чертами различия, что, говоря о связи, даже о возможном заимствовании из определённой баллады, всё время приходится иметь в виду переосмысление, переработку, столкновение воспринятого с оригинальным – то есть те самые моменты, которые характеризуют всякую подлинно творческую связь между предшественником и более поздним автором.

Более существенными, чем частные случаи текстуальных совпадений или тождества сюжетных положений и мотивов, являются моменты сходства общих принципов поэтического мышления героев. Тургенев творчески воспринял и развил философские идеи, вернее морально-эстетические основы, теории Шиллера. Близость писателей проявляется прежде всего в одухотворённом стремлении к изображению идеальной любви – в самом широком смысле: от интимного чувства до высших проявлений гражданственности. Общность именно этой стороны мироотношения обусловила сферу влияния романтизма на идейно-эстетические взгляды Тургенева: отметив собой стиль писателя, романтизм не изменил природы его художественного метода, реалистического по существу. Романтический идеал, созданный Шиллером на рубеже веков, находит развитие в тургеневской прозе.

Огромная положительная роль, которую сыграли в творческом развитии Тургенева баллады Шиллера, выражается в том, что их идейное содержание дало Тургеневу новые опорные точки для более чёткой и более острой постановки идейно-философских проблем, всегда занимавших его, возникавших и в ранних стихотворениях и отсюда переходивших в другие жанры (в частности в повести и в романы), где они получили у него более полное художественное разрешение. Рассуждения тургеневских «идеалистов» представляют собой подробную разработку (в прозаической форме) тех мыслей, а отчасти и тех образов, которые проходят в балладах Шиллера.

Тургеневские романы стали своеобразной лабораторией философской мысли и философской темы, питавшей его творческий потенциал. Баллады Шиллера будили те же мысли, которые порожи-

дала в русском писателе современная ему социальная обстановка, помогали обобщать наблюдения и переживания, вызываемые зрелищем произвола и несправедливости, царившей в России. Тем самым в балладах Шиллера следует видеть отнюдь не книжный источник, из которого Тургенев черпал сюжеты, ситуации, отдельные образы и даже сентенции, а явление, полное живого политического содержания и служившее опорой для новых идейных и художественных поисков [1].

Подведём некоторые итоги, подчеркнув новые аспекты в изучении темы «Тургенев – Шиллер», которые касаются мотивов шиллеровских баллад в романах Тургенева 1850-х – 1860-х годов. Заинтересованность Тургенева в художественном наследии Шиллера обусловлена как объективными, так и субъективными причинами, а именно: некоторой типологической близостью, психологической особенностью писателей, которые отразились в сопоставимости их мирозерцания. В этой связи следует подчеркнуть поиски Тургенева «новой манеры», его работу над произведениями больших эпических форм. Сознательное и целенаправленное освоение Тургеневым шиллеровского художественного наследия избирательно: писатель в своих творческих поисках апеллирует к лирико-философским стихотворениям и балладам Шиллера, что обусловлено лирико-романтическим характером художественно-философского сознания Тургенева. Жанровая структура тургеневских романов, представляющая собой сложный сплав эпического, драматического и лирического начал, тяготеет к новелле балладного характера. Лирические «вставки», включённые в текст, призваны стать элементом сущности действия, своего рода поэтическим «зерном», из которого развёртывается эпическое полотно. Для Тургенева, мыслителя и художника новой исторической эпохи, вопросы непосредственно искусства, стоявшие в центре творчества Шиллера, отходили на второй план. Тургенев унаследовал прежде всего эпический пафос Шиллера, утверждение энтузиазма как своего рода идеальной нормы духовной и общественной жизни человека, поиски подлинно гуманных отношений между личностью и обществом, хотя в философском объяснении мира и человека приходил к иным, уже не романтическим выводам.

Тургенева привлекала в шиллеровской балладе особая философия любви, в чём-то близкая его художественным исканиям: универсальный характер этого чувства, который захватывает человека целиком и владеет им по своему усмотрению и произволу. Русский писатель подчёркивает в своих романах духовный смысл любви, несводимость его к плотским, чувственным отношениям, его интересу любовь как стихия, показывающая сильные и слабые стороны человеческого характера. Любовь, в понимании и Тургенева и Шиллера, – это

чувство, которое не поддаётся никаким «земным», «материалистическим» объяснениям и мотивировкам, она свидетельствует о таинственных и неразгаданных силах и событиях жизни, смысл которых не дано познать до конца слабому, смертному человеку. Тургенева привлекала в балладах Шиллера и культура изображения духовных основ любви, высокого любовного чувства, что ярко проявилось в тургеневских описаниях любовных переживаний и пейзажных зарисовках [2].

И, наконец, прослеживается своего рода эволюция ориентированности тургеневского творчества на шиллеровские традиции: от «стихийно-дилетантской» в 1830-е – 1840-е годы, когда художественные взаимодействия с данной традицией часто случайны, эпизодичны, через художественно-эстетические связи середины 1850-х годов, когда осваиваются некоторые черты шиллеровской поэтики, – к художественно-философской, начиная с «Дворянского гнезда» и кончая последним романом Тургенева, когда в основе генетических литературных контактов скрыто глубокое проникнове-

ние шиллеровского осмысления мира и человека в художественном понимании Тургенева.

Творческие связи Тургенева включают, таким образом, и типологическую общность, и непосредственные контакты, и отталкивание, и полемику, и развитие традиции.

Библиографический список

1. Белопухова О.В. Немецкие тургенеvedы о жанровых особенностях произведений И.С. Тургенева // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей / науч. ред. Ю.В. Лебедев; отв. ред. А.К. Котлов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – С. 64–67.

2. Белопухова О.В. Русский Тогенбург. К проблеме творческих взаимоотношений К.С. Аксакова и И.С. Тургенева. // Диалог культур – культура диалога: материалы междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 6–10 сентября 2010 г. / под ред. Л.Н. Ваулиной. – Кострома; Дармштадт; Минск; Могилёв; Познань; Ваназор: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 45–47.

Белякова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
helenbel31@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О СТАНОВЛЕНИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПРОСТРАНСТВА КОМЕДИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ЗА ЧЕМ ПОЙДЁШЬ, ТО И НАЙДЁШЬ» (на материале чернового автографа пьесы)*

В статье затрагивается проблема становления авторского замысла комедии А.Н. Островского «За чем пойдёшь, то и найдёшь» на материале рукописи с многочисленными правками драматурга, полагавшего, что каждая деталь речи героя напрямую связана с его характером и образом мыслей. Текст чернового автографа, не вошедшего в каталог рукописей Островского библиотеки Румянцевского музея, сделанный Н.П. Кашиным, и оставшегося вне поля зрения литературоведов, позволяет отследить характер изменения образов главных героев посредством работы драматурга над нюансами их речи. Согласно нашим наблюдениям, исправления, касающиеся речевого поля Бальзамина, свидетельствуют об авторском намерении максимально смягчить характер главного героя. В то же время Островский явно избегает даже намёка на драматизацию событий, связанных с его персоной. Изменения речи других героев свидетельствуют о всё более определяющихся семантических и этических связях внутри произведения. Обращает на себя внимание тот факт, насколько тщательно подбирает Островский каждое слово в репликах персонажей, заботясь о точности и лаконичности психологической характеристики героев, то заменяя блекло-нейтральное слово разговорно-выразительным вариантом, то предпочтя экспрессивному высказыванию его более спокойный эквивалент.

И хотя рукопись не позволяет в полной мере проследить процесс становления авторского замысла и свидетельствует о позднем этапе доработки пьесы, характер сделанных драматургом исправлений даёт возможность лишний раз убедиться, насколько тщательно прорабатывает Островский каждый фрагмент комедии, достигая тем самым эффекта незамысловатой простоты описываемых ситуаций и характерно-непроизвольного рисунка речи своих героев.

Ключевые слова: авторский замысел, автограф, вариант текста, образ, характер, речевая характеристика героя, работа над текстом.

«За чем пойдёшь, то и найдёшь», третья комедия в трилогии о Бальзаминоме, была закончена в августе 1861 г. 19 августа Островский сообщает Ф.М. Достоевскому, что пьеса, обещанная в журнал «Время», готова и рукопись отправлена в редакцию [5, с. 133], а 14 сентября того же года М.М. Достоевский уведомляет драматурга: «Ваши “сцены”, за которые приношу Вам большую благодарность, уже отпечатаны. Цензура обошлась с ними самым почтительным образом – не выкинула из них ни слова. Корректуру держал я, и, надеюсь, Вы будете довольны» [4, с. 97].

Текст сохранившейся рукописи, не вошедшей в опись автографов Островского библиотеки Румянцевского музея, представленных Н.П. Кашиным [3], остался вне поля зрения литературоведов, а между тем, на основании черновых записей и исправлений, сделанных рукой драматурга, можно сформировать представление о вариациях авторского замысла в процессе работы Островского над пьесой.

Первоначально в перечне действующих лиц первой картины вместо офицера в отставке Лукьяна Лукьяныча Чебакова значился некий Чепчугов, капитан. В этом чине герой фигурирует в письме Ф.М. Достоевского к Островскому от 24 августа 1861 г., где издатель журнала «Время», с восторгом отозвавшись о только что прочитанной комедии, делает одно замечание: «Капитан только у Вас

вышел как-то частнолицый. Только верен действительности и не больше. Может быть, я не разглядел с первого чтения» [2, с. 23]. Однако уже в представленном списке имя это исправлено и соответствует окончательной редакции [6, л. 1].

В перечне лиц, открывающих вторую картину, Белотелова именовалась Домна Евстигнеевна, а возраст, «лет под 40», уточнён – «лет 36» (РГБ, л. 7). Сёстры Пежёновы, «девицы лет под 30», сначала характеризовались Красавиной следующим образом: «одна девушка, другая вдова» (РГБ, л. 1 об.). Анфиса и Раиса имели дополнительную характеристику, не вошедшую в чистовой текст: «Выражение лица у обеих сестёр кислое» (РГБ, л. 7).

Следя за рукой драматурга, включающего в комедию новые выражения и вычёркивающего невыразительные или неточные фразы, можно предположить, как в сознании автора эволюционировали характеры некоторых из его героев. Так, образ Чебакова сначала имел более грубую обрисовку, чем в исправленных вариантах текста. Примитивизм и одноплановость героя выражались, в частности, в том, что ему были присущи односложные речевые формулировки. Например, первоначально в разговоре с Бальзаминовым (карт. 1, явл. 7) при обращении к собеседнику Чебаков четырежды использовал повелительный глагол «послушайте» [6, л. 6], который позже был заменён Островским

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00113.

на более разнообразные обороты речи: «Вот что, Бальзаминов», «Послушайте, Бальзаминов», «Нет, господин Бальзаминов», «Как вы, Бальзаминов». Таким образом, из шаблонно мыслящего военного, каким, возможно, он и был задуман вначале, Чебаков превращался в живого человека, легко подстраивающегося к жизненной ситуации.

О том же свидетельствует и дальнейшая работа драматурга над характером речи героя. Так, переданное Чебаковым письмо к Анфисе сначала содержало следующее эмоционально-ультимативное высказывание: «Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу в этой дурацкой стороне более года! Кажется этого довольно. Более я ждать не могу» [6, л. 9]. Односложность и прямолинейность речи выдают нетерпеливое намерение героя покончить с давно наскучившей и вовсе не свойственной ему игрой «в ухаживание». Здесь всё заряжено единственной целью: поскорее увезти богатую невесту. Остальное – вне поля зрения и интереса Чебакова, в принципе не способного видеть по сторонам, отвлекаться на мелочи жизни. Однако Островский несколько изменяет текст письма – и перед нами уже другой герой. Окончательный вариант выглядит так: «Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы...” Р а и с а. Ах, Это правда. А н ф и с а. Правда! (*Читаем.*) “Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу...”». В данном случае принципиальное значение имеет изменение пафоса речи Чебакова, утратившего свою торжественную ультимативность в пользу «благородной» ироничности. Восклицательные предложения из речи автора письма перекочёвывают в сочувственные возгласы двух сестёр, читающих послание, что, в свою очередь, придаёт некий флёр образу героя, способного точностью высказанных наблюдений впечатлить женскую душу. Спокойно-ироничный тон письма придаёт ему даже какой-то оттенок изящества, к которому Чебаков явно стремится, а противопоставление своей персоны обществу «Бальзаминовых и медведей» свидетельствует о способности героя отвлекаться от линейного движения к намеченной цели под воздействием впечатлений более сложного свойства, чем рациональный расчёт.

Очевидно, что далее Островский явно культивирует в образе Чебакова его способность к иронично-саркастической оценке, вновь исправляя изначально слишком односложно-прямолинейную и категоричную речь бывшего военного. Так, нечаянно подслушав сокровенное мечтание Бальзаминова, высказанное в разговоре с его матушкой («А я будто, маменька, генерал» (карт. 3, явл. 3)),

Чебаков произносил: «Послушайте, Бальзаминов, какой же вы генерал?» [6, л. 15 об.]. В этом вопросе выражено лишь явное непонимание и неприятие военным человеком очевидной несуровости: Бальзаминов – генерал. Островский изменяет эту фразу, придав высказыванию Чебакова элемент издёвки и сарказма: «Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?»

В другом случае драматург заметно смягчает категоричный тон, подчеркнув в образе героя некоторую обходительность и кокетливость, более присущие дипломатичным авантюристам, чем прямолинейно мыслящим военным. Призывая Бальзаминова немедленно отправиться с ним к сёстрам Пежёновым (карт. 3, явл. 5), Чебаков на вопрос наивного юноши «Что же мы там делать будем-с?» отвечал: «Вам хочется знать? Уж это моё дело» [6, л. 16]. Исправленный текст выглядит так: «Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу».

Исправления, касающиеся образа Бальзаминова, свидетельствуют об авторском намерении максимально смягчить характер героя, придав ему черты утрированной инфантильности и упразднить серьёзность суждений незадачливого жениха, встречающуюся в раннем варианте текста.

Так, к нейтрально-спокойной реплике Матрёны в адрес Миши Бальзаминова «Что ж! пушай спит. А я соследила, куда он ходит» (карт. 1, явл. 1) драматург приписывает замечание, точно характеризующее и образ жизни главного героя, и иронично-снисходительное отношение к нему близкого окружения: «Никаких важных дел за ним нет; остановки не будет» [6, л. 1]. И, напротив, в другом эпизоде фрагмент реплики Матрёны, упраздняющий элемент снисходительности в отношении к Бальзаминову, решительно вычёркивается автором. Речь идёт о сцене комической перебранки Бальзаминова и Красавиной (карт. 1, явл. 5), в которую неожиданно включается Матрёна, увещевая излишне разгорячившегося юношу. «Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить? Известное дело, правду говорит» [6, л. 5], – категорично заявляла кухарка, подтверждая обидные слова Красавиной, что Бальзаминов «человек глупый». Последнее предложение реплики Матрёны Островский вычёркивает. Видимо, замечание «Известное дело, правду говорит» придавало всему высказыванию ноту излишней критичности и ненужной серьёзности, в целом не согласующуюся с характером главного героя.

Более того, нарочито выпуклое подчёркивание глуповатости Миши Бальзаминова постепенно нивелируется в тексте рукописи. Подтверждением тому может служить фрагмент диалога героя с маменькой (карт. 3, явл. 3), где в ответ на жалобы сына, что в свете последних событий у него «начинает всё путаться в голове», «богатство-то в голове и не помещается», Бальзаминова отвечала: «Что

мудрёного, что не помещается! Этакая пропасть! Голова-то у тебя небольшая! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами – просто беда!» [6, л. 14 об.]. Из этой реплики Островский вычёркивает простодушное замечание «Голова-то у тебя небольшая!», видимо посчитав его излишне утрирующим и без того комическую ситуацию. Постепенно именно иронично-мягкое звучание становится фоновым в обрисовке образа Бальзамина, и достигается этот эффект посредством тщательной шлифовки уже записанного текста пьесы.

Например, второе явление первой картины сначала открывалось монологом главного героя [6, л. 1 об.]. Однако Островский разбивает монологическую речь Миши Бальзамина, включив в эту сцену вопрошающе-уточняющие реплики его матери: «Что такое?», «Разве ты что-нибудь во сне видел?». Отвечая на них, герой, вошедший со словами «Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте...», вынужден, помимо жалобы на то, что Матрёна его разбудила, трижды по-детски повторить: «На самом интересном месте». Речь Бальзамина из хорошо организованного монолога оборачивается недоумённо-возмущённым детским лепетом, придающим герою обаяние непосредственности и наивности в противовес изначально звучащей излишней претенциозности.

Подобный эффект достигается Островским и в других сценах пьесы. В том же диалоге Бальзамина с маменькой герой патетически восклицал: «Разве есть в нашей стороне какие-нибудь человеческие чувства! Разве понимают деликатное обращение!» [6, л. 2]. Обличающий пафос высказывания, плохо рифмующийся с детской наивностью героя, был скорректирован драматургом посредством включения в реплику персонажа просторечно-ёмкого восклицания «страсть!» и заменой словосочетаний «человеческие чувства» и «деликатное обращение» понятием, обобщающим их отсутствие, – «необразование», легко согласующимся в сознании Миши Бальзамина с агрессивно-экспрессивным глаголом «свирепствует». В итоге, вместо тяжеловесно-патетического и едва ли не карикатурного суждения, мы слышим по-детски непосредственное восклицание: «Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть!»

В другом эпизоде пьесы Бальзаминов отправляется к Пежёновым, чтобы окончательно объясниться с одной из сестёр, ещё не решив окончательно, какая из невест (Раиса или Белотелова) нравится ему больше (карт. 3, явл. 6). В первоначальном варианте на вопрос маменьки «Так зачем же ты идёшь?» герой отвечал: «Я, маменька, вот как рассуждаю, я сначала с этой пере...» (предложение зачёркнуто) [6, л. 16 об.]. Вместо вычеркнутого варианта Островский записывает другой: «Ну уж, маменька, что будет то будет, а мне от своего

счастья бегать нельзя». Очевидно, что в первом случае выраженное намерение героя выстроить многоходовую комбинацию плохо согласовывалось с образом наивно-мечтательного Бальзамина. В исправленном виде речь героя подчёркивала характерную особенность его мировосприятия: непосредственно-доверительное отношение к судьбе, которая сама всё устроит наилучшим образом.

Более того, Островский явно избегает даже намёка на драматизацию событий, связанных с образом главного героя. Например, рассказывая о том, как кучера, сидящие у ворот купеческих домов, в насмешку травили его собаками (карт. 1, явл. 2), Миша на вопрос маменьки «Как же это можно живого человека собаками травить?» в раннем варианте текста обиженно отвечал: «Кабы не было, я б не говорил» [6, л. 2]. Однако драматург исправляет этот ответ на следующий: «Разве они знают учтивость?» Здесь нет уже и намёка на обиду, столь не присущую характеру главного героя.

Далее в рукописи мы угадываем вопрос г-жи Бальзаминовой, явно обеспокоенной обрисованной сыном ситуацией: «А с тобой» (зачёркнуто). «А разве было так» (зачёркнуто) [6, л. 2]. Но вместо этих реплик, провоцирующих драматизм осмысления представленных событий, Островский включает в диалог легковесное замечание героини, вполне созвучное приведённым выше восклицаниям её великовозрастного дитяти: «Какое необразование!»

Как правило, приписанные позже фрагменты реплик Бальзамина усиливают черты умилительной детскости, присущие его образу. Так, воображаемую героем картину, где он видит себя бравым офицером (карт. 1, явл. 2), Островский дополняет мимолётным замечанием, великолепно обнажающим образ суждений Бальзамина (вписанный фрагмент выделен курсивом): «А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело; *уж тогда смело буду ходить*; вдруг вижу – сидит барышня у окна, я поправляю усы...» [6, л. 2 об.]. Аналогичный случай мы наблюдаем в эпизоде перебранки Бальзамина с Красавиной, когда герой грозит свахе судом (карт. 1, явл. 5). Восклицание, выражающее последнюю степень негодования беззащитного человека, Островский корректирует, включив в него замечание, усиливающее мотив наивности и уязвимости героя, и, в то же время, придающее всей реплике трогательно-комический подтекст (вписанный фрагмент выделен курсивом): «Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! *Я служащий, обидеть меня не смеешь!* Я на тебя и суд найду!» [6, л. 5].

Обращает на себя внимание тот факт, насколько тщательно подбирает Островский каждое слово в репликах персонажей пьесы, заботясь о точности психологической характеристики своих героев. Так, на вопрос Бальзаминовой, куда ходит её сын,

Матрёна сначала отвечает: «Тут неподалёку». Однако холодно-нейтральное «неподалёку» драматург заменяет разговорно-мягким вариантом: «Тут близёхонько» [6, л. 1], более свойственным для речи простой женщины, в какой-то мере опекающей своих по-детски наивных хозяев.

В другой сцене мы наблюдаем обратный эффект лексической замены. Реплика Раисы «Вот мы, Анфиса, заживём-то!» сначала звучала так: «Вот мы, Анфиса, загуляем-то!» [6, л. 8]. Очевидно, глагол «загуляем» излишне вульгаризировал характер сестёр-беглянок, и Островский несколько заглушивает грубовато-яркие краски, отказываясь от экспрессивно-характерного «загуляем» в пользу теперь уже более нейтрально-обобщённого «заживём». Тот же феномен мы наблюдаем в отношении формирования речевого поля Чебакова. В отправленном им с Бальзаминовым письме к Раисе экспрессивно-грубое выражение «и живу более года в этой дурацкой стороне» исправляется на более спокойное «и живу более года в этой дикой стороне» [6, л. 9].

Особенно много лексических замен встречаем мы в высказываниях Красавиной, образ которой был признан едва ли не самым ярким в комедии, а реплики свахи воспринимались как образец импульсивно-непроизвольной речи. В упомянутом ранее письме Ф.М. Достоевского к Островскому образ её выделен особо: «Но из всех Ваших свях – Красавина должна занять первое место. Я её видал тысячу раз, я с ней был знаком, она ходила к нам в дом, когда я жил в Москве, лет десяти от роду; я её помню» [2, с. 23]. Приведём здесь лишь несколько случаев исправлений, свидетельствующих о сознательной и кропотливой работе Островского над подбором каждого слова в репликах свахи, со стороны воспринимаемых как пример импульсивно-непроизвольной речи. Так, в одном случае, утешая Бальзаминову, Красавина говорит: «А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся». При этом глагол «обеспечим», имеющий широкий спектр значений и более характерный в купеческой среде, заменяет собой ранее написанный и вычеркнутый автором блекло-спокойный «устроим» [6, л. 3].

В другом случае, описывая психологическое состояние Белотеловой, Красавина сокрушённо замечает: «тяжесть такая на неё напала, вроде как болезнь». В первоначальном варианте эта фраза звучала безлико: «стала тяжесть чувствоваться» [6, л. 3 об.]. Очевидно, что интеллектуально-сухое «стала чувствоваться» менее выражает темперамент и поведенческую модель Красавиной, чем просторечно-живое «напала» вкупе с не менее характерным сравнительным оборотом «вроде как болезнь». Во второй картине пьесы, обращаясь к Белотеловой с обещанием найти ей жениха, сваха восклицает: «Скоро, красавица моя, скоро». Ранее было: «Скоро, матушка, скоро» [6, л. 7]. По

всей видимости, обращение «матушка» показалось драматургу менее индивидуализированным, чем адресно-личное «красавица моя».

Столь же тщательной обработке подвергается и речь главного героя. Здесь характер лексических замен большей частью обусловлен желанием автора адекватно отобразить специфику сознания незадачливого жениха. Так, намереваясь объясниться с Раисой, Бальзаминов сетует на полное неведение относительно того, что и как говорить: «Сколько раз просил, чтобы поучили, как в любви объясняться». Затем Островский заменяет слово «поучили» более естественным для героя «показали» [6, л. 9 об.]. В другом случае, рассказывая матушке об унижительной ситуации, пережитой им в сцене расставания с Чебаковым, увозящим Анфису и бесцеремонно целующим Раису, Бальзаминов признаётся: «Как будто мне и обидно, и вроде как завидно». Здесь тоже присутствует характерное исправление: в определении состояния героя тяжеломерно-глубинное «обидно» замещается поверхностно-сиюминутным «неловко» [6, л. 17].

Общеизвестно, что произведения Островского, моделируя многоуровневое пространство народной культуры, изобилуют разного рода фразеологизмами. Рукопись комедии позволяет нам лишний раз убедиться, насколько внимательно драматург относился ко всем нюансам смысла, заключённого в том или ином устойчивом обороте речи. Вот Бальзаминов рассказывает матушке, как во время его регулярных прогулок «неучтивые» кучера, сидящие у ворот купеческих домов, «сейчас засвищут, да и давай собаками травить». «Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться – и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки», – сокрушается герой. При этом фразеологизм «во все лопатки», имеющий значение не просто «очень быстро», но «с большим напряжением сил», происхождение которого связано с описанием движения бегущей лошади, показался драматургу более отвечающим ситуации, чем вычеркнутый «сломя голову» [6, л. 2]. «Сломя голову» имеет дополнительный смысловой оттенок «опрометчиво, безрассудно, не подумав», и гипотетически происхождение его связывается с существительным «сломиголова», «отчаянный сорванец», «отчаянный смельчак» [1, с. 198], что мало согласуется с характером Бальзаминова. Зато утвердившееся в тексте комедии «во все лопатки», акцентируя внимание на физиологической стороне процесса бегства, за счёт явного контраста с планируемым намерением главного героя произвести эстетическое впечатление на скучающих девиц, усиливает созданный автором комический эффект.

Подобную картину кропотливого авторского труда мы наблюдаем и в случае включения в текст пьесы пословиц и поговорок. Так, в сцене комической перебранки Бальзаминова и Красавиной

(карт. 1, явл. 4), иронизируя над мечтаниями юноши издать закон, «чтоб богатый женился на бедной, а бедный – на богатой», сваха саркастически замечает, что пока все живут согласно «старому русскому заведению»: «По Сеньке шапка, по Ерёмке кафтан». А то вот ещё другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко»». Сначала вместо пословицы «Видит собака молоко, да рыло коротко», была другая: «И рад бы в рай, да грехи не пускают» [6, л. 4 об.]. При общем значении «невозможность обрести желаемое» эти выражения разнятся оттенками смысла. Пословица «И рад бы в рай, да грехи не пускают» предполагает, что невозможность обретения желаемого обусловлена виновностью говорящего и сопрягается с переживанием осознанного прития ситуации. В пословице «Видит собака молоко, да рыло коротко» говорится о чём-то соблазнительном и близком, но недоступном в силу причин не только не зависящих от нас, но и не до конца осознаваемых нами. В случае с Мишей Бальзаминовым, слабо оценивающим реальную ситуацию, именно этот афоризм в большей степени отвечает характеру героя и обстоятельствам, в которые он попадает. Кроме того, здесь явно присутствует ироничный подтекст, созвучный общему пафосу комедии.

К сожалению, дошедшая до нас рукопись пьесы не позволяет в полной мере проследить процесс становления авторского замысла. Этот вариант текста близок печатному и свидетельствует о позднем этапе доработки комедии. Однако характер сделанных драматургом исправлений даёт возможность лишний раз убедиться, насколько тщательно прорабатывал Островский каждый фрагмент комедии, достигая эффекта незамысловатой простоты описываемых ситуаций и характерно-непроизвольно-го рисунка речи героев.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. IV. – М., 1866. – 712 с.
2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 28 (II). – Л.: Наука, 1985. – 616 с.
3. *Каишин Н.П.* Рукописи А.Н. Островского. Каталог. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 52 с.
4. Неизданные письма к А.Н. Островскому. – М.; Л., 1932. – 743 с.
5. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. XI. – М.: Искусство, 1979. – 782 с.
6. *Островский А.Н.* За чем пойдёшь, то и найдёшь. Черновой автограф // РГБ. – Ф. 622. I. – Ед. хр. 29.

Строганова Евгения Нахимовнадоктор филологических наук, профессор
Государственная академия славянской культуры (г. Москва)
enstroganova@yandex.ru**Строганов Михаил Викторович**доктор филологических наук, профессор
Государственная академия славянской культуры (г. Москва)
mistro@rambler.ru**О ПРОЕКТЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
«М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники»***

В статье обосновывается необходимость создания справочника энциклопедического характера, аккумулирующего достижения в области щедриноведения с учетом современных подходов. Утвердившаяся в советское время репутация Салтыкова как революционного демократа искажает смысл его произведений и снижает истинный масштаб творческой деятельности. Заметно редуцировался исследовательский интерес к творчеству Салтыкова: не существует специальных научных проектов в академических структурах, отсутствуют планы по изданию полного собрания сочинений писателя, осталось нереализованным намерение создать Летопись жизни и творчества Салтыкова, прекратилось издание библиографии работ о его творчестве, нет фундаментальных справочных изданий. Появление энциклопедии, посвященной взаимодействию Салтыкова с его эпохой и базирующейся на непредвзятом прочтении текстов, позволит откорректировать ситуацию. Проект, призванный стимулировать развитие сопутствующих и последующих исследований творчества Салтыкова, предполагает репрезентацию мировоззренческих позиций и литературного творчества писателя через многообразие его социально-культурных взаимосвязей и диалогических отношений с современниками. В Словник включены имена не только тех лиц, с которыми Салтыков общался непосредственно, но также и многих других современников, которые оказывались в поле зрения писателя и упомянуты в его художественных, публицистических и эпистолярных текстах.

Ключевые слова: персональная энциклопедия, Салтыков-Щедрин, обобщение исследовательского опыта, современный уровень осмысления.

Значение М.Е. Салтыкова-Щедрина в истории русской литературы, его высокий авторитет среди современников и влияние на писателей последующих поколений безусловны и неоспоримы. Польский философ и литератор Александр Свентоховский писал: «Это феноменальный талант по своей природе и силе, не имеющий ничего подобного или равного себе» [цит. по: 1, с. 222]. Однако в современной культуре общий интерес к Салтыкову невелик. Сложился весьма своего рода парадокс. Писателя Салтыкова-Щедрина мало кто читает и почти никто не изучает. Но если кто-либо взял его книгу в руки, он непременно скажет: «Как это хорошо, ярко, и главное – всё про нас». То есть современный человек признает Салтыкова крупнейшим русским писателем, исключительно актуальным и значительным, но широкий читательский и даже исследовательский интерес к нему отсутствует. В академических структурах не существует специальных научных проектов, связанных с Салтыковым. Он оказался одним из немногих классиков, чье полное собрание сочинений до настоящего времени не издано. Не опубликованы служебные документы, которые важны не только с точки зрения деятельности Салтыкова как администратора, но дают материалы для понимания его общественного поведения; несомненный интерес они представляют и как оригинальные писательские образцы официального делопроизводства. Вместе с тем значение служебных документов для понимания творческой личности

давно уже осмыслено наукой, и в Полном собрании сочинений И.А. Гончарова, например, публикуются его цензорские работы. Недостаточен уровень издания мемуарной и эпистолярной литературы о Салтыкове: весьма избирательно опубликованы воспоминания, не собраны письма современников, раскрывающие разные грани его личности. Чрезвычайно мало специальных работ, в которых бы освещалось взаимодействие Салтыкова с его современниками. Это наглядно проявляется при сопоставлении с соответствующими публикациями вокруг Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Осталось нереализованным намерение создать Летопись жизни и творчества Салтыкова (при наличии летописей жизни практически всех русских классиков), прекратилось издание библиографии работ о его творчестве. Неудовлетворителен также и уровень мемориализации связанных с писателем мест: нет музея Салтыкова в Санкт-Петербурге, с которым была неразрывно связана его жизнь как писателя и редактора «Отечественных записок», одного из ведущих журналов второй половины XIX в.

При обращении каждой эпохи к текстам Салтыкова мы видим повторяющуюся ситуацию. Текущая современность не желает узнавать себя в произведениях писателя. Но как только эта современность уходит в прошлое, приходящая ей на смену эпоха с удовольствием замечает, что предшествующая удивительно точно показана в произведениях Салтыкова. Приведем самый известный и очень яркий пример. Когда появилась «История одного горо-

* Исследование выполняется по гранту РГНФ, проект № 15-04-00389.

да», А.С. Суворин расценил эту книгу как «историческую сатиру», сатиру на историю России XVIII – начала XIX в. [4]. Советское литературоведение обличало политическую близорукость Суворина, не увидевшего в книге Салтыкова изображения современной ему России, и подчеркивало достоверность изображения России XIX века. Однако и в советские времена оппозиционно настроенные по отношению к текущей действительности читатели видели в Салтыкове самого что ни на есть актуального автора. В постсоветское время, в процессе перестройки, такие художественные явления, как фильм С. Овчарова «Оно» (1989) и книга В. Пьецуха «История города Глупова в новые и новейшие времена» (1989), сделали очевидным для всех, что советская действительность вполне укладывалась в те модели общественного неустройства, которые разоблачались в сатире Салтыкова. В перестроечную и постперестроечную эпохи в публицистике и Интернет-сообществах Салтыков вновь оказался одним из самых цитируемых авторов, в котором читатели, не чуждые классике, обнаружили актуального и близкого им по настроениям писателя. Но это ощущение/осознание Салтыкова как живого явления остается на уровне рецепции отдельных граждански настроенных слоев общества. Научная же рецепция его творческого наследия в основном по-прежнему ограничивается достижениями советской эпохи.

Мы вовсе не ратуем за то, чтобы зачеркивать тот вклад, которые внесли исследователи XX в. в изучение Салтыкова, но считаем, что необходимо идти дальше, потому что многие укоренившиеся представления требуют уточнения и корректировки.

Работу над энциклопедией «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» мы рассматриваем как одну из важных составляющих в подготовке к 200-летию со дня рождения писателя. Проект предполагает создание справочника энциклопедического характера, в котором будут аккумулированы достижения в области щедриноведения с учетом современных подходов. Эта посылка предполагает самоопределение в кругу как идеологических, так и собственно технических проблем, связанных с жанром энциклопедии и способами подачи материала.

Сначала о вопросах идеологических.

Одна из особенностей щедринских текстов заключается в сложности повествовательной манеры, которая часто основана на диалоге, столкновении противоположных точек зрения, носителями которых могут быть разные повествователи, но эти разные позиции могут транслироваться и от лица одного повествователя. Читателю предстоит определить, на чьей стороне автор (на это указывают многие сигналы в тексте), но главное – решить, на каких позициях находится он сам. То есть поэтика Салтыкова активно диалогична по отношению

к читателю, она направлена на читателя, на активизацию его сознания. Однако особенности нарратива затрудняют определение авторской точки зрения и дают повод для разноречивых толкований.

В советское время утвердилась репутация Салтыкова как революционного демократа, но это не соответствует реальному положению дел и не дает представления о позиции писателя. Такая характеристика искажает смысл его произведений и снижает истинный масштаб творческой деятельности. Как известно, Салтыков не принимал основы социальной жизни современной ему России. Но означает ли это, что он пытался внушить читателям мысль о необходимости насильственного изменения форм жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, каковы были историософские взгляды Салтыкова. В книге «Убежище Монрепо» (1878–1879) писатель утверждал, что в истории действует «закон последовательного развития одних явлений из других» [3, т. 13, с. 389] – эта формула бесспорно означает признание эволюционного характера общественного развития. Исторические явления подготавливаются всех ходом жизни и деятельности людей; история совершается не по воле отдельного человека или группы людей, но деятельность человеческого сообщества является необходимым элементом развития истории. В главе V цикла «Итоги» (1871) Салтыков писал: «...история человеческих обществ есть не что иное, как история разложения масс под влиянием сознающей себя мысли...» [3, т. 7, с. 473]. Из этого следует, что история развивается циклически: рост общественного самосознания ведет к разложению существующих форм жизни; и этот процесс продолжается на следующем этапе, в следующем цикле. Вместе с тем писатель признавал правомерность «движения, стремящегося расширить арену человеческой индустрии и освободить ее от связывающих пут» [3, т. 7, с. 477]. В поздних текстах Салтыкова автопсихологический герой выражает сомнение в правильности своего общественного поведения, отстраненности от этого движения, что очевидно проявилось в сказке-элегии «Приключение с Крамольниковым» (1886), которая стала реакцией на закрытие «Отечественных записок» и «утрату всякого общения с *своим* читателем»: «Отчего ты не шел прямо и не самоотвергался? Отчего ты подчинял себя какой-то профессии, которая давала тебе положение, связи, друзей, а не спешил туда, откуда раздавались стоны? Отчего ты не становился лицом к лицу с этими стонами, а волновался ими только отвлеченно?» [3, т. 16–1, с. 205]. Но это не означает, что сам автор пересматривал свои прежние убеждения.

Фоном для такого рода раздумий служило внешнее несоответствие между профессиональным и бытовым окружением писателя. Салтыков вошел в литературу, когда происходило резкое политиче-

ское размежевание в литературной среде. Сотрудничая в прогрессивных журналах «Современник» и «Отечественные записки», а потом и руководя последним, в своей профессиональной деятельности он оказался близок тем, кого называли «мальчишками», а сам он называл «лишенными одежд птенцами» [3, т. 7, с. 472], имея в виду радикально настроенную молодежь, которая считала недопустимым изменять своим убеждениям и рядиться в чуждые одежды. Но бытовое, частное окружение писателя составляли люди либеральных взглядов. Хотя некоторые из близких знакомых Салтыкова были настроены оппозиционно, в целом его окружение не было радикальным ни по своим убеждениям, ни по формам их выражения (в данном отношении Салтыков был подобен Н.А. Некрасову). Эту ситуацию и многие другие моменты необходимо учитывать при создании энциклопедии для правильной расстановки акцентов. Вместе с тем мы не исключаем, что сам процесс работы над справочником, углубленное изучение разнообразных контактов Салтыкова может внести свои коррективы в наши сегодняшние представления.

Помимо идеологических проблем, которые приходится решать при создании энциклопедии, необходима рефлексия и по поводу вопросов технического свойства.

Создание персональных писательских энциклопедий, имеющее давнюю традицию, в настоящее время является одним из приоритетных направлений литературоведческой науки. Это обусловлено рядом причин, в том числе всё большей социокультурной дистанцированностью современного человека от реалий прошлого. Жанр энциклопедического справочника, ориентированный на обобщение большого исследовательского опыта и аккумулирующий всеобъемлющую и разноплановую информацию, позволяет с максимальной полнотой решить задачу сохранения культурной преемственности. Создание персональных писательских энциклопедий имеет серьезную научную традицию. На западе такого рода издания стали появляться уже с конца XIX в. («Дантовская энциклопедия» Дж. Скартаццини, 1896–1905). Вторая половина XX в. ознаменовалась появлением энциклопедий, посвященных Стендалю, Шекспиру, Гете и др. и как правило, подготовленных отдельными авторами. В отечественной традиции превалировало другое направление: подготовка энциклопедий становилось результатом деятельности больших коллективов и осуществлялось академическими структурами (Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. – М., 1956–1961; Шевченківський словник: в 2 т. – Киев, 1976–1978; Франциск Скорина и его время: Энциклопедический справочник / гл. ред. И.П. Шамякин. – Минск, 1990). Признанным образцом такого рода изданий является многолетний коллективный труд – «Лермонтовская энци-

клопедия» / гл. ред. В.А. Мануйлов. – М., 1981), которая содержит всеобъемлющую информацию вплоть до сведений о формах мемориализации. Начиная с 1990-х гг. деятельность по созданию писательских энциклопедий особенно активизировалась: появились справочники, посвященные А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, А.Н. Островскому, А.П. Чехову, В.В. Розанову, М.А. Булгакову, М.А. Шолохову, которые создавались как творческими коллективами, так и отдельными авторами. Стремясь к полноте информации, создатели по-разному определяют свои задачи. В соответствии с этим выделяется несколько типов энциклопедий. Одни из них ориентированы на репрезентацию жизненного пути и творческой деятельности писателя (Фомичев С.А. Грибоедов: Энциклопедия. СПб., 2007; Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. – М., 2008; Л.Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н.И. Бурнашева. – М., 2009; А.П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. – М., 2011; А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома, 2012), другие концентрируются на особенностях литературного творчества (Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников и А.А. Алексеев; науч. ред. Г.К. Щенников. – Челябинск, 1997; Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб., 2008), третьи представляют писателя в кругу его современников (Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л., 1989. – 2-е изд.; Белов С.В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: в 2 т. – СПб., 2001; Лев Толстой и его современники. Энциклопедия / под общей ред. Н.И. Бурнашевой. – М., 2010. – 2-е изд.). Наиболее разносторонне в справочных изданиях представлен Пушкин, к жизни и творчеству которого обращена серия книг под общим названием «Пушкинская энциклопедия» (Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: В 2 т. – СПб., 2003–2005; Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература: Материалы к Пушкинской энциклопедии. – СПб., 2004; Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. – СПб., 2009; Вып. 2. Е–К. СПб., 2012). На этом фоне особенно заметно, что Салтыков совершенно обойден вниманием исследователей. Ему посвящено единственное справочное издание – «Щедринский словарь», составленный М.С. Ольминским в 1897 г. «с целью лучше уяснить себе политическую физиономию Щедрина» [2, с. 11]. Словарь этот, не утративший своего значения и поныне, базировался на лексическом составе произведений Салтыкова, опубликованных в 12-томном собрании сочинений 1891–1893 гг., которое впоследствии было дополнено и откорректировано изданиями 1933–1941 и 1965–1977 гг.

Таким образом, несмотря на солидный корпус исследований, относящихся в основном к советскому времени, не существует энциклопедических изданий, которые бы масштабно и полно представляли творческую личность Салтыкова-Щедрина. Монографии и многочисленные статьи о Салтыкове, мемуары о писателе, комментарии к его произведениям и письмам не решают этой проблемы в целом, но лишь артикулируют ее злободневность. Одна из наиболее актуальных задач современного обращения к творчеству Салтыкова – это представление писателя в контексте его времени, которая позволит показать многообразие и широту его связей с эпохой, откорректировать утвердившиеся трактовки идейных позиций, расширить и уточнить комментарий к произведениям, во всей полноте представить его личность.

Цель работы состоит в репрезентации творческой личности Салтыкова во всём многообразии ее социальных проявлений: как литератора, как мыслителя, как политического деятеля, как государственного чиновника, наконец, как частного человека. В число задач входит: 1) максимально широко представить литературное и бытовое общение писателя; 2) показать специфику творческого диалога Салтыкова с литераторами-современниками; 3) выявить список исторических деятелей – современников писателя, упоминания о которых встречаются в текстах; 4) сопроводить необходимым комментарием имена реальных лиц, используемые в произведениях Салтыкова.

Энциклопедия предназначена стать первым современным энциклопедическим справочником, посвященным Салтыкову-Щедрину. Стратегия исследования предполагает репрезентацию мировоззренческих позиций и литературного творчества писателя через многообразие его социально-культурных взаимосвязей и диалогических отношений с современниками. Проект позволяет соединить факты биографического, идеологического и творческого порядка. В словник, который в настоящее время представлен 1288 персонами, включены

имена не только тех лиц, с которыми Салтыков общался непосредственно, но также и других современников, попадавших в поле зрения писателя и упомянутых в его художественных, публицистических и эпистолярных текстах: русские и зарубежные политические деятели, военачальники, деятели культуры и др. Личность Салтыкова должна предстать во всей полноте биографических связей, идейно-эстетических и философских взглядов, общекультурных ориентаций, бытовых привычек, человеческих привязанностей и антипатий. Это позволит лаконично и емко показать особенности взаимодействия Салтыкова с его эпохой и дать более адекватное представление о его значении в истории культуры.

Авторы проекта не обольщаются мыслью, что общество в массовом порядке повернется лицом к этому замечательному писателю, но предполагают, что появление подобной энциклопедии поможет пробудить интерес к нему. Однако в первую очередь мы рассчитываем на то, что научная общественность, особенно в лице институализированных учреждений, проявит больший интерес к литературному наследию Салтыкова. Следствием этого могут стать отсутствующее ныне академическое собрание его сочинений, Летопись жизни и творчества и сопутствующие им издания.

Библиографический список

1. Баскаков В.Н. Салтыков-Щедрин и Польша // Русская литература. – 1966. – № 3. – С. 220–223.
2. Олминский М.С. Щедринский словарь / под ред. М.М. Эссен и П.Н. Лепешинского. – М.: ГИХЛ, 1937. – 760 с.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. – М.: Худож. лит., 1965–1977.
4. Суворин А.С. Историческая сатира // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra: личность и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей / Антология: Книга первая / сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 289–311.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯКУТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 50–70-х ГОДОВ XX ВЕКА

В драме конфликтное отношение человека с миром приводит к развитию общественного сознания и социально-психологического состояния человека. Участие героев в обстоятельствах прошлого и настоящего времени идейно-тематически и художественно обогащает жанровое содержание пьесы.

В послевоенные годы драма еще не может уловить назревающие тенденции социального движения. Она обращается к темам исторического прошлого народа, к долговременным нравственным проблемам, важным и для современности. Социально-бытовая драма и лирическая комедия изображали отношение человека и мира в формах жизненности, сочетая реальные приметы времени и быта с романтическим настроением героев. Но подлинная национальная поэтика народной образности ушла из якутской драмы. Социалистическая образность привела к унификации картины мира и концепции личности.

В пьесах 60–70-х годов общественный настрой и авторское мироощущение вызвали появление психологической драмы, лирической комедии, исторической драмы, драматической сказки с лирической экспрессивной стилистикой.

В пьесах 80-х – 90-х годов перестройки социальной системы притчевая образность, философский аспект в обращении к объективности реалистической драмы и пристрастие к романтическим жанрам поэмы и легенды продиктованы концепцией личности, неотрывной от народного и общечеловеческого опыта.

Однако конкретно-историческое содержание драматического конфликта остается извечной борьбой добра и зла, гуманизма и античеловечности, света истины и тьмы незнания, движущих развитие общества.

Ключевые слова: герой, этнос, народ, прошлое, современность, сознание, единство.

Якутская драматургия 50–70-х годов XX века, находясь в едином русле российского литературного процесса, имеет общие с ним закономерности и тенденции художественного движения, обусловленные выравниванием уровней национальных литератур путем их ускоренного развития.

Эти общие тенденции литературного процесса, определяя единство идейно-эстетических принципов отношения национальных литератур к действительности, отражаются на узловых моментах социально-эстетического содержания якутской драматургии (на идейно-тематической направленности, на художественных концепциях, на открытии жанрово-стилевых тенденций).

В якутской драме, развивающейся по общим закономерностям литературного процесса, создаются самобытные художественные формы изображения действительности на основе национального эстетического мировосприятия, плодотворно осваивающего инациональный художественный опыт.

В динамичном драматургическом процессе указанного периода выделяются два периода: конец 50-х – 60-ые и 70-ые годы. Они отличаются концептуально-эстетическими особенностями художественного изображения.

Известный якутский поэт и драматург И.М. Голев на собрании якутских писателей 28 января 1969 года говорил о новых требованиях жизни к искусству, о том, что недостаточно руководствоваться только чутьем, интуицией, необходимо глубокое знание жизни и исследовательское начало в изображении действительности с позиции научной истины.

От событийных пьес 40-х – 50-х годов, воплощавших общенародный героический пафос борь-

бы и созидания, якутская драма 50-х – 60-х годов отличается пристальным взглядом на действительность, на людей, определяющих ее развитие и проблемы [7].

В центре ее внимания личность и общество, отношения личности с миром, идейно-этические проблемы движения личности к идеалам общественного блага, справедливости.

В пьесах «Три березы», «Звезда любви» А. Федорова [10], «Городская девушка», «Лекиес» С. Ефремова, «Широким путем» Н. Мординова есть современная постановка актуальных проблем тех лет по сельскому хозяйству, промышленному освоению северного края, нравственно-трудовому воспитанию молодежи. Эти проблемы разрешаются в столкновениях характеров, их противоборствующих социальных мотивов, в выявлении и утверждении гуманистического созидательного начала действительности.

Герои драм через отношение к общественному долгу, в столкновениях, связанных с общественными интересами, в борьбе мыслей и чувств обретают реалистический взгляд на действительность, утверждают активную жизненную позицию, отвечающую поступательному движению общества.

В героях драмы сороковых годов выделялись черты, подчеркивающие их монолитное единство с общественными силами, которые они представляли. Социально-психологический анализ абсолютизировал волевые качества героя, изображая его воздействие на среду [8]. В пьесах конца 50-х – 60-х годов конфликтное состояние характера объяснялось его драматическим, внутренне противоречивым социально-психологическим поведением, вызванным конкретно-историческими условиями.

Развитие и углубление общественного мировосприятия героя, отражавшего подспудные импульсы действительности, происходило под влиянием социальных обстоятельств.

Избалованная городская девушка Маня в драме «Городская девушка» из амбиции пожелала работать в колхозе. Ее натура внутренне сопротивляется этому решению. В драме противоречивость ее характера объясняется условиями его воспитания. Однако в силу ряда сюжетных обстоятельств, психологически насыщенных и отражающих социальные сдвиги тех лет, вызываются к жизни положительные потенции ее характера. В процессе духовного роста девушка переосмысливает свои прежние жизненные установки.

Так, председатели колхоза Ючюгяев из комедии «Тихий берег» С. Ефремова, Ханды из комедии «Три березы» А. Федорова, некогда бывшие хорошими руководителями, утрачивают широту кругозора, государственность интересов. Объяснение этим переменам в характерах персонажей дается в предыстории их конфликта, растворенной в сюжете пьес. Однако поступательное движение жизни встряхивает героев. Потерпев ряд потрясений и уяснив справедливость критических замечаний, они переживают внутренний кризис, завершающийся духовным прозрением.

Особенности художественной концепции драмы конца 50-х – 60-х годов определили ее изобразительные принципы и средства.

Принцип изображения характера и обстоятельств в их диалектической взаимозависимости вызвал в драме реалистический сюжет в формах самой жизни, с конкретно-бытовой, психологической детализацией характеров, мотивов их конфликта. Существенным элементом сюжета является предыстория конфликта характеров, дающая представление об их социально-психологической сущности, сложившейся в определенных конкретно-исторических обстоятельствах.

Структурообразующим элементом сюжета стали реальные социальные факты и типы. Таковы факты промышленного освоения северного края в драме «Широким путем» Н. Мординова, документальные факты биографии исторической личности революционера Максима Аммосова в драме «От имени якутов» С. Данилова и т.д.

В ряде пьес поверхностная опора на реальные социальные события, типы, документальные факты вызвала издержки художественного порядка. Появились пьесы с проблемно и фабульно схожими конфликтами и характерами с умозрительными художественными решениями.

Пьесы, имеющие морально-этическую проблематику, главного героя, сюжет, раскрывающий историю его отношения к миру, характеризуются замкнутой композицией, строгой соразмерностью и подчиненностью компонентов действия единому

конфликту и идее. Таковы пьесы «Перед жизнью» И. Находкина, «Тихий берег», «Лекиес», «Городская девушка» С. Ефремова.

Элементы и изобразительные средства драмы – диалог, монолог, портрет, при их особенностях в индивидуальной стиливой манере каждого писателя, ремарки, речевая характеристика несут обытовленный психологический характер. Передавая внешнее будничное течение драматического действия, они создают подтекст, раскрывающий внутренний драматизм конфликта и характеров.

В жанровом отношении художественная концепция и принципы изображения характера драмы конца 50-х – 60-х годов вызвали появление социально-психологической драмы, лирической комедии, исторической героической драмы, драматической сказки [3]. Эти жанры обогатились широкой распаханностью содержания сюжета в общественный мир, явившийся средоточием связей, конфликтов, мыслей и чувств героев. Если ранее в драме конфликты носили антагонистический характер классовой борьбы, связи человека с миром изображались напряженными драматическими, трагедийными, сатирическими красками, то в современной драме конфликты имеют преимущественно нравственно-этическое содержание, а характер социально-аналитического художественного изображения потребовал драматические, комедийные, лирические изобразительные средства, введения в драму эпических, публицистических элементов.

В 70-х годах расширяются сферы познания мира якутской драмой.

Наряду с социально-этическими проблемами появляются исторические, морально-философские аспекты осмысления связи личности с обществом, ведущие к поискам новых изобразительных средств.

В пьесах 70-х годов о современности драматурги показывают в производственной сфере корень жизненного интереса героя, поле формирования и приложения его идейных и нравственных установок.

Если в пьесах 60-х годов герои в процессе формирования общественного миропонимания через драматическую коллизию достигают гармонии с обществом, то в драме 70-х годов появляются положительные герои-люди со сложившимися взглядами и позицией, не испытывающие душевного разлада. Охотников Омуос в драме «Следопыты» И. Семенова, врач Аркадий Петров в драме «Люди в белых халатах» И. Алексеева испытывают внутреннее духовное напряжение в борьбе за свои высокие цели. Эти герои благодаря своей бескомпромиссности в непростых взаимоотношениях с миром, но своей жизненной активностью, своей философией причастности и ответственности за все сущее они несут созидательный пафос деяний разных поколений современности. У положитель-

ного героя драмы 70-х годов есть широта кругозора, интеллектуальность, активная деловитость во имя плодотворных целей. Но ему недостает «живости» характера, его психологической разработанности. Внутренние побудительные импульсы его творческой деятельности и жизнестойкости в борьбе не всегда образно, эмоционально расшифровываются писателями.

В этом смысле более повезло историческим героям. На материале устных народных рассказов и исторических документов о жизни героя Гражданской войны – партизана Г.В. Егорова – построена драма И. Находкина «Гавриил Егоров».

Драматический образ Егорова вырос в результате двойной трансформации образов реальной личности и фольклорной. Находкин в этом своеобразном, неровном, как само время, человеке обнаруживает прежде всего народность его характера. Обостренное чувство справедливости и любви к людям, широта и мудрость души (в смысле глубины и человечности понимания народной судьбы), безграничная вера в справедливость выбранного общественно-политического пути развития придавали негибкую силу воли, бойцовский характер горячему темпераменту Егорова. Драматург правдиво изображает наивность и прозорливость в толковании героем политических вопросов, яркую эмоциональность его натуры. Безудержная ярость и гнев Егорова против происков врагов народа в эпизоде школьного пожара пламенны и заразительны. Много в нем прямоты и бесхитростности, чистоты помыслов и безоглядности действий.

Чем ближе человек к народу, тем богаче его духовные силы, глубже и ярче его язык. Так и герой драмы партизан Егоров выражает чаяния народа, его беспокойный дух, незаурядный яркий характер, романтически приподнятый над обыденной реальностью. Речь этого малограмотного человека простонародна и мудра, возвышенна и насыщена плотным, сочным комизмом. Фольклорная образность создает красочную романтическую объемность его речи.

В якутской драме 70-х годов социально-аналитическая стилевая тенденция дополняется обобщенно-поэтической. Морально-философский аспект освещения художественной концепции (человек и земля, пути гармонии личности и общества) вызвал появление пьес романтического условно-метафорического стилистического направления, в систему художественных средств которого активно привнесены фольклоризм.

Проблему «Человек и Земля» драматург Суорун Омоллон в драме «Перед восходом» сумел приблизить к зрителю так, что тот с неослабевающим интересом сопереживает страданиям и мыслям африканцев, верит в торжество их освободительной борьбы [1].

Суорун Омоллон черпал сюжет, конфликт, характеры, средства художественной выразительности в африканской действительности, в многовековой народной мудрости – фольклоре Африки. Писатель, обобщая исторический опыт многонационального советского народа, в том числе якутского, и сопоставляя его с судьбами народов Африки, достиг философского интернационального звучания содержания драмы [5].

Каждому действию драмы предпосланы эпиграфы, взятые из народных изречений или же стилизованные под них. Проповедь гуманистических нравственных норм в эпиграфах, раскрываясь в содержании драмы, приводит к идее необходимости и неизбежности национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

Эпиграф «Все люди – дети одной матери Земли» является лейтмотивом драмы, определяющим интернациональную суть ее идеи.

Ее разъясняют эпиграф первого действия: «Разве мысли всех матерей не одинаковы под всеми небесами?», эпиграф второй картины: «Побеги, вырастая, превращаются в деревья?», эпиграф третьей картины второго действия: «Во всем, как хотите, чтобы с Вами поступали люди, так поступайте и Вы с ними»; эпиграф к четвертой картине: «Тотем твой – три слона. Когда будет убит первый, сердце твое очерствеет. После гибели второго ты узнаешь, что такое ненависть. Если же и третий погибнет раньше тебя, ты станешь: как камень, который ударяет и разрушает; в пятой картине эпиграф: «Как бы устрашающе ни выглядел “сильный человек”, его злые наклонности – залог его конца».

Эти эпиграфы задают романтическую, символическую тональность действию, формулируют морально-философские аспекты содержания драмы.

История взаимоотношений в семье белого фермера Коуэна с прислугой-неграми в сюжете драмы от камерного зачина вырастает в широкую картину открытой классовой борьбы. Сюжет наполнен этнографическими реалиями африканской действительности, имеющими как бытовое психологическое значение, так и символическое. Образы героев служанки Нанди и ее сына Чаки, вождя племени Лобенгулы, имея индивидуальную социально-психологическую характеристику, одновременно укрупнены, символичны, несут ярко выраженную идейную нагрузку. Речь персонажей из народа отмечена пониманием исторического хода событий, мудростью народного опыта, насыщены символической аллегорией, афористичны. Фольклоризм органичен в художественно-образной ткани драмы, он является средством поэтической романтизации действия, образного раскрытия морально-философских обобщений в драме.

На нападки расиста Шрамма юноша-негр Лу-тули дает предостерегающий ответ: «Ухожу. Гость вначале подобен золоту, потом серебру, потом –

железу. Скажу вам, молодой баас, острое лезвие разрезает и ножны. Прощайте. (*Уходит, полный достоинства*).

В этой реплике Лутули первая фраза – стилизация африканской пословицы. Вторая: «Острое лезвие разрезает ножны» – якутская пословица, но она органична в речи героя, так как близка к символике африканского фольклора. Условия труда, быта угнетенного африканского племени и некогда подневольного якута по классовому, социальному характеру были одинаковы. В таких условиях могли зародиться сходные понятия и формулы.

Чтобы найти в себе силы, униженный юноша обращается к обычаю предков:

Слушай голос вещей,
Слушай голос огня,
Слушай голос воды,
Слушай вздохи деревьев – шуршанье ветвей.
Это прадедов наших дыхание.

Этот рефрен воспекает слияние человеческого духа с природой. Он в стиле якутских фольклорных благопожеланий – алгысов, он органичен в образной системе драмы об Африке [9].

По содержанию драма «Перед восходом» нова и необычна для якутской драматургии, но в ней заметны, помимо общелитературных, культурных, идеологических воздействий нашего времени, и традиции предшествующей национальной литературы, в частности гуманистических идей и романтической символики поэзии П.А. Ойунского, основоположника якутской советской литературы.

В исторической драматической поэме в стихах «Серебряное стремя», основанной на фольклорно-мифологическом сюжете, И. Гоголев [6] показал, что счастливое сегодня якутского народа зарождалось еще тогда, когда начала складываться общность исторической судьбы с русским народом. Драматург раскрыл то извечное в народе, чем он силен и что движет его историю – это непреклонное стремление к свободе, справедливости и счастью. В поэме воспевается негибимость человеческого духа, сильного жаждой свободы и познания мира ради людей.

Для воплощения идейно-философского замысла драматург реальный исторический конфликт и фольклорные образы, наполненные социально-психологическим содержанием, облачает в драматизированную форму. Уже с имен действующих лиц фольклорно-легендарного происхождения (Туймада, Нюсэр Дархан, Аан-Далбар и т.д.) начинается романтизированная стилистика поэмы. Ее продолжают ремарки с укрупненными, символическими образами.

Детали сюжета играют фабульную, бытовую и символическую роль в раскрытии философской идеи поэмы. Образное содержание их в раскрытии драматического конфликта емко и подвижно, оно является художественным образом социальных противоречий времени. Например, «Валун, боль-

шой, потемневший» (от времени), обозначает для владыки Нюсэр Дархана незыблемость, мощь его власти. В идейно-образной системе поэмы образы валуна, деревянного идола – эмэгэт символизируют неумолимое время, перед которым все сущее тленно, но под стать им несокрушимая воля человека к свободе.

Символичны образы героев поэмы. Связи и сопоставления их трагических судеб обогащают и углубляют реализм художественной картины исторической действительности, ее идейно-нравственное содержание. Характеры грозного владыки Нюсэр Дархана, его сына Киис Бэргэна, дочери Туймады укрупнены, сложны и противоречивы. Хотя они и имеют фольклорную основу, психологически разработаны, динамичны, драматичны их внутреннее содержание и социальное положение. Их богато одаренная человеческая суть подчинена ходу исторических событий, противоположные тенденции которых они воплощают.

Могущественный Нюсэр Дархан умен, прозорлив, понимает историческую необходимость единения якутов, но во главе единства видит себя. Для достижения честолюбивых целей он плетет интриги, беспощаден и коварен. Его эгоистическая деспотическая власть губительна для окружающих людей, она сеет раздоры, лезть, раболепие, ненависть. Она унифицирует человеческие характеры, лишает их достоинства, превращает их в слепое орудие чужой воли. Этот моральный аспект изображения драматического конфликта также современен. Потерпев поражение, Нюсэр Дархан понимает, что жизненный путь его был бесплоден и страшен.

Когда-то и моя душа была
Приветлива, как ясный день весенний,
Но вечные раздоры бытия
Заволокли ее и отравили,
И словно меч, заржавевший от крови,
Она жестока стала и темна.
Отравленный извечно враждою,
Я прожил жизнь, не ведая, что значит
Большая, настоящая любовь...

Ломаются и рушатся моральные устои без любви к добру, к человеку и миру, – эта одна из гуманистических мыслей поэмы глубоко современна.

Образ его сына Киис Бэргэна выходит за рамки традиционного фольклорно-поэтического образа батыра. Он унаследовал от отца масштабность его натуры, духовную силу черпает в матери, воплощающей разум и чистоту народной души. Юноша растет с самостоятельным независимым складом ума; это душевно тонкая, ранимая натура, наделенная неутомимой жаждой познания. В преодолении сомнений, слабостей, в борьбе с жестокостью и несправедливостью, в любви к миру и в познании себя и мира мужает характер Киис Бэргэна. Гоголев не поступился исторической правдой, показав в пору назревшей необходимости единения племен

появление такого человека, как Киис Бэргэн, аккумулирующего прогрессивные тенденции эпохи. В драматической ситуации господства феодально-байской иерархии его смерть была неизбежной. Она мотивирована в сюжете логикой развития обстоятельств и характеров.

В занимательном, напряженном драматическом действии поэмы «Серебряное стремя» почти каждый поворот в сюжете, в судьбе героев рождает образно-эмоциональные ассоциации с морально-этическими ситуациями и проблемами современности. В поэме преподаны идейно-нравственные уроки, вызывающие к сопереживанию и размышлению.

В арсенале приемов обобщающе-поэтического стиливого направления якутской драмы находится прием сопоставления современного социально-нравственного положения якутского народа с отношениями дореволюционной формации [10]. Эта особенность подчеркивает, с одной стороны, значение социалистических преобразований в жизни народа, преемственность прогрессивных национальных традиций, нравственных ценностей; с другой, доказывает, что существо драматического конфликта, меняя свое конкретно-историческое классовое содержание, остается извечной борьбой добра и зла, гуманизма с античеловечностью, движущей прогресс общества.

В художественном отношении морально-философские мотивы и изобразительный прием сопоставления вносят в драматическое действие элементы эпичности, обуславливают широкий исторический фон, многоплановость, многоэпизодность действия. Композиция становится дробной, развернутой.

Итак, якутская драма в рассмотренный период в выражении своей сопричастности со временем обогащается новыми формами изображения, придающими ей национальное художественное своеобразие и свидетельствующими о стиливом многообразии реализма в якутской литературе.

Библиографический список

1. Борисов Андрей и Саха театр на рубеже столетий / отв. ред. Т.В. Павлова; сост.: В.Н. Павлова, Е.Н. Степанов. – Новосибирск: Наука, 2000. – 493 с.
2. Брежнев Л.И. Ленинским курсом: речи и статьи. – М.: Политиздат, 1972. – Т. 3. – 235 с.
3. Гачев Г. 60 дней в мышлении. Самозарождение жанра. – М.: Летний сад, 2006. – 1962 с.
4. Гоголев И.М. Драмы. – Якутск: Кн.изд-во, 1981. – 287 с. (на якут. яз.).
5. Дмитриев И.А. Притяжение земли. Пьесы. – Якутск: Бичик, 1998. – 160 с. (на якут. яз.).
6. Ермолаев С.Н. Дождь после засухи. Выходной: Киносценарии и пьесы. – Якутск: Бичик, 1995. – 192 с. (на якут. яз.).
7. Литература Якутии на современном этапе 1980–1990 гг.: очерки / АН РС (Я), Ин-т гуманитар. исслед.; редкол.: Л.Н. Романова (отв. ред.), М.Н. Дьячкова. – Якутск, 2001. – 282 с.
8. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 255 с.
9. Сивцев Д.К. Слово сердца. – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 208 с. (на якут. яз.).
10. Федоров А.И. Три березы. Комедия. – Якутск: Книглитиздат, 1967. – 70 с. (на якут. яз.).

Хусаинова Айсылу Хамзеевна

кандидат философских наук, доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)
fsp22@yandex.ru; a_hah@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИЯ СВОБОДЫ ВЫБОРА И «ЛАБОРАТОРНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» СОБЫТИЙ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ: Ж.-П. САРТР И В. БЫКОВ

В статье рассматривается проблема существования человека и свобода его выбора в военном творчестве: сходство и различие в «лабораторно-онтологическом эксперименте» событий войны в художественном творчестве представителя французского Сопротивления Ж.-П. Сартра и участника Великой Отечественной войны В. Быкова. Война – это «пограничная», «стрессовая» ситуация, когда человек оказывается один на один перед всем миром и самим собой и испытывает себя на человеческую прочность. Это отражается в драме Ж.-П. Сартра «Мертвые без погребения», где проводится «лабораторно-онтологический эксперимент на открытой испытательной площадке», которая имеет некоторые точки соприкосновения с пьесой известного писателя-фронтовика В. Быкова «Решение», где исследуются не столько характеры, сколько ситуация. Взгляды Ж.-П. Сартра и В. Быкова в этих драмах на многое не совпадают, хотя антифашистский пафос в них единый. С одной стороны – слишком много веры в человека, с другой – много сомнения. Но при этом одинаковый интерес к подлинному существованию, к «пограничной ситуации», к проблеме выбора, к героическому акту. Одновременно схожи лабиринты реальности, в которых protagonist ищет выхода гуманистическая идея – высокая нравственность. Отсюда общность, «заостренность» и «оголенность» моральных проблем в решении авторами философско-этических идей: человек совершенно свободен в своем выборе, но он несет полную ответственность за свое поведение. При этом признается лишь одна добродетель – это честность, ибо никто не должен пытаться переложить ответственность за свои поступки на другого человека или на ситуацию. А «лабораторно-онтологический эксперимент» напрямую зависит от некоторых элементов схожести эксперимента с исторической действительностью (на основе художественного реализма).

Ключевые слова: Ж.-П. Сартр, В. Быков, экзистенция, свобода, выбор, событие, война, творчество, писатель, художественный, ситуация, драма, герой.

Не мы делаем выбор, а господин эксперимент. Выбор – самоопределение. Или-или..., но тогда, в сорок третьем, было тоже «или-или»... Тот самый выбор... Господин эксперимент... Проведен эксперимент, познано, на что способны люди, – и ... лаборатория покинута... [2, т. 5, с. 271–272].

Ю. Бондарев

Наша ответственность гораздо более велика, чем мы могли бы предполагать, так как она распространяется на все человечество. Он ответствен за самого себя и за всех, и я создаю определенный образ человека, которого выбираю. Выбирая себя, я выбираю человека вообще [13, с. 451].

Ж.-П. Сартр

Нередко от выбора зависит вся сущность человека, хотя этот выбор осуществляется каждый раз по-иному. Меня привлекает не сама война, даже не ее быт и не технология боя, хотя все это для искусства тоже важно и интересно, но главным образом нравственный мир человека, возможности человеческого духа, проявляющиеся на войне [3, т. 3, с. 7].

В. Быков

В 2015 год – это 70-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне и Год литературы в Российской Федерации, что актуализирует «возврат к истокам» – к военному творчеству писателей, ибо, как считал участник войны Б. Слуцкий, «Эпоха закончилась, и надо ее описать» [14, с. 35].

XX столетие характеризуется двумя мировыми войнами, трагические страницы которых и ее основные уроки приобретают особую значимость в наступившем XXI веке, ибо 2014 г. – это

год 100-летия начала Первой мировой войны, а 2015 г. – это год 70-летия окончания Второй мировой войны, неоднозначная оценка итогов которых приобретает особую злободневность в свете последних событий, происходящих в Восточной Европе, в некоторой степени реанимирующих идеологию фашизма и человеконенавистничества. В связи с политико-идеологическими и социально-историческими изменениями и процессами в мире события «священной войны» (В. Лебедев-Кумач) [8, с. 339] 1941–1945 годов в художественном

творчестве поколения сороковых приобретает особую актуальность, ибо искусство как «толмач неизречимого» (И. Гете) [5, с. 235] извечно занимается экзистенциальными проблемами войны и мира, жизни и смерти, бытия и небытия и т.д. Неслучайно на исходе XX века устами своего героя-фронтовика в повести «Карьер» участник второй мировой войны В. Быков изрекал: «Знаний о войне у вас хватает. Но вот атмосферы времени – это та тонкость, которую невозможно постичь логически. Это постигается шкурой. Кровью. Жизнью» [4, с. 160].

Известно, что для многих из поколения сороковых война – окопы – блиндажи стали последним «обиталищем» в прямом и переносном смысле этого слова. Поэтому драматические, порой трагические «сороковые», когда «хлебнули горюшка по ноздри и выше» (М. Шолохов) [18, с. 43], требуют глубокого «вчувствования» (В. Дильтей) [6, с. 281], «вживания» (М. Хайдеггер) [16, с. 151], «вчитывания» (В. Быков) [3, т. 1, с. 321] в эту потаенную, невидимую, нераскрытую метафизику эпохи, которую может описать, истолковать, сохранить и т.п. литература как искусство слова, ибо «язык – это дом бытия» (М. Хайдеггер) [15, с. 143]. «Слово – сила. Увековеченное в письмо, оно обретает власть над мыслью и мечтой людей, и границ этой власти нельзя измерить и представить... У литературы свое собственное время, – оно не то, которое регулирует обыденную жизнь, и даже не то, которое передвигает стрелки на часах на истории. Прошрое, настоящее, будущее в литературе не разграничены между собой простой последовательностью, собственно, у них вообще нет границ, они текут общим и единым потоком... Слово господствует над временем и пространством...» [10, с. 171–172] и пытается глубоко проникнуть в метафизику эпох, событий, войн и т.д.

Как известно, Новое время характеризуется страшными войнами, к которым привела и способствовала «смерть Бога» (Ф. Ницше), ибо после этой утраты отчетливо обнаружились конечность человека, исчезновение разумных оснований и высших гарантий его существования [9]. Всю человеческую мысль после смерти бога можно характеризовать как совокупность «возвратов»: во-первых, к бытию, во-вторых, к человеку как единичного и особенного, уникального и неповторимого, как свободной по своей природе личности, в-третьих, к искусству, его методам; к языку; к метафоре как наиболее адекватным формам мышления; в-четвертых, поворот к сознанию, которое стало исследоваться и пониматься как бытийная сила, как поток переживаний, как целостная душевная связь. Это становится образом жизни, экзистенциальным испытанием человека, ибо «ни за что не заплачено было так дорого, как за малую частицу человеческого ума и чувства свободы, которая теперь составляет нашу гордость» [7, с. 263].

Всякая теория есть лишь отражение того положения, в каком находились мысль и душа человека, открывающая тайну бытия, – это положение составляет основу человеческого мышления после смерти бога, ибо многие крупные мыслители и мастера художественного слова (Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.) в той или иной мере пережили те состояния, где были отчаяния и страдания. Например, тексты Ф. Ницше и Ж.-П. Сартра вытекают непосредственно из особенностей их личности, их судьбы, из их трагического мироощущения, из их «обреченности». Возможно, поэтому их сочинения не только чисто философские, но и художественные – в силу этого их личностное начало выражено намного сильнее и очевиднее. «Философом, – писал А. Шопенгауэр, – может быть лишь тот, кто может помимо всякой рефлексии созерцать мир и постигать идеи как художник-пластик или поэт, но в то же время настолько владеет понятиями, что может отображать и повторять мир» [19, т. 6, с. 163]. Философия пытается построить возможный мир, в этом смысле она близка к искусству слова, к художественному творчеству, ибо мир, в котором возможна свобода и, как следствие этого, творчество; и художник или писатель либо достигают этого состояния свободы, либо остаются человеком из массы. Свобода – не цель мировой истории и не врождена человеку как естественному существу, вероятнее всего, это искусственное, как продукт искусства художника или художника слова. Отсюда перед человеком встает вопрос о подлинном понимании вопроса: как возможен свободный человек? Как возможна свобода? Этот вопрос проходит красной нитью в экзистенциально-философских и художественно-эстетических поисках писателя и философа Ж.-П. Сартра (1905–1980). Вслед за Ницше Сартр повторяет: «Бог умер», и потому человек в его представлении не может опереться на божественную помощь, списать все свои деяния на веления всевышнего. Если бога нет, то все дозволено, и из этого «все» человек выбирает свой поступок на собственный страх. Человеку не стать богом, но он свободен сам созидать свою сущность, ибо изначально дан себе как существование. И человек не завершен подобно вещи и сам делает из себя то, чем является: совестливого или подлеца, защитника или предателя, героя или труса и т.п. По мнению писателя, существование человека благодаря сознанию свободно от любых детерминаций. В своем внутреннем мире человек независим ни от общества, ни от других людей, ни от религиозных и моральных предписаний, ни от своего собственного прошлого. Эта независимость – результат способности сознания человека все отрицать и освобождаться от всякого внешнего влияния; сознание экзистенциально, оно стремится за пределы любого наличного состояния. Каждый акт выбора происходит «в пустоте», с нуля, как если бы на человека

не влияли ни полученное воспитание, ни давление обстоятельств, ни боль, ни угрозы и т.п.

Свободный выбор – удел каждого человека, ибо человек, по Сартру, обречен на свободу, и он выбирает неизбежно даже тогда, когда не хочет выбирать. В нравственном выборе, согласно писателю, участвуют не ясное рефлексивное сознание человека, а некие дорефлексивные пласты его внутреннего мира. Человек выбирает не умом, а целостностью своего Я, и выбор реализуется в поступок. Пока человек не поступает, он не знает, каков он на самом деле, ибо только поведение говорит человеку о его истинных помыслах, порывах, пороках и т.п. Даже чувства, на которые пытается сослаться человек при выборе, есть порождение поступка, который он совершает. В этом смысле Сартр игнорирует проблему мотивов, внутреннего состояния души, разделяя прагматическое представление о морали, в соответствии с которым можно судить о человеке по следствиям его дел, а не по его замыслам [13].

По мысли писателя, человек не может опереться на людей, ибо каждый свободен, и на них не обопрешься, потому человек выбирает в одиночку, без гарантий, оснований и надежды на успех. При этом, полагает Сартр, всякий раз при выборе человек считает, что выбирает добро, и притом – добро для всего человечества. Поскольку моральные ценности, существующие в обществе, не указание свободному человеку, он волен ориентироваться на те, которые «изобретает» сам: ему все дозволено. Поэтому драматические произведения Сартра заполнены людьми-титанами, сокрушающими направо и налево, в полной уверенности, что они свободны действовать по собственному произволу. При этом писатель признает лишь одну добродетель – это честность, ибо никто не должен пытаться переложить ответственность за свои поступки на другого человека или на ситуацию [12, с. 461].

Как известно, самая жесткая, «пограничная» (К. Ясперс) [20, с. 231], «стрессовая» (А. Адамович) [1, с. 452] ситуация – это война, когда человек оказывается один на один перед всем миром и самим собой в состоянии «или-или» (С. Кьеркегор) [7, с. 161] и испытывает себя на человеческую прочность. Это глубоко отражается в драме Ж.-П. Сартра «Мертвые без погребения» (1946), где проводится «лабораторно-онтологический эксперимент на открытой испытательной площадке» и исследуются в ней «не столько характеры, сколько ситуация» [11, с. 53], – это события 1941–1945 годов, которые имеют некоторые точки соприкосновения с единственной пьесой известного писателя-фронтовика В. Быкова (1924–2003) «Решение» (1972) [3]. Сходство в том, что в обоих случаях исследуются ситуации, чреватые гибелью для основной группы героев; и там и тут они замкнуты в четырех стенах и время от времени их уводят на

допросы, избивают, мучают. И чем-то – цинизмом, прежде всего, – схожи полицейские; и там и тут они одной национальности с узниками; у Сартра полицейские занимают много больше места, чем у В. Быкова.

Французского писателя-экзистенциалиста интересует не «совесть» палача, не противостояние «палача» и «жертвы», а скорее их взаимовлияние, «взаимопритяжение», их некая патологическая свойства связанность. Писателя-фронтовика В. Быкова такие проблемы никогда не влекли.

Для героев Сартра, пока в застенке случайно не окажется их командир Жан, все их неизбежные мучения представляются бессмысленными: им нечего и нечего скрывать. Их будут пытать, требовать сведений, а они, взятые с оружием в руках после неудачного боя, после разгрома, ничего не знают. Им не дано утешающей и одобряющей мысли, что их героическое поведение кому-то нужно. С появлением Жана все меняется, ибо теперь их поведение приобретает смысл: они не должны выдавать Жана.

Жан и Люси любили друг друга там, на свободе. Жан не сам объявляет, что он должен выжить и выйти отсюда, а решают все: от этого зависит жизнь пятидесяти партизан. Но Жан, как бы освобожденный всеми от страдания и принявший эту жертву во имя той полсотни людей, оказывается за чертой истинной человечности. Они с Люси, над которой надругались полиция, теперь как бы в разных полюсах, в разных измерениях, и это уже непреодолимо. Жан еще попытается добровольно пойти, назвать себя и прекратить мучения остальных. Но его остановят – у героизма свой деспотизм, и он подчинится; сознание рационально исчисленного долга возьмет в них верх.

Во имя спасения Жана Люси соглашается на то, чтобы задушили ее любимого брата Франсуа: теперь он не проговорится. Страшное убийство пятнадцатилетнего Франсуа открывает путь вниз, на дно человеческого, ибо никакая арифметика – убьем мальчика – спасем Жана – спасем пятьдесят жизней, не оправдает содеянного. Согласился бы каждый из тех пятидесяти партизан спасти свою жизнь такой ценой? Тем более что у всех у них оставался шанс защитить свою жизнь с оружием в руках.

У героев «Решения» с самого начала есть, что скрывать от полицейских: имена тех, кто дал Марии мины и взрывал эшелоны. Как и у Сартра, у В. Быкова ситуация так же резко меняется с появлением командира группы Агеева: теперь он рядом с теми, кто должен отдать за него жизнь. В отличие от Жана Агеев отказывается от попытки добровольно пойти и назвать себя, чтобы спасти остальных; и подросток Хомич вскрывает себе вены.

Смерть Хомича словно вразумляет Марию и Кислякова, возвращает им ясное понимание вещей. Они отказываются выбираться из ситуации

любимыми средствами. Мария отвергает ложь во спасение, Кисляков жертвует собой ради девушки. Попранное восстанавливается, противоестественное, агеевское, отвергается.

Гибели подростков, Франсуа и Хомича, – разные, но повод к ним один: недоверие; и обе они, особенно убийство первого, делают продолжение прежней жизни невозможным.

Экзистенциалист Ж.-П. Сартр исчерпал избранный ситуацию до дна; его герои разобрали и обсудили все, что с ними происходит, все варианты своего поведения, своего выбора, своего спасения или конца, они претерпели страшные пытки, сами взяли на душу грех убийства своего, и писателю в конце концов ничего не осталось, как только убить их, дав волю коварству полицаев. Все эти люди после убийства Франсуа для жизни не годятся и, возможно, для борьбы – тоже. Они мертвы прежде, чем их убили в самом деле. И французский экзистенциалист ниспослал своим узникам в финале летний ливень, смывающий всю грязь насилия и возвращающий к жизни, – он сам поверил, что переступить возможно и возможно простить, забыть, смыть, – и все-таки не дал им свободы. Писатель оборвал их жизнь в миг выздоровления, придав ей трагическую и героическую законченность; он предпочел простить через смерть, а не через жизнь.

В отличие от философии Ж.-П. Сартра взгляд В. Быкова на человека кажется более светлым, ибо в его героях живет ощущение предела, непреодолимой черты, и в любых обстоятельствах им это не изменяет [17, с. 95]. Все вроде бы снесли, стерпели, постарались понять Мария и Кисляков, но всему есть граница, и далее идти – немисливо. Писатель верит в способность человека выбрать открытое, подлинное бытие, не подкрепленное никакой арифметикой. Но в жанре драмы взгляд В. Быкова-прозаика порою ограничен противопоставлением правды и лжи, предательства и верности долгу, вседозволенности и человечности, что недостаточно позволяет ему проникать в психологическую глубину поступков, оставляя ситуацию недосказанной, что было доисследовано им в повести «Карьер» (1986).

Взгляды Ж.-П. Сартра и В. Быкова в этих драмах на многое не совпадают, хотя антифашистский пафос в них единый. С одной стороны – слишком много веры в человека, с другой – много сомнения. Но какой при этом родственный интерес к подлинному существованию, к «пограничным ситуациям», к проблеме выбора, к героическому акту, как схожи лабиринты реальности, в которых проникновенно ищет выхода гуманистическая идея – высокая нравственность!

Возможно, эта общность – от общности, «заостренности» и «оголенности» моральных проблем художнической мысли прошлого столетия, име-

ющих огромное значение и в наступившем веке. А «лабораторно-онтологический эксперимент» напрямую зависит от некоторых элементов схожести эксперимента самой исторической действительностью. И если В. Быков в своем изображении старается проникать в подлинное бытие и выбрать материал из жизни так, чтобы было возможным обнаружение и обсуждение моральных проблем и «лабораторно-онтологического эксперимента», то его произведения при этом естественно приобретают характер художественного философско-этического высказывания о мире в целом и положении в нем человека. И в этом он делает некоторый посыл на традицию как русскую (Л. Толстой, Ф. Достоевский), так и западную (Ж.-П. Сартр).

Таким образом, человек совершенно свободен в выборе, но за свой выбор он отвечает полностью. Конечно же, он отвечает за него не перед обществом, не перед высшими силами, а только перед самим собой, ибо он должен знать, что лично расплатится за всякий свой поступок. Самые низкие люди те, кто считает, что к тому или иному поведению их принудили, таких Сартр презирает, и в этом они с Быковым едины. И в вопросе об ответственности человека за свое поведение писатели выступают как ригористы: они крайне требовательны и суровы, когда говорят об отсутствии всякого оправдания вины, настаивают на том, что посторонних «виноватых» никогда не бывает. Но поскольку, по мысли французского экзистенциалиста, человек – это проект, он всегда открыт будущему, постольку завтра он может быть не таким, как сегодня: тот, кто вчера был трусом, сегодня может стать храбрецом, ибо человек создает сам себя.

В начале третьего тысячелетия мир вновь оказался перед проблемой выбора «или-или»: войны и мира, бытия и небытия, жизни и смерти и т.д. В современном мире так называемый «лабораторно-онтологический эксперимент» приобретает глобальный характер, о чем свидетельствуют события последних лет на территории бывшей советской республики, когда-то оккупированной фашистской армией вермахта, новоиспеченные «эксперты» которого толкают человечество в новое кровопролитие, забывая пророческое изречение из святого Писания: «Все, взявшие меч, мечом погибнут». Именно об этом писали и предупреждали участники французского Сопротивления Ж.-П. Сартр и участник Великой Отечественной войны В. Быков, чьи произведения о событиях Второй мировой войны приобретают экзистенциально-религиозный смысл и предостережение: «Все прощается. Пролитым невинную кровь не простится никогда» (Евангелие. Гл. 26.).

Библиографический список

1. Адамович А. Избранные произведения: в 2 т. – Минск: Мастацкая літаратура, 1977. – Т. 2. – 535 с.

2. Бондарев Ю. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Худ. лит., 1986. – Т. 5. – 623 с.
3. Быков В. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Молодая гвардия, 1986.
4. Быков В. Карьер: Повести. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 1040 с.
5. Гете И.В. Сочинения: в 10 т. – М.: Худ. лит., 1979. – Т. 10. – 542 с.
6. Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 2000. – Т. 1. – 451 с.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
8. Лебедев-Кумач В. Священная война // Литература 40-х годов. – Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1977. – 768 с.
9. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2005. – 848 с.
10. Парандовский Я. Алхимия слова. – М.: Просвещение, 1972. – 237 с.
11. Сартр Ж.-П. Пьесы. – М.: Искусство, 1967. – 615 с.
12. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. – 640 с.
13. Sartre J.-P. L'existentialisme est un humanisme. – Paris: Les Editions Nagel 1964 // Западная философия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С. 444–467.
14. Слуцкий Б. Стихи разных лет. Из неизданного. – М.: Советский писатель, 1988. – 272 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
16. Хайдеггер М. Исток художественного творчества / пер. с нем. – М.: Академический проект, 2008. – 528 с.
17. Хусаинова А.Х. Экзистенция свободы выбора (философский анализ). – Уфа: АН РБ, «Гилем», 2010. – 228 с.
18. Шолохов М. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Худ. лит., 1960. – Т. 8. – 402 с.
19. Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1993. – 479 с.
20. Jaspers K. Was ist Philosophie? – Munchen / Zurich, 1976. // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 224–235.

АВАНТЮРНО-ФИЛОСОФСКАЯ ФАНТАСТИКА XX ВЕКА И ФИЛОСОФСКАЯ ПОВЕСТЬ

В статье говорится о влиянии жанра философской повести на авантюрно-философскую фантастику XX века. Основные характеристики философской повести связаны с экспериментальной проверкой философской идеи. Идея испытывается в авантюрном сюжете и в обсуждениях персонажей, поэтому важную роль играет философский диалог. Авантюрный сюжет создает переломные события, в которых раскрывается идея. Персонажи философской повести и изображенный внутренний мир схематичны и условны. Философская повесть ориентирована на сатиру и притчу и потому двупланова и иносказательна – она связана с «текущей современностью» и вечными проблемами. Нравственный выбор соотносится с традиционными образцами. В авантюрно-философской фантастике также в центре внимания находится философская идея – «что делает человека человеком». Герой испытывается в контакте с безличной или нечеловеческой силой. Испытания героя и идеи не отделены друг от друга, и в этом заметно влияние романов Ф.М. Достоевского. Выбор героя морально неоднозначен, так как герой сталкивается с новыми нечеловеческими нормами. В авантюрно-философской фантастике появляется новый тип героя, не тип и не характер, а персонификация «природы человека». Авантюрно-философскую фантастику следует отличать от философской сатиры и от «готической фантастики».

Ключевые слова: авантюрно-философская фантастика, научная фантастика, философская повесть, жанр, авантюрный сюжет, философский диалог, повесть, притча, сатира.

Авантюрно-философская фантастика – одна из разновидностей фантастической литературы, в которой авантюрный сюжет сочетается с философским экспериментом [12]. Генетически она является продолжением «научной фантастики»; литературы, возникшей в начале XX века и ставившей целью не только развлечь читателя, но в первую очередь – просветить, познакомить с достижениями бурно развивающейся науки и техники [15]. Собственно «научная фантастика», как гибрид художественного и научного дискурса, существовала недолго. Она быстро переросла свои рамки и далее развивалась уже как существенно художественная литература.

Авантюрно-философская фантастика XX века – одна из разновидностей фантастической литературы и наследница «научной фантастики» – представляет собой группу жанров; но механизм их образования, их генезис и эволюция еще недостаточно изучены. Однако уже можно говорить о несомненном влиянии на этот тип фантастической литературы жанра философской повести.

Этот жанр не раз становился предметом литературоведческих исследований – как теоретических, так и историко-литературных. Особенно выделяются на этом фоне работы о повестях Вольтера – своеобразных «образцах» жанра философской повести. Правда, приходится отметить, что в специальной литературе часто никак не разводятся базовые жанровые понятия – «философская повесть» и «философский роман»; эти наименования могут сосуществовать даже в одном труде. К примеру, в статье Н.В. Забуровой читаем: «Главным организующим принципом философского романа (повести) для Вольтера становится полемика с вполне определенной философской системой или идеей» [4, с. 99].

Будем считать, что речь все же идет об одном жанре, и тогда можно выделить в нем ряд существенных характеристик. Среди них главная, определяющая все другие структурные особенности, – это постановка в центр произведения не героя и не событий, приключившихся с ним и повлиявших на него, а философской идеи. «Можно сказать, – пишет А.Д. Михайлов, – что “героями” этих произведений <...> оказываются не привычные нам персонажи, с индивидуальными характерами, собственными судьбами, неповторимыми портретами и т. д., а та или иная политическая система, философская доктрина, кардинальный вопрос человеческого бытия» [7].

Эти доктрины и вопросы в повести – не просто интеллектуальный фон, они оказываются предметом эксперимента, проверки мысли, идеи; отсюда и название жанра – «философская повесть».

Испытание идеи изображается двумя способами: 1) в сюжете, когда последовательность событий – это либо цепь фактов, призванных подтвердить и / или проиллюстрировать идею, либо наоборот – события-аргументы, опровергающие ее (см., например, большую часть повестей Вольтера – «Кандид», «Задиг», «Уши графа Честерфилда» и др.); 2) в слове, в диалоге, то есть через обсуждение идеи персонажами повести. Как правило, во втором варианте внешний сюжет заметно редуцирован (повесть маркиза де Сада «Диалог между священником и умирающим»).

Два способа проверки идеи определяют другие особенности жанра – авантюрный сюжет, основу которого составляет испытание героя в чужом для него мире, и наличие таких композиционно-речевых форм, как философский диалог. Рассмотрим эти особенности подробнее.

Авантюрный сюжет в философской повести доведен до своего предела: идея и герои испыты-

ваются здесь в переломных, исключительных ситуациях: «Все эти повести Вольтера рассказывают о катастрофах...» [8, с. 193]. Довольно часто это «пороговые ситуации», когда герой оказывается между жизнью и смертью, как, например, в уже упоминавшейся повести де Сада «Диалог между священником и умирающим» или в повести А. Герцена «Сорока-воровка». Это ситуация постановки «последних вопросов», о которой М.М. Бахтин пишет как об «очищающей слово от всякого жизненного автоматизма и объектности, заставляющей человека раскрывать глубинные пласты личности и мысли» [3, с. 128].

Если сюжетный вариант испытания идеи в философской повести доминирует, она все же не обходится без диалога-дискуссии, в котором раскрываются позиции противостоящих друг другу персонажей и различные аспекты многогранной философской идеи. Такая композиционная форма берет начало в жанре древнегреческого философского диалога, который, в свою очередь, возникает из фольклорного ««состязания» мудрецов» [14, с. 57].

Однако бывают случаи, когда диалог в философской повести, казалось бы, отсутствует. Так происходит в «Сне смешного человека» Ф.М. Достоевского; здесь перед нами – *монолог* героя, и монолог «безадресный», как бы ни к кому не обращенный, но при этом «вся речь рассказчика пронизана внутренним диалогом; все слова здесь обращены к себе самому, к мирозданию, к его творцу, ко всем людям» [3, с. 178].

Еще одна особенность философской повести, вытекающая из ее основного события – испытания идеи, проявляется в способах изображения персонажей. Поскольку сущность философской повести – «в жизни самой мысли-идеи» [9, с. 581], то другие персонажи становятся, по выражению Л.Е. Пинского, «рупорами идей», то есть «фигурой вторичной по отношению к указанной идее» [4, с. 101], «транслятором <...> того или иного “философского положения”» [6, с. 282]. Отсюда – отмечаемый всеми исследователями «схематизм» образов. По меткому выражению А. Моруа, героев «можно истязать, жечь, и ни автор, ни читатель не испытывают чувства подлинного волнения <...> Под эту неистовую музыку мечутся марионетки» [8, с. 193].

В ряде случаев у персонажей философской повести нет даже имени. «В исправительной колонии» Ф. Кафки действуют «путешественник» (Reisende), «офицер» (Offizier), «комендант» (Kommandanten), «солдат» (Soldat), «осужденный» (Verurteilte), а у Вольтера имена персонажей часто являются обозначением преобладающей черты их характера – «Простодушный» (L'Ingénu) или внешнего облика («Микромегас» (Micromégas)).

Условность изображенных героев и внутреннего мира произведения создает двуплановость

философской повести, то есть возможность сочетать абстрактный философский план и острую злободневность. Это формирует особую, противоречивую «зону построения литературного образа» (М.М. Бахтин); с одной стороны – «зону фамиллярного контакта» с текущей современностью, а с другой – зону «далевого образа», дистанцированного от конкретной действительности.

Связь с текущей современностью обнаруживается в соответствии между тем, что изображено в философской повести, и реалиями конкретно-исторической действительности, окружающей автора. Так, например, считается, что прототипом султанши Шераа в повести Вольтера «Задиг» является маркиза де Помпадур, а в комментариях к «Микромегасу» пишется, что «в лице обитателя Сатурна выведен секретарь Французской Академии Бернар де Фонтенель» [10, с. 483]. В этих же примечаниях подробно раскрываются указания, содержащиеся в тексте повести, на реальные войны, стихийные бедствия (например, землетрясение в Лиссабоне), научные открытия и пр., то есть на современные Вольтеру события общественной жизни. Неслучайно Л.Е. Пинский писал, что «подлинное основание (повестей Вольтера. – Е. К.) – современная жизнь и современная культура...» [9, с. 588] и «жизненность его повестей всеми нитями связана со своим временем» [9, с. 590].

А. Моруа видит истоки этой связи с «текущей современностью» в специфике происхождения философской повести. Он считает, что жанр появился в результате сочетания (гибрида) двух начал – художественного и публицистического. Первый элемент, художественный, обращен к вымыслу, а второй, публицистический, к реальности. «Философская повесть – трудный жанр, – пишет А. Моруа, – потому что это жанр-гибрид. Это и эссе, и памфлет, поскольку автор высказывает и высмеивает в нем некоторые идеи, и вместе с тем это повесть о воображаемых событиях» [8, с. 188].

Так или иначе, в философской повести возникает иносказательность: рассказывается одновременно о событиях и людях, существующих в действительности, но в то же время – о выдуманных персонажах, в которых, впрочем, довольно легко узнаются жизненные реалии. Первоначальная (подлинная) история является порождающей субстанцией, но из произведения не элиминируется, а существует в форме фона.

В случаях, когда обращение к современной действительности является высмеивающим, мы вправе говорить о сатире в одном из значений этого понятия, сформулированном М.М. Бахтиным: «определенное (в основном – отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (т. е. к изображаемой действительности), определяющее выбор средств художественного изображе-

ния и общий характер образов...» [2, с. 11]. Отметим, что сама по себе сатира также подразумевает иносказательность.

Если сатира вносит в философскую повесть «злободневность», «фамильярный контакт» с исторической действительностью, то «зона далевого образа» возникает в результате ориентации философской повести на притчу. Это позволяет выделить в жанре вечный, вневременной план как один из элементов двуплановой структуры. Черты притчи проступают, в первую очередь, в схематизме изображения действительности, ведь в притче «...природа и вещи упоминаются лишь по необходимости, действие происходит как бы без декораций, в “сукнах”» [1, с. 305], а далее – в уже упоминавшемся схематизме персонажей, которые, как и в притче «не имеют не только внешних черт, но и “характера” в смысле замкнутой комбинации душевных свойств...» [там же].

Притча, как и сатира, тоже двупланова: это «иносказательная история о случае, представляющем собою не странный казус, а наглядный пример всеобщей закономерности...» [11, с. 187]. Двуплановость притчи определяет двуплановость философской повести, только в несколько ином, абстрактном, аспекте.

Главное событие притчи и в наследующем ей жанре повести – нравственный выбор героя, причем оценка этого выбора дана «в свете безусловно авторитетных этических норм» [там же], в свете моральной традиции и образцов соответствующего поведения.

Как все эти особенности проявились в авантюрно-философской фантастике XX века?

Экспериментальность характерна и для этого типа литературы; весь мир героя здесь – авторский эксперимент, конструирование необычайных условий для испытания героя. Но часто эксперимент – это и предмет изображения: например, в романе Г. Гаррисона «Время для мятежника» рассказывается о проекте «Гномен», где персонажи изобрели машину времени; в повести К. Саймака «Покорение, достигшее цели» описывается эксперимент по перемещению человечества на другую планету, и т. п.

Основная философская идея, которая испытывается в авантюрно-философской фантастике XX века, инвариантна; здесь важно понять, «что же делает человека человеком» [12, с. 278]. Испытываются при этом не личные качества отдельного персонажа (человечность, доброта, интеллект, способность любить и пр.), не его индивидуальные черты или, наоборот, типологические признаки, а «природа человека», сущность человечества в целом. Поэтому для авантюрно-философской фантастики в равной степени важны испытания и идеи (чем человек отличается от нечеловека), и героя (как он проявляет эту сущность). Неотделимость испытания идеи от испытания героя заставляет нас

обратиться к романам Ф.М. Достоевского как к источнику, оказавшему заметное влияние на авантюрно-философскую фантастику XX века.

Согласно М.М. Бахтину, во всех романах Достоевского, где изображается философская идея, сохраняется следующее условие: «всякую мысль он воспринимает и изображает как позицию личности» [2, с. 10], следовательно, «образ героя неразрывно связан с образом идеи и неотделим от него» [2, с. 99]. Также, считает М.М. Бахтин, «герой Достоевского – человек идеи; это не характер, не темперамент, не социальный или психологический тип: с такими овнешненными и завершенными образами людей образ полноценной идеи, конечно, не может сочетаться» [2, с. 97].

Очевидно, что и в авантюрно-философской фантастике действуют те же законы, что и в романах Достоевского: герой неотделим от идеи, он сращен с ней; он не является просто «рупором идей», как в философской повести. Герой здесь – не характер, не тип, не темперамент, а персонифицированный образ сущности всего человечества.

Как и в философской повести, идея и человек испытываются с помощью сюжетных событий и в диалоге персонажей. Сращенность героя и идеи приводит к тому, что в авантюрно-философской фантастике нет доминирования какого-то одного вида проверки; не преобладает ни диалогическое испытание, ни сюжетное; и события, и идеи, с ними связанные, обязательно обсуждаются персонажами.

Испытание «природы человека» возможно только перед лицом нечеловеческой или безличной силы, и ее изображение во многом определяет «фантастичность» интересующей нас литературы. Авантюрно-философская фантастика – это не «то, чего нет в действительности», не изображение небывалых существ или конструкций самих по себе, а *контакт* человеческого и нечеловеческого мира и испытание героя этим контактом. Таким образом, фантастика этого типа тоже создает исключительные ситуации, однако идет в этом смысле еще дальше философской повести. Герой здесь попадает в положения не просто предельно возможные, а *запредельные*, находящиеся за границей реального. Это позволяет столкнуть героя с силами, которые ему, как представителю всего человечества, противоположны, то есть с нечеловеческими силами.

При этом вовсе не обязательно, чтобы персонажи вступали в контакт, например, с инопланетянами. Нечеловеческий мир может представлять в форме внеличной позиции самого персонажа, например, наблюдателя за историческим прошлым, «Бога», наперед знающего будущее («Трудно быть богом» А. и Б. Стругацких) [5].

В этом смысле многие произведения, считающиеся фантастическими, таковыми не являются. Так, например, в «Таинственном острове»

Ж. Верна персонажи противопоставлены природной стихии, с которыми успешно справляются; но проверяется здесь не «природа человека», а индивидуальные человеческие возможности – умение думать, строить, исследовать, приспосабливаться и т. п. Поэтому очень важны энциклопедические знания Сайреса Смита, которые позволяют выстроить правильную линию поведения. Наличие же в романе подводной лодки капитана Немо – аппарата, во времена Ж. Верна еще не сконструированного в действительности, то есть «фантастического», ничего не решает в главном событии испытания. В «Таинственном острове» испытывается природа человека не в космическом масштабе, а в земном, то есть проверяются те качества, которые позволяют людям выжить в экстремальных, но вполне земных условиях.

Выбор героя авантюрно-философской фантастики в столкновении с нечеловеческими силами отличается от выбора героя в философской повести, рассчитанного на соответствие авторитетным «образцам». В фантастике он оказывается неоднозначным в свете моральной оценки. У фантастического героя нет и не может быть образцов поведения в контакте с другим миром, так как он сталкивается с нормами иными, нечеловеческими. Ни сам герой, ни читатель не могут оценить «правильность» поступка: верно ли поступил Петер Глебски, когда не дал инопланетянам уйти от преследования и обрек их на гибель («Отель “У погибшего альпиниста”» А. и Б. Стругацких)? Нужно ли было убить Льва Абалкина, как это сделал Экселенц, или спасти его, как это пытался сделать Максим («Жук в муравейнике»)? Стоит ли вмешиваться в историю и изменять ход событий или этого делать нельзя («Меж двух времен» Дж. Финнея)?

Схематизм героя, подобный тому, что есть и в философской повести, – следствие того, что в авантюрно-философской фантастике появляется новый *тип* героя. Не учитывая это, критики часто говорят о «неразработанности характера» персонажа. С одной стороны, это верно (особенно заметна такая «неразработанность» при визуализации образа, например, в фантастических фильмах, когда актеру бывает затруднительно раскрыть психологию своего персонажа (см., например, фильм «Акванавты» реж. И. Вознесенского)). Но, с другой стороны, герой фантастического произведения и не может быть психологически тонко выписанным персонажем, его образ создается для решения иных задач.

Мы видим, что влияние философской повести на авантюрно-философскую фантастику XX века весьма ощутимо, хотя заимствованные элементы и качества не всегда переносятся впрямую, они видоизменяются и приобретают иные функции.

Но есть и существенные отличия фантастики от философской повести, наиболее серьезные из

них связаны с иносказательностью. Философская повесть, как мы отмечали, иносказательна, имеет два плана – изображенный и подразумеваемый, в то время как авантюрно-философские произведения создают «безусловную реальность <...> мира персонажей» [12, с. 277]. Это означает, что любые скрытые намеки, аллюзии, в особенности сатирического характера, «переводят» авантюрно-философское фантастическое произведение в другой ранг – например, философской сатиры, иного типа фантастической литературы. Их близость связана с общим происхождением. Дело в том, что одним из источников философской повести М.М. Бахтин считал мениппею. «Действие в ней, – писал Бахтин, – происходит не только “здесь” и “теперь”, а во всем мире и в вечности: на земле, в преисподней и на небе» [2, с. 170], то есть мениппея обладает двуплановостью: «злободневной публицистичностью» [2, с. 136] и абстрактной вневременностью. Мениппея через философскую повесть повлияла на философскую сатиру.

С другой стороны, стоит обратить внимание еще на одну особенность мениппеи, которую Бахтин назвал «морально-психологическим экспериментированием» [2, с. 134]. Оно включает «изображение необычных, ненормальных морально-психических состояний человека – безумий всякого рода (маниакальная тематика), раздвоения личности, необузданной мечтательности, необычных снов, страстей, граничащих с безумием, самоубийств и т.п.» [там же]. Эта особенность повлияла на формирование так называемой «готической фантастики», в которой сверхъестественное событие не может быть объяснено однозначно (рационально или мистически), оно всегда допускает возможность равнозначной его оценки в том или ином ключе, как это описал Цв. Тодоров: «Очевидец события должен выбрать одно из двух возможных решений: или это обман чувств, иллюзия, продукт воображения, <...> или же событие действительно имело место, оно – составная часть реальности, но тогда эта реальность подчиняется неведомым нам законам. Фантастическое существует, пока сохраняется эта неуверенность;...» [13, с. 25].

Тесное родство разных видов фантастической литературы, а также их связь с философской повестью и генетически предшествующими ей жанрами свидетельствует о взаимосвязи «классического» и «гротескно-фантастического» канонов и о тождестве механизмов жанрообразования в них.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Притча // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 305.
2. Бахтин М.М. Сатира // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997. – С. 11–38.

3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 320 с.
4. Забабурова Н.В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра // XVIII век: литература в контексте культуры. – М.: Изд-во УРАО, 1999. – С. 94–104.
5. Козьмина Е.Ю. Инвариант фантастического авантюрно-исторического романа // Новый филологический вестник. – 2015. – № 2 (33). – С. 24–43.
6. Кулишкина О.Н. Философская повесть // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 282–283.
7. Михайлов А.Д. Вольтер и его проза // Вольтер. Философские повести. – М.: Правда, 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.liim.ru/comments/3_foreign_18/3_foreign_18-01-3.html (дата обращения 23.09.2015).
8. Моруа А. Вольтер // Моруа А. Собр. соч.: в 6 т. – Т. 6: Олимпико, или жизнь Виктора Гюго. Ч. VIII–X. Литературные портреты. – М.: Пресса, 1992. – 316 с.
9. Пинский Л.Е. Философский роман // Пинский Л.Е. Ренессанс. Барокко, Просвещение. Статьи. Лекции. – М.: РГГУ, 2002. – С. 558–563.
10. Примечания // Вольтер. Т. 1. Философские повести и рассказы. – М.; Л.: Academia, 1931. – С. 481–498.
11. Тамарченко Н.Д. Притча // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 187–188.
12. Тамарченко Н.Д. Фантастика авантюрно-философская // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 277–278.
13. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. – 136 с.
14. Шкаренков П.П. Диалог прозаический // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 56–58.
15. Gernsback H. A New Sort of Magazine // Amazing Stories. – 1926. – Vol. 1. – №. 1 (April). – P. 3.

МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЧИНАТЕЛЬНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ (опыт сопоставительного анализа)

Целью настоящей статьи стало выявление межъязыковых коллизий (интегральных и дифференциальных черт), слагающихся в моделях формирования начинательного способа действия в языках разной структурной организации. В основе предпринятого контрастивного анализа лежит материал французского, русского и осетинского языков, первый из которых является аналитическим, а два других – ярко выраженными флективными языками. При этом материал французского языка выступает как основа анализа, русский и осетинский привлечены в целях сравнения. Проведенный в рамках настоящей статьи ономастологический анализ позволяет заключить, что французская языковая система обнаруживает достаточно много дифференциальных черт с русским и осетинским языками, которые, напротив, объединяются отношениями интеграции. Эти последние, в силу своей преимущественно синтетической организации, располагают большими возможностями для передачи той или иной аспектуальной информации, в нашем случае начинательности в двух ее ассертивных вариантах: инхоативности и ингрессивности.

Материал настоящей статьи может найти применение в различных дидактических процессах, а именно: содействовать совершенствованию методики преподавания соответствующего раздела теоретической и практической грамматики французского языка, а также теории и практики перевода.

Ключевые слова: контрастивный анализ, функциональный аналог, глагольно-аналитическая конструкция, межъязыковые коллизии.

На сегодняшнем этапе развития науки достигнуты значительные успехи в области изучения аспектологических явлений многих естественных языков. Вместе с тем исследователи категории глагольного вида до сих пор не приходят к однозначному осмыслению целого ряда принципиально важных проблем. Неодинаковое толкование многих вопросов аспектологического порядка «вводит преподавателей русского языка как неродного в состояние смятения и растерянности», – замечает по этому поводу М.А. Шелякин, в круг научных интересов которого вот уже на протяжении многих лет входит исследование вопросов русской аспектологии [6, с. 210]. Ученый даже предлагает создать научный центр, который бы занимался анализом существующей аспектологической литературы и формированием единой стратегии в изучении видовой категории русского глагола [6, с. 210]. А известные аспектологи Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев высказываются в пользу идеи создания «особого “аспектологического” словаря русского языка, в котором в едином формате для каждого глагола была бы представлена вся аспектологически релевантная информация: вид, видовая коррелятивность, формальный и семантический тип видовой пары, онтологический потенциал, идиосинкратические особенности употребления видовой формы, а также принадлежность глагола к тому или иному способу действия или, наоборот, возможность образования от него того или иного способа действия». Такой словарь, по мнению исследователей, предоставит «пользователю возможность легко и быстро получить исчерпывающую информацию относительно аспекту-

альных свойств русских глаголов» [3, с. 99]. Целью предпринятого в статье контрастивного анализа стало выявление межъязыковых коллизий (интегральных и дифференциальных черт), слагающихся в схемах образования начинательного способа действия в разнотипных языках (французском, русском, осетинском).

Начинательный способ действия (СД) в глагольной системе французского языка, как известно, далеко не однороден в своих дискурсивных стратегиях. Принято считать, что основным способом выражения начинательности во французской лингвистической системе является лексико-синтаксический: посредством глагольно-аналитических конструкций *se mettre (à faire qch)*, *commencer (à faire qch)*, *se prendre (à faire qch)*. Например: *L'enfant commença à s'agiter dans le berceau; Avec cette admirable puissance que possèdent les femmes, elle se mit à sourire en disant...* [7, с. 54]. – *Ребенок зашевелился в колыбельке; Мать заулыбалась ему с таким восхищением, на которое способны только женщины...*

Вместе с тем упомянутое аспектуальное значение нередко формируется и в пределах самой глагольной лексики без опоры на какие-либо внешние актуализаторы. Речь идет, в частности, об ограничении во времени неопределенного действия в начальной фазе его развития, что приводит к образованию инхоативного СД [2, с. 160]. Например: *L'infirmière parla à voix feutrée. – Je laisse ouvert, entrez, elle ne risque pas de se réveiller...* [10, с. 53]. – *Медсестра заговорила тихим голосом. – Оставляя палату открытой, входите, она не проснется...*

В русском языке функциональным аналогом французского глагола в упомянутом значении чаще всего становится неопределённая глагольная лексема с формантом видового значения *за-*. Сравним: *Après quoi, fatigués de parler, nous chantâmes...* [11, с. 67]. – *После чего, устав от разговора, мы запели...* [11, с. 48]. При этом замечено, что словообразовательная модель с формантом *за-* используется в русской лингвокультуре при описании гомогенных ситуаций, когда речь заходит о появлении определенной привычки, например: *Выйдя замуж, она заварила супы*. (Видимо, не будучи замужем, она супы никогда не варила. – Л.К.). В том случае, когда описывается гетерогенная деятельность человека, инхоативность выражена описательно. Можно, например, *начать варить суп; строить дом; писать письмо* и т. д. [3, с. 109].

Что касается ингрессивного СД, то последний включает в свою активность одновременно три стадии протекания процесса во времени: значение начала действия, некоторую его продолжительность и достижение определенного результата. Эквивалентом данного СД в русском языке становятся глаголы с формантом видового значения *по-*. Сравним: *Il jalouse celui qui avait inventé ces choses dont elle pardissait occupée* [8, с. 31]. – *Он позавидовал тому, кто сочинил все эти вещи, видимо, занимавшие ее* [8, с. 10]; *Frédéric sentit quelqu'un lui toucher à l'épaule...* [8, с. 54]. – *Фредерик почувствовал, как кто-то тронул его за плечо...* [8, с. 31]. Некоторые русские глаголы с циркумфиксом *раз-...-ся*, выражающие быстрое «разрастание» действия, также близки к проявлениям ингрессивного СД [3, с. 110–111]. Сравним: *se prendre à (se mettre à) rire – расхохотаться; il se met à faire beau – распогоживается*.

Немаловажным при этом становится следующее: разбор эмпирического материала показывает, что если ингрессивный СД во французском языке формируется на базе глаголов обоих аспектологических классов (как предельных, так и неопределённых), то инхоативность обнаруживается лишь у неопределённых глаголов.

Функционирование обозначенных проявлений начинательного СД (инхоативности и ингрессивности) в русской лингвокультуре достаточно скрупулезно описано в уже упомянутом исследовании Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелёва [3]. Помимо собственно инхоативных глаголов, ученые выделяют в отдельную группу несобственно инхоативные глагольные лексемы, которые в отличие от первых: 1. Обладают соотносительными формами имперфективных коррелятов. Например: *заболеть / заболевать, зацвести / зацветать, закурить / закуривать, заговорить / заговаривать, запеть / запевать, загореться / загораться, закипеть / закипать*. Граммемам НСВ в приведенных оппозициях свойственно наличие в них началь-

ной (подготовительной) фазы, нетипичной для собственно инхоативного СД. Так, в частности, лексема *закуривать* означает «зажигать сигарету и делать первую затяжку». Исследователи, однако, уточняют, что речь идет «о процессе, ограниченном своим объектом (одна сигарета)». Дело в том, что глагол *закуривать* может иметь и собственно инхоативное значение, соответствующее узальному значению глагола *курить*: *Он два месяца не курил, а сейчас снова закурил*. Или еще. Глагол *зацветать* обозначает тот период времени года, когда на деревьях начинают распускаться первые цветы, а лексема *заболеть* описывает состояние, предшествующее самой болезни и т. д. 2. Обозначают не начальный отрезок процесса, а действие в целом (напр.: *закричать*) или же включают в свою семантику идею постепенного овладения определенными качествами: *заинтересоваться, затосковать, загрустить, задремать* и т. д. Инхоативный СД достаточно продуктивен в русской разговорной речи. Именно этот СД задействован при формировании новообразований типа: *завздыхать, запрезировать, заиметь, зауважать, запроситься (гулять), засобирается (домой)* и т. д.

Что касается ингрессивного СД, то последний проявляется при опоре на две группы глагольных лексем. Речь идет о: 1) глаголах определенного или направленного движения (*пойти, побежать, полететь, покатиться, поскакать, помчаться, подуть (о ветре), повалить (о снеге), полить (о дожде), посыпаться и т.д.*) и 2) глаголах восприятия и внутреннего состояния (*показаться, почудиться, почувствовать, померещиться, подумать, полюбить, понравиться*). Однако значение начинательности в такого рода лексемах несколько ослаблено. Так, высказывания *повести машину, повезти детей в школу* или *понести белье в прачечную* обозначают не столько начало действия, сколько действие как таковое (действие в целом) [3, с. 108–110].

А теперь обратимся к фактам осетинского языкового материала и попытаемся установить функциональные эквиваленты начинательного СД французского языка в двух его проявлениях. То обстоятельство, что осетинский язык, как и русский, относится к числу языков с преимущественным преобладанием в нем признаков синтетизма, говорит в пользу того, что осетинская лингвокультура уже а priori обладает значительным потенциалом, чтобы передать тончайшие нюансы аспектуального значения, когда сама флексия слова становится своеобразным актуализатором. В этом отношении осетинская лингвосистема, безусловно, оказывается гораздо более гибкой, чем система французского языка, аналитического в своей структурной модели. Сравним: *Le géant borgne chanta...* (199). – *Æмæ ныззарыди сохъхъыр уæйыг* [9, с. 209], где в глагольной форме «ныззарыди», формант видового значения *ны-* характеризует действие как инхоативное.

Или еще: *Et le vieillard recommença à pleurer* [9, с. 214]. – ...*Зæронд лæг... ныккыдта* [9, с. 225]. Видовое значение инхоативности действия ощущается в приведенных структурах обеих лингвокультур вполне реально, но выражается в них при этом по-разному: во французском языке оно формируется посредством глагольно-аналитической конструкции *commencer à*, а в осетинском – при поддержке аффикса *ны-*. Формированию начинательного СД в осетинском способствует и приставка *ба-*, например: ...*Зарунтæ байдæдтонцæ, цума киндзæ' рхасдтонцæ, уотæ* – ...*Заехали в дом к Алимарзе и там вдоволь и танцевать, и песни петь стали, как будто свадьбу сыграли* [4, с. 131].

Подытоживая сказанное, следует отметить, что, конечно же, многие вопросы французской (как, впрочем, и осетинской аспектологии) остаются все еще дискуссионными или вовсе открытыми. Несомненно лишь то, что всякий раз, когда мы говорим о виде и, шире, об аспектуальности в глагольной системе французского или осетинского языков (как, впрочем, и многих других индоевропейских языков), мы «оглядываемся», сравниваем, сопоставляем упомянутое явление с аспектуальной системой русского и других славянских языков. Французская языковая система обнаруживает достаточно много дифференциальных черт в сравнении с русским и осетинским языками, которые, напротив, связаны/характеризуются отношениями интеграции. Русская и осетинская лингвокультуры, с максимальным преобладанием в них признаков синтетизма, безусловно, оказываются гораздо более гибкими в своей способности выражать тончайшие нюансы аспектуальной природы, чем система французского языка, обнаруживающая явную зависимость от контекста [5, с. 40–41]. При этом не следует забывать о том факте (на который обратил внимание еще В.И. Абаев), что одной из определяющих причин, эксплицирующих такого рода подобие русского и осетинского языков, бесспорно, становится их длительная ареальная бли-

зость, сформировавшая целую серию «не только лексических, но и грамматических изоглосс» [1, с. 53].

Библиографический список

1. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. – М.: Наука, 1965. – 168 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Зализняк Анна А., Шмелёв А.Д. Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
4. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. – М.: Наука, 1966. – 223 с.
5. Калабекова Л.Т. Грамматический вид в разноструктурных языках: внутрикатегориальные и межкуатегориальные взаимодействия (на материале французского, русского, осетинского языков): автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Владикавказ, 2013. – 45с.
6. Шелякин М.А. О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / отв. ред. М.Ю. Черткова. – М.: МГУ, 1997. – Т. 1. – С. 210–219.
7. Balzac H. de. Le Père Goriot. – М.: éd. en langues étrangères, 1949. – 251 p.; Бальзак О. Отец Горио / пер. А. Кулишера. – Л.: Лениздат, 1974. – 251 с.
8. Flaubert G. L'éducation sentimentale. – Paris: éd. Baudelaire 1965. – 514 p.; Флобер Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Воспитание чувств / пер. А. Федорова. – М.: Правда, 1971. – 464 с.
9. Нарты кадджытæ. – 2-е изд. – Орджоникидзе: Ир, 1975. – 368 с.; Le livre des Héros. Légendes sur les Nartes. – Paris: Gallimard, 1965. – 266 p.
10. Marc Levy. Et si c'était vrai... – Paris: Robert Laffont, 2000. – 254 p.
11. Rolland R. Colas Breugnon. – М.: Progrès, 1968. – 288 p.; Роллан Р. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Кола Брюньон / пер. М. Лозинского. – М.: Правда, 1974. – С. 3–198.

ФУТУРАЛЬНОСТЬ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ СО СВЕРНУТОЙ КОСВЕННОЙ РЕЧЬЮ (на материале немецкого языка)

В статье анализируются синтаксические структуры, содержащие косвенную речь о предстоящих событиях, имеющие характер зависимой вторичной предикации, но употребляющиеся при этом в составе простого предложения. Такие структуры выступают в роли предикатных актантов, связанных валентностными отношениями с модусными глаголами или их именными эквивалентами, указывающими на речевые и мыслительные процессы. Данные структуры, содержащие косвенную речь, характеризует высокая степень интегрированности в высказывание и сжатая или свернутая структура. В выражении предстоящего действия принимают участие инфинитив или инфинитивная группа, а также существительное или группа существительного. Ведущую роль при актуализации темпорального признака «следование» в свернутой косвенной речи играют модусные слова. Будучи предикатами волитивного, комиссивного или эпистемического типа, многие модусные слова способны предeterminировать временное значение зависимой предикации, актуализируя в речи проспективную сему. В редких случаях семантика предстоящего действия, о котором говорится в косвенной речи, выводится из широкого контекста. Несмотря на разную поверхностную структуру, исследуемые синтаксические единицы не различаются на глубинном уровне, о чем свидетельствуют трансформации, указывающие на возможность замены одной структуры другой.

Ключевые слова: косвенная речь, немецкий язык, футуральность, предикатные актанты, инфинитив / инфинитивная группа, группа существительного.

Известно, что косвенная речь (КР), как речь (преимущественно) другого лица, может быть интегрирована в высказывание разными способами. От степени интегрированности КР зависит ее синтаксическая форма / структура. Как правило, КР имеет форму придаточного предложения, зависящего от вводящего компонента в матричном предложении, чаще всего глагола или глагольного сочетания с семантикой речевой или мыслительной деятельности (напр.: *Er versprach, dass er mir morgen helfen werde*).

Вместе с тем высказывание с КР не обязательно имеет форму сложноподчиненного предложения. КР может содержаться и в простом предложении с инфинитивом (*Er versprach mir morgen zu helfen*), и в простом предложении с номинативным компонентом, выраженным существительным или словосочетанием субстантивного типа (*Er versprach mir morgen seine Hilfe*). В этом случае имеет место высокая степень интегрированности КР в предложение, влекущая за собой компрессию высказывания и в структурном (используется простое предложение вместо сложного предложения), и в содержательном плане (КР передается в сжатом или очень общем виде). Способы передачи КР в составе простого предложения являются, таким образом, самыми экономичными. Будем называть КР, имеющую место в простом предложении, свернутой КР.

Несмотря на разную синтаксическую форму, перечисленные структуры с КР выполняют в составе предложения, как правило, одну и ту же функцию – функцию предикатного актанта [3, с. 7–8], связанного валентностными отношениями с глаголами речемыслительной деятельности, реже прилагательными или существительными, выполняющими функцию модусных слов и выражающими

ми «некоторое отношение к событию с точки зрения субъекта» [4, с. 48; 2, с. 7].

Предикатные актанты, будь то придаточное предложение, инфинитивная группа или отглагольное существительное, представляют собой в этом случае отдельную предикацию (предикативную связь), зависимую от основной предикации, формируемой модусным глаголом в личной форме или его именными эквивалентами (прилагательным, существительным).

В составе таких высказываний модусные слова образуют так называемую модусную рамку (или пропозициональную установку), в то время как элементы зависимой предикации – собственно пропозицию. Таким образом, в таких предложениях есть две предикации (основная и вторичная), но одна пропозиция. При этом основную семантическую нагрузку в предложении несут на себе элементы не основной, а зависимой предикации. Возможны, впрочем, и случаи наличия в предложении более одной пропозиции (*Sein Versprechen mir zu helfen hat er nicht gehalten*). Они имеют место тогда, когда предложение не замыкается только на передаче КР, а содержит и другую информацию.

Важной характеристикой некоторых модусных предикатов является их способность предeterminировать временное значение зависимой предикации, актуализируя в речи проспективную, контемпоральную, ретроспективную или вневременную сему. Впрочем, такой характеристикой обладают не все предикаты модусного типа. У некоторых предикатов этой группы корреляция с какой-то одной временной семой отсутствует, что приводит к возможности актуализации любой из темпоральных сем в речи в зависимости от условий контекста [4, с. 55].

Среди модусных предикатов выделяется группа предикатов с выраженной проспективной семой.

Это, прежде всего, предикаты воликативного типа: коммиссивного (напр., *verprechen*) и директивного (напр., *bitten*), а также некоторые предикаты эпистемической оценки (напр., *hoffen*): *Er verspricht, zu kommen*. *Er bittet ihn, zu kommen*. *Er hofft, ihn zu treffen*.

Перспективная сема может присутствовать и в семантике прилагательных (*fähig*, *bereit*, *willig*, *gewillt*, *entschlossen* и др.): *Er ist bereit, zu kommen*.

Существительные с перспективной семой в большинстве своем являются отглагольными образованиями (*erwarten* → *die Erwartung*) или образованы от прилагательных (*fähig* → *die Fähigkeit*). Впрочем, обнаруживаются и такие существительные, которые не восходят к глаголу или прилагательному, но выполняют те же функции, что глагол / прилагательное и имеют ту же дистрибуцию: *Er hat die Idee, einen Roman zu schreiben* [4, с. 96–97].

В задачи данного исследования входит анализ структур со свернутой КР, в рамках которых зависимая предикация характеризуется значением «предстоящее действие». В качестве материала для эмпирического исследования послужили номера трех периодических изданий: журнала «*Spiegel*» и газет «*Süddeutsche Zeitung*», «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*», из которых методом сплошной выборки были отобраны 168 синтаксических единиц, представляющих собой КР как инфинитивную группу, и 91 единица с КР в виде группы существительного. Следует отметить, что семантика следования значительно реже выражена в свернутой КР, чем в других, менее экономичных структурах, таких, например, как придаточные предложения с КР (486 синтаксических единиц) или в КР после модальных глаголов *sollen* и *wollen* (254 синтаксические единицы в нашем эмпирическом материале).

В последнем случае также можно говорить о КР со свернутой структурой (*Er soll/will mir morgen helfen*). Однако отношения между компонентами структуры в этом случае намного более тесные и жесткие, что обусловлено, кроме прочего, переосмыслением модальных глаголов. Особенности функционирования данных структур при передаче предстоящих событий описаны в работе [1].

Свернутая КР, передающаяся посредством инфинитива или инфинитивной группы, имеет место в простом предложении. Впрочем, предложения типа *Er versprach ihr bald zu kommen* рассматриваются в некоторых пособиях по грамматике не как простые, а как сложные предложения с «инфинитивным придаточным предложением» [6, с. 107–108], что, на наш взгляд, не вполне корректно.

При передаче косвенной речи данного типа инфинитив употребляется с приглагольной частицей *zu*. Частица является показателем инфинитива (так же как частица *to* в английском языке). Вместе с инфинитивом она вступает в синтаксические отношения с финитным глаголом (реже – с представителем другой части речи).

В подвергнутых анализу изданиях прессы свернутая КР в виде инфинитива / инфинитивной группы была использована после следующих глаголов с преимущественно перспективной семантикой: *drängen*, *beschließen*, *vorschlagen*, *hoffen*, *sich aussprechen* (für A.), *auffordern*, *vorhaben*, *vornehmen*, *planen*, *versprechen*, *empfehlen*, *raten*, *bitten*, *drohen* и некоторых других:

Überdies droht der Kongress noch, die Finanzhilfe zu stoppen [8, с. 9].

So haben die Euro-Retter beschlossen, die Gesamtverschuldung Griechenlands von aktuell mehr als 160 Prozent der Wirtschaftsleistung bis 2020 auf rund 120 Prozent zu drücken [7, с. 24].

Во всех случаях инфинитивная группа, зависящая от личной формы глагола, выполняла в предложении синтаксическую функцию дополнения.

Инфинитивная группа с перспективной семантикой встретила также после глагольно-субстантивных (*Bedenken äußern*, *Ideen ablehnen*, *das Zugeständnis abpressen*, *den Eid ablegen*, *Interesse haben*, *es gibt Überlegungen* (*Bestrebungen*)) и глагольно-адъективных сочетаний (*für möglich* (*notwendig*) *halten*, *nötig machen*, *sich bereit erklären*, *bereit sein*):

Berlin lehnt Ideen ab, die EU-Kompetenzen zu erweitern oder die Exportkontrollen zu harmonisieren [7, с. 17].

Immerhin, die Nea Dimokratia von Samaras hat sich bereit erklärt, nach einem Rücktritt Papandreou eine Übergangsregierung mit den Sozialisten einzugehen [7, с. 101].

Инфинитив, зависящий от существительных основной предикации, выполнял синтаксическую функцию атрибута, в то время как инфинитив, зависящий от глагольно-адъективных сочетаний – функцию дополнения.

В составе всех инфинитивных групп со значением следования глагол был использован в форме инфинитива I. Известно, что инфинитив I может выражать не только значение следования, но и значение одновременности. Способствовать актуализации значения «следование» может, кроме прочего, способ действия глагола, употребленного в форме инфинитива. Предельные глаголы предрасположены к выражению значения следования, непредельные глаголы также могут реализовать данное значение, но уже при поддержке контекстуальных факторов (например, лексических указателей времени типа *morgen*, *in Zukunft* и др.). Так, в следующем высказывании именно предельность инфинитивной формы способствует актуализации значения «следования»:

Deutschland denkt darüber nach, die zugesagten 15,5 Millionen Euro aufzustocken [8, с. 4].

Впрочем, в лингвистической литературе отмечается совместимость с семой «следование» не только инфинитива I, но и инфинитива II: *Sie hat vor, die alte Wohnung morgen verlassen zu haben* [9, с. 151–152].

Следует, однако, отметить, что данная точка зрения поддерживается не всеми исследователями. Так, И.Я. Харитоновна отмечает возможность сочетаемости «следования» только с инфинитивом I. Если проспективный глагол, например *hoffen*, используется с инфинитивом II (*Ich hoffe richtig gehandelt zu haben*), то он, согласно И.Я. Харитоновой, имеет в этом случае другое – неперспективное – значение (в данном случае значение *предположения*, а не значение *надежды*) Ср.: *Er hofft, sie wiederzusehen*. Но: **Er hofft, sie wiedergesehen zu haben* [4, с. 72–73].

Несмотря на то, что инфинитив II в проспективном значении в нашем эмпирическом материале не встретился, мы склонны согласиться в отношении данного вопроса с Н. Ткачук [9]. Инфинитив II может использоваться для выражения следования. Следует, впрочем, уточнить значение, реализуемое в этом случае формой инфинитива II. Речь здесь должна идти не о простом следовании, а о *завершенном* следовании. Сема завершенности обязательно присутствует в семантике инфинитива II и обуславливается причастием, являющимся частью формы. В связи с этим обстоятельством обнаруживаются и некоторые ограничения в использовании данной формы. Если предстоящее действие не мыслится как завершенное к некоторому моменту времени в будущем, оно не может быть использовано в форме инфинитива II. Специфичность семантики следования у инфинитива II обуславливает его крайне низкую частотность в данном значении.

Свернутая КР может быть представлена также существительным (с предлогом или без него) или субстантивным словосочетанием. Субстантивная группа, как и инфинитивная, представляет собой в этом случае зависимую вторичную предикацию и одновременно является самым экономичным способом передачи чужой речи.

Данный вид свернутой КР зависит от глаголов речи / мысли (*reden, fordern, drohen, verkünden, drängen, fürchten, verlangen, ankündigen, rechnen, planen, warnen, erhoffen*), большая часть которых – глаголы с проспективным значением. Степень компрессии высказывания с КР может быть различной. В отдельных случаях все высказывание укладывается в рамки одной словоформы:

Am Montagabend trat Papandreou vor die verdutzte Regierungsfraktion und kündigte ein Referendum an. [7, с. 103].

В таком случае КР называет лишь тему передаваемого сообщения (предельно сжатая форма). Однако значительно чаще чужая речь представлена в субстантивном словосочетании разной степени распространенности:

In Syrien hat der Staatspräsident Baschar al Assad (...) vor dem Kollaps der Wirtschaft gewarnt (...) [5, с. 9].

Bis 2015, schätzen Experten, wird der Markt auf über elf Milliarden Dollar anschwellen. Bayer erhofft

allein für Rivaroxaban einen Jahresumsatz von zwei Milliarden Euro [7, с. 158].

После глаголов речи и мысли существительные или словосочетания, представляющие собой свернутую КР, выполняют функцию дополнений.

Вторым по частотности компонентом, вводящим свернутую КР, является существительное отглагольного типа (напр.: *die Forderung, die Ankündigung, die Frage*):

Denn die Forderung nach einem allgemeinen Mindestlohn wirft grundsätzliche Fragen auf... [7, с. 86].

После вводящего компонента, представленного отглагольным существительным, существительные или словосочетания, представляющие собой КР, использовались в функции определения.

В редких случаях КР зависела от прилагательного в сочетании с личной формой глагола (функция дополнения):

Aber er hält auch einen Rückzug des Diktators Assad für möglich [7, с. 7].

Итак, КР может быть оформлена разными синтаксическими структурами. Наибольшая степень интегрированности КР, ее растворенности в высказывании, имеет место в рамках простого предложения. В этом случае можно говорить о свернутой КР, оформленной инфинитивом / инфинитивной группой или существительным / субстантивной группой. Данные синтаксические структуры можно считать однопорядковыми величинами, несмотря на их разную частеречную принадлежность. Об этом свидетельствует возможность трансформации инфинитивной группы в субстантивное словосочетание как на фоне зависимости от финитного глагола (*Er verspricht zu helfen* → *Er verspricht seine Hilfe*), так и на фоне зависимости от отглагольного существительного (*sein Versprechen zu helfen* → *sein Versprechen der Hilfe*). Различие между данными структурами ограничивается поверхностным уровнем и проявляется в синтаксической функции, выражаемой зависимым компонентом словосочетания (функции дополнения или определения), но оно отсутствует на глубинном уровне. Следует отметить, что значение следования в большинстве подвергнутых анализу примеров предопределяется глаголом в личной форме или его именными эквивалентами. Лишь в редких случаях за временную характеристику КР отвечает широкий контекст.

Библиографический список

1. Боднарчук Е.В. Особенности использования глаголов *sollen* и *wollen* при передаче чужой речи о предстоящих событиях // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 70–73.
2. Панин Е.И. Глаголы с таксисной семой в современном немецком языке: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 16 с.

3. Синтаксическая семантика конструкций с предикатными актантами / Т.А. Верхотурова, С.К. Воронова, Н.Г. Дудина. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 287 с.

4. Харитонова И.Я. Вопросы взаимодействия лексики и грамматики. – Киев: Вища школа, 1982. – 160 с.

5. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 23. 07. 2011.

6. Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. – Tübingen: G. Narr Verlag, 2007. – 200 s.

7. Der Spiegel. – 7.11.11. – № 45.

8. Süddeutsche Zeitung. – 23–24.07.2011.

9. Tkatschuk N. Zeit ohne Tempus: Zur temporalen Interpretation satzwertiger Infinitive im Deutschen. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2008. – 167 s.

УДК 811.111'367

Золинова Елена Вадимовна

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

evz-08@yandex.ru

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С УСЛОВНО-УСТУПИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале публицистики)

Статья посвящена особенностям условно-уступительных сложноподчиненных предложений в английском языке. В данных конструкциях условие, содержащееся в придаточном предложении, должно бы препятствовать осуществлению того, что выражается в главном предложении, но фактически не препятствует, а уступает этим фактам, т. е. является недостаточным, чтобы получить ожидаемый результат. Микрополе значения недостаточного условия, конститuentами которого являются условно-уступительные предложения, является самым малочисленным в поле уступительности английского языка. Низкая продуктивность условно-уступительных конструкций связана с особенностями их семантики – в условно-уступительных предложениях уступительное значение совмещается с условным; союз *if*, использующийся для выражения условно-уступительного значения, является основным средством связи в условных сложноподчиненных предложениях. Придаточные предложения, вводимые сочетанием союза *if* с усилительной частицей *even* – *even if* – более продуктивны, чем предложения с одиночным союзом *if*. Чтобы подчеркнуть значение несоответствия двух частей предложения, используются противительные частицы *nevertheless*, *still*. Условно-уступительные отношения в рассматриваемых предложениях в значительной мере поддерживаются соотношением форм вида и времени предикатов и наклонения глаголов. Сложноподчиненные предложения со значением недостаточного условия имеют две модальные разновидности: одна выражает реальное условие, другая – ирреальное. Характерной особенностью предложений с реальным выражением недостаточного условия является использование форм изъявительного наклонения, в то время как в предложениях ирреальной модальности сказуемое выражено формами сослагательного наклонения.

Ключевые слова: синтаксис, сложноподчиненное предложение, придаточное предложение, уступка, условие, грамматическое поле, союз.

Уступительные сложноподчиненные предложения (далее УСПП), наряду со сложноподчиненными предложениями (далее СПП) с придаточными условия и причины, входят в состав одного языкового класса – обусловленности [4, с. 170]. На наличие в уступительных предложениях двух значений – и условного, и причинного – указывают В.А. Белошапкова [3, с. 720], А.И. Хандажинская [11, с. 4], А.К. Федоров [10, с. 23]. Сам термин «уступительные предложения» обозначает, что в данных конструкциях условие или причина должны бы препятствовать осуществлению того, что выражается в главном предложении, но фактически не препятствуют, а уступают этим фактам, т. е. являются недостаточными, чтобы получить необходимый и ожидаемый результат. Это и приводит к следствию, противоположному ожидаемому [10, с. 23].

Близкой к данной точке зрения является подход А.Ф. Михалева и Н.С. Черниковой, которые, исследуя УСПП в английском языке, приходят к выводу, что особенностью обусловленности в уступитель-

ных предложениях является ее недостаточность по сравнению с предложениями причинными и условными. Придаточная часть уступительного предложения всегда выражает недостаточное основание, реальное или гипотетическое [8, с. 5–9; 12, с. 163–169].

Синтаксическая семантика как грамматическое явление существует как семантика синтаксических структур, организованная по принципу грамматического поля [2, с. 21–23]. Поле имеет центр и периферию, где «центр образуется оптимальной концентрацией всех совмещающихся в одной единице признаков. Периферия состоит из большего или меньшего числа образований разной емкости с некомплектным числом этих признаков, т. е. с отсутствием одного или нескольких из них, или при их измененной интенсивности и с факультативным наличием других признаков» [1, с. 49]. В соответствии со значением, мы выделили в поле уступительности английского языка микрополе значения недостаточной причины, микрополе значения недостаточного условия и микрополе усилительно-

уступительного значения. В наших материалах центральное положение в поле уступительности английского языка занимает микрополе значения недостаточной причины; близко к центральной зоне располагается микрополе значения недостаточного условия; на периферии находится микрополе усилительно-уступительного значения.

В данной статье мы рассмотрим УСПП со значением недостаточного условия (условно-уступительные СПП), проанализируем их продуктивность в современном английском языке, особенности употребления союза *if* для выражения значения уступки, семантические особенности данных конструкций на материале текстов публицистического стиля. Публицистический стиль совмещает в себе черты всех функциональных стилей современного русского языка и отражает все основные тенденции, свойственные русскому языку на современном этапе его развития, включая синтаксис.

В соответствии с полученными нами данными, микрополе значения недостаточного условия является самым малочисленным в поле уступительности английского языка: условно-уступительные СПП составляют 5,1% от исследованных 2500 УСПП. Количественно преобладают УСПП, являющиеся конститuentами микрополя значения недостаточной причины (71,7%) и составляющие ядро поля уступительности английского языка. Условно-уступительные СПП обладают как общим для всех уступительных конструкций категориальным значением уступки, так и дополнительными семантическими значениями, опирающимися на лексическое наполнение обеих частей предложения или типизированный контекст. Так как в условно-уступительных конструкциях уступительное значение совмещается с условным, они оказываются удаленными от центра поля уступительности и демонстрируют низкую продуктивность в английском языке.

Специфика условно-уступительных СПП, влияющая на их продуктивность, связана в первую очередь с использованием союза *if* для выражения уступительных отношений. Подчинительный союз является не только грамматическим показателем подчинительной связи, но и определяет общую семантику связи главной и придаточной части СПП, являясь одним из критериев выделения структурно-семантических типов СПП.

Среди зарубежных лингвистов нет единодушия по поводу средств связи, участвующих в выражении уступительных отношений в английском языке. Так, некоторые лингвисты считают уступительными только союзы *though* и *although* [14], использующиеся преимущественно для выражения значения недостаточной причины. В то же время Э. Крейзинга, классифицируя придаточные уступки в английском языке по их семантике, выделяет так называемые придаточные допускаемой

уступки, которые часто трудно отличить от придаточных условия, так как те и другие могут быть вводимы посредством *if* [13, с. 417–418]. Большинство современных зарубежных и отечественных лингвистов, авторов справочников и грамматик английского языка причисляют союз *if* и союзное сочетание *even if* к числу уступительных [5; 6; 7; 9; 15]. Однако тот факт, что *if*, являясь основным, ядерным подчинительным союзом для выражения условных отношений, не передает однозначно значения уступки, оказывает влияние на продуктивность условно-уступительных СПП в английском языке. В настоящей статье мы рассматриваем условно-уступительные СПП, в которых придаточное предложение вводится союзом *if* или сочетанием союза *if* с усилительной частицей *even* – *even if*. На русский язык союз (*even*) *if* можно перевести как «хотя (бы) и», «даже если (бы)».

Как было сказано выше, в условно-уступительных СПП выражается недостаточная обусловленность, т. е. недостаточное основание, вопреки которому совершается действие в главном предложении. Например: *But if Siddiq can edge victory here, she may find it harder to take her candidate-next-door approach to a national stage* (Tulip Siddiq: Fighting for Britain's most marginal seat in the shadow of tragedy. The Independent, 06 April 2015). Основание *if Siddiq can edge victory here* оказалось недостаточным, чтобы воспрепятствовать действию в главном предложении – *she may find it harder to take her candidate-next-door approach to a national stage*.

Частица *even* усиливает значение уступки. Р.А. Клоуз отмечает: «*Even if* adds an idea of contrast to an *if*-clause and implies 'under that as well as every other condition'» [7, с. 64]. Например: *Plenty of times when the NCAA investigates violations, there is opportunity for a coach to wiggle out on a technicality or lack of direct knowledge about what was going on in his program, even if common sense dictates that the head coach knew what was going on* (If anything, Jim Boeheim got off easy in Syracuse mess Dan Wolken. USA Today, 06 March 2015). *Even if they do look at every single piece of information on a label, they have a hard time prioritizing what matters the most* (Would GMO labeling requirement cost \$500 more in groceries per family a year? The Washington Post, 06 April 2015). Союзное сочетание *even if* отличается большей экспрессивностью по сравнению с *if*, употребленным одиночно, что обуславливает его более высокую продуктивность (67,9%). В последнем примере для усиления значения используется еще и вспомогательный глагол *to do* (так называемый emphatic do).

В предложениях, в которых придаточная часть вводится союзами *if* и *even if*, может быть выражена как реальная уступка – *If golf truly rewards those who best combine battling qualities with talent, the odds are in favour of that door being smashed down*

soon (Ian Poulter: 'Even if I never win a major my career has still been amazing'. The Guardian, 07 June 2014), так и ирреальная – **Even if coal were free to burn, power stations couldn't compete** (Solar has won. Even if coal were free to burn, power stations couldn't compete. The Guardian, 07 July 2014). Нереальность высказывания грамматически выражается формой сослагательного наклонения (The Subjunctive Mood).

Иногда для того, чтобы подчеркнуть недостаточность основания, препятствующего совершению действия в главном предложении, используются противительные частицы *nevertheless, still*. Например: *But even if things have improved, he nevertheless cautions against complacency* (Disablism? Simon Minty's just having a laugh. The Guardian, 10 September 2014); ... *even if you believed all that, this still would be the right thing to do* (Obama makes his sales pitch for Iran nuclear deal. The Washington Post, 06 April 2015). Противительные частицы усиливают, подчеркивают значение несоответствия, противоречия, которое лежит в основе уступительных отношений.

Не все предложения с союзом *if*, выражающие отношения противопоставления, являются уступительными. Например: *If it worked for them, it's going to work for me* (The habits behind successful, creative, productive people. The Washington Post, 03 April 2015). Здесь отсутствует значение недостаточной обусловленности: то, что сообщается в главной части предложения, не является несовместимым с тем, что сообщается в придаточной части. Содержание главной части сосуществует с содержанием придаточной части, хотя и противопоставляется ему.

Значение условно-уступительных конструкций формируется не только лексическим составом всего СПП, но и соотношением видо-временных форм глаголов-сказуемых.

В УСПП реальной модальности возможны следующие соотношения времен:

а) в большинстве случаев в наших материалах в придаточном и главном предложениях употребляется одно из настоящих времен изъявительного наклонения (Present Simple, Present Continuous, Present Perfect): *For Iranian hard-liners, this means that even if the deal is a good one, and even Iran obeys it completely, Congress reserves the right to not let the U.S. implement sanctions relief* (Will Senate Democrats really help kill an Obama nuclear deal with Iran? The Washington Post, 30 March 2015);

б) в придаточном – настоящее время (Present Simple), передающее действие в будущем, в главном – будущее время (Future Simple) изъявительного наклонения: *Sen. Chris Murphy (D-Conn), on "Meet the Press," noted that other sanctions – <...> – will remain in place even if the framework agreement is finalized* (Obama makes his sales pitch for Iran nuclear deal. The Washington Post, 06 April 2015);

в) в главном и придаточном предложениях – прошедшее время изъявительного наклонения (Past Simple): *Leaders in 1974 turned back to familiar ideas even if, in doing so, they voluntarily walked towards their own doom* (What happens if nobody wins the UK election? 1974 is a warning. The Guardian, 06 February 2015);

г) в придаточном предложении – настоящее время изъявительного наклонения, передающее действие в будущем, в главном – модальный глагол + инфинитив: *Even if there is an indictment, Menendez may not go anywhere and fight the charges* (Who might follow if Menendez leaves Senate? USA Today, 10 March 2015);

д) в придаточном предложении – настоящее время изъявительного наклонения, передающее действие в будущем, в главном – глагол в повелительном наклонении: *Even if you get to be an MP, watch out for the Neanderthals* (Emily Thornberry: 'Even if you get to be an MP, watch out for the Neanderthals'. The Guardian, 08 March 2015).

Для УСПП ирреальной модальности наиболее характерны следующие соотношения времен и наклонений:

а) сослагательное наклонение, выраженное в придаточном предложении временем Past Simple, а в главном предложении – временем Future-in-the-Past или модальным глаголом *could, might* в сочетании с инфинитивом: *Even if it violated the deal, for the next decade at least, Iran would be a minimum of a year away from acquiring enough material for a bomb* (President Obama's full remarks announcing a 'framework' for a nuclear deal with Iran. The Washington post, 03 April 2015);

б) в придаточном предложении – сослагательное наклонение, выраженное временем Past Simple, в главном предложении – настоящее или будущее время изъявительного наклонения: *Nevertheless, even if we were in more financially buoyant times, we will still be facing some long-term challenges, such as how to cope with an ageing population* (10 years time: Which charities will prosper in the next decade? The Guardian, 27 January 2014).

Во всех вышеупомянутых случаях ирреальная гипотетическая уступка относится к настоящему или будущему времени. В наших материалах отмечен только один случай, когда гипотетическая уступка относится к прошлому: *I opted for the latter. I wasn't sure I was up to the former and even if I had been, I wouldn't have wanted to take on that role* (Caring is hard – however much you love someone. The Guardian, 24 October 2013).

Итак, условно-уступительные СПП составляют самое малочисленное микрополе в поле уступительности английского языка. Семантика условно-уступительных СПП обуславливает их удаленность от центра поля уступительности и низкую продуктивность в английском языке: значение

уступки в них выражено слабо и сопровождается значением условия. Основным конституирующим признаком условно-уступительных СПП является союз (*even*) *if*. Его семантика определяет наполнение предложения и круг возможных сочетаний модально-временных планов частей УСПП.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.; Л., 1964. – 105 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
4. Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 138–175.
5. Ильин Б.А. Строй современного английского языка (на английском языке). – 2-е изд. – Л.: Просвещение, 1971. – 367 с.
6. Грамматика английского языка. Синтаксис: учеб. пособие / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. – М.: Просвещение, 1986. – 160 с.
7. Клоуз Р.А. Справочник по грамматике для изучающих английский язык: пособие для учителя

(на английском языке). – М.: Просвещение, 1979. – 352 с.

8. Михалев А.Ф. Сложные предложения с уступительным значением в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1957. – 124 с.

9. Суон М. Английский язык в современном употреблении: (на английском языке). – М.: Высш. шк., 1984. – 552 с.

10. Федоров А.К. Спорные вопросы анализа сложноподчиненных предложений уступительного типа // Исследования по семантике и структуре синтаксических единиц: межвузовский сборник статей. – Орел, 1998. – С. 21–37.

11. Хандажинская А.И. Противительные и присоединительные конструкции с союзом *хотя* (*хоть*) в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1965. – 20 с.

12. Черникова Н.С. Уступительные конструкции: отклонение от стандарта? (на материале английского языка) // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. – Вып. 3. – С. 163–169.

13. *Kruisinga E.* A Handbook of Present Day English. Part II. English Accidence and Syntax. – 5th ed. – Vol. 3. – Groningen: P. Noordhoff, 1932. – 550 p.

14. *Nesfield J.C.* English Grammar Past and Present. – L.: Macmillan, 1931. – 470 p.

15. *Thomson A.J., Martinet A.V.* A Practical English Grammar. – 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 383 p.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФИНИТНЫХ И АФИНИТНЫХ СТРУКТУР В КОМПОЗИЦИОННЫХ ЧАСТЯХ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (на материале текста немецкой газеты «Die Relation» 1609 года)

В работе предпринята попытка обоснования расположения финитных и афинитных структур в отдельных композиционных частях сложного синтаксического целого как одного из способов организации газетного текста. Для текстов более ранних периодов развития немецкого языка характерна такая организация предложений, которая входит в некое противоречие с семантическим членением сообщения. В связи с этим в качестве основной синтаксической единицы при исследовании текстов ранненововерхненемецкого периода предлагается использовать альтернативную синтаксическую единицу – сложное синтаксическое целое. Такой подход позволяет снять противоречие между структурным и семантическим членением в рамках введенной синтаксической единицы, а также использовать семантическую компоненту при объяснении некоторых грамматических явлений, таких как, например, наличие финитных и афинитных структур в границах одного сложного синтаксического целого. Так, наибольшее количество элиминаций финитного глагола отмечено в ядре, тогда как полные формы наиболее частотны в зачине и концовке. Такое расположение финитных и афинитных структур логично объясняется с точки зрения семантической организации сообщения: информация, содержащаяся в такой композиционной части сложного синтаксического целого, как ядро, представляет собой преимущественно нейтральное повествование о неких заведомо произошедших событиях, для описания которых обычно используются аналитические глагольные формы; при этом элиминация V_f меньше влияет на семантику сообщения по сравнению с зачином и концовкой.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, зачин, ядро, концовка, элементарное предложение, элиминация финитного глагола, финитные и афинитные структуры.

Одним из признаков текстов ранненововерхненемецкого периода является отсутствие взаимно однозначного соответствия между структурным и семантическим членением в рамках синтаксических единиц с границами «от точки до точки», традиционно именуемых предложениями. Это несоответствие, как правило, выпадает из поля зрения исследователей в большинстве работ по историческому синтаксису немецкого языка (см., например: [1; 2; 5; 7]). Однако обычно не учитываемая семантическая компонента в некоторых случаях способна дать ключ к объяснению ряда грамматических явлений, встречающихся в текстах этого времени.

Кроме того, противоречие между структурным и семантическим членением предложения может быть снято при принятии в качестве основной синтаксической единицы не традиционного предложения, а сложного синтаксического целого (ССЦ), под которым далее понимается всякая совокупность синтаксических единиц, объединяемых на основе смысловой их целостности, представляющая собой некое развернутое и относительно завершенное высказывание.

Рассматривая композиционно-смысловую структуру ССЦ, П.А. Лекант указывает на три основных составляющих ее элемента: 1) начало ССЦ, представляющее собой начало мысли и называемое зачином; 2) среднюю часть, где развивается мысль-микротема; 3) концовку – подведение итога в развитии микротемы, обобщение или представленную в разнообразной форме «подсказку», что развитие темы в данной ситуации завершено [4, с. 395–396].

Изучение текстов газетных корреспонденций первых десяти номеров немецкой (кельнской) га-

зеты «Die Relation» от 1609 г. [9] показывает, что композиционная структура ССЦ к моменту появления первых печатных газет является довольно рыхлой и находится на начальной стадии своего формирования. Свидетельством тому является весьма незначительное количество ССЦ, имеющих указанную трехкомпонентную структуру. Основным компонентом структуры, представленным во всех исследованных ССЦ, является ядро, состоящее в большинстве случаев из одного или двух тематических отрезков (ТО), в которых прослеживается развитие основной темы ССЦ. Зачин и концовка встречены в исследованном материале не во всех ССЦ, в связи с чем их нельзя считать постоянными структурными компонентами последних.

В изученных материалах ССЦ имеют в своем составе как финитные, так и афинитные структуры¹. Встреченные элиминации финитного глагола (V_f)² могут быть обусловлены стяжением высказывания или же более широким контекстом. В настоящей статье предпринимается попытка определения закономерности распределения финитных и афинитных структур в пределах каждого из ранее упомянутых композиционных элементов ССЦ.

Из двухсот восьмидесяти трех ССЦ анализируемого текста, образованных более чем одним элементарным предложением (ЭП)³, а значит, потенциально могущих иметь некую композиционную структуру, зачин встречен в исследованных текстах в ста восемнадцати случаях. Это число принимается далее за 100%.

Сто два раза (86,4%) в составе зачина отмечены полные формы предикатов. Из них восемьдесят шесть раз (72,8%) речь идет о зачинах, образованных единичным ЭП. Например:

(1⁴) *Seider jünst **haben** wir nichts besonders vernommen* / ... (Zeitung auß Cöln / vom 8. Jenner Anno 1609. Nr. 1), где в НП (1) представлена форма перфекта индикатива актива.

По два раза (соответственно, по 1,7%) в состав зачина входят два НП или же одно НП с зависимым от него ИО. Ср.:

(1) *Hie Lands **lest** sichs je lenger je geferlicher ansehen* / (2) *die Stende **sind** mit jüngstem bescheid vbelzufriden* / ... (Auß Wien / vom 7. Dito. Nr. 3), где зачин образован НП (1; 2);

(1) *Der Herzog von Mandragone ist noch nit von Mayland kommen* / (2) *die Posses zu Sabionetta vom Conte de Fuentes zu vbernemen* / ... (Auß Rom / vom 24. Jenner. Nr. 6) с зачином, включающим НП (1) и зависимый от него ИО (2).

В двенадцати случаях (10,2%) зачин образован как главными, так и придаточными предложениями с полными формами предикатов. Например:

(1) *Ob wol man **vermeint*** / (2) *der Stende abgesanden **würden** diser tagen mit aller vollmacht alher kommen sein* / (3) *so **sind** sie doch erst auff 16. diß zu Horn zusammen kommen* / ... (Auß Wien / vom 20. Dito. Nr. 9), где в составе зачина отмечены ПП (1; 2) и НП (3).

Элиминация V_f зафиксирована в зачине шестнадцать раз (13,6%). Из них в одиннадцати случаях (9,3%) речь идет о контекстно обусловленной элиминации. Например:

(1) *Mit vnserm Landtag ist es mit der gestalt beschaffen* / (2) *das die Stende den Punctum Religionis **berahtschlagt*** / (3) *vnd denselben irer May: **vbergeben*** / ... (Ein andere / vom 14. Februarij. Nr. 7), где наличие V_f в НП (1) позволяет элиминировать его в ПП (2; 3);

(1) *Mitt König May vnd den Evangelischen Stenden stehet es in alten Terminis*, (2) *vnd alles **vnverglichen*** / ... (Auß Wien / vom 28. Dito. Nr. 6), где V_f элиминирован в НП (2).

В трех случаях (2,5%) наблюдается элиминация V_f в результате стяжения высказывания. Например:

(1) *Es werden alhie allerlei selzamer Pasqaillen gemacht* / (2) *vnd **aufgesprengt*** / ... (Ein andere / vom 10. Dito. Nr. 7) с элиминацией повторяющегося V_f в НП (2).

Дважды зафиксированы зачины (1,7%) с элиминацией V_f обусловленной как контекстом, так и стяжением высказывания. Ср.:

(1a) *Heut nachmittag vmb 3 / Vhren / hat sich in vnser Statt Erfurt ein vnerhört vberauß groß Vnglück* / (2) *welches mit Augen nit gnugsam kan beweint werden* / (3) *deßgleichen auch nie **geschehen*** / (1b) *zugetragen* (4) *vnd **begeben*** (5) *weil Erfurd **gestanden*** / (6) *so nach folgender massen **ergangen*** (Auß Erfurd / vom 7. Februarij. Nr. 7) с контекстно обусловленной элиминацией V_f в ПП (3; 5; 6) и элиминацией V_f в результате стяжения высказывания в НП (4);

(1) *Weil verschinen Sambstag die Proposition zu diesem Böheimischen Landtag **beschehen*** / (2a) *also seind auff morgen frue alle Evangelische Stende* (3) *so Mittwochs hat sollen vorgetragen werden* / (2b) *nach Hoff in die Grün Stuben bescheiden worden* / (4) *die sollen dann den Principal vnd ersten articul / der Augspurgischen Confeßion **erörtern*** / (5) *vnd solchen hernach Kay: May: zu deren fernern Resolution verschlossen **vbergeben*** / ... (Ein andere / vom 2. Februarij. Nr. 6) с контекстно обусловленной элиминацией V_f предиката в ПП (1), а также элиминацией V_f в результате стяжения высказывания в НП (5).

Ядро, как основной компонент ССЦ, представлено во всех двухстах восьмидесяти трех рассматриваемых в настоящей статье случаях. При этом количество ТО в его составе варьирует от одного до двенадцати и равно в совокупности пятистам тридцати девяти. Далее это число принимается за 100%. По наличию vs. элиминации V_f в ЭП, которыми образованы ТО, все их можно разделить на несколько групп.

Первую группу образуют двести шестьдесят ТО (48%), в которых полные предикаты представлены во всех составляющих их ЭП. Например:

(1) *Heüt nachmittag **seind** Erzherzog Leopoldus samt dem Cronen von Sulz vnd Herrn Hagenmüller als Keyserliche abgesane von hinnen wider nach Wien **vereist*** / (2) *ihr verichtung **ist vhnbewust*** / ... (Auß Prag / vom 28. Februarij. Nr. 10), где в состав ТО входят 2 НП;

... (7) *wie dann jenseits der Tonaw etliche in deß Herrn Pergens Cur / **legen müssen*** (8) *die andern **bleiben** zu Horn* / (9) *denen **sind** 1500 Mann außer Pfalz **zukommen*** / (10) *gegen welche die Königliche biß dato nichts **anfangen können*** / (11) *dann sie grosse Correspondens mit etlichen Fürsten im Reich vnd von denselben Volck vnd Gelt genug **haben können*** (Auß Wien / vom 18. Dito. Nr. 5) с НП (8; 9) и ПП (7; 10; 11).

Вторая группа ТО образована ста девяносто девятью случаями (37 %) контекстно обусловленной элиминации V_f хотя бы в одном ЭП. Ср.:

... (7a) *auch ein Perlen Krämer* / (8) *so seinem Nachbarn zu hülf **zugelauffen list*** / (7b) ***list** vber ein Gang zu **Todt gefallen*** (Auß Wien / vom 20. Dito. Nr. 9) с реконструированным V_f в составе предикатов НП (7) и ПП (8);

... (2a) *daß die Nave Bellino mit jüngst angedeuten deß Vice Re Bastarts Sohn sampt andern Herrn / von 5. Meerräuberischen Perdonen*, (3) *dero Moren vnd Hollender **gewest*** / (2b) ***gefangen*** (3) *nach Algieri **geführt worden*** / ... (Auß Rom / vom 17. Jenner. Nr. 5) с элиминацией V_f предикатов всех ПП, образующих ТО.

В ТО третьей группы V_f элиминирован в результате стяжения высказывания. Такая ситуация зафиксирована сорок два раза (7,8%). Например:

... (4) *die sollen dann den Principal vnd ersten articul / der Augspurgischen Confeßion erörtern / (5) vnd solchen hernach Kay: May: zu deren fernern Resolution verschlossen vbergeben / (6) hernach sollen / die andern 14. Articul gemelter Confeßion verhandelt werden / ...* (Ein andere / vom 2. Februarj. Nr. 6) с элиминацией V_f в составе предиката НП (5);

... (2) *daß ihre May: auff dem Land die Religion auch verwilligen / (3a) vnd niemand auß den Stätten vnd Märckten (4) darzu zugehen / (3b) verwehren wollen / ...* (Ein andere / vom 17. Dito. Nr. 4), где V_f элиминирован в ПП (2);

В четвертую группу входят 35 (6,5%) случаев сочетания контекстно обусловленной элиминации V_f со стяжением высказывания. Например:

... (4) *als 2. Hauptleut / Namens / Suffari Michael vnd Lengick Bodisar sich dessen bey Herrn obersten Preiner / neben der Hungarischen Ritterschaft beschwerd (5) hat Herr Preiner ihnen mit scharffen Worten begegnet / (6) vnd sein Rappier halb außgezogen / (7) dahero er den Hungerischen Rechten nach / den Kopff verlohren hat / ...* (Auß Wien / vom 26. Dito. Nr. 1), где в ПП (2) элиминация контекстно обусловлена, а в НП (6) базируется на стяжении высказывания.

Наконец, пятая группа включает три ТО (0,7%), образованных ИО. Например:

... (4) *der Statt Secreten der ganzen Burgerschaft / vñ in sonderheit den Zünfften zuerkennen (5) zugeben / (6) zubesorgen ...* (Zeitung auß Cöln / vom 8. Jenner Anno 1609. Nr. 1), где ТО образован ИО (4; 5; 6).

Общее количество концовок, зафиксированных в исследованном материале, составляет сто один случай. Это число принимается далее за 100%.

В семидесяти двух случаях (71,3%) концовки образованы только ЭП с полными предикатами. Например:

... (3) *es ist alles ein auffzug / (4) sie gehen mit falschen Practicken vmb / ...* (Auß Wien / vom 26. Dito. Nr. 1) с концовкой объемом в два НП;

... (9) *ist zubesorgen (10) er tut grosse Straff (11) wird auß stehen müssen* (Ein andere vom 10. Dito. Nr. 7) с концовкой, состоящей из трех НП.

... (6) *ist also zubesorgen / (7) das man gehling zum Schwerd greiffen werde / (8) weil beide theil von ihren Pretensionen nit weichen wollen* (Auß Wien /

vom 15. Dito. Nr. 4), где концовка образована НП (6) и ПП (7; 8).

Контекстно обусловленные элиминации V_f предиката ЭП в составе концовок, отмечены двадцать три раза (22,8%). Например:

... (4) *ob nun was daran (5) vnd wer obgesiegt (6) gibt zeit* (Auß Wien vom 14. Dito. Nr. 8) с элиминацией V_f предикатов всех входящих в концовку ПП;

... (13) *ist aber wol zubesorgen / (14) die Polen werden ihm solches nit vergunnen / (15) weiln er ein Moschkawiter / (16) oder aber der König könnte ihm dagegen eine Herrschaft einraumen / (17a) welches dan viel Polen aus den Rackusanern / (18) die noch sehr schwirig / (17b) gern sehen* (Auß Crackaw vom 1. Jenner. Nr. 3) с элиминацией V_f в ПП (15; 18);

... (10) *also zubesorgen / (11) diesem Land ein merckliche straff von Gott vorhanden sey* (Auß Wien / vom 18. Dito. Nr. 5), где V_f элиминирован в НП (10);

... (9) *daran sie doch nicht schuldig* (Auß Venedig / vom 22. Dito. Nr. 5) с концовкой, образованной единственным ПП (9);

В шести случаях (5,9%) V_f элиминирован в результате стяжения высказывания. Например:

(1) *Der trew barmherzige Gott wölle vns vnnd männiglich für solchem jämmerlichen vnfall ferner Vätterlich behüten (2) vnd bewaren* (Auß Erfurd vom 7. Februarj. Nr. 8) с элиминацией V_f в НП (2).

Числовые данные о распределении всех описанных случаев полных предикатов vs. элиминаций V_f по отдельным частям ССЦ представлены в таблице.

Как видно из таблицы, в зачине и концовке ССЦ преобладают полные предикаты (соответственно, 86,5% и 71,3%), тогда как в ТО ядра явного перевеса финитных структур не наблюдается (48%). Такое соотношение финитных и афинитных структур в различных композиционных частях ССЦ можно объяснить тем, что зачин, являясь начальным компонентом, вводящим в тему конкретного ССЦ, задает не только семантический вектор сообщения, но также посредством глагольных форм и некую дополнительную информацию (например, темпоральные или локальные отношения), которой автор не может пренебречь. Концовка ССЦ содержит, как правило, оценку сообщаемого в форме авторского комментария, что подразумевает прежде всего мо-

Таблица 1
Соотношение финитных и афинитных структур в различных композиционных частях ССЦ

Композиц. части ССЦ	Полн. предикаты	Элиминации V_f			Прочие случаи	Итого
		Собств. элиминац.	Стяжение	Сочетание причин ⁶		
Зачин	102	11	3	2	-	118
%	86,5	9,3	2,5	1,7	-	100
ТО ядра	260	199	42	35	3	539
%	48	37	7,8	6,5	0,7	100
Концовка	72	23	6	-	-	101
%	71,3	28,7	-	-	-	100

дальнюю компоненту высказывания, передаваемую в том числе и финитными формами. Обнаружением этого является большая доля концовок с полными предикатами. Информация, содержащаяся в ТО как части ядра ССЦ, представляет собой преимущественно нейтральное повествование с возможными коннотациями. В рамках такого повествования о неких заведомо произошедших событиях, для описания которых обычно используются аналитические глагольные формы⁷, элиминация V_f меньше влияет на семантику сообщения по сравнению с зачином и концовкой. Этим вполне удовлетворительно объясняется достаточно большая доля элиминаций V_f именно в ТО: суммарно 51,3% контекстно обусловленных элиминаций и элиминаций в результате стяжения высказывания.

Таким образом, распределение финитных и афинитных структур в пределах ССЦ в известной мере обусловлено семантической организацией сообщений, вследствие чего наибольшее число элиминаций V_f отмечено в тематических отрезках, тогда как для зачина и концовки характерны полносоставные предикаты.

Примечания

¹ Под финитными здесь и далее понимаются такие синтаксические единицы, в которых в соответствии с их структурой представлен финитный элемент предиката. В афинитных структурах такой элемент элиминирован.

² Об элиминациях V_f в составе сказуемого см., например: [8].

³ Элементарными предложениями в настоящей работе считаются (в соответствии с определением А.Л. Зеленецкого [3, с. 129] и в связи с трансформационным подходом к предложению) простые самостоятельные предложения, части сложносочиненного предложения, главные предложения в составе сложноподчиненных предложений (НП), а также придаточные предложения (ПП), инфинитивные и причастные обороты (соответственно, ИО и ПО).

⁴ В целях оптимизации анализа перед каждым ЭП в скобках указан его номер в общей цепочке в составе ССЦ, а – в случае прерывания данного ЭП другим – отрезки прерванного ЭП обозначены дополнительно буквами.

⁵ В квадратных скобках указан реконструированный V_f .

⁶ В составе комбинированных структур отмечены как собственно элиминации, так и элиминации V_f в результате стяжения высказывания.

⁷ Об аналитических глагольных формах в немецком языке см., например: [6].

Библиографический список

1. *Балан Л.А.* Наблюдения над синтаксисом сложноподчиненного предложения с придаточным определительным в немецком литературном языке XVII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 18 с.
2. *Бурдаева Т.В.* Парадигма сложного предложения и его функционирование в научно-популярных текстах // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 7: Парадигмы в языке, литературе и науке: VII съезд Российского союза германистов, Тамбов, 19–21 ноября 2009 года.* – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 262–272.
3. *Зеленецкий А.Л.* Введение в общее и частное языкознание. Наиболее трудные темы курса. – М.: Восточная книга, 2010. – 248 с.
4. *Лекант П.А.* Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ин-тов / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др.; под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1988. – 416 с.
5. *Некрасова Т.А.* Грамматические средства выражения подчинения в немецком языке XVI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 16 с.
6. *Поленова Г.Т.* Диахроническая типология глагола „sein“ в составе немецких аналитических конструкций // *Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя: материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. К 100-летию со дня рождения.* Вып. II / отв. ред. Д.Б. Никуличева. – М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2006. – С. 156–164.
7. *Семенюк Н.Н.* Развитие сложного предложения в немецком языке XII–XVII вв. – М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2010. – 170 с.
8. *Admoni W.G.* Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich des neuhochdeutschen Satzgefüges (1470–1730). Ein Beitrag zur Geschichte des Gestaltungssystems der deutschen Sprache. Akademie-Verlag Berlin, 1980. – 365 с.
9. Dr. Walter Schöne. Die Relation des Jahres 1609. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1940. – Nr. 1–10.

**ЗАГОЛОВОК СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА
В АСПЕКТЕ МЕЖТЕКСТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ****(на материале заголовков интернет-версий изданий The Telegraph и The Guardian)**

Статья посвящена изучению заголовка современного англоязычного медиатекста, функционирующего в сети Интернет, через призму межтекстовых отношений, рассматриваемых в рамках теорий транстекстуальности / интертекстуальности. В соответствии с целями исследования определяется специфика заголовка в современных электронных печатных СМИ, разграничиваются понятия «интертекстуальность» и «транстекстуальность». Классификация межтекстовых отношений Ж. Женетта, разработанная в рамках теории транстекстуальности и детально рассмотренная в данной статье, позволяет исследовать заголовок в качестве сложного поликодового феномена: 1) с позиции его включенности в общее информационное пространство посредством использования в нем цитат (интертекстуальные отношения). Под цитатой при этом подразумевается любое включение фрагмента чужого текста в новый текст (собственно цитата, реминисценция и аллюзия); 2) в отношении структурной соотнесенности заголовка с озаглавливаемым медиатекстом (паратекстуальные отношения). Заголовок является паратекстом по отношению к озаглавливаемому медиатексту, так как находится с ним в условиях пространственной смежности, он стоит «перед» и «над» медиатекстом; 3) в аспекте критически-оценочного обращения заголовка к озаглавливаемому медиатексту (метатекстуальные отношения). Заголовок – это элемент, который имплицитно передает и комментирует информацию, эксплицитно представленную в озаглавливаемом медиатексте; 4) как корреляцию между конкретными заголовками и текстами в пространстве гипертекста (гипертекстуальные отношения). Заголовок является одним из важнейших элементов гиперссылочного аппарата, который создает единое гипертекстовое пространство медиаиздания, функционирующего в сети Интернет; 5) в ракурсе воспроизводимости текстовых образцов в серии однотипных заголовков (архитекстуальные отношения). Данный вид отношений проявляется через формально-стилистические характеристики, указывающие на принадлежность заголовка к определенному жанру медиатекста.

Ключевые слова: заголовок, транстекстуальность, интертекстуальность; интертекстуальные, паратекстуальные, метатекстуальные, гипертекстуальные, архитекстуальные отношения.

Проблемам, касающимся структурных, семантических, синтаксических, стилистических и прагматических аспектов заголовка в прессе, уделяли внимание многие исследователи (А.Н. Агапова, 2011; Ю.В. Белова, 2009; Н.М. Вахтель, 2005; Ю.В. Верещинская, 2013; И.П. Зырянова, 2010; Н.А. Кожина, 1986; Э.А. Лазарева, 1989; А.А. Лютая, 2008; А.С. Подчасов, 2001; Е.П. Черногрудова, 2003 и др.). Проанализировав различные определения заголовка, нам представляется возможным дать следующее определение: заголовок – это выделенный графически, потенциально свернутый знак текста, передающий дополнительную смысловую нагрузку, которая определяется отбором информационного материала, использованием вербальных и невербальных языковых средств. С одной стороны, заголовок – это структурный компонент, находящийся вне текста и имеющий определенную самостоятельность. С другой стороны, он является полноправным компонентом текста, связанным с остальными компонентами целостного произведения (тема, идеи, факты, действующие лица, цитаты). Заголовки в СМИ, в отличие от заголовков художественных текстов, соотносятся не только с текстом, но и внешним миром, поскольку они призваны продать свой товар – информацию.

Если говорить об электронных версиях качественной прессы, то заголовок электронного издания имеет свою специфику. По сравнению с

заголовком традиционного печатного издания он приобретает наибольшую автономность. Заголовок электронной версии газеты – это уже не столько заголовок, сколько отсылка к будущему тексту, к содержанию публикации. Если в печатных СМИ адресат может прочитать заголовок и бегло просмотреть публикацию, приблизительно поняв суть материала, то заголовок в интернет-СМИ – это единственное, что видит адресат.

Особенности заголовка и специфические черты, которые он приобретает, функционируя в интернет-СМИ, наталкивают на поиск метода исследования, который помог бы по возможности полно раскрыть суть данного явления. В этой связи теория транстекстуальности Ж. Женетта [4] представляется нам универсальным инструментом, позволяющим осознать роль и место заголовка современного медиатекста в едином текстовом пространстве, проследить разнообразие текстовых взаимосвязей, проявляющихся в заголовке, и правильно интерпретировать его смысл и интенцию автора.

Цели исследования диктуют необходимость прояснить соотношение понятий «транстекстуальность» и «интертекстуальность». В широком смысле интертекстуальность понимается как открытость текста по отношению к действительности и другим текстам, отражающая сосуществование интертекстом (интертекстов, интертекстуальных включений), или, другими словами, фрагментов

одного текста, выявленных в другом. Данного толкования придерживались такие исследователи, как Ю. Кристева и Р. Барт. Ю. Кристева писала, что «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст – это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [5, с. 167]. Р. Барт указывал на то, что «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-либо другому тексту... Текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – цитат без кавычек» [2, с. 418].

Ж. Женетт придерживается узкого подхода в определении понятия «интертекстуальность». Он рассматривает её в качестве разновидности более широкого понятия «транстекстуальность». Под транстекстуальностью понимается «всё то, что включает текст, явные и неявные отношения с другими текстами» [8, с. 54].

Лишь немногие исследователи попытались представить классификацию интертекстуальных элементов и связывающих их межтекстовых связей (П.Х. Тороп, 1981; Ж. Женетт, 1982; Н.А. Фатеева, 2006). В разработанных классификациях межтекстовые отношения рассматривались исключительно на материале художественных произведений. Мы полагаем, что классификация Ж. Женетта является эффективным инструментом, который позволяет отразить специфику отношений заголовка современной англоязычной интернет-прессы как с озаглавливаемым медиатекстом, так и с реальностью, выходящей за пределы текста.

Ж. Женетт предлагает пятичленную классификацию типов взаимодействия текстов: 1) интертекстуальность – соприкосновение в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. п.); 2) паратекстуальность – отношение текста к своему заголовку, послесловию и эпиграфу; 3) метатекстуальность – комментирующая и часто критическая ссылка на свой предмет; 4) гипертекстуальность – осмеяние и пародирование одним текстом другого; 5) архитекстуальность – жанровая связь текстов [4].

Анализ заголовка медиатекста с точки зрения теории транстекстуальности, на наш взгляд, подтверждает то, что каждый новый текст является реакцией на уже существующие тексты. В заголовке современного медиатекста можно проследить все типы межтекстовых отношений, указанные в классификации Ж. Женетта. Остановимся более подробно на каждом из вышеупомянутых типов межтекстовых отношений.

Интертекстуальные отношения проявляются через присутствие в заголовке «чужих» текстов (аллюзий, цитат, реминисценций и т. д.), то есть основываются на факте повторения того, что было сказано или написано ранее. Этот вид межтекстовых отношений является наиболее изученным – он рассматривался в работах, посвященных современным медиатекстам и их заголовкам (И.Л. Абанина,

И.В. Алещанова, Э.М. Аникина, М.Е. Засорина, И.П. Зырянова, Д.А. Миронова и др.).

Цитата является одним из наиболее распространенных приемов проявления интертекстуальных отношений. Цитата может рассматриваться как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле некоторые авторы включают в это понятие любое использование фрагмента чужого текста в новом тексте (собственно цитату как дословное воспроизведение элементов чужого текста, реминисценцию, парафразу, аллюзию). В узком смысле цитата – это в точности воспроизводимые слова или дословная выдержка из какого-либо текста, часто требующие обязательной ссылки на авторство.

В нашей статье мы придерживаемся широкого подхода и включаем в понятие цитаты следующее: собственно цитаты, реминисценции (фрагменты чужого текста, в некоторых случаях несколько видоизменённые, использующиеся в новом тексте без указания на его авторство и название) и аллюзии (намеки на какой-либо общеизвестный текст, явление, событие). Частотность употребления разного вида цитат в заголовках объясняется тем, что «заголовок играет роль медиатора между озаглавливаемым текстом, совокупностью предшествующих текстов, формирующих вертикальный контекст произведения, и человеком (его эмоционально-ценностной сферой, опытом и объемом имеющихся у него фоновых знаний)» [3, с. 58].

В ходе анализа было выявлено три основных типа представления собственно цитаты в заголовке: 1) заголовки, в которых первая часть содержит имя героя статьи, а вторая – его высказывание: *Hammond: 'I suffered from impossible arrogance' (The Tel., 22/12/2014)*; 2) заголовки, целиком представляющие собой цитату без указания авторства, обособленную в заголовке кавычками: *'These portraits of MPs will be pieces of history' (The Tel., 14/01/2014)*; 3) заголовки, в которых без ссылки на авторство цитируются лишь отдельные фразы, эпитеты, меткие выражения, выделяемые в тексте заголовка кавычками: *Desert 'death map' aims to save lives of Mexican migrants (The Guard., 01/06/2013)*.

В заголовках часто используются аллюзии на прецедентные феномены: 1) *The Joy of Six: the baseball managers have gone wild (The Guard., 22/04/2015)* – аллюзия на британский фильм 2012 года *The Joy of Six*; 2) *How Harry Potter saved one small Highland town's economy (The Tel., 07/06/2014)*; 3) *Paddington: bearing all (The Tel., 19/11/2014)* – аллюзия на имя медвежонка, героя популярной книги английского писателя Майкла Бонда.

Реминисценции или фрагменты чужого текста, в некоторых случаях несколько видоизменённые, используются в заголовке не столь часто, но являются прекрасным средством, повышающим выразительность заголовка: *My name is Richard and I am an addict – an Apple addict (The Tel., 10/09/2014)* –

в заголовке присутствует измененная, но вполне узнаваемая фраза, произносимая членами групп, страдающих от зависимости того или иного рода (алкоголизм, наркомания и т. п.).

В составе заголовка цитаты чаще всего претерпевают структурные трансформации: 1) сокращение компонентного состава: заголовок *Health, not wealth* (*The Tel.*, 17/10/2014) является сокращенной версией английской пословицы *Health is above wealth*; заголовок *Dust to dust* (*The Tel.*, 05/01/2014) представляет собой фразу из молитвы «*Earth to earth, ashes to ashes, dust to dust...*», содержащейся в «Книге общей молитвы» (официальный молитвенник и требник Церкви Англии, а также англиканских церквей в ряде других стран); 2) расширение компонентного состава: заголовок *Money makes Bernie Ecclestone's Formula One world go round* (*The Tel.*, 08/08/2014) представляет собой обыгрывание знаменитой пословицы *Money makes the world go round*; в заголовке *In war and peace, Britain can be proud* (*The Tel.*, 04/08/2014) цитируется название широко известного прецедентного текста «Война и Мир»; 3) замена слов-компонентов: в заголовке *Honesty in sentencing policy is long overdue* (*The Tel.*, 08/05/2014), несмотря на замену слов-компонентов, угадывается пословица *Honesty is the best policy*; в заголовке *After the rains, time to fire your bricks* (*The Guard.*, 18/06/2013) угадывается цитата из Ветхого завета, книги Экклезиаста 3:2–8, которая на английском языке звучит следующим образом: ... *a time to be born and time to die, a time to plant and time to uproot, a time to kill and a time to heal...*

Использование цитаты в заголовке всегда связано с её ассоциативным потенциалом, который позволяет создать эффект образности, эмоциональности и оценочности, который всегда способствует реализации воздействующей функции. Заголовок, содержащий отсылку к чужому тексту, несомненно, всегда привлекает внимание читателя, побуждая к прочтению материала, стоящего за ним.

Паратекстуальные отношения – это формальные отношения заголовка и озаглавливаемого медиатекста, основанные на условиях пространственной смежности этих двух элементов. Они являются самыми очевидными во взаимосвязи заголовка и озаглавливаемого медиатекста.

Обобщив толкования термина «паратекст», Т.В. Шмелева отмечает, что этот термин означает все то, что окружает текст, предвывая его, следуя за ним, иногда вторгаясь в его ткань [11, с. 145]. В литературоведении для обозначения подобного рода отношений в тексте используется термин «рама».

Заголовок является паратекстом по отношению к озаглавливаемому медиатексту, так как находится с ним в условиях пространственной смежности, он стоит «перед» и «над» текстом. Чтение любого медиатекста в сети Интернет начинается с заго-

ловка. В сфере интернет-коммуникации заголовок приобретает особую значимость, поскольку заголовки – это единственное, что видит читатель, от него зависит вероятность прочтения того или иного медиатекста. Можно сказать, что современный читатель может не читать медиатекстов, знакомясь лишь с их паратекстами (заголовками), получая при этом всю необходимую информацию.

Некоторые исследователи рассматривают собственно заголовок и подзаголовок в качестве отдельных паратекстуальных элементов текста, другие – в качестве элементов, образующих единое целое, именуемое заголовочным комплексом. Следует отметить, что, будучи паратекстуальными элементами, как заголовок, так и подзаголовок (независимо от той или иной точки зрения) увеличивают свой удельный вес в притекстовом пространстве за счет того, что названные элементы всегда набираются шрифтами большими и отличными как друг от друга, так и от озаглавливаемых медиатекстов. Заголовки электронного медиаиздания, являясь элементами паратекста, также являются стилиобразующими компонентами, формирующими имидж того или иного издания.

Метатекстуальные отношения – это не формальные, а содержательные отношения, проявляющиеся в том, что заголовок зачастую является комментирующей ссылкой к озаглавливаемому медиатексту. В рамках этих отношений заголовки медиатекста можно рассматривать в качестве элемента, который имплицитно передает и комментирует информацию, эксплицитно представленную в озаглавливаемом медиатексте. П.Х. Тороп предлагает считать любой акт соотнесения текстовых элементов метакоммуникацией, в процессе которой создаются метатексты. Первичный текст выступает в качестве прототекста, на основе которого создается новый текст – метатекст. «Текст, представленный какой-либо своей частью в другом тексте, становится тем самым описывающим текстом, метатекстом» [10, с. 39].

Заголовок в рамках метатекстуальных отношений можно определить как «текст о тексте». В нем находят свое отражение, актуализируются разные элементы и аспекты содержания озаглавливаемого медиатекста. А.Н. Агапова отмечает, что «текст служит той речевой единицей, с помощью которой раскрывается содержание определенной темы или идеи путем последовательного развертывания тематического ядра, в качестве которого выступает заголовок» [1, с. 29].

Одной из функций заголовка является обобщающее указание на информацию, содержащуюся в озаглавливаемом медиатексте. По степени информативности К.С. Муртада подразделяет заголовки на содержательно-фактуальные и содержательно-концептуальные [7]. Первые – эксплицируют тему текста и отражают содержание статьи, например:

Migrant death attempting to reach Europe и *Migrants rescued from rubber dinghies* (The Tel., 22/04/2015); вторые – передают идею текста и выражают отношение автора к описанным в тексте фактам, например: *How Australia's migrant policy works - and is it transferable to the Mediterranean?* и *Why the Mediterranean death toll is surging* (The Tel., 22/04/2015).

В соответствии с классификацией Э.А. Лазаревой, заголовок может отражать один или несколько элементов смысловой структуры текста: 1) тему публикации; 2) один из тезисов; 3) вывод автора (аналитическую оценку ситуации); 4) иллюстрации к тезисам и/или общий фон к цели сообщения [6, с. 28].

Таким образом, учитывая особенности организации текстов в сети Интернет, заголовок – это отсылка к содержанию озаглавливаемого медиатекста. Его целью является передача определенного содержания, которое обусловлено замыслом журналиста. Заголовок может представлять собой как тему, так и идею (вывод об объекте описания, мотив, по которому был сделан этот вывод, или оценку сообщаемого).

Гипертекстуальные отношения – отношения, в которых прослеживается нелинейная соотносительность заголовка с другими заголовками и элементами в рамках гипертекста качественного печатного интернет-издания. Обобщая всё многообразие определений термина «гипертекст», при переносе в сферу печатных электронных средств массовой информации, его можно определить как нелинейно организованную, иерархически связанную систему текстов, которая одновременно составляет единство и множество текстов, а также целостный текст, содержащий смыслы, раскрывающиеся посредством произвольной актуализации связей с другими текстами; при этом читателю дается возможность самостоятельно выбирать путь чтения материала, представленного в едином гипертекстовом пространстве электронного качественного издания. Для гипертекста характерна особая структура организации своей системы: в виде отдельных частей, между которыми устанавливаются перекрестные связи – гипертекстовые ссылки.

Заголовок является одним из важнейших элементов гиперссылочного аппарата, который порождает единое гипертекстовое пространство медиатекста, функционирующего в сети Интернет. При помощи заголовков-гиперссылок организуется структура интернет-издания, то есть именно по заголовкам читатель ориентируется в пространстве гипертекста электронного издания. Кроме того, заголовки являются одним из инструментов, обеспечивающих функциональность или навигацию в гипертексте.

Заголовок приобретает особую актуальность в сфере интернет-коммуникации еще и потому, что

процесс чтения сетевых СМИ значительно отличается от чтения традиционной печатной прессы: гипертекст, как правило, не читают, а просматривают. Это объясняется двумя факторами [9, с. 271]: 1) гипертекстовым характером среды и огромными массивами информации, в которой заголовки-гиперссылки служат своего рода маяками, позволяющими выбрать необходимую информацию из всего бесконечного многообразия материала, представленного гипертекстом издания; 2) проблемами визуального восприятия информации в сети Интернет. Известно, что чтение материала с экрана монитора происходит на 25% медленнее, чем чтение текста в печатных СМИ, поэтому люди избегают чтения большого объема текста с экрана монитора. Этим объясняется тот факт, что при просмотре материала, представленного на странице интернет-издания, читатели сначала обращают внимание на заголовки, не читая описания, которое может быть представлено подзаголовком, а иногда и вовсе отсутствует. Текст заголовка-гиперссылки должен быть самодостаточным и раскрывать тему, передавая содержание материала, представляя собой краткую выдержку из него. Синтаксическая структура заголовка, выступающего в роли гиперссылки, чаще всего проста, так как запутанная синтаксическая структура и сложные слова трудны для восприятия с экрана монитора.

Анализ практического материала показал, что внутри гипертекстового пространства электронного медиатекста заголовок-гиперссылка проследивает следующие типы связей: 1) заголовок – озаглавливаемый медиатекст; 2) заголовок – другие заголовки; 3) заголовок – остальные тексты, составляющие гипертекст печатного издания (фотографии, видеоматериалы, комментарии к статьям).

Функционируя в качестве гиперссылок, газетные заголовки в зависимости от места расположения могут быть межтекстовыми и внутритекстовыми. Межтекстовые заголовки располагаются на странице гипертекста интернет-издания и позволяют осуществлять навигацию до того, как читатель обратится к заинтересовавшей его статье, активировав заголовок-гиперссылку. Внутритекстовые заголовки-гиперссылки располагаются внутри самого медиатекста, предоставляя читателю возможность найти дополнительный материал, связанный с темой статьи или ключевыми словами, содержащимися в ней.

Итак, заголовок-гиперссылка является тем звеном, которое технически и семантически связывает исходный элемент гипертекста, например страницу интернет-издания, с объектом назначения или с тем, что открывается при активации ссылки, например текст, картинка, аудио- и видеоматериалы.

Архитекстуальные отношения – это отношения, в которых прослеживаются жанровая взаимосвязь заголовка и озаглавливаемого медиатек-

ста. Архитекстуальные отношения проявляются через формально-стилистические характеристики, указывающие на принадлежность заголовка к определенному жанру медиатекста.

В ходе исследования литературы, посвященной заголовкам, функционирующим в рамках публицистического стиля, было выяснено, что многие исследователи отмечают зависимость заголовка от жанра озаглавливаемого медиатекста (А. Бессонов, 1958; Максимов, 1970, О.И. Богословская, 1987; А.В. Фатина, 2005 и др.), хотя она и не является абсолютной.

Для сферы массовой коммуникации традиционным является понимание жанра как разновидности функционального стиля, в нашем случае публицистического. Исследователи выделяют разное количество групп, объединяемых и признаваемых в качестве газетных жанров. Однако в основном выделяется три группы жанров, функционирующих в сфере массовой коммуникации: информационные, аналитические и художественно-публицистические (В.И. Коньков, З.С. Смелкова, А.А. Тертычный, А.В. Фатина). При этом внутри каждого жанра наблюдается различная мера проявления двух важных функций – информативной и воздействующей. В информационном жанре, с которым традиционно соотносится новостной медиатекст, главная цель – оперативно и, по возможности, объективно сообщить о факте, событии или явлении; в аналитическом жанре, соотносимом с понятием информационно-аналитического медиатекста, факты, события и явления подвергаются анализу, комментарию; в художественно-публицистическом жанре, к которому, в соответствии с классификацией Т.Г. Добросклонской, относятся тексты группы features, факт или событие как таковое отходит на второй план, определяющим становится авторское впечатление и нередко читательский интерес к факту, явлению или событию, которому дается образная трактовка.

Для иллюстрации сравним заголовки статей, относящихся к трем основным типам медиатекста, которые посвящены выступлениям населения против строительства дороги между городами Бексхилл и Гастингс в Англии: *Hastings-Bexhill link road construction protest (The Tel., 06/01/2013)* – новостной медиатекст; *Why we need Bexhill-to-Hastings road (The Tel., 30/01/2013)* – информационно-аналитический медиатекст; *The battle for Hastings – and beyond (The Tel., Jan. 23-29, 2013)* – медиатекст группы features.

Очевидно, что степень информативности заголовков, приведенных в качестве иллюстрации, различна. Самым информативным является заголовок новостной статьи: из него сразу становится понят-

но, что происходит, где происходит и в связи с чем. Степень информативности заголовка информационно-аналитической статьи ниже, чем у новостного заголовка, он настраивает на анализ ситуации и заставляет задуматься, зачем все это нужно. Заголовок features-статьи, ориентированный в большей степени на воздействие, а не на информативность, лишь косвенно указывает на её содержание, его смысл может быть понят только после прочтения текста статьи. Анализ практического материала свидетельствует о том, что заголовок, являясь сильным элементом медиатекста, в максимальной степени реализует ту функцию, которая является доминирующей в том или ином типе медиатекста, тем самым проявляется жанровая связь заголовка и озаглавливаемого медиатекста.

Подводя общий итог, следует отметить, что теория транстекстуальности, основанная на анализе межтекстовых отношений, оказывается эффективным инструментом исследования содержательно-смысловой, структурно-композиционной и знаковой специфики заголовков современных медиатекстов.

Библиографический список

1. Агапова А.Н. Заголовок в современной русской прессе: эпистемический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 185 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Васильева Т.В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте: на материале современного американского рассказа: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 246 с.
4. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. – М.: Науч. мир, 1982. – 467 с.
5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
6. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2004. – 86 с.
7. Муртада К.С. Заголовок-вопрос на газетной полосе: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 141 с.
8. Пьего-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
9. Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
10. Топон П.Х. Проблема интекста // Учен. зап. Тарту, 1981. – Вып. 567. – С. 33–45. (Тр. по знаковым системам. Т. 14. Текст в тексте).
11. Шмелева Т.В. Паратекст медийного текста // Структурно-семантические параметры языка и речи: сб. науч. статей / отв. ред. О.М. Чупашева. – Мурманск, 2009. – С. 145–149.

НАИМЕНОВАНИЯ ПОДВИЖНЫХ ИГР В ЯЗЫКОВОМ МИРЕ АНГЛИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА

Статья посвящена лингвистическому анализу наименований подвижных игр в языковом мире английских школьников. Подвижные игры являются неотъемлемой частью времяпрепровождения английского школьника. Корпус исследовательского материала составили 34 наименования английских подвижных игр. Структурные модели наименований игр разделяются на односоставные, двусоставные и многосоставные. Иконическая функция названий отражена в семантике наименований английских подвижных игр. Согласно проведенному структурно-семантическому анализу данных наименований, было выделено восемь групп: 1) наименование содержит указание на характер действия; 2) наименование содержит указание на движение и игровой предмет; 3) в наименовании отражены части тела, посредством которых игрок воздействует на игровой предмет; 4) наименование построено по модели «игровой инвентарь + игровой предмет»; 5) наименование содержит указание на траекторию движения игрока на игровом поле; 6) в наименовании эксплицирован материал игрового предмета; 7) наименование игры является названием игрового предмета на основе метонимического переноса; 8) наименования включают метафорические переосмысления, в том числе этнокультурные реалии. По семантическому принципу различают наименования игр, имеющие прозрачную мотивировку («первичная» номинация) и наименования, с косвенным указанием на игровую ситуацию или ее объекты («вторичная» номинация). Как правило, в последнем случае речь идет о метафорическом или метонимическом переосмыслении значения. Все наименования игр относятся к культурным реалиям, что подтверждается их использованием в качестве прецедентных.

Ключевые слова: языковой мир, наименование, подвижная игра, движение, игровой инструмент, культура, реалия.

Языковой мир является неотъемлемой частью мира ребенка. К языковому миру ребенка относится в первую очередь язык, используемый в коммуникации, анализ которого невозможен без учета экстралингвистических факторов коммуникативного пространства. Таким образом, языковой мир ребенка следует рассматривать как дискурс. Языковой мир ребенка составляют: «1) язык (форма, содержание, классы слов); 2) коммуникация (игра, фольклор, где реализуются интеракции взрослый – ребенок, ребенок – ребенок); 3) текст (восприятие текста (литература, телевидение, кино), производство текста (дети-писатели, дети-рассказчики)» [1, с. 41]. Все три компонента, по мнению И.П. Амзараковой, реализуются во взаимодействии под воздействием психофизиологических и когнитивных факторов, определяющих развитие ребенка. Как видим, игра тесно связана с коммуникацией.

Игра является стержневой деятельностью ребенка на протяжении всего детского возраста, меняя свою форму и характер. В то время как детская игра остается предметом активного изучения антропологов и этнографов, психологов и педагогов, этологов, она недостаточно изучена лингвистами. До недавнего времени исследователи не заостряли особого внимания на языковом аспекте детской игры. Этнолингвистические исследования детской игры были направлены в первую очередь на описание и изучение детского игрового фольклора (В.П. Аникин, Г.С. Виноградов, О.И. Капица, М.Н. Мельников, R. Ford, I. & P. Opie, B. Sutton-Smith и др.). Однако лингвистический аспект детской игровой коммуникации состоит не только из фольклорных жанров (жеребьевки, считалки,

речевки). И.П. Амзаракова отмечает, что «игру обслуживает целый пласт специальной лексики и стереотипных фраз, которые представляют собой своеобразный метаязык игры» [1, с. 144]. К нему относятся наименования игр, элементы хода игры, клише и фразы, характеризующие этапы игры (зачин, ход, завершение).

Предметом нашего исследования стали подвижные игры, в основе которых всегда лежит агональный аспект (сопоставительность, конкуренция). Корпус представленного исследовательского материала был составлен по выборке из сайтов открытого доступа, посвященных детским играм, лексикографических источников и художественных англоязычных текстов, а также пилотного анкетирования английских школьников. Анализу были подвергнуты 34 наименования английских подвижных игр.

Характер и специфика английских игр отражены, как правило, в самом названии. Имя игры дает представление о ее характере. Структура наименований отвечает требованиям к имени собственному: она компактна, лаконична, состоит из одного (*golf*, *tag*) или двух компонентов (*British bulldog*, *Cats and mice*), изредка бывает многокомпонентной (*Stuck in the mud*). Однословные названия часто представляют собой композит (*volleyball*, *handball*). Иконическая функция названий отражена, как правило, в семантике данных наименований. На основании структурно-семантического анализа названий подвижных игр английских подростков было выделено восемь групп наименований:

1. Наименования содержат указание на характер действия (*squash*, *tag*, *skipping*, *tennis*, *hopscotch*, *hide and seek*), реализующийся в номинации по-

средством разнообразных средств выражения. Так, В.Г. Гак выделяет такие средства номинации действия в речи, как личная форма глаголов; глаголы, образованные от существительных и других частей речи; отглагольные существительные; не связанные с глаголом части речи, выражающие предикативность самостоятельно (междометие: *на!* (= возьми!)) [4, с. 448–449]. *Squash* – «to squash (to push or fit into a space, esp. with difficulty)» [14, p. 1023]. *Tag* – to tag («to go with someone by following closely behind») [14, p. 1077]. *Skipping* – «to skip (to move in a light dancing way, with quick steps and jumps)» [14, p. 986]. *Squash* (сквош) – «a game played in a four-walled court by usually two people with rackets (smaller than for tennis) and a small rather soft rubber ball» [14, p. 1022]. Можно предположить, что свое название игра получила из-за ограниченности игрового пространства, в котором участники должны разместиться. Название игры *Tag* передается на русский язык эквивалентами: салки, пятнашки, ловитки, ловишки, ляпки, клецки, сало [12]. Игра имеет также иное наименование – «*It*». «Голящий» («*It*») должен догнать (to tag) одного из участников, после чего тот становится «голящим» и т. д. Популярен вариант игры, когда «голящий» целует свою «жертву». В английском языке личное местоимение *It* обозначает неодушевленный предмет или животное. Можно предположить, что данное наименование голящего указывает на его особенность и отличие от других игроков. Ср.: «You are “it”, so you run around the playground until you “tag” someone making them “it”. And so on. Kiss chase is one popular variation, where the act of tagging involves kissing your victim» [13].

Общее название игры на скакалке – *Skipping*, от глагола *to skip* (скакать, прыгать). Эта игра наряду с игрой в салки (*Tag*) и в классики (*Hopscotch*) сопровождает детей от дошкольного и младшего школьного возраста (5–7 лет) до раннего подросткового (11–12 лет). Прыжки на скакалке представлены разными вариантами, названия которых построены на редупликации и аллитерации (*Can-Can*, *Double-Dutch*). В первом случае дети прыгают на левой ноге, подняв правое колено, для второго варианта игры необходимы две скакалки и большее количество участников. Ритмичность игры способствует тому, что дети сопровождают игру считалками, песенками-скандировками [15].

Привычное для нас название игры в теннис – «*Tennis*» – также мотивировано движением: оно произошло от французского глагола в форме повелительного наклонения, употребляющегося при броске мяча: *tenez!* (буквальное значение – «держи!») [18].

В некоторых наименованиях игр движение эксплицируется двумя глаголами – либо в составе сложного слова (*Hopscotch*), либо в составе словосочетания (*Hide and seek*). В любом случае ис-

пользование глаголов мотивировано характером и типом игры. Название игры в классики помимо указания на движение («To hop – to jump on one leg» [14, p. 504] – прыгать, скакать на одной ноге) содержит указание на действие мелкой моторики («To scotch – to scratch, from the lines scored in the dirt to make the squares for the game» [17] – царапать линии-отметки на грунте, чтобы обозначить квадраты для игры). Ср.: «Hopscotch – a children’s game in which a marker (a stone or coin) is thrown into a numbered squares and each child hops and jumps from one to another» [14, p. 504]. В данной игре участники бросают камешек или монетку на пронумерованные квадраты, затем каждый игрок прыгает (на одной ноге или двух) от одного квадрата к другому. Название игры имеет региональные варианты. Так, в графстве Йоркшир её именуют «*Hop-Scotch*» или «*Scotch-Hoppers*», в графстве Суффолк – «*Scotch Hobbies or Hobby*», на севере Британии игра известна как «*Peevers, Peeverels, and Pabats*» [17]. В названии игры в прятки движение имплицировано наименованием двух действий – прятаться и искать: *Hide and seek* – «a children’s game in which some hide and others search for them» [14, p. 493].

2. Наименования содержат указание на движение и игровой предмет (*dodgeball*, *kickball*, *volleyball*). Наряду с подвижными играми без предметов существуют игры с игровыми предметами, инвентарем. В наименованиях данной группы игр содержится указание на «движение + игровой предмет»: *Dodgeball* – (вышибалы). «A game in which players on one team try to eliminate players on another by hitting them with an inflated ball. To dodge – to avoid (something) by moving suddenly aside» [14, p. 301]. Семантика наименования игры указывает на основное действие игроков (уклониться от мяча). *Kickball* – «a children’s playground game, similar to baseball, in which a large inflated ball, as a soccer ball, is kicked instead of being batted» [17]. To kick – «to strike with the foot» [15, p. 474]. При сходстве этой игры с бейсболом, отличие заключается в характере воздействия игроков на мяч (*kick* / пинать), а также в особенностях игрового предмета. *Volleyball* – «to volley (to hit or kick (a ball) before it has hit the ground)» [14, p. 1178]. Семантика лексемы движения (*volley*) эксплицирует принципиальное действие игроков (ударить по мячу, не позволяя ему упасть).

Движение не всегда эксплицируется в названии подвижной игры. Прагматически более важным в ряде игр оказывается указание на инвентарь, предмет игры, материал, из которого он изготовлен и т. п. Достаточно большое количество наименований, входящих в три следующие группы, выделенные нами, не содержат указание на движение:

3. В наименованиях отражены части тела, посредством которых игрок воздействует на игровой предмет (*football*, *handball*). *Football* – «a game that is played between two teams of 11 players using

a round ball that is kicked but not handled» [14, p. 399]. «To kick – to strike with the foot» [14, p. 574]. В Британии эта игра известна также под названием *soccer*. Это наименование появилось в 1895 году как университетский сленг, образованный от укороченной формы *Assoc.* (аббревиатура слова *association* в словосочетании *Football Association*) и суффикса *-er*, то есть путем перестановки слогов по типу метатезы. Как считают авторы словаря, образование нового слова из первых трех букв от *Assoc.* вызвало бы негативные ассоциации [18]. *Handball* – «a game, similar to squash, played by two or four persons who strike a small ball against a wall or walls with the hand» [17]. Таким образом, в наименовании заложено основное правило игры: в футболе игрокам следует бить по мячу стопой (*foot*), а в гандболе – ладонью (*hand*).

4. Наименования построены по модели «игровой инвентарь + игровой предмет» (*racquetball*, *basketball*). *Racquetball* – «a game played in a four-walled court by two or four people following the rules of handball but using a short-handled racket» [14, p. 855]. Участники (два или четыре) играют на четырехстенном корте по правилам гандбола, но используют ракетки с короткими ручками. Наименование игры содержит указание на игровой инструмент (*racket*), с помощью которого участники оказывают действие на мяч (*ball*). *Basketball* – «an indoor game between two teams of usually five players, in which each team tries to throw a large ball through the other team's basket» [16, p. 74]. Главная задача игроков в баскетбол заключается в том, чтобы забросить мяч в корзину команды-соперника. Название игры содержит лексему, обозначающую игровой инвентарь (*basket*), в который участники стремятся забросить игровой предмет (*ball*).

5. Наименования содержат указание на траекторию движения игрока на игровом поле (*rounders*, *baseball*). При этом может называться и игровой предмет: *Rounders* (английская лапта) – a British ballgame like baseball, usually played by children, in which a player hits the ball and then runs round the edge of a square area [14, p. 911]. Игра имеет сходство с бейсболом, однако принципиальное отличие заключается в том, что после подачи мяча участник должен пробежать вокруг (*round*) края поля, что находит отражение в наименовании игры. *Baseball* – «a game played with a bat and ball between two teams of nine players each, on a large field which has four bases which a player must touch in order to make a run» [16, p. 53]. Дефиниция игры указывает на особое место игрового поля (*base*), которого должен коснуться игрок. В отличие от предыдущего наименования подвижной игры, это название включает указание как на место действия игроков, так и на игровой предмет.

6. В наименованиях эксплицирован материал игрового предмета (*conkers*, *marbles*). *Conkers* –

традиционная детская игра в Британии, в которую играют, используя семена конского каштана, которые называются «*conker*». Играют два участника, у каждого на резинке семя каштана. По очереди они ударяют своим каштаном по каштану соперника, пока каштан не сломается. *Marbles* – детская игра с низкой подвижностью, но с хорошей координацией руки и глазомером. *Marbles* – маленькие, твердые шарики, сделанные из стекла, стали, обожженной глины или даже оникса. Цель игры – катать или бросать свои шарики в шарики соперника таким образом, чтоб сместить шарики оппонента из игровой зоны и, следовательно, их выиграть. Можно предположить, что в данном наименовании игры лексема «*marbles*» употребляется в переносном значении, указывая на характеристику игрового предмета (крепкий, твердый, как мрамор);

7. Наименования игр содержат название игрового предмета, этимология которого свидетельствует о метонимическом переносе значения. Так, игры *golf*, *cricket* связаны с игровыми предметами, обозначающими клюшку, биты. Предполагается, что слово «*golf*» могло произойти от голландского «*kolf*» (клюшка, палка) либо от шотландского слова «*goulf*» (ударить). Согласно этимологическим данным, слово «*cricket*» могло произойти от древнефранцузского «*croquet*» (палка, столб) либо от среднеголландского «*cricke*» (палка, носок) [18]. Сегодня этимологическое значение этих слов не осознается носителями английского языка, и можно говорить либо о многозначности, либо об омонимии этих слов.

Существуют единичные случаи, когда название игры связано с неординарным событием, запечатленным в истории. В нашем корпусе примером окказионального наименования является название игры *rugby*. *Rugby* (регби) – «type of football, 1864, after Rugby, public school where the game was played, from city of Rugby in Warwickshire, central England» [18]. По поводу этой игры существует легенда, связывающая название с географическим местом, в котором появился этот тип игры с мячом¹.

8. Наименования включают метафорические переосмысления, в том числе этнокультурные реалии («*Cats and mice*», «*Hare and hounds*», «*British Bulldog*», «*What's time, Mr. Wolf?*», «*London Bridge*», «*Stuck in the mud*», *leapfrog*). Сюда относятся названия детских игр с зооморфной лексикой, с реалиями, клише и стереотипами, связанными с культурой англоязычных стран. Характерной чертой детского возраста является близость к природе, внимание к животным и их поведению. Поэтому не случайно в подвижных играх детей, особенно детей раннего подросткового возраста, встречаются названия животных. Это такие игры, как, «*Cats and mice*», «*Hare and hounds*», «*British Bulldog*», «*What's time, Mr. Wolf?*». Заметим, что зооморфные лексемы в наименованиях этих игр входят в состав

словосочетаний и предложений. Следует отметить, что при кажущемся сходстве с некоторыми подвижными играми других народов английские игры имеют свои отличия и специфику, требующие фоновых знаний. Так, например, игра «*Cats and mice*» похожа на русскую «Кот и мыши», однако является командной игрой. Для игры необходимы две команды (коты и мыши). Площадку делят на три части: домик котов, домик мышей и место для прогулок. По команде ведущего «*Cats go home!*» коты уходят в домик, а мыши гуляют на «нейтральной» территории. По команде «*Cats come out & catch mice!*» коты ловят мышей, а мыши убегают. Игра «*Hare and hounds*» имеет сходство с эстонской народной игрой «пейде» («Зайцы и собаки»), но отличается динамикой и игровым инвентарем. В английской игре дети делятся на две команды: «*Hares*» (Зайцы) и «*Hounds*» (Гончие). Зайцы убегают на далекое расстояние, разбрасывая мелкие кусочки бумаги, которые называются «*scents*» (запах, след). Задача гончих – догнать зайцев по следу. Игра имеет и иное название – «*paper chase*» (бумажная охота) [16, p. 646]. В эстонской игре дети делятся на три группы: зайцы, собаки и охотники. Зайцы сначала прячутся в кустах, собаки их ищут, лают и гонят к охотникам. Охотники кидают в зайцев мячи или снежки (зимой) [10]. Наименование игры «*What's the time, Mr. Wolf?*» («Сколько времени, мистер Волк?») представлено коммуникативным клише. *Mr.* – (Мистер) является английской реалией. Игра напоминает русскую игру «Гуси-лебеди», но имеет свою специфику. «Волк» садится поодаль и делает вид, что спит. Дети подходят к нему и спрашивают: «*What's the time, Mr. Wolf?*», на это «Волк» отвечает: «*It is time for lunch!*» («Пора завтракать!»), затем ловит кого-либо, и тот становится следующим «Волком» [10].

Можно выделить случаи, когда зооморфная лексема, входя в наименование игры, характеризует ее благодаря стереотипным представлениям о данном животном. Здесь можно назвать детскую подвижную игру *leapfrog*. Структура названия этой английской игры, эквивалентной русской чехарде, состоит из: *to leap* (перепрыгивать) + *frog* (лягушка). Ср.: «*Leapfrog – a game in which one person bends down and another jumps over them from behind*» [14, p. 594]. В чехарде один ребенок наклоняется, другие подходят сзади и перепрыгивают через него. В данном случае образ прыгающей лягушки используется для уточнения характера движения. Отметим, что данный образ не присутствует в названии русской игры «чехарда».

«*British Bulldog*» («Британский бульдог») – «the game begins as a kind of David and Goliath challenge, with one child standing alone as a mass of pupils charge directly at him. His job is to «bring down» as many as possible» [13]. Описание этой игры указывает на ее достаточно жесткий характер.

Один ребенок стоит, в то время как на него бросается группа детей. Его задача – сбить как можно больше нападающих. Наименование игры, включающей этноним (*British*) и зооним, ассоциирующийся с жестоким животным (*bulldog*), позволяет использовать его в качестве метафорически переносного, прецедентного имени в различных ситуациях, когда один человек вынужден отбиваться от других, утверждая себя в жизни [см. 9].

Особенности животных находят свое отражение в специфике игровых ролей: Волк – хищник, его роль – поймать жертву; Коты, Гончие догоняют, а Мыши, Зайцы убегают; Бульдог – храброе и смелое животное, может противостоять многим врагам и т. д.

К играм, названия которых требуют фоновых культурологических знаний, относятся такие, как «*London Bridge*», «*Stuck in the mud*», упомянутая выше игра «*British Bulldog*». Игра «*London Bridge*» («Лондонский мост») напоминает русскую игру «Ручеек». В игре участвуют восемь и более детей, двое игроков берутся за руки и поднимают их вверх, образуя «мост». Дети проходят друг за другом под «мостом», держа руки на поясе предыдущего, при этом поют песенку. Когда песенка заканчивается, участники опускают руки («мост») и захватывают последнего проходящего. Данная игра получила свое название от английской реалии (*London Bridge*), известна с XVIII века как игра и сопровождающий ее детский стишок [13]. Можно предположить, что название связано со сходством ряда поднятых рук играющих детей с переплетом моста. Как название, так и песенка, сопровождающая игру, являются прецедентными: «*London Bridge is falling down, Falling down, falling down, Bridge is falling down, My fair lady*» [13]. Игра «*Stuck in the mud*» («Застрял в грязи») (русский аналог – «Море волнуется...») была впервые упомянута в книге «*London Street Games*» в 1916 году. В игре участвуют не менее трех детей. Голящий бежит за игроками и старается задеть их. После прикосновения голящего игрок считается «застрявшим» (*stuck*). Он останавливается, раскинув руки в стороны. Свободный игрок может освободить «застрявшего», если коснется его ладони [15]. Наименования данной группы подвижных игр не раскрывают характера игры, для этого необходимы фоновые культурологические знания, страноведческий материал.

В целом можно сказать, что наименования игр с семантикой движения и названия игр, содержащие указание на игровой предмет (инвентарь) составили одинаковое процентное соотношение (по 37,7% соответственно) от корпуса исследуемого материала. В группу названий, включающих этнокультурные реалии (29,4% всего корпуса), входят как наименования, содержащие указание на игровой предмет, так и указание на движение.

Необходимо заметить, что наименования некоторых подвижных игр можно отнести как к одной, так и к другой группе наименований. Так, например, *volleyball*, *dodgeball*, *kickball* можно отнести как к группе наименований с семантикой движения, так и к названиям игр, содержащих указание на игровой предмет. Название игры *leapfrog* можно классифицировать как наименование с семантикой движения, равно как название, включающее этнокультурную реалию.

В данной статье мы делим наименования английских подвижных игр по структурному типу на односоставные, двусоставные и многосоставные. По семантическому критерию нами выделены наименования английских подвижных игр с прямой и косвенной номинацией. К первой группе относятся наименования игр с семантикой движения, названия игр с указанием на игровой предмет, инвентарь. Во вторую группу мы включаем наименования игр, основанные на переосмыслении значения (метафора, метонимия).

Как показывает исследование, в наименованиях английских подвижных игр эксплицитно или имплицитно присутствует семантика движения. Для идентификации игры по ее названию необходимы фоновые знания, входящие в когнитивную базу носителя языка (например, *British bulldog*). Все наименования игр относятся к культурным реалиям, что подтверждается их использованием в качестве прецедентных. Они используются как «этикетки», будят ассоциации с определенными элементами культуры, что подчеркивает важность освоения данного сегмента знаний для изучающих английский язык и культуру.

Примечание

¹ «Произошло это так. Неподалеку от Лондона шел футбольный матч. Результат долго был ничей. И в последний момент 16-летний Вильям Веб-Эллис схватил мяч руками и забросил его в ворота противников. Судья этот гол засчитывать не хотел. Начались споры, которые велись не один год, дело дошло до обсуждения в парламенте. В результате появилась новая игра, в которой мяч можно вести и ногами, и руками. Ее назвали по имени городка, в котором проходил знаменательный матч 1823 года – регби» [11].

Библиографический список

1. Амзаракова И.П. Ребенок: язык, текст, коммуникация. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катунова», 2012. – 332 с.
2. Аникин В.П. Русские народные пословицы,

поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.

3. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор. – Иркутск: Изд-во Иркут. секции науч. работников, 1930. – 234 с.

4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

5. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

6. Ford R. Children's Rhymes, Games, Songs and Stories. – Paisley: Alexander Garden, 1904. – 287 p.

7. Opie I. & P. Children's games in street and playground. – Oxford at the Clarendon Press, 1970. – 371 p.

8. Sutton-Smith B. Children's folklore: a source book. – New York: Garland, 1995. – 377 p.

9. Англия в общем и частности. Четвертая серия – «Джентльмены и бульдоги» // Познер Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pozneronline.ru/2015/01/10037/> (дата обращения: 21.12.2014).

10. Народные подвижные игры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://veselajashkola.ru/igry-onlajn/narodnye-podvizhnye-igry/> (дата обращения: 19.12.2014).

11. Регби // Занимательный этимологический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etymology_gol.academic.ru/242 (дата обращения 18.12.2014).

12. Салки // Правила игр – спортивных, логических, развлекательных. Краткие и официальные правила [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulesgames.info/content/view/16/72/> (дата обращения: 19.12.2014).

13. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://global.britannica.com/> (дата обращения: 20.12.2014).

14. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Longman Group UK Limited, 1992. – Vol. I (A–L). – 626 p.; Vol. II (M–Z). – 1229 p.

15. Miller K. Outdoor games for children age 5–12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ehow.com/info_8175684_outdoor-games-children-age-512.html (дата обращения: 18.12.2014).

16. OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1982. – Vol. I (A–L). – 509 p.; Vol. II (M–Z). – 528 p.

17. OED – Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 18.10.2014).

18. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.12.2014).

ХОЛО-МЕРОНИМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
КАК МОДЕЛЬ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена проблеме построения меронимических структур в лексике современного английского языка, а именно – в группе наименований частей тела человека как прототипических меронимов. Наименования таких частей тела, как *head, body, hand, leg, finger, eye, mouth, etc.* универсальны, входят в ядро лексического фонда любого языка мира, наиболее частотны в употреблении и являются одним из древнейших пластов лексики, подвергшихся наиболее глубокому и разностороннему исследованию в лингвистике. Изучение данной лексики с точки зрения меронимических семантических связей носит, однако, фрагментарный характер, поэтому данный вопрос требует дальнейшего более глубокого рассмотрения. Исследование соматизмов в ракурсе семантических связей, структурирующих данную группу лексики, позволило выявить весьма специфическую холо-меронимическую структуру, на которую накладывается своеобразная гиперо-гипонимическая иерархия, тесно связанная с синонимическими рядами, что свидетельствует о специфике категоризации и концептуализации тела человека в современном английском языке.

Ключевые слова: холо-меронимическая структура, холоним, мероним, меронимические связи, соматизм.

Многие современные лингвисты, работающие в рамках когнитивного подхода к изучению языка, выдвигают семантические теории (embodiment theories), согласно которым образ тела человека выступает основным источником всех категорий и концептов в когнитивной системе человека (Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Вежбицкая, Д. Вилкинз, Л. Барсалоу, С. Браун, Э. Андерсен и др.). Данные теории базируются на тезисе о том, что в основе любого знания о мире лежит восприятие – данный в ощущениях опыт, а непосредственным инструментом познания окружающего мира выступает тело человека. Вместе с тем, являясь неотъемлемой частью окружающей действительности, природы, и само тело человека есть объект познания. Попытки понять, как членится тело человека и как категоризируются его части, предпринимаются представителями самых разных дисциплин – нейробиологии, неврологии, психологии, социологии и др. Не остается в стороне от этой проблемы и лингвистика.

Попытки понять, как представлен образ тела человека в разных языках мира, привели лингвистов-антропологов к интересным выводам. Во всех изученных языках (европейских, а также языках аборигенов Африки, Австралии, Бразилии и т. д.) так или иначе присутствуют наименования следующих частей тела: головы, туловища, рук, ног, пальцев, а также глаз, рта и носа. Данные наименования универсальны, входят в ядро лексического фонда любого языка мира, наиболее частотны в употреблении и принадлежат к одному из древнейших пластов лексики (Э. Рош, Б. Берлин, Э. Андерсен, С. Браун, Н. Энфилд и др.). Выделение и именование остальных частей тела является весьма специфическим и культурно обусловленным. Целый ряд как зарубежных, так и отечественных исследований посвящен выявлению специфики семантики и морфологии соматической¹ лексики разных языков (Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян, Л.Д. Джамбу-

латова, С. Браун, П.О. Штайнкрюгер, А. Маджид, М. ванн Штаден, М. Амбербер, А. Абби, М. Орнаг, Дж. А. Матисофф, М. Шладт и др.), ее деривационного потенциала (З.В. Семерикова, Л.В. Волкова, Л.М. Лещева, В.Н. Прохорова и др.), выявления специфики функционирования соматизмов (Ф.О. Вакк, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А.М. Кочеваткин, Е.А. Клопотова, Д. Сайпуллаева и др.) и т. д.

В рамках когнитивного подхода к исследованию системности лексики языка особый статус приобрел такой тип семантических отношений, как меронимия (меронимические отношения). Прототипом меронимов в системе языка являются соматизмы, которые входят в ядро языковой категории меронимии и могут образовывать иерархии (структуры) (Дж. Лайонз, М.В. Никитин, А.А. Шавель, Ю.Н. Русина, Е.В. Материнская, Д.А. Круз и др.). Первыми попытками получить меронимическую иерархию можно считать проведенные в разное время исследования С. Брауна и Э. Андерсена по выявлению холо-меронимической связи между наименованиями частей конечностей (*arm – hand, leg-foot*) в неродственных языках. На материале 41 языка мира авторы вывели следующую закономерность: иерархии в системе соматической лексики редко превышают пять уровней в глубину и никогда не превосходят шести, при этом почти всегда и везде меронимом последнего уровня является обозначение части пальца руки либо ноги [4, 3]. Данные закономерности, однако, касаются в основном наименований конечностей и не учитывают остальные соматизмы и их холо-меронимические связи. Более поздние исследования меронимических иерархий также носят фрагментарный характер (Дж. А. Миллер, А.А. Шавель, Д. А. Круз и др.) и не охватывают **все** наименования человеческого тела и разнообразные типы отношений, в которые данные лексические единицы (далее ЛЕ) вступают друг с другом. В этой связи интересным представляется то, каким образом категоризируется тело

человека носителями английского языка и как это отражается в значениях языковых единиц и иерархиях, выстраиваемых ими.

В предлагаемой работе путем выстраивания холо-меронимической² структуры выявляется, каким образом организована меронимическая группа соматической лексики современного английского языка.

В качестве непосредственного материала исследования в данной работе выступают отобранные методом сплошной выборки из Оксфордского толкового словаря под общей редакцией А. Хорнби 136 соматизмов – наименований внешних частей тела человека, содержащих в структуре значения сему «*part*» в качестве классифицирующего признака, позволяющего отнести обозначаемую сущность к классу частей целого. Человеческое тело представляет собой сложно структурированную систему, отдельные части которой могут одновременно выступать целым по отношению к частям более низкого уровня детализации, которые также могут далее делиться. Называя части тела, соматизмы являются ярким примером меронимической лексики, выстраиваются в структуру, которая выступает, по мнению лингвистов, эталоном меронимической иерархии (Д.А. Круз, М.В. Никитин, З.А. Харитончик, Ю.Н. Русина, А.А. Шавель и др.).

Невзирая на внешнюю простоту денотата, описываемого выявленными соматизмами, в семантике существует проблема установления границ данной группы лексики. Так, нерешенным остается вопрос о придании статуса соматизмов наименованиям продуктов жизнедеятельности человеческого организма, наименованиям соматических объектов типа *hair* ‘волосы’, *wrinkle* ‘морщина’, *mole* ‘родинка’, *pimple* ‘прыщ’, *callus/corn* ‘мозоль’ и т. д., а также наименованиям определенных поз тела (*lap* ‘верхняя поверхность ноги в позиции сидя’, *fist* ‘кулак’) (Д. Круз, С. Браун, Н. Дж. Энфилд, Дж. Э. Миллер, Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, Г.Е. Крейдлин, П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева и др.). Ввиду того, что данные единицы не содержат в структуре значения сему партитивности, в дальнейшем исследовании они не рассматриваются.

Еще одной проблемой в исследовании соматизмов, называющих внешние части тела, стал факт наличия у одной и той же части нескольких синонимичных наименований, принадлежащих к разным функциональным стилям речи. Детальное обсуждение одной из сложнейших и противоречивых проблем – языкового явления семантической эквивалентности языковых единиц, интересующую лингвистов самых разных школ и направлений, порождающую многочисленные споры по поводу определения синонимов и выработки критериев их выделения (Р.А. Будагов, С.Г. Бережан, В.Г. Вилюман, Ю.Н. Денисов, Д.Н. Шмелев,

Ю.Д. Апресян, С. Ульман, Дж. Лайонз, Ф.Р. Пальмер и др.), – увело бы нас далеко от темы настоящего исследования. Не углубляясь в разграничения синонимов-соматизмов по каким-либо критериям (тем более что почти для всей предметной лексики по результатам исследований Ю.Д. Апресяна и др. свойственна чисто стилистическая синонимия), считаем необходимым включить в холо-меронимическую структуру все синонимичные ЛЕ, кроме единиц, представляющих американский или австралийский варианты английского языка (имеющие маркеры ‘AmE’ и ‘AusE’ в словарной дефиниции: *butt* 4 ‘(AmE, informal,) the part of the body that you sit on’) и устаревших (с пометами ‘old-fashioned’, ‘old use’: *member* 3 ‘(old use) a part of the body, especially an arm or a leg’). Таким образом, синонимические ряды меронимов-соматизмов в настоящем исследовании, наряду с нейтральными наименованиями, состоят из стилистически окрашенных единиц с пометами ‘informal’, ‘humorous’, ‘spoken’, ‘taboo’, ‘slang’ (*pate*, *beak*, *boob*), а также единиц терминологического характера с пометами ‘anatomy’ и ‘medicine’ (*thorax*, *tragus*). Необходимость включения в ряды соматизмов-терминов обусловлена их активным вхождением в обиход наивного носителя языка в связи с популяризацией здорового образа жизни (как следствие всеобщего развития знания и доступности информации). Выстраивание структуры с синонимическими рядами для соматизмов осуществлялось по синонимическим доминантам. Вслед за Ю.Д. Апресяном за доминанту принимаем «исконные или вполне ассимилированные, стилистически нейтральные высокоупотребительные деривационно простые или опрошенные (непроизводные) единицы в их основных значениях» [1, т. 1, с. 225]. Ср., например, место синонимических наименований верхней части туловища (груди, грудной клетки) *chest/thorax*³ в холо-меронимической структуре определялось по первой представленной в ряду лексеме, выступающей синонимической доминантой ряда: *chest* 1. ‘the top part of the front of the body, between the neck and the stomach’ – ‘верхняя часть туловища спереди между шеей и животом’ [5].

Для выявления холонима особое внимание уделялось конкретизатору – структурной части словарного толкования меронима, которая уточняет классификатор ‘*the part*’, называя целое. Так, в дефиниции к мерониму *head* выделялся конкретизатор *body*, который рассматривался как холоним (см. ниже). Ср., например: *head* 1. ‘the part of the body on top of the neck containing the eyes, nose, mouth and brain’ – ‘часть тела, находящаяся наверху на шее и содержащая глаза, нос, рот и мозг’. Необходимо отметить при этом, что в большинстве своем соматизмы являются многозначными существительными с многочисленными лексико-семантическими вариантами в структуре значения.

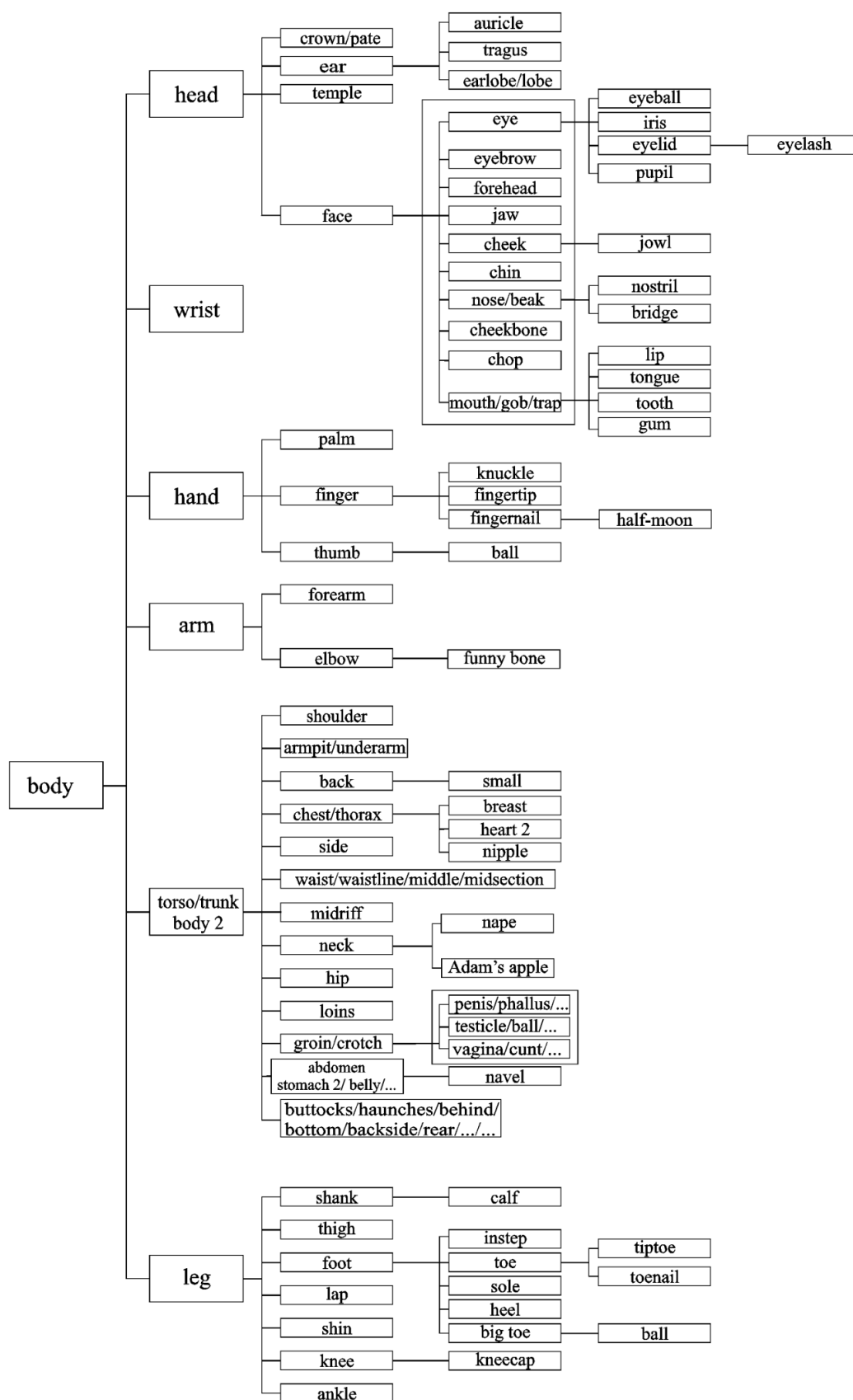

Рис. 1. Холо-меронимическая структура соматизмов современного английского языка

Меронимичным при этом (со значением партитивности) может быть не только один ЛСВ, но целый ряд. Так, например, в структуре значения лексемы *body* наблюдается следующая картина: самый первый ЛСВ *body* 1 ‘the whole physical structure of a human or an animal’ не содержит в семантической структуре семы партитивности, однако, обозначая все человеческое тело в целом, выступает холонимом – наименованием целого, что для настоящего исследования является релевантным, так как в холо-меронимической структуре в группе соматической лексики данный ЛСВ выступает холонимом самого первого уровня. В своем втором значении – *body* 2 ‘the main part of a body not including the head, or not including the head, arms and legs’ – данная ЛЕ обозначает туловище. Ср. также: *heart* 1 ‘the organ in the chest that sends blood around the body’, где *organ* 1 ‘a part of the body that...’; 2 ‘the outside part of the chest where the heart is’. В данном исследовании рассматривались все ЛСВ со значением «часть тела человека». Разные ЛСВ одной и той же лексики в схеме (Рис. 1) обозначены цифрой, как в случаях с наименованием туловища (*torso / trunk / body* 2), части грудной клетки слева, где находится сердце (*heart* 2) и живота (*stomach* 2, ср. со *stomach* 1 ‘желудок’).

Таким образом, определив целое самого высшего, первого уровня, представленного наименованием *body* в своем первом значении, и отталкиваясь от него, была получена следующая холо-меронимическая структура (дерево).

Как явствует из рисунка 1, холо-меронимическая структура в подсистеме соматической лексики современного английского языка представляет собой радиально-цепочечную конфигурацию, максимальная глубина⁴ которой составляет 6 ярусов (5 шагов развертывания соответственно). Глубину в 6 ярусов достигает, однако, только одна подструктура, в то время как глубина других варьируется от двух до пяти уровней. Так, шестиярусная глубина наблюдается лишь у одного холонима – *head* ‘голова’, где узлом, обеспечивающим дальнейшее ветвление структуры, выступает наименование третьего яруса *face*. Ср., например, холоним *head* разворачивается далее в подструктуру с меронимами *face* ‘лицо’, *ear* ‘ухо’, *temple* ‘висок’, *crown / pate* ‘макушка’, где *face* – 1. ‘the front part of the head between the forehead and the chin’ ‘передняя часть головы между лбом и бородой’ – разворачивается далее еще на 3 шага в глубину. На последнем VI ярусе данной подструктуры находится мероним-наименование далее неделимой части лица: *eyelash* ‘ресница’ (холоним – *eyelid* ‘веко’). Глубина остальных подструктур значительно варьируется.

Так, в случае с меронимами II яруса максимальная глубина их подструктур составляет: 5 уровней у *hand* ‘кисть руки’ и *leg* ‘нога’, 4 – у меронима *torso / trunk / body* 2 ‘туловище’ и у наименования

руки *arm*. Минимальное количество уровней наблюдается у меронима *wrist* ‘запястье’, где ветвь обрывается уже на втором ярусе.

Таким образом, наиболее глубокому меронимическому структурированию в современном английском языке подлежит группа лексем, обозначающих такие части тела человека как лицо (*face*), затем следуют (в порядке убывания глубины подструктур) туловище (*torso / trunk / body* 2), кисть руки (*hand*) и нога (*leg*), затем рука (*arm*) и только потом запястье (*wrist*). Такое специфическое выделение частей с их последующей детализацией не случайно и обусловлено рядом психологических факторов: восприятием **формы и размера** определенной части тела (Дж. Миллер, Дж. Лакофф, Л. Талми, Э. Андерсен, К.А. Гилярова, И.Н. Ивашкевич, Д.Н. Павлов и др.), **функцией**, выполняемой конкретной частью и **пространственными характеристиками** (С. Слейн, С. Свороу, А.В. Кравченко).

С точки зрения ширины холо-меронимическая структура исследуемой соматической лексики также представляется весьма своеобразной. Максимальной ширины структура достигает у меронима *torso / trunk / body* 2 на III ярусе (13 со-меронимов). Таким же большим количеством со-меронимов в пределах одного яруса не представлен больше ни один холоним в исследуемой группе лексики. Количество со-меронимов можно объяснить значимостью данной части тела для жизнедеятельности всего организма в целом, а также ее величиной. Туловище человека является самой большой частью тела, вмещающей наибольшее количество органов и систем, обеспечивающих функционирование всего организма. По-видимому, этим можно объяснить и такое количество синонимичных соматизмов-меронимов у данного холонима. Именно в этом узле структуры наблюдается наибольшая концентрация синонимических наименований, которые можно условно объединить в три основные группы, представленные наиболее длинными синонимическими рядами, именующими: заднюю часть туловища – *buttocks / haunches / behind / bottom / backside / rear / arse / bum / buns / posterior / rump / seat* (12 ЛЕ); область мужских гениталий – *penis / phallus / member / cock / dick* ‘половой член’ (5 ЛЕ), *testis / testicle / ball / bollocks / nut / egg*⁵ ‘семенник, мужская половая железа’ (6 ЛЕ); область женских гениталий – наименование груди и полового органа *breast / bosom / knocker / boob / tit / titty* (6 ЛЕ) и *vagina / cunt / pussy / snatch / twat* (5 ЛЕ); живот – *abdomen / stomach 2 / belly / gut / beer belly / paunch* (6 ЛЕ), а также среднюю часть туловища – *waist / waistline / middle / midsection* (4 ЛЕ) и грудную клетку *chest / thorax*. Три последних ряда представлены стилистически нейтральными наименованиями и терминами, в то время как первые (помимо нейтральных синонимов и терминов) – разговорная сниженная, жаргонная, табуированная

или эвфемистическая лексика. Данные ЛЕ входят в число наиболее часто табуированной лексики и выделяются лингвистами в отдельную группу «табуированные части тела человека» (И.С. Кон, Н.В. Тишина, Е.Ю. Голованова, Б.А. Успенский, В.М. Мокиенко, С. Пинкер, Дж. Хьюз, Д. Кристал и др.). Данные соматизмы связаны с так называемым «телесным низом» и обозначают «неприличные», социально табуированные в европейской цивилизации части тела. Как следствие, они обладают широким спектром употребления: «используются в речевых ситуациях с целью нанесения обиды, оскорбления, как реакция недовольства» [2, с. 13], либо же как эвфемизмы в ситуациях, требующих такта и особой вежливости. Очевидно, что синонимические наименования-термины грудной клетки и средней части туловища употребляются в основном в специфическом контексте, требующем максимально точного указания на данную часть тела (в медицине, в швейном деле, в спорте и т. д.). Любопытно, что ряд синонимов – обозначений живота в английском языке включает стилистически нейтральные наименования выступающего живота у мужчин: *beer belly / paunch* ‘a fat stomach on a man’ ‘большой живот у мужчины’. Гендерная маркированность выступающего мужского «пивного животика» объясняется, по-видимому, отклонением от нормы здорового образа жизни его носителя. При этом женский выпуклый живот отдельно никак не поименован, что опять же связано с древними сакральными и психологическими запретами на сферу женской телесности, обусловленные ее детородной функцией. Соответственно, можно сделать вывод, что максимальное количество синонимов у рассмотренных выше соматизмов обусловлено их эмотивностью, связанной с различного рода запретами в сфере телесности.

Далее по численности со-меронимов следует соматизм *face* – 10 ЛЕ, за ним идет *leg* (7 со-меронимов), *head* (4 единицы), затем следуют *hand* (3 со-меронима) и *arm* (2 со-меронима). Необходимо отметить при этом, что все перечисленные выше со-меронимы принадлежат третьему ярусу структуры. Исключение составляют со-меронимы

холонима *face* (принадлежат четвертому уровню), тогда как холоним третьего уровня *head* представлен лишь четырьмя со-меронимами. Данные схемы позволяют утверждать, что голова, а точнее ее основная часть – лицо, подлежит детальному делению как соматический объект, что неслучайно, так как лицо – первое, на чем останавливается внимание собеседника и по которому происходит идентификация человека. Соответственно, можно сделать вывод о том, что детальному членению подвергаются наиболее перцептивно выделенные части тела. Этот процесс соответствующим образом отражен в языке – в конфигурации полученной структуры, основные узлы которой образуют наименования данных частей. Важно отметить также, что в основных узлах структуры, обуславливающих ее радиально-цепочечную конфигурацию, находятся ЛЕ, принадлежащие к наименованиям базового уровня категоризации.

В исследуемой группе соматизмов были также выявлены общие наименования для ряда частей тела: *limb* ‘конечность’ для соматизмов-меронимов *arm* и *leg*, *extremity* – для *hand* и *foot*⁶, *digit* ‘палец’ – для *finger* и *toes*, *genitals* / *genitalia* ‘гениталии’ – для *penis*, *testicle* и *vagina*, *features* ‘черты лица’ – для именования любой части лица и *region* ‘область’ – как наиболее общее абстрактное имя для любой части тела (в основном для указания на локализацию боли). Являясь общим родовым наименованием для соматизмов-меронимов, данные ЛЕ вступают с ними в гиперо-гипонимические отношения, где соматизмы-меронимы выступают уже гипонимами относительно родовых наименований (гиперонимов). К данным ЛЕ принадлежит также холоним самого верхнего (первого) уровня – наиболее общее наименование всей структуры тела человека *body* ‘тело / организм’.

Являясь холонимом, данный соматизм представляет особый интерес, поскольку одновременно выступает родовым понятием (гиперонимом). Исследуемый соматизм-холоним, один из базовых (по результатам исследований американских психолингвистов) в исследуемой группе лексики, занимает, тем не менее, не II и III ярусы (что, по

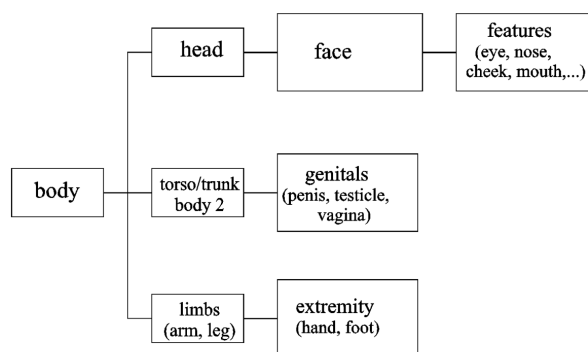

Рис. 2. Гиперо-гипонимическая иерархия в подсистеме соматизмов, именующих внешние части тела

утверждению С. Брауна, характерно для концептов базового уровня категоризации), а представляет собой начальный и основной узел структуры, что свойственно лексемам с наиболее общим значением на самом верхнем уровне гиперо-гипонимических таксономий. Таким образом, на полученную нами холо-меронимическую структуру накладывается структура гиперо-гипонимическая (рис. 2), что свидетельствует о тесной взаимосвязи двух типов отношений в системе соматической лексики английского языка – меронимических и гиперо-гипонимических.

Исходя из полученных схем можно утверждать, что в подсистеме соматизмов-наименований внешних частей тела имеет место смешанная иерархическая структура, детально отображающая внешний образ человеческого тела при помощи меронимического типа связи с одной стороны, и на более обобщенном уровне при помощи гиперо-гипонимической связи – с другой.

Подводя итог исследованию меронимической структуры на материале соматизмов современного английского языка, можно сделать следующие выводы:

1. Меронимы способны выстраиваться в стройную иерархию, которая представляет собой своеобразную холо-меронимическую структуру с подструктурами различной глубины и ширины, каждая из которых отличается своей особенной конфигурацией. В основных узлах холо-меронимической иерархии находятся наименования наиболее перцептивно и функционально выделенных частей тела. Данные наименования соответствуют базовому уровню категоризации и выступают прототипическими наименованиями частей тела. Именно данные соматизмы обуславливают специфическую радиально-цепочечную конфигурацию всей структуры в целом, ее ширину и глубину.

2. На полученную меронимическую иерархию накладывается гиперо-гипонимическая иерархия. Сюда также тесно вплетаются синонимические ряды, что позволяет говорить о специфической категоризации тела человека, с наименованиями наиболее перцептивно выделяемых частей в центре категории и их сложными связями с меронимами на ее периферии, что, соответственно, отражается в сложности и многомерности отношений, в которые вступают обозначения частей тела человека в современном английском языке.

Примечания

¹ Под термином «соматизм», вслед за Ф.О. Вакком, предложившим его, мы понимаем наименование любой части человеческого тела. Единицы, на-

зывающие такие основные части тела, как голова, глаз, нос, рот, туловище и т. д. (см. выше) в данной работе называем прототипическими соматизмами.

² Термины «холоним» и «мероним» предложены Д.А. Крузом как наименования целого и части соответственно.

³ Ограниченные рамки статьи не позволяют отобразить в схеме все выявленные синонимы. Приводим пример наиболее нейтральных ЛЕ, а стилистически сниженные синонимы отражены многоточием. По этой же причине схема (см. ниже) не содержит перевода выявленных ЛСВ соматизмов на русский язык.

⁴ Глубина структуры измерялась количеством уровней (ярусов) и устанавливалась по числу актов (шагов) развертывания, необходимых для выявления наименования далее неделимой части тела. Ширина дерева детерминировалась количеством ветвей, исходящих из его вершины, а также из основных узлов.

⁵ Словари сленга и бранной лексики, несомненно, могут значительно расширить полученные нами ряды синонимов. Однако в настоящем исследовании ряды ограничены данными толкового словаря А. Хорнби, являющегося одним из наиболее авторитетных лексикографических источников, описывающих ядерную часть лексической системы современного английского языка.

⁶ Объединенные общим гиперонимом соматизмы-меронимы на схеме изображены в общей рамке.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки рус. культуры, 1995. – Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 472 с.
2. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка: учеб. пособие / А.М. Кочеваткин. – Саранск: Красный октябрь, 2001. – 200 с.
3. Andersen E.S. Lexical Universals of Body-Part Terminology // *Universals of Human Language: Word Structure*; ed. by J.H. Greenberg, C.H. Ferguson et al. – Vol. 3. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – P. 335–368.
4. Brown C.H. General Principles of Human Anatomical Partonomy and Speculations on the Growth of Partonomic Nomenclature // *American Ethnologist: Folk Biology*. – 1976. – Vol. 3. – № 3. – P. 400–424.
5. Hornby A.S., Wehmeier S., Ashby M. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 1600 p.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ-ЗООНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (на примере преобразований фразеологизмов с компонентом *свинья*)

Статья посвящена исследованию окказионального потенциала фразеологических единиц с компонентом-зоонимом *свинья*. Интерес к исследованию таких фразеологизмов объясняется тем, что в образах, создаваемых посредством зоонимов, раскрываются символические характеристики животных, которые человек переносит на себя. Особым животным для носителя русского языка является *свинья*. Будучи метафорически переосмысленным, зооним приобретает резко отрицательные элементы значения при характеристике человека. В составе фразеологической единицы анималистический компонент *свинья* сохраняет негативную семантику, перенося ее на общий образный план фразеологизма.

Рассматриваемый компонент-зооним актуализирует широкие системные связи, что приводит к появлению различных фразеологических трансформов. Окказиональные преобразования происходят посредством замены анималистического компонента словами, входящими в состав лексико-семантических групп «Животное», «Человек», «Предмет». Введение в компонентный состав узуальных фразеологических единиц окказиональных заместителей позволяет преобразовывать элементы значения. В условиях речевой коммуникации авторские интенции направлены на конкретизацию, буквализацию, экспликацию и интенсификацию значения фразеологизма. Однако авторские интенции не всегда объясняют выбор заместителей, что происходит при спонтанном акте коммуникации.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент-зооним, окказиональные трансформации фразеологизмов, авторские интенции.

Фразеологический состав языка является «зеркалом», в котором отражаются особенности национального мировоззрения. Фразеологические единицы (далее ФЕ) позволяют носителям языка метафорически выразить свою оценку явлений окружающего мира. Человек, сравнивая себя с живой и неживой природой, с предметами действительности, наделяет их символическими смыслами. Таким особым смыслом в русской культуре обладает зооним *свинья*. В сознании носителей русского языка *свинья* ассоциируется с нечистоплотностью, неряшливостью [1, с. 149]. *Свиньей* называют грязного, неопрятного человека, неряху. «Ванну бы горячую принять. Чистить неохота. Грязь необыкновенная в ванной. Соседи *свиньи*» (Л. Улицкая, Гуля). Данная лексема также подходит для характеристики невоспитанного человека, который поступает непорядочно по отношению к другим. «Сегодня один запер в своем кабинете и в рожу мне пистолет наставил. – *Свинья*, никакого уважения» (Ф. Незнанский, Сибирский спрут). Часто *свиньей* называют очень пьяного человека. «Когда папа шел на работу, ты говорила: “Возвращайся, мой голубь”, а когда он пришел поздно, то ты сказала: “Вот *свинья*, опять напился!”» [19]. Лексема *свинья* также входит в компонентный состав нескольких ФЕ: *метать бисер перед свиньями*, *подложить свинью*, *разбираться как свинья в апельсинах*.

ФЕ с анималистическим компонентом *свинья* активно используются не только в узуальном, но и в окказиональном виде, приобретая новые смысловые и оценочные оттенки. Преобразования фразеологизмов происходят, в частности, посредством замены компонента-зоонима лексемами, входящими

в состав лексико-семантических групп «Животное», «Человек», «Предмет». Окказиональные трансформации как результат авторских интенций направлены на конкретизацию, буквализацию, экспликацию и интенсификацию образа [4, с. 133–143]. При этом каждый фразеологизм имеет как сходство, так и различия в процессах и результатах модификаций фразеологического содержания и формы.

Во фразеологизме *метать бисер перед свиньями* («напрасно высказывать мысли и чувства, ценные в каком-либо отношении, тому, кто не способен понять, оценить это») компонент-зооним *свинья* иносказательно называет невежественного, некультурного человека, который не способен к восприятию духовных ценностей, но может осквернять их своими действиями. На первый план выходит характеристика животного как существа грязного не столько внешне, сколько внутренне. В основе ФЕ лежит противопоставление компонентов *бисер* и *свинья*, где *бисер* ассоциируется с чем-то «ценным», а *свинья* с кем-то, кто «не способен понять, оценить». Изоморфизм значения и формы ФЕ [2, с. 181] обуславливает активный преобразовательный потенциал устойчивого выражения *метать бисер перед свиньями*. Окказиональные трансформации направлены на замену анималистического компонента чаще всего с целью конкретизации значения фразеологизма. Наиболее активно используются окказиональные заместители компонента-лексемы *свинья* (*свинья* = «не способен оценить»), содержащие семы «имеющий разум», то есть лексемы, называющие лиц, которые могут оценивать. Так, к первой группе заместителей относятся слова лексико-семантической группы «Человек»: *атеист*, *неверующие насмешники*, *арабы*,

соседи, Репетилов, Луценко и др.: «Уважаемые верующие. Зачем метать бисер перед атеистами и пытаться что-то доказать?» [15]; «Если бы речь шла о физической невозможности проявить Божественную силу, то никаких исключений в таком случае быть не могло. Но здесь явное указание на то, что Христос не счел нужным метать бисер перед неверующими насмешниками. Не мог, в смысле – не пожелал» [20]; «Как бисер метать перед соседями?» [11]; «Первый признак умного человека – с первого взгляда знать, с кем имеет дело, и не метать бисера перед Репетиловым и тому подобными» [17]; «Ющенко метал бисер перед Луценко, но все напрасно» [14].

Авторские интенции могут быть направлены на экспликацию образа ФЕ. Окказиональный заместитель относится к лексико-семантической группе «Человек», при этом используются лексемы, напрямую характеризующие человека как бестолкового, невежественного и под. См., к примеру: «Да, диалог с такими людьми невозможен. Зачем метать бисер перед кучкой самодуров, возглавляемых наследственно больным человеком?» [13].

Ко второй группе окказиональных заместителей относятся слова, входящие в лексико-семантическую группу «Животные» (в широком смысле). Окказиональный заместитель-зооним выполняет функцию конкретизатора: «Метать ли бисер перед окунем?» [21]; автор статьи рассказывает о приемах рыбалки, выделяя наиболее удачные на его взгляд способы рыболовства. Следует заметить, что анализ разнообразного языкового материала показал низкую активность замен компонента *свинья* лексемами группы «Животное», что, на наш взгляд, объясняется отсутствием в значении окказиональных компонентов сем ‘способный ценить’: животные не способны размышлять, оценивать кого- или что-либо на том когнитивном уровне, на каком это делает человек.

Во фразеологической единице *подложить свинью* (‘исподтишка причинять неприятности, совершать по отношению к кому-либо низкий поступок, подлость, подстраивать каверзы’) анималистический компонент *свинья* используется не для описания внешности или поведения человека, а для характеристики действий человека или ситуации, в которых оказывается человек. Значение ФЕ не мотивировано для современного носителя языка, однако связь семантики фразеологизма с образом *свиньи* проясняется при интуитивном членении ФЕ. Изоморфизм значения и формы данной ФЕ позволяет соотнести глагольный и субстантивный компоненты с элементами значения фразеологизма: *подложить* = ‘исподтишка причинить / совершить’, *свинья* = ‘неприятность / низкий поступок, подлость, каверза’. В данном случае зооним *свинья* семантически связан с понятиями «измена, предательство, коварство, подлость».

ФЕ *подложить свинью* имеет активный преобразовательный потенциал. Авторские интенции направлены на конкретизацию, буквализацию и экспликацию значения фразеологизма. К первой группе заместителей относятся слова лексико-семантической группы «Животное», актуализирующие в своем значении семы ‘неприятный’, ‘опасный’: *змея, жаба, крыса, дохлый конь*. Опасным существом, способным навредить человеку, является *змея*: «Ты меня не оценил / И любовь мою. / У тебя хватило сил / Подложить змею. / Не достало мне ума / Распознать подлог. / Отворила я сама / Той змее чертог» [23]. В данном стихотворном контексте при трансформации ФЕ окказиональный заместитель *змея* привносит «добавочный смысл» в значение фразеологизма: актуализируются семы ‘коварный’, ‘опасный’ (*змея* символизирует существо опасное, способное на коварные действия, несущее смерть человеку, что проявляется в значениях фразеологизмов *змея подкодная, пригреть змею*). Фразеологические компоненты *свинья* и *змея* воспринимаются как слова, имеющие некоторое семантическое сходство.

Наряду с конкретизацией значения ФЕ происходит буквализация элементов семантики. Глагольный компонент *подложить* в ряде контекстов позволяет воспринимать трансформы буквально. Например, *подложить* – в прямом смысле – можно *жабу, крысу, коня*. При этом сохранение, по крайней мере, одной из ключевых сем значения узусальной ФЕ позволяет рассматривать выражение как окказиональный трансформ. Семы ‘противный’, ‘неприятный’ актуализируются в значении компонента *жаба*: «Организаторы Олимпиады-2014 *подложили жабу* интернет-сообществу» [8]. В данной статье рассказывается об интернет-голосовании за символ олимпиады в Сочи, в котором лидировала игрушечная лягушка (жаба). Однако организаторы сняли этот символ с конкурса, так как он был сделан на заказ известным дизайнером, что противоречило правилам. В описанном выше контексте лексема *жаба* интуитивно воспринимается как слово, синонимичное лексемам *подлог, обман*. Другим животным, ассоциирующимся с подлостью, омерзением, является *крыса*: «Депутатам *подложили крысу*» [18]. В данной статье упоминается необычный подарок (живая крыса), который журналисты преподнесли спикеру Московской городской Думы в канун Нового года. Авторские интенции направлены на каламбурную игру, основанную на столкновении двух разнополюсных смыслов.

Во вторую группу заместителей входят лексические единицы, называющие неодушевленные предметы: «Швейцария *подложила* миру *франк*» [16]. Окказиональный компонент *франк* актуализирует в значении фразеологизма сему ‘опасность’. Автор статьи указывает на то, что введение новой валютной единицы вредит мировой экономике. Окказио-

нальные преобразования направлены на конкретизацию значения фразеологизма.

Замена компонента-зоонима *свинья* лексемами группы «Предмет» может происходить с целью экспликации элементов значения фразеологизма: «Когда *подложили пакость*, стоит ли отвечать адекватно?» [22]. Окказиональный заместитель проявляет в своем значении элементы семантики ФЕ: лексема *пакость* эксплицирует сему фразеологического значения 'неприятность', 'подлость'.

ФЕ *подложить свинью* также подвергается сложным трансформациям, таким как контаминация: «Подарить Статую Свободы, или Как не *подложить троянского коня*» [10]. Данный трансформ возникает за счет контаминации-наложения. Объединению подвергаются два фразеологизма: *подложить свинью* и *троянский конь*. Последний фразеологизм репрезентирует сему 'опасный'.

ФЕ *разбираться, как свинья в апельсинах* имеет значение 'ничуть, нисколько, совершенно не понимать / разбираться / смыслить'. Семантика фразеологизма строится на характеристике *свиньи* как животного, не способного оценить апельсин (экзотический фрукт) в качестве пищи. Данная ФЕ используется в тех случаях, когда речь идет о недалеком, глупом, необразованном человеке. При окказиональных заменах к группе заместителей анималистического компонента *свинья* относятся слова, входящие с ним в лексико-семантическую группу «Животные». См., к примеру, замещение компонента *свинья* лексемой *баран*: «Честно говоря, я вообще в этом не смыслю... Ну как *баран в апельсинах*... Темная бутылка, вроде Немиров, с перцем, так что ли...» [6]. Посредством такой замены в трансформе *как баран в апельсинах* интенсифицируется сема 'глупость', так как именно зооморфизм *баран* символизирует это качество [1, с. 58].

Следует заметить, что далеко не всегда возможно точно определить авторские интенции при окказиональных трансформациях, например при заменах компонента *свинья* лексемами, называющими домашних, диких животных, символически не связанных с отсутствием ума, с неумением оценить ситуацию или участников этой ситуации. Чаще всего такой необоснованный выбор заместителей объясняется неподготовленностью речи, ее спонтанностью, характерной для разговорного стиля, который используется на интернет-форумах: «Ваш покорный слуга *разбирается* в живописи как *коза в апельсинах*, но, по-моему, моё восхищение наверняка присутствует и у тех, кто в этой живописи что-то смекает» [7]; «Ты в строительстве *разбираешься как медведь в апельсинах*, а если я начну тебе говорить, что пофиг что написано в этих бумажках, какую они там силу имеют, юридическую?» [12]; «Обожаю чудо-авторов, которые пишут материалы о вещах, в которых *разбираются как слон в апель-*

синах. Хотя судя по косноязычности, один дурак написал, второй перевел» [9]. Другой причиной появления данных заместителей может быть нежелание авторов использовать лексему *свинья*, имеющую резкую негативную оценочность при характеристике человека (слово *свинья* употребляется как словесное оскорбление по отношению к людям, в отличие от лексем *коза*, *медведь*, *слон*, которые не несут в себе такого резко отрицательного смысла).

ФЕ с компонентом-зоонимом *свинья* активно функционируют в окказиональном виде. Авторские интенции при замене компонентного состава направлены на конкретизацию, буквализацию, экспликацию и интенсификацию значения фразеологического инварианта. При этом выбор авторами окказиональных заместителей ограничен тремя лексико-семантическими группами «Животное», «Человек», «Предмет». Чаще автор трансформирует ФЕ с анималистическим компонентом *свинья* с целью конкретизации значения. Заместители-конкретизаторы относятся ко всем трём вышеперечисленным семантическим группам. При буквализации фразеологического значения выбираются лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «Животное». Преобразования фразеологизмов с компонентом-зоонимом *свинья*, направленные на экспликацию значения, не частотны; окказиональные компоненты-заместители входят в лексико-семантические группы «Человек», «Предмет». Окказиональными интенсификаторами выступают слова группы «Животное», гиперболизирующие ту или иную сему значения фразеологизма. Кроме того, авторские интенции могут быть направлены на языковую игру, и в этом случае окказиональные замены происходят на основе специфических связей компонентов-заместителей.

Библиографический список

1. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: Изд-во КГУ, 2008. – 484 с.
3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. – М.: АСТ, 2005. – 853 с.
4. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Астрель, 2006. – 524 с.
6. i.ua: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.i.ua/user/3217242/545754/> (дата обращения: 27.07.2015).
7. Steam: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://steamcommunity>.

com/id/du_rango/recommended/107100 (дата обращения: 27.07.2015).

8. Yablor: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yablor.ru/blogs/orgkomitet-sochi-2014-zaregistroval-v-rospatente/1654845> (дата обращения: 27.07.2015).

9. Автокадабра: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://autokadabra.ru/shouts/80252> (дата обращения: 27.07.2015).

10. Ателье подарков Радостная весть: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radosvest.ru/simple073.html> (дата обращения: 27.07.2015).

11. Клуб защитников тишины: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://boomdown.com/node/773> (дата обращения: 27.07.2015).

12. Клуб строителей // Саранск.ру: Саранский городской форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: forum.saransk.ru/topic/177160-klub-stroitelei (дата обращения: 27.07.2015).

13. Миртесен: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smi2.mirtesen.ru/blog/43847238686/Zachem-met-at-biser-pered-hyinziram> (дата обращения: 27.07.2015).

14. Новости Украины: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://noviny.su/A0006350.html> (дата обращения: 27.07.2015).

15. Ответы@mail.ru: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/78404187> (дата обращения: 27.07.2015).

16. Рамблер.новости: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/28697081/> (дата обращения: 27.07.2015).

17. РВБ: А.С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1825/1292_109.htm (дата обращения: 27.07.2015).

18. Российская газета: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/12/27/mosgorduma.html> (дата обращения: 27.07.2015).

19. Слово для тебя: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.word4you.ru/interesting/10712/> (дата обращения: 27.07.2015).

20. Собрание анекдотов ха-ха-ха: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anekdotishe.ru/malenkaya-dochka-sprashivaet-23611.html> (дата обращения: 27.07.2015).

21. Спортивное рыболовство: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sfish.ru/content/archives/index.php> (дата обращения: 27.07.2015).

22. Спрашивалка: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sprashivalka.com/q/44485995> (дата обращения: 27.07.2015).

23. Стихи.ру: публичный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2013/07/14/446> (дата обращения: 27.07.2015).

Селюкова-Федорова Татьяна Андреевна
 Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 6295425@mail.ru

РОЛЬ СРЕДСТВ КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАССКАЗАХ О НЕВИДАННОМ И НЕПОНЯТНОМ

Статья посвящена проблеме функционирования в звучащей речи системы коммуникативного уровня русского языка, отражающего соотношение позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации. В работе представлены результаты исследования семантики коммуникативных средств в речи очевидцев чрезвычайных происшествий, позволяющие объяснить логику появления этих единиц в речи русскоговорящих. В частности, на примере рассказов очевидцев о встречах с йети показана системная взаимообусловленность семантических инвариантных параметров коммуникативных средств и раскрыта их функциональная роль в построении звучащего текста. Семантика данных средств не находится в светлом поле языкового сознания естественного носителя языка, однако анализ показывает, что, несмотря на это, их включение в текст не только не нарушает логику его семантического чертёжа, но и дополняет его мельчайшими, но значимыми смыслами. Набор коммуникативных средств зависит от типа текста. Для определения системы средств коммуникативного уровня языка, свойственных для того или иного рода русских текстов, в статье вводится понятие **коммуникативной матрицы**. В качестве примера приводятся средства, появляющиеся в речи русскоговорящих в ходе рассказов о невиданном и непонятном.

Ключевые слова: семантика коммуникативного уровня русского языка, устная спонтанная речь, целеустановка высказывания, речевое поведение, алгоритм инвариантных параметров, роль коммуникативных средств.

Коммуникативный уровень языка, в отличие от номинативного, передающего информацию о преломленной в сознании говорящих действительности, отражает нюансы соотношений позиции говорящего, слушающего, а также осознаваемой и оцениваемой ими ситуации [1; 2]. Базовым для этого уровня является понятие целеустановки, под которой понимается языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию либо отражение воздействия ситуации, слушающего или самого говорящего на говорящего (просьба, совет, предостережение и т. д.).

Каждой целеустановке соответствует вариативный ряд языковых конструкций, сформированных особым набором коммуникативных средств. Их круг достаточно широк – от интонации до синтаксических приемов, но все они могут быть разделены на две группы: 1) номинативные средства, обладающие при этом способностью передавать коммуникативные значения, 2) коммуникативные средства, предназначенные для передачи собственных коммуникативных смыслов.

Некоторые из этих средств лингвисты традиционно относят к незначимым единицам (*ну, вот, это самое, как бы*) [7; 8; 9; 13], хотя на самом деле они не являются «пустыми» частицами, имеют смыслы, но только скрытые [1; 2; 3; 10; 11; 12]. У каждого из них есть свой набор семантических инвариантных параметров, подчиненных алгоритму развертывания. Суть алгоритма состоит в антонимическом раскрытии этих параметров и их распределении по позициям *говорящий – слушающий – ситуация*.

Спецификой алгоритма является возможность отнесения параметров к разным временным планам и их модификации по аспекту реальности / ирреальности. При этом параметры могут рас-

крываться по конкретной ситуации или по норме. В одной конструкции возможно сосуществование нескольких реализаций параметра [1, с. 20–24]. В работе используются инвариантные параметры, выявленные М.Г. Безяевой.

Применение данного подхода при анализе звучащей речи о чрезвычайных происшествиях (на материале телерепортажей и кадров любительской видеосъемки) способствовало выявлению определенных закономерностей. Русскоговорящие, попавшие в сложную ситуацию, не зависящую от их воли (землетрясения, наводнения, пожары, кораблекрушения, теракты и др.), используют не разнородные коммуникативные средства, а только обладающие параметром личной сферы (слова *вот, тут, прямо, Господи*, модальная интонационная конструкция ИК-2), нормы (*это, просто, вообще, так, такой*) либо, в соответствии с алгоритмом, выступающие в реализации по норме (*ну, ИК-3*) [1; 10].

Как показал анализ, данные средства представляют собой коммуникативную матрицу речевого поведения русскоговорящих в чрезвычайной ситуации. Под коммуникативной матрицей мы понимаем набор средств коммуникативного уровня языка, свойственных определенному типу текстов. Эти средства могут обладать разными параметрами.

В отличие от матрицы понятие коммуникативного поля включает формально разнородные средства, объединенные за счет общности некоторого коммуникативного параметра (поле *нормы, бенефактивности* и др.) [3, с. 103].

Таким образом, в матрице могут быть средства из разных коммуникативных полей.

Для того чтобы доказать, что говорящие используют не случайный набор средств, а только отвечающие условиям коммуникации, мы немного сместили ракурс и рассмотрели другую ситуацию. Она также связана с чрезвычайными происшестви-

ями, но только с той разницей, что качественная характеристика реализованного варианта и возможные последствия говорящему непонятны. Речь идет о встрече человека с йети.

Модификация ситуации привела к изменению набора коммуникативных средств. В нем оказались в основном те из них, которые помогают говорящему выразить непонимание сущностной качественной характеристики реализованного варианта и его возможных следствий, и тем самым оправдать несоответствие сказанного информационным ожиданиям собеседника (корреспондента).

Рассмотрим несколько примеров реакций очевидцев на появление йети и расшифруем их. Для отражения звучащей речи на письме используются система интонационных единиц и интонационная транскрипция Е.А. Брызгуновой [4; 5].

Мужчина: ²Переливался / ¹как бы ³это, / ²ну как, / туманом [16].

Говорящий пытается описать сущностную качественную характеристику внезапно появившегося существа. Он озвучивает один из вариантов (коммуникативный параметр наличия вариантов, свойственный *как*), который, на его взгляд, в большей степени отвечает информационным ожиданиям собеседника (*ну*), при этом подчеркивает, что это один из возможных вариантов (*как бы*), так как подлинная сущностная характеристика существа из-за ее отклонения от нормы (*это*) ему неизвестна.

Мужчина: ¹Я тоже здесь с ³детства, / ¹ни разу в жизни не встречал я ³вот ¹такого [17].

Говорящий указывает на реализацию варианта, который не соответствует его бенефактивности (*вот*), отклоняется от нормы (*такой*). К каким последствиям может привести его реализация, непонятно (параметр следствия *такой*).

Следующий пример взят из любительской видеосъемки. Молодые люди отдыхают в горах. Неожиданно раздается крик девушки, и камера фиксирует, как кто-то пытается скрыться среди деревьев.

Молодой человек: ²Вы ²это ²видели? // ²Никит, ²стой, не ходи ²никуда, ²подожди [18].

Говорящий указывает на реализацию варианта, отклоняющегося от нормы (*это*), и пытается остановить другого молодого человека (повелительное наклонение глаголов с параметром каузации действия), просит его учесть возможные небенефактивные следствия (взаимодействие приставки *по-* <подожди> с модальной ИК-2).

Следующий пример – высказывание женщины.
³Ну не знаю, / ³решила, что ²это, может, ²бомж ¹какой-нибудь, / или кто. / ³Ну, ¹такое ¹что-то ¹такое непонятное [19].

С самого начала женщина указывает, что ее ответ не будет соответствовать информационным ожиданиям собеседника (*ну*), так как она из-за отклонения реализованного варианта от нормы (*такое*) не представляет его качественную характеристику (дублирование номинативного «не знаю» коммуникативными средствами *это*, *что-то*, *какой-нибудь* с параметром незнания) и не понимает, к каким последствиям, бенефактивным или небенефактивным, может привести его реализация (*такое*).

Другой пример. Интервьюируемый – сотрудник зоопарка (женщина).

²Здесь ³таких, / ²таких ³обезьян ²здесь ³ни у кого ³быть не может, / ¹понимаете, / ⁷полтора метра ³высотой. / Если ¹там ¹какие-нибудь ³мартышки ¹или ¹там ¹э-э-э, / ¹ну ¹кто, / ³павианы, ³может быть. / ¹Ну ³кто ³еще? / ³Не знаю. / ³Ну, / ³ну ³вот ³эта ¹уже ¹была ¹слишком ¹крупная ¹обезьяна [19].

Предположение, что замеченное существо может быть сбежавшей обезьяной, сотрудница зоопарка не разделяет (ИК-7 с параметром расхождения позиций). По ее мнению, качественная характеристика существа значительно отклоняется от нормы (двукратное *таких*).

Ориентируя слушающего на свою позицию (*понимаете* в сочетании с ИК-3), женщина надеется, что он учел озвученную ею информацию, и в результате изменил свой взгляд на ситуацию (приставка *по-*, переключающая небенефактивный вариант на бенефактивный). Чтобы развеять у слушающего все сомнения, она приводит несколько примеров (двукратное *там* с параметром знания), соответствующих ожидаемому развитию ситуации (*ну*), но без конкретизации их качественной характеристики (*какие-нибудь*), а затем противопоставляет им реализованный вариант (*вот*): коммуникативное дублирование параметра отклонения от нормы средствами *эта*, *уже*, *слишком* и двумя конечными *ну*.

В заключение приведем диалог молодого человека и корреспондента, в котором также часть значимых смыслов прописывается средствами коммуникативного уровня языка.

Парень: ¹Ну ¹то ³ли / человек, / ³то ³ли ³обезьяна. / ³Ну ³ходил ¹весь, / ³шерстяной ³весь. / ³Ну ³в ³шерсти. // ¹Ну, / ²не похожий ¹точно ³на человека. / ¹Ну, / ¹согнувшись, ¹и-и / ¹где-то / ¹руки ¹по ³сюда, / ¹лапы / ¹были, / ³и, ¹короче, / ¹большими ¹шагами ¹шёл.

Корреспондент: ³То ³есть ³ты ³и ³щас ³не ³знаешь, ³что ³там ³за ³животное ³было?

Парень: ³Ну, / ³короче, можно сказать, что это ²животное было, ³ну / ²метров пятьдесят точно ¹было, / ¹вот такого вот где-то роста, согнувшийся (показывает), и шел // <...> [19].

Молодой человек стремится соответствовать информационной норме (ну при каждом вводе новой информации, короче), хотя понимает, что представленные варианты всё же не соответствуют информационным ожиданиям слушающего (актуализация второго параметра ну). Связано это с отклонением ситуации от нормы и отсутствием у говорящего четких представлений и знания о реализованном варианте (то/-то – то ли, где-то).

Корреспондент понял, что молодой человек не может должным образом описать то, что он увидел, но все же пытается еще раз уточнить качественную характеристику реализованного варианта. Свой вопрос он строит в основном с помощью номинативных средств. Из коммуникативных – там с параметром незнания (говорящий прописывает, что он не включен в ситуацию) и ИК-3 с ориентацией на ответ собеседника, ожиданием ввода новой информации о ситуации. Таким образом, коммуникативная роль (функция) слушающего действительно «способна определять РП <речевое поведение> говорящего, т. е. влиять на развитие дискурса с точки зрения его соответствия или несоответствия условиям общения» [6, с. 70].

В ответ на вопрос молодой человек снова утверждает, что он стремится соответствовать информационной норме (короче) и информационным ожиданиям корреспондента (двукратное ну). Он снова пытается найти вариант, который в большей степени соответствует ожиданиям слушающего (второе ну), а затем даже показывает его (вот с параметром реализации варианта развития ситуации, соответствующего целям говорящего и интересам, бенефактивности слушающего). Однако, не смотря на то, что молодой человек вроде бы соотнес вводимый им вариант с реализованным (так), он все-таки сомневается, что этот вариант соответствует действительности (где-то).

Итак, представленные примеры еще раз подтверждают, что очевидцы используют в своей речи не разнородные коммуникативные средства, а только те, которые по своим семантическим возможностям на фоне практически номинативного нуля могут передать мельчайшие, но значимые смыслы. В ситуации «непонимания» данные средства являются, можно сказать, единственным способом хоть в какой-то мере соответствовать информационным ожиданиям собеседника. В первую очередь к этим средствам относятся слова так, такой (отклонение от нормы и параметр следствия), это (указание на сущностную качественную характеристику, отклоняющуюся от нормы), какая

(отсутствие представления качественной характеристики), то/-то (соответствие представлений реализованному варианту, отсутствие знаний о нем), ну (несоответствие ожидаемой норме), вот (реализация варианта и его соответствие / несоответствие цели, интересам, бенефактивности говорящего / слушающего) и ИК-3 (с параметром ориентации слушающего на отклонение от нормы). Это позволяет нам сделать вывод о том, что именно данные коммуникативные средства находятся в центре матрицы речевого поведения русскоговорящих в ситуации «непонимания».

Библиографический список

1. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2002. – 752 с.
2. Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // Филология: вечная и молодая. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2012. – С. 63–78.
3. Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. – Вып. XV. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2014. – С. 101–118.
4. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. – М.: Русский язык, 1977. – 279 с.
5. Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – С. 96–122.
6. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: Либроком, 2009. – 176 с.
7. Лаптева О.А. Жизнь слова: учеб. пособие по лексикологии русского языка. – М.: Высшая школа, 2009. – 557 с.
8. Николаева Т.М. Новое направление в изучении спонтанной речи (обзор) // Вопросы языкознания. – 1970. – № 3. – С. 117–123.
9. Петрунина С.П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты // Вестник ТПГУ. – Томск, 2005. – № 3. – С. 101–106.
10. Селюкова Т.А. Особенности речевого поведения русскоговорящих в чрезвычайной ситуации // Русский язык и культура в современном образовательном пространстве. – М.: МАКС Пресс, 2014а. – С. 123–125.
11. Селюкова Т.А. Функциональная роль русского «вот» (на материале речи очевидцев из репортажей о чрезвычайных происшествиях) // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2014б. – С. 761–762.
12. Селюкова Т.А. Функциональная значимость коммуникативных средств русского языка при нераскрытом номинативном содержании // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2015б. – С. 382–386.

13. *Сиротинина О.Б.* Всё, что нужно знать для русской речи: Пособие для эффективного общения. – М.: Либроком, 2010. – 224 с.

14. Снежный человек в Пермском крае. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=hXEScUJYbpE> (дата обращения: 06.09.2015).

15. Йети в Челябинской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zpGdY7h3wtk> (дата обращения: 06.09.2015).

com/watch?v=zpGdY7h3wtk (дата обращения: 06.09.2015).

16. Кузбасский йети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=A7WiqTjwRrA> (дата обращения: 06.09.2015).

17. Белорусский йети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=9lsaqVknqtM> (дата обращения: 06.09.2015).

РАССМОТРЕНИЕ СУДОМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С ДОСУДЕБНЫМ СОГЛАШЕНИЕМ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Данная статья посвящена проблемам применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что данный институт является относительно новым для отечественного уголовного процесса, он получает все большее распространение, в связи с чем на основе имеющейся практики автором предпринята попытка подвести некоторые итоги его применения. Сложности, возникающие в правоприменительной деятельности по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве, требуют осмысления и разрешения в целях дальнейшего совершенствования данного института. В работе на основе практики судов г. Костромы, а также имеющихся научных исследований подняты наиболее острые проблемы, возникающие по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве, в частности, проблемы юридической квалификации преступлений по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве, правового статуса лица, осужденного в особом порядке при рассмотрении основного уголовного дела в отношении других участников преступной деятельности, а также его ответственности за изменение показаний, в связи с которыми с ним заключалось указанное досудебное соглашение, предложены способы их разрешения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, суд, судебное заседание, осужденный, правовой статус, пересмотр приговора.

Более чем пятилетний срок существования в России института досудебного соглашения о сотрудничестве и сложившаяся за этот период судебная практика позволяют подвести некоторые итоги, а также сформулировать проблемы правоприменительной деятельности, до настоящего времени не нашедшие разрешения.

Практика расследования и судебного рассмотрения таких дел показала явную «выгоду» подобной «сделки» и для органов уголовного преследования, и для обвиняемых, и для суда, в особенности по уголовным делам о групповых преступлениях, где подсудимым инкриминируется совершение преступлений организованной группой, преступным сообществом, санкция за которые весьма высока.

Доказывание по уголовным делам, по которым хотя бы один из обвиняемых полностью признает свою вину и изобличает в совершении преступлений иных лиц, значительно упрощается. Практика изучения подобных дел показывает, что зачастую все обвинение по таким делам основано на показаниях лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. В соответствии с его показаниями ведутся допросы других участников преступлений, устанавливаются их роли, то есть цели досудебного соглашения, в достижении которых заинтересованы органы уголовного преследования.

Уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение, выделяется в отдельное производство, по нему быстро заканчивается предварительное следствие, и оно в течение относительно непродолжительного времени направляется в суд, где в кратчайшие сроки рассматривается в особом порядке, в то время как основное дело за-

частую чуть ли не годами «зависает» в производстве следователя.

Суды удовлетворяют представление прокурора о рассмотрении дела в особом порядке и сохраняя предложенную органами уголовного преследования юридическую квалификацию деяния, назначают лицам, обвиняемым в совершении тяжких и особо тяжких преступлений весьма гуманное наказание, а, следовательно, результатами судебного рассмотрения остаются довольны все стороны, и зачастую такие приговоры не обжалуются и вступают в законную силу. Процессуальная экономия при расследовании и рассмотрении дел с досудебным соглашением о сотрудничестве очевидна.

Нестыковки и сложности возникают тогда, когда в суд поступает основное дело, по которому обвиняемые не признают свою вину, и зачастую основная «битва» между обвинением и защитой ведется за квалифицирующий признак «организованной группой» или состав «преступное сообщество», которые существенно повышают ответственность за содеянное.

В практике судов г. Костромы имеются случаи, когда при рассмотрении основного дела указанные квалифицирующие признаки не находили своего подтверждения.

Так, Свердловским районным судом 01.10.2013 в особом порядке рассмотрено уголовное дело в отношении Аникеева И.В. [5], с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и он признан виновным в совершении ряда эпизодов незаконного сбыта наркотических средств в составе организованной преступной группы. Затем в суд было направлено основное дело в отношении Трухова А.П., Трухова Н.П., Прохорова Т.С.,

Крылова Н.В. [6], обвиняемых в совершении аналогичных преступлений в составе организованной преступной группы совместно с Аникеевым И.В., и в отношении них постановлен приговор, согласно которому из обвинения исключен признак «организованной преступной группой». Оба приговора вступили в законную силу.

Аналогичная ситуация имела место по уголовным делам в отношении Басовой Л.В. [7], которая согласно приговору Свердловского районного суда г. Костромы от 10.01.2014, признана виновной в совершении мошенничеств в составе организованной преступной группы, будучи ее организатором и в отношении лиц, обвиняемых в совершении данных мошенничеств в составе созданной ею организованной преступной группы: Елизаровой Н.Л., Черепанова М.В., Капустина А.М., которые приговором суда 09.07.2014 участниками данной организованной преступной группы не признаны. Елизарова признана исполнителем преступления, а Черепанов и Капустин – ее пособниками [8]. Оба приговора вступили в законную силу.

Таким образом, возникает ситуация, когда в отношении участников одного преступления вынесены приговоры, по содержанию явно противоречащие друг другу: когда один из участников признан лицом, совершившим преступление в составе организованной группы или ее организатором, а другие участниками этой группы не признаны, что исключает квалификацию первого лица по признаку участия в организованной преступной группе.

Подобные ситуации по делам рассматриваемой категории существовали и будут возникать в дальнейшем, и это связано, прежде всего, с тем, что при поступлении в суд уголовного дела в отношении одного лица, обвиняемого в групповом преступлении, лишь на основе его показаний, имеющихся в деле, без полноценного исследования всех доказательств зачастую невозможно установить, является ли обвинение в совершении преступления организованной группой обоснованным.

Поэтому при рассмотрении дела в особом порядке, решая вопрос об обоснованности предъявленного подсудимому обвинения, суд вынужден довольствоваться лишь формальными признаками наличия организованной группы, на основании показаний одного лица, что зачастую оказывается недостаточным. Неслучайно приговоры, постановленные без исследования доказательств в порядке, установленном ст.ст. 316, 317.7 УПК РФ, не имеют преюдициального значения (ст. 90 УПК РФ).

В отдельных случаях это исправляется при пересмотре вступившего в законную силу приговора, постановленного в особом порядке, после того, как в законную силу вступит приговор, постановленный в общем порядке [4], но зачастую при отсутствии жалоб участников процесса, остаются в силе

оба противоречащих друг другу приговора, как и произошло в вышеуказанных случаях.

Некоторые ученые, ссылаясь на практику рассмотрения подобных дел в США, для предотвращения подобной ситуации предлагают рассматривать выделенное уголовное дело после основного [1; 2; 3]. В этом случае, безусловно, возникает проблема соблюдения разумных сроков рассмотрения уголовного дела, так как на расследование и рассмотрение основного уголовного дела, в зависимости от его объема и количества участников преступной деятельности, может потребоваться срок до нескольких лет. О.Н. Тисен предлагает в этом случае приостанавливать производство по выделенному уголовному делу до вступления в законную силу решения по основному делу [3]. Однако указанным автором не решена сопутствующая данному решению проблема – вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого, которая могла бы гарантировать, что он предстанет перед правосудием даже через несколько лет. Представляется, что любая мера пресечения на такой неопределенно длительный период как срок расследования и судебного рассмотрения уголовного дела в отношении других лиц, не может признаваться обоснованной.

Таким образом, в настоящее время противоречия между судебным решением по выделенному делу с досудебным соглашением и основному делу без такового устраняются лишь вышестоящей судебной инстанцией при пересмотре первого.

На наш взгляд, в условиях действующего законодательства и требований о соблюдении разумных сроков судопроизводства иных способов разрешения данной ситуации не имеется. Таким образом, приходится констатировать, что на практике при выделении в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение, публичный интерес, состоящий в вынесении законного, обоснованного и справедливого приговора, зачастую вступает в конфликт с иным публичным интересом, состоящим в уголовном преследовании лиц, совершивших преступления и назначении им наказания, и приоритет отдается последнему, хотя и несколько в ущерб интересам правосудия. Приговор, постановленный в особом порядке в рассматриваемых случаях, потенциально нестабилен и находится под угрозой изменения по результатам судебного рассмотрения основного дела, и данное обстоятельство следует рассматривать в качестве издержки упрощенной процедуры судопроизводства.

Помимо обозначенной проблемы нельзя не упомянуть и об иных сложностях, возникающих при рассмотрении дел с досудебным соглашением о сотрудничестве.

В частности, это проблема процессуального статуса лица, осужденного в особом порядке по направленному в суд основному делу. Остается

неясным: какими полномочиями он пользуется, находится ли он в статусе обвиняемого, не предусматривающим уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний; или свидетеля, который обязан давать правдивые показания и несет уголовную ответственность и за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Представляется, что во избежание конфликта правового статуса свидетеля и обвиняемого (а в материалах уголовного дела показания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве зафиксированы в статусе обвиняемого), принимая во внимание возможность пересмотра судебного решения, постановленного в особом порядке по результатам судебного рассмотрения основного уголовного дела, осужденный, допрашиваемый в судебном заседании, не должен нести уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, то есть должен пользоваться правами обвиняемого. Вместе с тем, для данного лица должна быть предусмотрена ответственность в случае изменения показаний, в связи с которыми с ним заключалось досудебное соглашение, поскольку изменение им показаний может привести к осуждению иных участников преступления по менее тяжкому обвинению, что в свою очередь может повлечь пересмотр вынесенного в отношении него приговора в сторону смягчения. Отсутствие какой-либо ответственности за подобные действия может привести к злоупотреблению лицами, осужденными в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, своими правами.

В настоящее время УПК РФ не предусматривает каких-либо последствий для осужденного в особом порядке лица, когда он, будучи допрошенным по основному делу, изменяет свои показания в пользу подсудимых. В практике Свердловского районного суда г. Костромы были случаи, когда осужденное лицо при рассмотрении судом основного дела в общем порядке отказывалось от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ [8], а также когда ранее осужденный заявлял том, что на следствии частично оговорил себя и иных соучастников в личных интересах, с целью заключения выгодного для него досудебного соглашения [9].

Представляется, что в последнем случае изменение показаний осужденным должно служить основанием для возобновления производства по

выделенному делу, рассмотренному в особом порядке, рассмотрения его в общем порядке, с назначением наказания без учета положений ч. 4 ст. 62 УК РФ, и об этом необходимо прямо указать в ст. 317.8 УПК РФ, а также указать данное обстоятельство в ст. 401.15 УПК РФ в качестве одного из оснований для отмены судебного решения судебного решения в кассационном порядке, а ст. 401.6 УПК РФ следует дополнить указанием о том, что по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве годичный срок, в течение которого положение осужденного может быть в кассационном порядке ухудшено, исчисляется с момента вступления в законную силу приговора по основному делу.

Библиографический список

1. Карлов А.Л. Преюдиция и досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы взаимодействия при рассмотрении уголовных дел. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс].
2. Степаненко Д., Днепровская М. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс].
3. Тисен О.Н. К проблеме ограниченной преюдиции фактов, установленных в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс].
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2012 г. № 45-Д12-4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс].
5. Уголовное дело в отношении Аникеева И.В. – Режим доступа: Архив Свердловского районного суда г. Костромы. – 2013.
6. Уголовное дело в отношении Трухова А.П., Трухова Н.П., Прохорова Т.С., Крылова Н.В. // Архив Димитровского районного суда г. Костромы. – 2013.
7. Уголовное дело в отношении Баевой Л.В. // Свердловского районного суда г. Костромы. – 2014.
8. Уголовное дело в отношении Елизаровой Н.Л., Черепанова М.В., Капустина А.М. // Архив Свердловского районного суда г. Костромы. – 2014.
9. Уголовное дело в отношении Азаренкова И.А., Назаренкова // Архив Свердловского районного суда г. Костромы. – 2015.

СИСТЕМА САМОЗАЩИТЫ

Статья посвящена подробному анализу отдельных элементов самозащиты: форма самозащиты, способ самозащиты, средства самозащиты, порядок осуществления самозащиты, метод осуществления самозащиты и условия применения самозащиты. Законодателем самозащита отнесена к способам защиты гражданских прав, что, по мнению автора, ведет к суженному ее правопониманию. Автор проводит подробный анализ элементов самозащиты и с позиции системного подхода показывает взаимосвязь всех элементов как единой системы. Каждый элемент самозащиты подробно рассматривается в рамках конкретных правоотношений с учетом положений тех или иных норм материального права. В зависимости от правоотношений, в рамках которых применяется самозащита, проводится классификация средств самозащиты по различным критериям. Особое внимание автором уделено осуществлению самозащиты с использованием справочных правовых систем, как средств самозащиты. Автор статьи приходит к выводу, что все элементы самозащиты, находясь в постоянной взаимосвязи, образуют систему самозащиты, которая показывает самозащиту в действии. В целом система самозащиты являет институт самозащиты как целый, завершённый, сбалансированный, отлаженный механизм, способный к применению. Совокупность элементов самозащиты в единой системе позволит избежать коллизий, пробелов и противоречий при нормотворчестве.

Ключевые слова: самозащита, система самозащиты, форма самозащиты, способ самозащиты, средство самозащиты, порядок осуществления самозащиты, метод самозащиты.

В соответствии со статьей 2 конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Обозначив соответствующие приоритеты, государство взяло на себя обязанность не просто по признанию и соблюдению прав и свобод человека и гражданина, оно взяло на себя обязательства по их защите.

Согласно части 2 статьи 45 Конституции РФ, в Российской Федерации каждый человек вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Указанная выше конституционная правовая норма является нормой прямого действия и служит своеобразной гарантией осуществления самостоятельной защиты прав и свобод.

Процедурным вопросам осуществления самозащиты в отраслевом законодательстве посвящено несколько правовых норм. В соответствии со статьей 12 ГК РФ, самозащита отнесена к способам защиты гражданских прав. Согласно статье 14 ГК РФ, способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Согласно п. 9 Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», при разрешении споров, возникших в связи с защитой принадлежащих гражданам или юридическим лицам гражданских прав путем самозащиты (статьи 12 и 14), следует учитывать, что самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения, и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный.

Применительно к отдельным способам осуществления самозащиты в ряде норм отраслевого

законодательства предусматриваются отдельные условия и правила, которые необходимо соблюдать. Так, самозащите посвящены нормы главы 59 Трудового кодекса РФ. Нормы о необходимой обороне и крайней необходимости содержатся в статьях 37 и 39 Уголовного кодекса. Крайняя необходимость, как способ осуществления самозащиты, закреплён в статье 2.7. Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Поскольку нормы о самозащите находятся в разных отраслях права, самозащиту можно рассматривать как комплексный межотраслевой правовой институт. При этом в действующем законодательстве отсутствует определение самой категории «Самозащита».

Анализируя нормы действующего законодательства и имеющуюся судебную практику, самозащиту можно определить как совершаемые в качестве ответных мер на нарушение прав лица, самостоятельно, обладающие соразмерностью последствиям данного нарушения, прямо не запрещённые законом, действия (бездействие) физических или юридических лиц, направленные на предупреждение, пресечение и восстановление нарушений своих субъективных прав, реализация которых, влечёт приобретение (достижение) охраняемых законом интересов, при условии не превышения установленных законом пределов [1, с. 216].

Кроме того не определены в действующем законодательстве и отдельные правовые нормы относительно структурных элементов самозащиты, такие как «форма самозащиты», «способ самозащиты», «средство самозащиты», «порядок осуществления самозащиты», «метод самозащиты». Данные элементы самозащиты имеют очень важное практическое значение, поскольку каждый из них показывает отдельный аспект действия само-

защиты, а в совокупности элементы самозащиты показывают самозащиту в действии.

Право человека на самозащиту является неотчуждаемым и неотъемлемым правом, которым человек стал обладать с самого своего рождения. Данное право является способом обеспечения индивидуальной автономии личности и ее взаимодействия с другими людьми, различными социальными структурами, обществом и государством. Ряд способов самозащиты в виде конкретных субъективных прав, реализация которых возможна в ответ на допущенное правонарушение или ставится от наличия и реальности угрозы причинения вреда охраняемым правам и интересам личности, изложен в отдельных нормативных актах разных отраслей права. Данное обстоятельство дает основание утверждать, что закрепленное право на самозащиту следует рассматривать в качестве комплексного правового института, нормы которого содержатся в конституционном и иных отраслях права. Совокупность норм о самозащите, закрепленных в различных нормативно-правовых актах, создает **форму самозащиты**. Форма самозащиты – это «специфические резервуары», в которых закреплены правовые нормы. Формой самозащиты, на наш взгляд, является ее правовая оболочка, правовое обличие. Иначе говоря, формой самозащиты является предусмотренная или закрепленная законом возможность осуществления защиты субъектом самостоятельно, без обращения в юрисдикционные органы или суд. При этом форма – это правовая основа, указывающая на конкретные действия, процедуру, способы и порядок их осуществления. Например, форма самозащиты гражданских прав способом удержания (с указанием действий, процедуры, порядка его осуществления) изложена (закреплена) в статьях 359 – 360 ГК РФ.

Если формой самозащиты по существу является ее законодательное закрепление, то конкретные действия (бездействия), которые субъект осуществляет, используя правовые нормы, позволяет говорить о способе осуществления самозащиты. На диссертационном уровне справедливо отмечено, что способы (меры) самозащиты прав представляют собой осуществляемые физическими и юридическими лицами самостоятельно и в разных формах прямо не запрещенные законодательством, специфичные по содержанию действия (бездействие), объединенные целью предупреждения и (или) пресечения нарушений своих субъективных прав [6, с. 18]. Способы защиты, будучи категорией материального права, представляют собой конкретные действия, предпринимаемые для защиты своих прав [3, с. 12]. **Способ самозащиты** – это внешняя ее форма, в которой осуществляются действия (бездействия) по осуществлению самозащиты, т.е. конкретные приемы и методы, применяемые лицом, осуществляющим самозащиту. Способы

самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. По нашему мнению, данное правило, закрепленное в части 2 статьи 14 Гражданского кодекса РФ, является общим и вполне применимо при осуществлении самозащиты во всех отраслях права, любым из ее способов. Количество способов самозащиты многообразно.

Форма самозащиты (правовое закрепление отдельных ее средств, способов и условий) неразрывно связана со способами самозащиты, т.е. с конкретными действиями (бездействиями) субъекта, реализующего свое субъективное право, поскольку использование самозащиты в качестве вида защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов возможно только при безусловном и точном применении норм действующего законодательства.

Под **средствами защиты** понимаются конкретные предметы материального мира, приспособления или объекты, с помощью которых осуществляется защита. При осуществлении самозащиты, в зависимости от избранной формы и способа ее осуществления, могут использоваться различные средства. Все средства самозащиты в зависимости от сферы применения и специфики правоотношений можно подразделить на **средства самозащиты частноправовых отношений в области публичного права** и **средства самозащиты в области частного права**.

Поскольку основными способами самозащиты частноправовых отношений в области публичного права является Крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ и ст. 2.7. КоАП РФ) и необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), **средствами самозащиты частноправовых отношений (жизнь, имущество) в области публичного права** являются конкретные предметы материального мира, приспособления или объекты, с помощью которых осуществляется самозащита указанными выше способами самозащиты. Так, например, при необходимой обороне, когда существует реальная опасность жизни и здоровью обороняющегося либо вред жизни и здоровью уже причинен, допустимо применение фактически любых средств (оружия, арматур, палок, и др. средств), при условии соблюдения условий применения необходимой обороны.

Средством самозащиты в сфере частного права понимаются имеющие определенную документальную форму носители информации, избираемые в рамках того или иного способа самозащиты, направляемые контрагенту и побуждающие его надлежащим образом исполнять взятые на себя обязательства, прекратить нарушение или восстановить нарушенное субъективное право.

Здесь, применительно к частноправовым отношениям, самозащита может применяться с использованием таких средств, как *претензия, письмен-*

ные заявления, обращения, извещения, уведомления и иных средств. Любой из указанных выше документов, направленный в адрес контрагента с требованием о восстановлении нарушенных прав, прекращения нарушения прав или недопущения нарушения прав при наличии реальной возможности нарушения права, обладает признаками самостоятельности, соразмерности, соответствует способу, характеру и степени нарушения. При этом все указанные документы являются вещественными (бумажными) предметами или имеют электронный вид и направлены на достижение пресекающей или восстановительной цели.

Данные средства, в зависимости от вида правоотношений, можно использовать фактически при любом способе осуществления самозащиты, и потому средства и способы самозащиты находятся в постоянной неразрывной связи. Прибегая к самозащите, лицо самостоятельно избирает способ ее осуществления, а в рамках избранного способа самостоятельно пользуется одним или несколькими средствами. Все средства самозащиты, применяемые в сфере частного права, можно также разделить на основные средства и вспомогательные средства.

Основные средства самозащиты – средства, при помощи которых лицо в рамках выбранного способа самозащиты самостоятельно, непосредственно осуществляет защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов. К их числу относятся претензия, письма, сообщения, уведомления и другие документы, направляемые контрагенту и побуждающие его совершить определенные действия или воздержаться от противоправных действий.

Вспомогательные средства самозащиты – это средства, опосредованно используемые лицом для осуществления самозащиты, иначе говоря, средства, при помощи которых лицо имеет возможность черпать необходимую информацию. К их числу относятся: Интернет, справочные правовые системы, всевозможная справочная информация, юридическая литература и научные труды по тематике самозащиты.

На наш взгляд, достаточно актуальным и важным является вопрос осуществления самозащиты с использованием **справочных правовых систем**, под которыми понимается программный комплекс, состоящий из массива информации и инструментов, позволяющих с ней работать: производить поиск и просматривать отдельные фрагменты текста или формировать и выводить на печать подборки документов [4, с. 12].

Данное определение достаточно неплохое, однако его следует уточнить. Так, в любой справочной правовой системе содержится не просто информация, а информация преимущественно правовая (нормативно-правовые акты, судебная практика

и комментарии законодательства) и бухгалтерская (комментарии к налоговому и финансовому законодательству, вопросы по конкретным ситуациям и ответы на них, формы бухгалтерской отчетности). На современном этапе развития информационных технологий, ведущие компании – разработчики СПС – предоставляют полное информационно-правовое обеспечение в виде единства трех составляющих: аналитики (массив правовой информации), новостей (новости законодательства, упорядочиваемые в информационных новостных лентах, рассылаемых пользователям), горячей линии (предоставление отсутствующих в базе документов) и консалтинга (ответы на наиболее важные вопросы) [5, с. 25].

Использование всех возможностей СПС, на наш взгляд, позволяет зачастую простому человеку самостоятельно защитить свои права и отстоять охраняемые законом интересы, самостоятельно найти и ознакомиться с интересующей его правовой информацией, достаточно грамотно составить некоторые несложные юридические документы (например, написать претензию). Ясно, что в случае возникновения затруднений человек может обратиться за квалифицированной помощью к специалистам за получением необходимого документа или интересующей информации.

Порядок осуществления защиты – это категория процессуального права, которая отвечает на вопрос: каким образом лицо желает защитить свои права (самостоятельно или путем обращения к компетентным органам).

Если лицо решает обратиться в суд или иной орган, то оно должно соблюдать регламентированные соответствующими нормами процессуальные процедуры, начиная с подачи жалобы или искового заявления и заканчивая разрешением дела по существу.

Если лицо решает самостоятельно защищать свои права, то оно:

Во-первых, не должно превышать общих пределов самозащиты (условий и критериев ее применения), которые подробно будут рассмотрены ниже.

Во-вторых, должно соблюдать специфические для того или иного способа самозащиты процедурные моменты (условия), предусмотренные нормами действующего отраслевого законодательства (например, условия и порядок осуществления самозащиты, предусмотренные трудовым кодексом РФ)

В-третьих, должно соблюдать процедурные моменты (условия), которые стороны оговорили при заключении Договора. Это могут быть сроки и условия предъявления и рассмотрения претензий, порядок их заявления, рассмотрения и признания, особенности применения удержания как способа самозащиты и др.

Порядок осуществления самозащиты – это предусмотренная законом или договором обязательная процедура осуществления самозащиты, свойственная тому или иному способу осуществления самозащиты, применимому для определенной группы общественных отношений (отрасли права). Порядок (процедура) осуществления самозащиты (специфические условия) зависит от избранного способа самозащиты. Зачастую те или иные условия ее осуществления, обусловленные отраслью права, облечены в правовую оболочку – форму самозащиты. В то же время в отдельных средствах осуществления самозащиты, например в претензии, сторона, заявившая ее, может предусмотреть некоторые процедурные вопросы, например, срок, в течение которого контрагенту необходимо совершить определенные действия или устранить допущенные нарушения или срок, необходимый для ответа.

Данные обстоятельства говорят о том, что порядок осуществления самозащиты неразрывно связан с иными категориями самозащиты (способом, формой, средством самозащиты), является неотъемлемым элементом системы самозащиты.

Следующим элементом системы осуществления самозащиты является метод осуществления самозащиты.

Метод – это подход к изучаемым явлениям, предметам и процессам, планомерный путь научного познания. Метод отвечает на вопрос «Как?»; «Каким образом?». Метод можно определить как совокупность приемов, принципов и правил, с помощью которых постигается предмет [2, с. 19].

Данный элемент выполняет двоякую функцию. Во-первых, этот элемент показывает, как и каким образом работает самозащита. Во-вторых, данный элемент направлен на изучение самой правовой категории самозащиты.

Методы самозащиты можно определить как совокупность приемов, принципов и правил, с помощью которых самозащита раскрывается как правовая категория, и происходит ее изучение и осуществление. Методы самозащиты наглядно показывают нам сущность самозащиты, (т.е. говорят, каким образом, практически, используются средства самозащиты и способы самозащиты) и помогают нам отследить изменения и совершенствование категории самозащита.

Рассмотрев каждый из элементов самозащиты, можно рассмотреть самозащиту как систему. Система – нечто целое, представляющее собой единство закономерных расположенных и находящихся во взаимной связи частей. Система – определенный порядок в расположении связи частей чего-нибудь в действиях [7, с. 624]. Система – порядок, обусловленный правильным, закономерным расположением частей в определенной связи. Система – совокупность методов, приемов осуществления чего-либо [8, с. 216].

Любая система представляет собой упорядоченную совокупность взаимосвязанных элементов, каждый из которых, как кирпичик, занимает свое, особое место. При этом все элементы, находясь в постоянной взаимосвязи, заставляют систему работать как единый отлаженный и сбалансированный механизм.

Несмотря на то, что правовые нормы самозащиты закреплены в различных нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям права, все они объединены **общей целью** – *самостоятельно, без обращения в юрисдикционные органы и суд, осуществить защиту своего нарушенного права и восстановить справедливость*. Система самозащиты построена из **форм самозащиты**. Каждая форма самозащиты имеет определенные **способы самозащиты**. Каждому способу самозащиты присущи определенные, свойственные только ему **средства самозащиты** (*предметы внешнего мира или носители информации*), которые подразделяются в зависимости от сферы применения и специфики правоотношений на **средства самозащиты частноправовых отношений в области публичного права** (*приемы, орудия и приспособления для осуществления самозащиты*) и **средства самозащиты в области частного права** (*носители информации, имеющие документальную форму*). Средства самозащиты в области частного права подразделены на **основные** и **вспомогательные**. Кроме того, можно вывести ряд общих **условий правомерности осуществления самозащиты**, которые приемлемы фактически для всех способов осуществления самозащиты, независимо от формы. Данные условия называются **пределами самозащиты** и отграничивают самозащиту от самоуправства. Кроме того, в систему самозащиты входят такие элементы, как **порядок осуществления самозащиты**, которым регламентируются процедурные вопросы осуществления самозащиты с использованием того или иного способа, и **метод осуществления самозащиты**, который раскрывает самозащиту как правовую категорию, наглядно показывает практическое ее осуществление и способствует ее изучению.

Все указанные выше элементы системы самозащиты упорядочены и постоянно находятся в тесной неразрывной связи. **Систему самозащиты можно определить как единый комплекс всех предусмотренных форм самозащиты, разделенных на составные элементы по определенным критериям, находящиеся между собой во взаимной связи и взаимной обусловленности, каждый из которых, занимая свое место, выполняет свою функциональную роль при осуществлении самозащиты тем или иным способом**.

Система самозащиты показывает институт самозащиты как целый, заверченный, сбалансированный, отлаженный механизм, способный к при-

менению, а также позволяет избежать коллизий, пробелов и противоречий при нормотворчестве, что делает более совершенным законодательство и облегчает практическое ее применение.

Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть I от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ с изм. и доп.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ с изм. и доп.
3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 48 с.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ с изм. и доп.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с изм. и доп.

Судебная практика

Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 1996. – № 9. – С. 10–32.

Библиографический список

1. Григоров А.А. Механизм самозащиты // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – №3. – С. 215–220.
2. Доржиев Ж.Б. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие для студентов. – М.: ВСГТУ, 2005. – 520 с.
3. Казакова Е.Б. Самозащита как юридическое средство: Проблемы теории и практика: автореф. дис.... канд. юр. наук. – Тамбов, 2006. – 24 с.
4. Ларионов Р. Поисковые возможности справочных правовых систем // Упрощенка. – 2007. – № 4. – 157 с.
5. Ларионов Р. Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ – мощное оружие профессионала // Расчет. – 2008. – №10. – 180 с.
6. Мальцев М.Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству (теоретико-правовое исследование): автореф. дис.... канд. юр. наук. – Саратов, 2006. – 24 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 758 с.
8. Толковый словарь русского языка. – М.: ВАКО, 2015. – 288 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В статье сделана попытка отграничить субъектов наказаний в виде лишения права занимать определенные должности, лишения права заниматься определенной деятельностью и лишения права заниматься иной деятельностью. На основании изученных 342 уголовных дел, рассмотренных судами городов Иваново и Ярославля в 2009–2014 годах, и анкетирования 35 осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях Ивановской области, проведен сравнительный анализ характеризующих данных осужденных, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий), квалификация совершенного преступления, размер назначенного наказания. На основании исследования сделан вывод о наличии в фигуре данной категории осужденных отличий от среднестатистического преступника. В итоге автором высказано предложение о более широком применении на практике данной меры государственного принуждения, особенно в качестве основного вида наказания.

Ключевые слова: характеристика, личность осужденного, наказание, лишение права занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью.

Личность виновного в совершении преступления всегда была объектом пристального внимания криминологов. Как отмечает Ю.М. Антонян, «наиболее острые дискуссии криминологи вели и ведут как раз по поводу личности преступника» [1, с. 8]. Значимость исследования личности преступника состоит, прежде всего, в том, что преступление как акт человеческого поступка и волеизъявления конкретного лица в значительной степени производно от его сущностной характеристики и особенностей [6, с. 82].

В настоящее время наблюдается увеличение численности осужденных, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Если в 2005 году данный вид наказания назначен 2700 осужденным, то в 2014 году он применен к 245 виновным в качестве основного и 11437 – в качестве дополнительного наказания [8].

При этом личность тех людей, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, является сложной криминологической проблемой. Практика показала, что данная группа осужденных отличается своей неоднородностью. Сформировавшееся представление о том, что это специальный вид наказания, предназначенный, прежде всего, для нейтрализации лиц, пользующихся для совершения преступления своими привилегиями по службе или в связи с занимаемой должностью, не подтверждено правоприменительной практикой.

В первую очередь, это объясняется содержанием наказаний, входящих в структуру меры государственного принуждения, именуемой в ст. 47 УК РФ «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Так, лишение права занимать определенные

должности состоит в запрете занимать должности в правоохранительных органах, на государственной службе, в органах местного самоуправления. К данной группе относятся сотрудники ГИБДД, ФСИН, МВД, медицинские работники государственных учреждений здравоохранения, наделенные организационно-распорядительными полномочиями и т.д.

Субъектами наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью является более широкий круг лиц: служащие коммерческих организаций; медицинские работники, не обладающие организационно-распорядительными полномочиями; водители транспортных средств, и другие лица, в том числе несовершеннолетние. Следует отметить, что доля несовершеннолетних в этом виде наказаний весьма незначительна, так в 2014 г. в Российской Федерации основное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью назначено 1 несовершеннолетнему, в качестве дополнительного – 45 [9].

К указанной категории субъектов относятся как лица, совершившие умышленные корыстные преступления (ст. ст. 160, 201, 204, 260 УК РФ), так и неосторожные преступления, характеризующие осужденных отсутствием типичных для преступников черт (ст. 264 УК РФ).

Лишение права заниматься иной деятельностью подлежит назначению лицам, управляющим личным транспортом, занимающимся предпринимательской деятельностью, охотой, рыбным промыслом и т.д.

Следует отметить, что чаще всего данные наказания напрямую коррелируют с занимаемой виновным должностью или занятием определенной деятельностью до момента осуждения, исключения составляют лишь некоторые виновные (в частности, осужденные по статьям 131, 132, 135, 242.1

УК и т.п.). Приведем следующий пример. Приговором Фрунзенского районного суда г. Иваново от 26 июля 2013 г. Зоркин признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ («Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних»), ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев с лишением права занимать должности в учреждениях, осуществляющих деятельность в сфере образования сроком на 14 лет [2]. При этом до осуждения Зоркин работал сторожем, т.е. осуществляемая им деятельность никак не была связана со сферой образования. Назначение дополнительного вида наказания в данном случае продиктовано, прежде всего, повышенной общественной опасностью совершенного преступления.

При исследовании личности преступника в криминологии принято выделять социально-демографические и уголовно-правовые признаки личности, ее социальные проявления в различных сферах общественной жизни, нравственные свойства и психологические особенности [7, с. 32–37].

Нами проведен сравнительный анализ характеризующих данных осужденных, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий), квалификация совершенного преступления, размер назначенного наказания.

Предметом исследования послужили уголовные дела, рассмотренные областными и районными судами г. Иваново и г. Ярославль в 2009–2014 гг. Анализ социально-демографических признаков лиц, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, выявил преобладание лиц мужского пола – 90,9%. Как отмечается в литературе, это относится ко всем без исключения видам наказаний и объясняется относительно большей активностью мужчин в общественной жизни [10, с. 136]. При этом наблюдается динамика увеличения лиц женского пола, что продиктовано, прежде всего, увеличением удельного веса женщин в некоторых сферах деятельности: медицина, служба судебных приставов, управление исполнения наказаний, образовательные учреждения всех типов и т.д.

По изученным нами уголовным делам женщины, осужденные к данной мере ответственности, занимали следующие должности или занимались следующими видами деятельности: медицинский работник, бухгалтер, преподаватель высшего учебного заведения, судебный пристав-исполнитель, директор коммерческой организации, директор детского дошкольного учреждения и т.п.

В юридической литературе отмечается, что женщины реже совершают должностные преступления, что, вероятно, связано с меньшим гендерным представительством среди руководящих работников [4, с. 273]. Свыше 50% всех преступлений, совершенных женщинами, носят корыстный характер. Особенно велик процент женщин, совершивших преступления в системе торговли и обслуживания населения [6, с. 86]. Это подтверждают и результаты проведенного нами исследования, большинство совершенных преступлений за которые было назначено данное наказание, – ст. ст. 290, 292, 201, 160 УК РФ.

Представляет определенный интерес распределение осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по возрастному показателю. Возрастной диапазон исследуемой группы осужденных весьма широк – от 18 до 76 лет. Средний возраст осужденных к указанному наказанию составляет 47 лет.

Объясняется указанная закономерность, прежде всего, преобладанием лиц, лишенных права управления транспортными средствами (65,9%). Так, если возрастной предел государственной службы и службы в органах местного самоуправления ограничен определенным возрастом (65 лет), то управление транспортом не имеет никаких возрастных барьеров.

Регистрируемые данные о лицах, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также обобщение изученных уголовных дел дают следующее распределение указанных лиц по возрастным группам: лиц моложе 18 лет в результате исследования нами не выявлено, 18–24 года – 13,2%, 25–29 лет – 17,8%, 30–49 лет – 50,5%, старше 50 лет – 18,48%. Как уже отмечалось, верхний возрастной предел таких осужденных доходит до 76 лет.

По удельному весу указанных преступников лидирует возрастная группа 30–49 лет (50,5%) – это объясняется не только ее преимущественным объемом, но и высокой социальной активностью лиц указанного возраста, за ней следует возрастная группа старше 50 лет (18,48%), далее идет возрастная группа 25–29 лет (17,8%) и замыкает эту цепочку молодые люди в возрасте 18–24 года (13,2%).

При этом каждую из возрастных групп характеризует определенная категория совершенных преступлений. Для лиц в возрасте 18–24 года преобладает совершение неосторожных преступлений, связанных с эксплуатацией транспортных средств (ст. 264 УК). Это объясняется тем, что в указанном возрасте получить хорошую работу или должность проблематично в связи с отсутствием нужного уровня образования и опыта работы. Чаще всего – это ситуативные преступники.

Для возрастной группы 30–49 лет характерно совершение умышленных корыстных преступлений, предусмотренных ст. ст. 285, 286, 290, 204 УК РФ. Это связано с тем, что именно в этом возрасте человек достигает определенных жизненных позиций (получает образование, занимает определенную должность, имеет устойчивое материальное положение, добивается стабильности в деловых отношениях и т.д.).

Перечень преступлений, совершенных лицами, входящими в возрастную категорию старше 50 лет, весьма обширен – это преступления, предусмотренные статьями 145.1, 160, 204, 285, 290, 292, а также предусмотренные ст. 264 УК. Таким образом, лица старшего возраста совершают более обдуманные преступления.

Далее следует отметить образовательный уровень анализируемой группы осужденных. Ведущими криминологами подчеркивается, что образование является важным антикриминогенным фактором [3, с. 40]. В то же время, как показывают криминологические исследования, лица с более высокой степенью образованности совершают должностные и экономические преступления, лица же, совершающие хулиганство, посягательства на личность, кражи, грабежи и разбои, имеют, как правило, низкий уровень образования [6, с. 86].

Образовательный уровень преступников способен свидетельствовать о культуре личности, ее социальном статусе, круге контактов, жизненных планах и возможностях их реализации [5, с. 192]. Соглашаясь с этим утверждением, следует отметить, что в последнее время, с появлением большого количества коммерческих образовательных учреждений, наличие высшего образования еще не гарантирует высокого образовательного и культурного уровня его обладателей, а как следствие, и высоких профессиональных качеств.

Около 40,5% лиц, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, имеют высшее образование. Среди последних преобладают лица самой многочисленной возрастной группы 30–49 лет. Среднее специальное образование технического профиля имеют 29,6% лиц, среднее образование – 23,3%, и лишь 5,6% имеют неполное среднее образование. Таким образом, данная категория осужденных отличается высоким образовательным уровнем.

Среди осужденных преобладают лица, состоящие в браке (52%), что можно объяснить сравнительно зрелым возрастом данной категории субъектов. Не состоят в браке 39% лиц, разведены – 9%. У большинства семейных лиц имеются несовершеннолетние дети.

Лица, ранее привлекаемые к уголовной ответственности, составляют всего 5%, что также связано с высоким социальным статусом виновного до

момента его осуждения, и, кроме того, повышенными требованиями, предъявляемыми к претендентам на замещение должностей на государственной и муниципальной службе (сотрудники правоохранительных органов, врачи, государственные служащие и т.д.). Например, в соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 29 Закона о полиции, сотрудник полиции не может находиться на службе в полиции при наличии судимости, в том числе снятой или погашенной [11].

Преобладающее число лиц, имеющих судимость до совершения преступления, за которые они лишены права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, – обладатели рабочих специальностей (водитель, сторож, разнорабочий, монтажник и др.) или лица, официально не трудоустроенные. Совершенные ими преступления квалифицированы по ст. 264 и 260 УК РФ.

Анализ уровня и характера занятости показал следующие результаты:

- официально не трудоустроенные лица составляют 24,5%;
- работники сферы услуг – 22,2%;
- рабочие – 13,5%;
- государственные или муниципальные служащие – 12,6%;
- служащие коммерческих организаций – 11,5%;
- водители – 9%;
- прочие специальности – 8,2%;
- сотрудники правоохранительных органов – 7%;
- медицинские работники – 6%;
- студенты – 2,2%;
- индивидуальные предприниматели – 1,1%.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что основная масса лиц, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, – работники сферы услуг (22,2%) и лица, не имеющие официального трудоустройства (24,5%). Итого, лишь 12,6% составили государственные и муниципальные служащие, и 7% – сотрудники правоохранительных органов. Именно эти цифры дают повод усомниться в том, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является особым видом наказания, предназначенным для узкого круга специальных субъектов.

Анкетирование лиц, отбывающих наказание в колониях-поселениях Ивановской области, показало, что 68,5% виновным назначено дополнительное наказание в виде лишения права управления транспортным средством, среди них водители личного транспорта, сотрудники правоохранительных органов, педагогические работники, индивидуальные предприниматели; 17,1% осужденных лишены права занимать государственные должности (сотрудники правоохранительных органов, меди-

цинские работники, государственные служащие), а 14,4% — заниматься деятельностью, связанной с заготовкой и переработкой древесины (рабочие, индивидуальные предприниматели, официально не трудоустроенные лица).

Распределение осужденных в зависимости от видов лишений, наложенных судом, выглядит следующим образом. Самым распространенным видом лишения права, как уже отмечалось, является лишение права управления транспортным средством, оно применено в отношении 65,9% осужденных; далее следует запрет занимать должности, связанные с организационно-распорядительными полномочиями в органах и учреждениях системы здравоохранения, — 7,9%; запрет занимать должности на государственной службе — 5,3%; запрет осуществления деятельности, связанной с заготовкой и переработкой древесины, — 3,2%; запрет выполнения организационно-распорядительных функций в государственных и муниципальных учреждениях высшего и среднего профессионального образования — 2,6%.

Чаще всего максимальный срок дополнительного наказания (по общему правилу — 3 года) назначался осужденным по ст. 286 УК, особенно осужденным к лишению права занимать должности представителя власти, а также по ст. 264 УК — в виде лишения права управления транспортными средствами. Самые маленькие сроки дополнительного наказания назначаются по ст. 204 УК (от 6 мес. до 1,5 лет); по ст. 260 УК (от 1 до 2 лет).

Таким образом, осужденных, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, характеризуют следующие особенности:

- высокий образовательный уровень;
- преобладание лиц мужского пола;
- отсутствие прежних судимостей;
- достаточно высокий средний возраст (47 лет).

В целом можно утверждать, что лица, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, не представляют повышенной общественной опасности для окружающих и не нуждаются в изоляции от общества. Любые же изменения социального статуса воспринимаются ими весьма чувствительно, и назна-

чение данного наказания может служить хорошей превентивной мерой в достижении целей, стоящих перед наказанием. В связи с этим хотелось бы видеть более широкое применение на практике данной меры государственного принуждения, особенно в качестве основного вида наказания.

Библиографический список

1. *Антоян Ю.М.* Личность преступника. Криминологическо-психологическое исследование / Ю.М. Антоян, В.Е. Эминов. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — 368 с.
2. Архив Фрунзенского районного суда г. Иваново. — 2013. — Дело № 1-179/2013.
3. *Бибик О.Н.* Культурная обусловленность уголовного наказания: монография. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 223 с.
4. *Ветрова И.В., Спасенников Б.А.* Проблемы уголовного наказания женщин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 г.) — М.: РГ-Пресс, 2015. — 584 с.
5. *Корягина О.В.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика вымогательства: дис. ... канд. юрид. наук. — Иваново, 1998. — 253 с.
6. Криминология: Учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2006. — 528 с.
7. Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева и др. — М.: Юридическая литература, 1975. — 270 с.
8. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru> Судебный департамент.
9. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru> Судебный департамент.
10. *Шестаков Д.А.* Криминология. Преступность как свойство общества. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001. — 264 с.
11. Федеральный закон «О полиции» (по сост. на 2014 г.): с коммент. к последующим изменениям. — М.: Эксмо, 2014. — 96 с.

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РОССИИ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов, определяющих правовой статус компетентных государственных органов исполнительной власти, правовой статус государственно-общественных совещательных структур Российской Федерации определены и выявлены основные механизмы взаимодействия молодежных объединений и государства. Автор указывает на то, что российская модель механизма взаимодействия с молодежными общественными объединениями имеет как положительные, так и отрицательные стороны, формирующие ее особенности и отличия от моделей такого взаимодействия существующих в иных странах СНГ. Автор сделал вывод о том, что на сегодняшний день при государственных органах власти создано и задействовано достаточно большое количество молодежных структур, отличающихся друг от друга только моделью механизма взаимодействия с государством, при этом нередко закрепляющие похожие функции и полномочия. Кроме того, автор считает, что ситуация на сегодняшний день осложнена еще и тем, что сама система органов государственной власти, в компетенции которой находятся реализации государственной молодежной политики, остается достаточно запутанной и неструктурированной, что является барьером на пути к установлению ее системности в процессе такой реализации.

Ключевые слова: молодежные общественные объединения, гражданское общество, механизмы взаимодействия с органами государственной власти, разграничение полномочий исполнительных органов государственной власти, государственно-общественные совещательные органы.

Федеральные законы, принятые Государственной Думой на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, а также законодательство стран постсоветского пространства, сформированное сразу после распада СССР, достаточно четко определили характер взаимодействия государства и общественных объединений, а также основные функции государства по отношению к последним. На базе нового законодательства началось самостоятельное становление каждого отдельного вида общественных объединений, начал вырабатываться особый механизм их взаимодействия с государством. При этом, разумеется, основные базовые формы взаимодействия с органами государственной власти оставались неизменными вне зависимости от особенностей и специфики конкретного вида общественных объединений. К таким формам взаимодействия, можно отнести отношения между уполномоченными органами исполнительной власти и общественными объединениями в сфере государственной регистрации общественного объединения в качестве юридического лица, соблюдение их прав и законных интересов и защиту прав объединений, в случае их нарушения в суде, в целом укрепление правового статуса таких общественных объединений в нормативно-правовых актах и т.д. То есть получается, что с одной стороны, государство решает организационные вопросы создания и деятельности общественных объединений, а, с другой стороны, социально сотрудничает с ними. Именно в последнем случае мы говорим о взаимодействии государства и общественных объединений, оказывающем существенное влия-

ние на становление гражданского общества. Речь в таком случае идет о социальном партнерстве, которое должно строиться на таких постулатах как «заинтересованность каждой из взаимодействующих сторон в поиске решения социальных проблем; объединение усилий и возможностей сторон в поиске решения социальных проблем, с которыми ни одна из них не в состоянии справиться самостоятельно [6, с. 187–188]. У каждого вида общественного объединения вырабатывается своя индивидуальная линия сотрудничества с государством, исключением не являются и молодежные общественные объединения, а тем более объединения молодежи, которые вносят существенный вклад в становление гражданского общества России и стран СНГ посредством совместного взаимодействия с уполномоченными органами власти в реализации государственной молодежной политики.

Исходя из принципа субъектности, И.М. Ильинский в своем научном исследовании выделял два основных вида молодежной политики. Первый вид – государственная молодежная политика, в которой субъектом является государство в лице его специальных органов, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с развитием человека. Второй вид – общественная молодежная политика, в которой субъектом являются различные партии, профсоюзы, молодежные движения, объединения и организации [5, с. 14]. На наш взгляд, приведенная автором градация актуальна и уместна и в настоящее время, так как трудно переоценить роль молодежных общественных объединений в становлении гражданского общества.

Статья 3 Модельного закона СНГ «О государственной молодежной политике» закрепляет важную норму о том, что реализация целей и решение задач государственной молодежной политики осуществляются совместно всеми ее субъектами и каждым субъектом государственной молодежной политики самостоятельно [1]. Важно отметить, что принципами реализации государственной молодежной политики на всей территории стран СНГ является государственно-частное партнерство, а также сочетание государственных и общественных интересов в формировании молодежной политики, из чего следует, что участие молодежных объединений постсоветского пространства в разработке и реализации этой политики уже само по себе является важнейшим принципом регулируемых законодательством отношений.

Обеспечение механизма эффективного взаимодействия органов государственной власти с молодежными общественными объединениями требует определенного организационно-правового решения, т.е. выделения и формирования специальных подразделений в системе органов государственной власти РФ, обеспечивающих регулярную работу с молодежными общественными объединениями. Так, например, одним из приоритетных курируемых направлений работы уполномоченного исполнительного органа Российской Федерации – Федерального агентства по делам молодежи (далее Росмолодежь), сформированного в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 г. № 409 и находящегося на сегодняшний день в ведении Министерства образования и науки, является поддержка и взаимодействие с общественными организациями и движениями молодежи, что предусматривает осуществление финансовой, информационной, кадровой и иной поддержки. Тем временем Закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» ввиду специальных требований устанавливает механизм взаимодействия с достаточно немногочисленной долей от общего числа молодежных общественных объединений, взаимодействие с которыми также нуждается в системности и регламентированности, а этому, в свою очередь, способствует комплексный характер реализации молодежной политики Росмолодежью.

Между тем, 24 января 2014 года при Росмолодежи был впервые официально сформирован консультативно-совещательный орган общественного контроля, состоящий в большинстве своем из представителей молодежных объединений – Общественный совет. Согласно так и не утвержденному, но согласованному с Общественной палатой РФ проекту Положения «Об общественном совете при Федеральном агентстве по делам молодежи», главной задачей Общественного совета

является содействие Росмолодежи в обеспечении защиты и согласования интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, организаций, органов государственной власти для решения вопросов в сфере реализации государственной молодежной политики [4]. Другими словами, Общественный совет представляет собой новый формат социального и общественного партнерства в сфере реализации государственной молодежной политики, функционирующий не при профильном исполнительном органе, а совместно с ним, способствующий максимально точному учету инициатив институтов гражданского общества. Подобный формат взаимодействия органов государственной власти и молодежных общественных объединений является достаточно инновационным для иных стран СНГ, кроме того, само гражданское общество в лице молодежных общественных объединений при таком механизме взаимодействия, на наш взгляд, остается более независимым и самостоятельным в принятии решений и выдвижении собственных инициатив. Именно этим такие структуры и отличаются от консультативно-совещательных органов, созданных и действующих при законодательных органах власти России и СНГ, а также тем, что Общественный совет при Федеральном агентстве по делам молодежи в отличие, например, от Общественной молодежной палаты при Государственной Думе ФС РФ, формой объединения молодежи не является, так как помимо входящих в него представителей молодежных объединений, в его состав входят и иные эксперты в области государственной молодежной политики. Тем не менее, нельзя не отметить, что при разных форматах и механизмах взаимодействия с органами государственной власти вышеназванные структуры зачастую на практике имеют схожие полномочия и цели. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразнее было бы закрепить за рассматриваемой структурой функцию обобщения и систематизации предложений и инициатив молодежных общественных объединений и объединений молодежи, что бесспорно повысило бы эффективность взаимодействия и сотрудничества как внутри институтов гражданского общества, занимающихся решением проблем государственной молодежной политики, так и при взаимодействии с органами государственной власти.

Еще одним уполномоченным органом исполнительной власти является Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи (далее Департамент), представляющим собой структурное подразделение Министерства образования и науки РФ. Пункт 3 Главы I Положения «О Департаменте государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Министерства образования и науки Российской Федерации» утвержденного Приказом Министерства образо-

вания и науки РФ №1154 от 16.10.2013 года, закрепляет, что Департамент осуществляет свою деятельность непосредственно и через подведомственные Министерству организации во взаимодействии со структурными подразделениями Министерства [2]. Несмотря на то, что за Департаментом закреплена функция координации деятельности Росмолодежи и Положение, казалось бы, закрепляет за Департаментом несколько иные полномочия в сфере реализации государственной молодежной политики и взаимодействия с молодежными объединениями, в практической деятельности полномочия рассматриваемых уполномоченных органов исполнительной власти, находящихся в составе Министерства образования и науки РФ, нередко накладываются друг на друга, часто дублируя направления работы. Так, например, согласно пункту 4.2. Главы II Положения по вопросам, относящимся к установленной сфере деятельности Департамента, он готовит проекты федеральных законов, нормативных правовых актов Президента и Правительства РФ и др. Однако «Основы государственной молодежной политики РФ до 2025 года» фактически были разработаны Росмолодежью, лишь с незначительным участием Департамента. Также согласно Положению, Департамент содействует развитию общественных молодежных инициатив, деятельности молодежных, студенческих и детских общественных объединений и проводит конкурсный отбор программ развития деятельности студенческих объединений образовательных организаций высшего образования в целях развития системы студенческого самоуправления и повышения роли студенчества в обеспечении модернизации высшего образования, повышения роли студенчества в решении социально-экономических проблем города, региона, страны. Как мы видим, акцент в данном случае делается именно на взаимодействие с органами студенческого самоуправления, однако и Росмолодежь в своей деятельности достаточно тесно взаимодействует со студенческими организациями. Вышеизложенное еще раз доказывает, что полномочия Росмолодежи и Департамента практически тождественны и во многом совпадают, не говоря уже о закреплённом в Положении полномочии Департамента создавать во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодежи, условия для обеспечения здорового образа жизни, нравственного и патриотического воспитания молодежи, реализации профессиональных возможностей молодежи.

Между тем, необходимо упомянуть и о том, что в целях содействия обеспечению условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития потенциала молодежи и его использования в интересах инновационного развития страны с 2013 года при Министерстве об-

разования и науки действует Совет по делам молодежи (далее Совет) – еще один совещательный орган и демократический мост, являющийся винтиком механизма взаимодействия органов государственной власти и молодежных общественных объединений, поскольку, он так же как и Общественный совет, наполовину состоит из представителей молодежных общественных объединений. Согласно Положению «О Совете Министерства образования и науки Российской Федерации по делам молодежи», утвержденного Приказом Министерства №28 от 22 января 2013 года, одними из важнейших полномочий данного Совета являются анализ законодательства Российской Федерации в сфере молодежной политики, подготовка предложений по его совершенствованию и подготовка и рассмотрение предложений по совершенствованию механизмов управления и партнерства в сфере молодежной политики. Очевидно, первое из названных полномочий Совет разделяет со многими другими совещательными структурами, поскольку данная функция, как мы уже успели выяснить, прописана практически во всех Положениях молодежных консультативно-совещательных структур, действующих как при законодательных, так и при исполнительных органах власти. Однако функция по повышению уровня эффективности механизмов взаимодействия государства и молодежи является достаточно новой и ранее не закреплённой ни за одним из совещательных органов молодежи. Несмотря на то, что состав рассматриваемого нами Совета по делам молодежи почти полностью состоит из представителей молодежи и молодежных объединений, отнести его к одному из видов объединений молодежи возможным не представляется. В первую очередь, это объясняется тем, что Председателем Совета выступает непосредственно Министр образования и науки РФ, осуществляющий общее руководство деятельностью Совета и распределяющий обязанности между его членами. В связи с этим сам по себе Совет можно рассматривать только в качестве демократической площадки взаимодействия государства и гражданского общества, но не в качестве отдельного самостоятельного института последнего, в то время как, например, Общественная молодежная палата при Государственной ФС РФ и Общественный совет при Росмолодежи могут одновременно выступать и в качестве площадки взаимодействия органов государственной власти и молодежи, и в качестве отдельного института гражданского общества.

Между тем, интересно отметить и то, что молодежные совещательные органы и объединения молодежи созданы не только при уполномоченных исполнительных органах власти, но и при иных исполнительных органах РФ. Такое явление также является достаточно новым как для Российской Федерации, так и для иных стран СНГ. Так, на-

пример, при Министерстве транспорта РФ создан и действует Студенческий совет транспортной отрасли, одной из важных целей которого является содействие в решении образовательных, социально-бытовых и прочих вопросов, затрагивающих интересы студентов и аспирантов. При Министерстве промышленности и торговли РФ совсем недавно Приказом Министерства промышленности и торговли РФ № 1386 от 3 июня 2015 года был создан Совет молодежи, причем сама идея создания такого органа исходила не от руководства, а от самих молодых сотрудников Министерства. Согласно пункту 1.1. Положения, Совет является постоянно действующим совещательным органом и создается с целью выработки и реализации молодежной политики, направленной на консолидацию усилий и раскрытие потенциала молодых специалистов Минпромторга РФ [3]. Подобный механизм взаимодействия непрофильных органов исполнительной власти с молодежью и ее объединениями, бесспорно, повышает эффективность взаимоотношений государства и гражданского общества и в целом вносит свой существенный вклад в развитие государственной молодежной политики страны.

Таким образом, анализ законодательства Российской Федерации в области регулирования вопроса взаимодействия государственных органов с молодежью и ее объединениями, позволяет сделать следующие выводы:

Органы государственной власти Российской Федерации в ходе реализации государственной молодежной политики могут вступать во взаимоотношения как непосредственно с каждым отдельным молодежным общественным объединением, так и через специально созданные структуры при уполномоченных органах исполнительной и законодательной власти. При этом можно выделить три основных типа таких структур: а) консультативно-совещательные органы молодежи, самоуправляемые изнутри при частичной координации со стороны уполномоченных органов государственной власти и выступающие одновременно как площадка для диалога власти и молодежи и форма объединения молодежи (например, Общественная молодежная палата при Государственной Думе ФС РФ); б) совещательные органы молодежи, управляемые наполовину государственным, наполовину гражданским сектором при частичной координации со стороны уполномоченных органов государственной власти, выступающие только как площадка для диалога власти и молодежи (например, Общественный совет при Росмолодежи, Совет молодежи при Минпромторге); в) совещательные органы молодежи, полностью управляемые и координируемые государственными органами власти и выступающие только как площадка для диалога власти и молодежи (например, Совет по делам молодежи при Минобре).

Можно выделить три основных совещательных органа молодежи, действующие на федеральном уровне и обеспечивающие партнерство государства и молодежных объединений: Общественная молодежная палата при Государственной Думе ФС РФ, Общественный совет при Федеральном агентстве по делам молодежи, Совет по делам молодежи при Министерстве образования и науки РФ.

Вместе с тем, необходимо отметить, что если речь идет о подлинно демократическом пути развития взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений, на наш взгляд, тем эффективнее работа такого механизма, чем более минимизировано вмешательство государства в решения и инициативы молодежи и ее объединений. Мы убеждены, что подобные структуры должны сохранять самостоятельность и независимость в выдвижении своих инициатив и отстаивать свое решение, в обратном случае есть риск, что они станут инструментом в руках органов власти и должностных лиц в достижении их личных политических задач и целей.

Существует серьезная проблема того, что на сегодняшний день при государственных органах власти создано и задействовано достаточно большое количество молодежных структур, отличающихся друг от друга только моделью механизма взаимодействия с государством, при этом нередко закрепляющие похожие функции и полномочия. Подобное явление, с одной стороны, представляет собой достаточно положительную тенденцию, так как позволяет соблюсти конституционно закрепленный принцип плюрализма мнений и обеспечить разносторонность рассматриваемых проблем и вопросов государственной молодежной политики, однако, с другой стороны, подобная ситуация требует высокого уровня координации и системности как внутри самих структур гражданского общества, так и со стороны органов государственной власти. В такой ситуации возникает острая необходимость выстраивания взаимодействия между различными совещательными органами, чтобы их работа не дублировала и не затрудняла деятельность друг друга, в первую очередь потому, что потенциал и ресурс молодежи и ее объединений должен быть направлен не на конкурентную борьбу между собой, а на достижение закрепленных в их Положениях реальных целей и задач при непосредственном и постоянном диалоге с государством. Однако ситуация на сегодняшний день осложнена еще и тем, что сама система органов государственной власти, в компетенции которой находится реализации государственной молодежной политики, остается достаточно запутанной и нелогичной, что является барьером на пути к системности и единству подходов.

В структуре Министерства образования и науки РФ на сегодняшний день имеется два профильных структурных подразделения, полномочия которых

нормативно закреплены в рассмотренных нами выше подзаконных актах Правительства РФ. Они занимаются вопросами реализации государственной молодежной политики. Необходимо отметить, что до реформы системы органов исполнительной власти Росмолодежь находилась в ведомстве Министерства спорта, туризма и молодежной политики, Департамент дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики касался вопросов реализации государственной молодежной политики исключительно в образовательной сфере. После проведенной реформы Росмолодежь была отделена от Министерства спорта и передана в ведение Министерства образования и науки РФ, что, на наш взгляд, стало первопричиной возникшей между двумя рассматриваемыми нами органами «двойственности полномочий» в области реализации государственной молодежной политики. Думается, что для обеспечения более эффективного взаимодействия государства и молодежи, а также совершенствования координационной функции по вопросам молодежной политики система уполномоченных органов исполнительной власти федерального уровня нуждается в дальнейшей реформе и унификации полномочий в области государственной молодежной политики путем образования единого уполномоченного органа исполнительной власти, способного сконцентрировать в себе все известные ее направления.

В Российской Федерации достаточно хорошо продуман и законодательно закреплён механизм взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с крупными молодежными объединениями, осуществляющими свою деятельность в форме юридического лица и имеющими соответствующую государственную регистрацию. Однако ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» устанавливает взаимосвязь только с небольшой долей от общего числа молодежных общественных объединений и является лишь одной из форм их сотрудничества с государством. На наш взгляд, совокупность иных, самых значимых механизмов взаимодействия государства и молодежных общественных объединений, должны быть отражены в специальном базовом Законе о государственной молодежной политике. Подводя общий итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что российская модель механизма взаимодействия

с молодежными общественными объединениями имеет как положительные, так и отрицательные стороны, формирующие ее особенности и отличия от моделей такого взаимодействия существующих в иных странах СНГ.

Библиографический список

1. Модельный закон от 23.10. 2012 г. №38-10 «О государственной молодежной политике в странах-участниках СНГ». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;frame=200;n=56174;req=doc> (дата обращения 25.08.2015)
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 16.10.2013 №1154 «О Департаменте государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Министерства образования и науки Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;n=576887;req=doc> (дата обращения 14.08.2015)
3. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 03.06. 2015 №1386 «О Совете молодежи при Министерстве промышленности и торговли РФ». Доступ из официального сайта Минпромторг России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения 09.09.2015)
4. Приказ Росмолодежи от 25.12. 2013 № 398 «Положение об общественном совете при Федеральном агентстве по делам молодежи» Доступ из официального сайта Росмолодежь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fadm.gov.ru/upload/iblock/a4d/Polojenie%20ob%20OS-2.pdf> (дата обращения 01.09.2015)
5. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: ГОЛС, 2001. – С. 14–15.
6. Парасюк Е.А. общественные объединения и органы государственной власти в России: становление и развитие механизма взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 187–191.
7. Скробов А.П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ // Социально-политический журнал. – 1998. – № 3. – С. 130–133.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКАЗЧИКОМ ДОКУМЕНТАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В статье рассматриваются понятие «экологической экспертизы», принципы проведения государственной экологической экспертизы, объекты государственной экологической экспертизы федерального и регионального уровня, процедура проведения государственной экологической экспертизы. Раскрыты основания и виды юридической ответственности, к которым может быть привлечен заказчик документации за нарушения положений о государственной экологической экспертизе, а также возможные меры наказания за совершенное правонарушение. Выявлены проблемы реализации государственной экологической экспертизы, проводимой федеральным органом исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в отношении заказчика документации, и предложены возможные способы их решения. Предложены варианты усовершенствования действующего законодательства в области организации и проведения государственной экологической экспертизы.

Ключевые слова: понятие, принципы, объекты, порядок проведения государственной экологической экспертизы, гражданско-правовая, административная, уголовная ответственность Заказчика документации, проблемы реализации государственной экологической экспертизы, усовершенствование законодательства в области организации и проведения государственной экологической экспертизы.

В настоящее время увеличивается тенденция антропогенной нагрузки на окружающую природную среду. В связи с этим обстоятельством федеральным органом исполнительной власти и органом государственной власти субъектов Российской Федерации организуется и проводится государственная экологическая экспертиза, которая является одним из механизмов обеспечения экологической безопасности страны.

Экономическими субъектами, в отношении которых организуется и проводится государственная экологическая экспертиза, являются хозяйственные предприятия.

Важную роль при проектировании любого вида объекта играет Заказчик документации, который является ответственным лицом при реализации федеральным органом исполнительной власти и органом государственной власти субъектов Российской Федерации государственной экологической экспертизы и несет полную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Следует подчеркнуть, что федеральный закон РФ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» возлагает полную ответственность за любую деятельность по планированию и строительству объекта на Заказчика предполагаемых строительных работ и разработчика материалов обоснования. Заказчик документации ответственен за организацию и проведение оценки воздействия на окружающую природную среду объекта в течение всех этапов планирования и выполнения строительных работ. В сфере его ответственности находится и предоставление документации по оценке воздействия на окружающую природную среду объекта в государственные органы контроля, полнота и достоверность предоставляемой информации, а также возможные негативные

последствия реализации проекта. Обязанностью Заказчика является изыскание финансирования для исследования оценки воздействия на окружающую природную среду планируемого объекта, организация общественных слушаний и согласование всех строительных работ с территориальными органами власти. Ответственность Заказчика документации (разработчика предпроектной и проектной документации) заключается в точном соблюдении процедур и регламента оценки воздействия на окружающую природную среду объекта, в сборе достоверной и полной информации при проведении исследований. Любые нарушения нормативов, требований, регламентаций Заказчиком документации влекут за собой юридическую ответственность в рамках действующего законодательства Российской Федерации [1; 2].

Под «экологической экспертизой» понимается установление соответствия документов, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду [2].

К принципам проведения государственной экологической экспертизы относятся:

- презумпция потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной деятельности;
- обязательность проведения государственной экологической экспертизы до принятия решений о реализации объекта экологической экспертизы;
- комплексность оценки воздействия хозяйственной деятельности на окружающую природную среду;

- независимость экспертов экологической экспертизы при осуществлении ими своих полномочий;

- научная обоснованность, объективность и законность заключений экологической экспертизы;

- гласность, участие общественных организаций, учет общественного мнения;

- ответственность участников экологической экспертизы за ее качество [2].

Объектами государственной экологической экспертизы *федерального уровня* являются:

- 1) проекты федеральных целевых программ, предусматривающих строительство и эксплуатацию объектов хозяйственной деятельности, оказывающих воздействие на окружающую среду, в части размещения таких объектов с учетом режима охраны природных объектов;

- 2) материалы обоснования лицензий на осуществление отдельных видов деятельности, которые оказывают негативное воздействие на окружающую среду;

- 3) проекты технической документации на новые технику, технологию, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду, а также технической документации на новые вещества, которые могут поступать в природную среду;

- 4) проектная документация объектов, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, а также проектная документация особо опасных, технически сложных и уникальных объектов, объектов обороны и безопасности, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения;

- 5) проектная документация объектов, связанных с размещением и обезвреживанием отходов I–V класса опасности [2].

Объектами государственной экологической экспертизы *регионального уровня* являются те же объекты, но решения по ним утверждаются уже органом государственной власти субъектов Российской Федерации [2].

Государственная экологическая экспертиза организуется и проводится на федеральном уровне Росприроднадзором, на региональном уровне – Департаментом Росприроднадзора по федеральным округам, Управлением Росприроднадзора по субъектам Российской Федерации. Никакой иной государственный или общественный орган не вправе проводить государственную экологическую экспертизу.

Порядок проведения государственной экологической экспертизы определен в ст. 14 Федерального закона от 23.11.1995г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», Регламенте проведения

государственной экологической экспертизы, Положении о порядке проведения государственной экологической экспертизы и Инструкции по экологическому обоснованию хозяйственной и иной деятельности.

Государственная экологическая экспертиза проводится на платной основе Заказчиком документации. Срок проведения государственной экологической экспертизы – от 30 дней до 120 дней.

Заключение государственной экологической экспертизы может быть положительным или отрицательным. Заключение государственной экологической экспертизы должно быть одобрено квалифицированным большинством (не менее двух третей) списочного состава экспертной комиссии и подписано всеми ее членами. В случае несогласия отдельных экспертов с выводами сводного заключения готовят «особое мнение», которое в виде краткой записки прикладывается к сводному заключению и является его неотъемлемой частью [2].

Законодательство Российской Федерации предусматривает различные основания и виды юридической ответственности за нарушения Заказчиком документации положений о государственной экологической экспертизе: гражданско-правовая, административная, уголовная ответственность.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение Заказчиком документации законодательства Российской Федерации о государственной экологической экспертизе наступает в случае фальсификации материалов, сведений и данных, представляемых на экологическую экспертизу, а также сведений о результатах ее проведения; принуждения эксперта к подготовке заведомо ложного заключения; создания препятствий к проведению экологической экспертизы; непредставления государственному органу экспертизы необходимых материалов, сведений и данных; осуществления хозяйственной деятельности, не соответствующей документации, которая получила положительное заключение государственной экологической экспертизы.

Как следствие различают нарушения Заказчиком документации законодательства об экологической экспертизе, экологический вред, экономический вред, моральный вред человеку и вред в форме неполученной прибыли.

Согласно экологическому законодательству и ГК РФ, реализуется принцип полного возмещения экологического вреда пострадавшему. Существуют три способа такого возмещения: возмещение убытков; оплата стоимости восстановительных работ; возмещение вреда в натуре [3].

Административная ответственность за нарушение Заказчиком документации законодательства Российской Федерации о государственной экологической экспертизе наступает в случае невыполнения требований законодательства об обязатель-

ности проведения государственной экологической экспертизы, финансирования или реализации проектов, программ и иной документации, подлежащих государственной экологической экспертизе и не получивших положительного заключения государственной экологической экспертизы; осуществление деятельности, не соответствующей документации, которая получила положительное заключение государственной экологической экспертизы.

Дела и протоколы об административных правонарушениях рассматривают должностные лица органов Росприроднадзора (в некоторых случаях – Ростехнадзора) и их территориальных органов.

За совершение административного правонарушения экологическим законодательством и КоАП РФ устанавливается 7 видов административных взысканий: предупреждение, штраф, возмездное изъятие предмета, являвшегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения, конфискация орудия, административное приостановление деятельности, исправительные работы, административный арест [4].

Все споры и разногласия между сторонами решаются также и в судебном порядке.

Уголовная ответственность за нарушение Заказчиком документации законодательства Российской Федерации о государственной экологической экспертизе наступает в случае признания его виновным приговором суда. Нарушения законодательства об экологической экспертизе могут быть допущены при совершении преступлений, ответственность за которые установлена различными статьями УК РФ, помещенными как в главу 26 «Экологические преступления», так и в другие главы УК РФ.

В УК РФ есть специальная глава 26 «Экологические преступления», в которой предусмотрено 18 составов преступлений. Все эти составы можно классифицировать на следующие виды в зависимости от непосредственного объекта посягательства:

1. Нарушения действующих правил в области экологического использования: ст. 246 (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ); ст. 247 (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов); ст. 248 (нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами и токсинами); ст. 249 (нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений).

2. Порча основных природных компонентов – воды, воздуха, земли и пр.: ст. 250 (загрязнение вод); ст. 251 (загрязнение атмосферы); ст. 252 (загрязнение морской среды).

3. Преступления, посягающие на общественные отношения в сфере охраны фауны: ст. 256 (не-

законная добыча водных животных и растений); ст. 258 (незаконная охота).

4. Преступления, посягающие на общественные отношения в сфере охраны флоры: ст. 259 (уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ) [5].

Основные особенности уголовной ответственности:

1) она наступает за деяния в экологической сфере, имеющие наивысшую общественную опасность (ст. 14 УК РФ);

2) применяется только судом после обязательной уголовно-процессуальной процедуры, единственным основанием назначения наказания является приговор суда;

3) субъектами могут быть только физические лица, достигшие определенного возраста (ст. 20 УК РФ), а также вменяемые.

За совершение преступления экологическим законодательством, УК РФ и УПК РФ устанавливается 10 видов наказаний: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь [5].

Нами выявлены *проблемы реализации государственной экологической экспертизы, проводимой федеральным органом исполнительной власти и органом государственной власти субъектов Российской Федерации в отношении Заказчика документации*, и предложены возможные способы их решения.

К таким проблемам относятся:

1. *Низкий уровень качества содержания предоставляемой Заказчиком документации на государственную экологическую экспертизу*, особенно в части материалов оценки воздействия объекта на окружающую природную среду. Большой процент рассматриваемой документации возвращается на доработку Заказчику с целью устранения замечаний экспертной комиссии.

Важным моментом в повышении качества содержания документации являлась действующая ранее система лицензирования природоохранных видов деятельности. Выставляемые лицензионные условия обязывали лицензиатов актуализировать нормативно-правовую базу. С принятием федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» данный рычаг утрачен, т.к. федеральным законом не предусмотрено лицензирование природоохранных видов деятельности.

2. *Отсутствие порядка предоставления Заказчиком на государственную экологическую экспертизу проектов, реализация которых сопряжена*

с воздействием объекта на окружающую природную среду.

Федеральный закон от 23.11.1995г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» не содержит никаких правовых последствий в отношении не прошедшего экспертизу нормативно-правового акта. На практике закон содержит обязывающую норму, которую можно незаконно не соблюдать.

3. *Предоставление Заказчику документации финансирования или кредита банком или кредитной организацией без положительного заключения государственной экологической экспертизы.*

Для того чтобы решить эту проблему на практике, целесообразно законодательно предусмотреть, что в качестве одного из условий финансирования или предоставления кредита должно являться положительное заключение государственной экологической экспертизы. В банковском законодательстве было бы полезно предусмотреть, что нарушение данных правил является одним из оснований для лишения банка или кредитной организации лицензии на определенный срок.

4. *Отсутствие критериев отнесения или не отнесения документации Заказчика к объектам государственной экологической экспертизы.*

В отсутствии критериев отнесения документации Заказчика к объектам государственной экологической экспертизы требуется введение законодательно закрепленных критериев отнесения документации к объектам экологической экспертизы.

5. Открытый список объектов государственной экологической экспертизы и отсутствие четко установленных критериев отнесения документации к объектам государственной экологической экспертизы приводит к тому, что в настоящее время к объектам государственной экологической экспертизы зачастую относят любую документацию на любой стадии проектирования. Такой «тотальный» подход не только приводит к чрезвычайной загруженности органов государственной экологической экспертизы, неоправданному распылению сил и средств, но и создает методические трудности.

Рассмотрение документации, не относящейся к объектам экспертизы целесообразно осуществлять по процедуре согласования.

6. *Отсутствие должного учета экологического фактора при банкротстве и приватизации предприятий с экологическими проблемами.* Недостаточность законодательной и нормативной базы в этом вопросе и отсутствие практики (в том числе судебной) ведения этих дел.

7. В целях повышения эффективности государственной экологической экспертизы целесообразно разработать следующие нормативные и методические документы:

1. *Общий порядок и требования к оформлению материалов по оценке воздействия хозяйственной*

и иной деятельности на природную (№ 174-ФЗ) и окружающую (п. 3 ст. 32 № 7-ФЗ) среду.

2. *Порядок проведения общественной экологической экспертизы (порядок ее утверждения согласно п. 2 статьи 25 № 174-ФЗ).*

3. *Порядок учета требований экологической безопасности при проведении экологической экспертизы (ст.1 № 7-ФЗ, ст. 3 № 174-ФЗ, п. 206 постановления Правительства Российской Федерации от 11.06.96 № 698 «Об утверждении Положения о порядке проведения государственной экологической экспертизы»).*

4. *Порядок обязательной подготовки и аттестации экспертов государственной экологической экспертизы в области охраны окружающей среды и экологической безопасности (ст. 73 № 7-ФЗ, ст. 16 № 174-ФЗ).*

Предложены возможные варианты усовершенствования действующего законодательства в области организации и проведения государственной экологической экспертизы:

1. В части совершенствования законодательства Российской Федерации в области организации и проведения государственной экологической экспертизы: расширить перечень объектов государственной экологической экспертизы, содержащийся в федеральном законе от 23.11.1995г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе».

2. В части требований к содержанию заключений государственной экологической экспертизы: недопустимо признавать документацию соответствующей требованиям природоохранного законодательства при наличии замечаний, касающихся несоответствия указанным требованиям ее отдельных разделов.

Положительные заключения государственной экологической экспертизы не должны содержать замечаний, как сведенных в соответствующий раздел, так и выдаваемых в качестве рекомендаций. Текст заключения государственной экологической экспертизы должен быть сбалансирован таким образом, чтобы его содержание давало полное представление об объекте экспертизы, о планируемых природоохранных мероприятиях, о соответствии (несоответствии) документации положениям нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере охраны окружающей среды. При подготовке заключений следует избегать использования оборотов, допускающих неоднозначную трактовку.

3. В части информационного обеспечения рассматриваемых объектов государственной экологической экспертизы необходимо создать централизованную систему сбора, обработки и обобщения информации об объектах, представленных на государственную экологическую экспертизу в целом, и размещение обобщенной информации на сайте Росприроднадзора в разделе «Экологическая экспертиза».

Разрешить присутствие на организационном заседании заинтересованной общественности, результаты проведения заседания должны быть доступны на порталах территориальных органов Росприроднадзора.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что действующее экологическое законодательство решает не все поставленные перед ним задачи. В связи с этим актуальны попытки совершенствования экологической отрасли законодательства в современных условиях. Направлением совершенствования нормативно-правовой базы по организации и проведению государственной экологической экспертизы Заказчиком документации является усиление экологизации отраслей российского законодательства.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 24.11.2014 г., с изм. от 29.12.2014 г.) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015 г.) // Российская газета. – № 6.

2. Федеральный закон от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ (ред. от 12.02.2015 г.) «Об экологической экспертизе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.03.2015 г.) // Российская газета. – 1995. – № 232.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2015 г.) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.06.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.06.2015 г.) // Российская газета. – 2001. – № 256.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.06.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25.

6. Постановление Правительства РФ от 11.06.1996 г. № 698 «Об утверждении Положения о порядке проведения Государственной экологической экспертизы» // Российская газета. – 1996. – № 120.

Демидюк Виктор Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

demidyuk-victor@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВИНДИКАЦИОННЫХ И НЕГАТОРНЫХ ИСКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена правовой природе виндикационных и негаторных исков, в том числе в деятельности ФГБОУ ВПО. Отмечается смешанная природа иска. Рассмотрены точки зрения ученых по поводу материально-правовой и процессуально-правовой природы иска. Автор считает, что право на иск у ФГБОУ ВПО имеет материально-правовую природу. В то же время виндикационные и негаторные иски наделены процессуальной природой. Дается сравнительный анализ института гражданского иска в уголовном процессе.

Рассмотрены процессуальные вопросы подачи виндикационного и негаторного иска ФГБОУ ВПО в суд. Автор ставит под сомнение целесообразность размещения положений процессуального характера среди норм материального характера. По его мнению, закрепление процессуальных норм в материальном законе, регулирующем деятельность ФГБОУ ВПО, ошибочно. Автор считает, что правовая природа и сущность норм материального и процессуального законов неоднородна, поскольку регулированию подлежат разные отрасли права, в частности, образовательного, гражданского и гражданско-процессуального права. Такие нормы, безусловно, тесно взаимосвязаны между собой, они дополняют друга как «константа» и «динамика». В связи с этим автор предлагает перенести нормы, регламентирующие институт гражданского иска (Главы 11, 12 ГК РФ), в Федеральный закон РФ «Об образовании в РФ».

Ключевые слова: виндикационные и негаторные иски, право на иск в процессуальном смысле, право на иск в материальном смысле, исковая давность, процессуальные сроки.

В статье 14 Гражданского кодекса РФ и пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] четко закреплено положение, что защите подлежит нарушенное право, либо допускается применение самозащиты при наличии реальной возможности нарушения права. При данном условии имеет место действительность (а не вымышленность) и наличность (совершение нарушения права и применение самозащиты как ответных мер находятся в одних временных рамках) правонарушения или реальной угрозы его нарушения. Реальность угрозы, как справедливо отмечает А.А. Григоров, заключается в осведомленности обеих сторон о предстоящем нарушении права, посягательстве или ненадлежащем выполнении взятых на себя обязательств и неизбежности этого; имеет место необходимость пресечения, предупреждения нарушения или восстановления права [2, с. 217]. Данное условие вытекает из предыдущего условия, поскольку лицо, чье субъективное право нарушено, заинтересовано в пресечении данного нарушения и восстановлении нарушенного права. При наличии реальной угрозы нарушения права лицо заинтересовано в том, чтобы нарушения права не произошло, и правомерно предпринимает для этого соответствующие меры.

В Главе 20 Гражданского кодекса РФ закреплены способы защиты права собственности и других вещных прав. Один способ дает право собственнику истребовать свое имущество из чужого неза-

конного владения (ст. 301–303 ГК РФ). В теории гражданского права такой способ получил название *виндикационного иска*. Другой способ именуется *негаторным иском*, он дает право собственнику требовать устранения всяких нарушений его права, не связанных с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

Воспользоваться правами, предусмотренными ст. ст. 301–304 ГК РФ, могут также и другие субъекты гражданского права, не являющиеся собственниками имущества, но владеющие им на праве хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором (ст. 305 ГК РФ), в том числе и ФГБОУ ВПО.

Исследуем правовую природу виндикационного и негаторного исков.

Сделаем небольшой экскурс в римское право. Иск – это право лица осуществлять судебным порядком (образом) принадлежащее ему требование. В римском праве иск понимается как категория, обладающая признаками материального и процессуального характера. С одной стороны, иск – это средство, позволяющее процессуальную защиту. С другой – право, осуществляемое истцом в споре.

Современные цивилисты также указывают на смешанную природу иска. Так, например, профессор Е.А. Суханов пишет, что «...право требовать судебного разбирательства (право на иск в процессуальном смысле) реализуется заявителем независимо от истечения давностных сроков. Иное дело – право на получение принудительной защиты (право на иск в материальном смысле), которое по указанным выше соображениям может быть

реализовано только в пределах давностного срока» [3, с. 631–632].

В толковом словаре под иском понимается «заявление в суд или арбитраж о разрешении какого-нибудь гражданского спора» [4, с. 251]. С юридической точки зрения авторы истолковали данный термин с процессуальной позиции.

Думается, что изначально право на иск, как возможность обращения в суд, возникает у ФГБОУ ВПО в результате нарушения его права, то есть нарушения нормы материального закона (Гражданского кодекса РФ). Любое право требования и, в частности, право на иск у ФГБОУ ВПО имеет материально-правовую природу.

Процессуальным характером иск станет обладать с момента реализации ФГБОУ ВПО права на иск. Во-первых, сама процедура подачи искового заявления ФГБОУ ВПО (требования к составлению иска, сроки, подсудность, уплата государственной пошлины и пр.) регламентируется нормами гражданско-процессуального законодательства. Во-вторых, заявленное требование (иск) становится предметом разрешения спора в суде также в соответствии с положениями Гражданского Процессуального Кодекса РФ.

Таким образом, право на иск, в сущности, имеет материальную природу, а иски выступают процессуальными способами защиты нарушенных прав ФГБОУ ВПО. Следовательно, виндикационный и негаторный иски ФГБОУ ВПО не относятся к категориям материального характера, поскольку наделены процессуальной природой.

Проведем небольшой сравнительно-правовой анализ. Обращение к материальному уголовному законодательству позволяет нам констатировать закрепление в Уголовном кодексе РФ институтов, положений, категорий материального характера: виды уголовного наказания, понятие и виды преступлений, основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания и пр. Уголовно-процессуальное законодательство, в свою очередь, регламентирует институт гражданского иска, основания и сроки его подачи.

Так, ст. 44 Уголовно-процессуального Кодекса РФ одновременно закрепляет материальную и процессуальные стороны иска [5]. Материальный аспект означает, что ФГБОУ ВПО при наличии оснований полагать, что вред причинен им непосредственно преступлением, имеют право предъявить требование о возмещении имущественного вреда, а также имущественной компенсации морального вреда. Процессуальный аспект выражен в установлении порядка предъявления гражданского иска ФГБОУ ВПО в уголовном процессе.

Следовательно, институт гражданского иска в уголовном процессе в полном объеме регламентирован нормами уголовно-процессуального закона. В материальном уголовном законе такое за-

крепление пусть даже и материального характера отсутствует.

Иная ситуация сложилась в материальном и процессуальном гражданском законодательстве. Право на иск (*в материальном аспекте*) и непосредственно подача иска (в процессуальном аспекте, включая сроки исковой давности, условия предъявления виндикационного и негаторного исков, приостановление и перерыв срока исковой давности) нашли законодательное закрепление в ГК РФ, то есть в материальном законе. Теория гражданского права, в свою очередь, также уделяет внимание изучению процессуальных вопросов подачи виндикационного и негаторного иска ФГБОУ ВПО в суд, основываясь при этом на положениях ст. ст. 301–305 ГК РФ.

Следовательно, и наука, и законодатель, по сути, придерживаются единой позиции и не ставят под сомнение целесообразность размещения положений процессуального характера среди норм материального характера. А между тем существует гражданско-процессуальный закон, который изначально посвящен процедуре подачи и рассмотрения иска в суде.

По нашему мнению, закрепление процессуальных норм в материальном законе, регулирующем деятельность ФГБОУ ВПО, ошибочно. Разграничение законодательства на материальное и процессуальное в юриспруденции неслучайно.

Правовая природа и сущность норм материального и процессуального законов неоднородна, поскольку регулированию подлежат разные отрасли права, в частности, образовательного права, гражданского и гражданско-процессуального. Такие нормы, безусловно, тесно взаимосвязаны между собой, они дополняют друга как «константа» и «динамика».

Отдельные положения материального закона могут быть реализованы ФГБОУ ВПО только посредством применения статей процессуального закона, что непосредственно относится к реализации права на иск. Следовательно, нормы материального и процессуального законодательства должны отвечать соответствующим требованиям юридической техники и не должны подменять друг друга, как это происходит применительно к институту гражданского иска в деятельности ФГБОУ ВПО и в отношении виндикационного и негаторного исков в частности.

В целях дальнейшего совершенствования гражданского и образовательного законодательства, представляется, что нормы, регламентирующие институт гражданского иска (Главы 11, 12 ГК РФ), целесообразно перенести в Федеральный закон РФ «Об образовании в РФ».

Глава 20 ГК РФ (Защита права собственности и других вещных прав) также нуждается в доработке. Так, способы защиты права собственности

и других вещных прав (ст. 301–305 ГК РФ) следует закрепить в ФЗ РФ (Способы защиты прав образовательных учреждений).

Перечень способов защиты гражданских прав, указанный в ст. 12 Гражданского кодекса РФ является открытым. Полагаем достаточным отражение в ст. 12 ГК РФ права на заявление виндикационного и негаторного исков ФГБОУ ВПО без детализации в материальном Федеральном законе РФ «Об образовании процессуальных аспектов» (условий и правовых последствий подачи исков в суд).

Анализ положений непосредственно ст. 12 ГК РФ, свидетельствует о закреплении таких способов защиты гражданских прав, которые могут быть реализованы только путем подачи ФГБОУ ВПО в суд искового заявления. К таковым способам относятся:

- признание оспариваемой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки;
- признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
- возмещение убытков;
- компенсация морального вреда и др.

Считаем целесообразным отметить следующее.

Во-первых, необходимо сохранить положения ст. 12 ГК РФ, поскольку закрепленные способы защиты гражданских прав ФГБОУ ВПО изначально представляют собой право воспользоваться тем или иным способом для защиты своего нарушенного права (диспозитивность).

Во-вторых, дополнить Федеральный Закон РФ «Об образовании в РФ», включив в него специальный раздел «виндикационный и негаторный иски» как способы защиты права оперативного управления или хозяйственного ведения ФГБОУ ВПО и других вещных прав.

С учетом вышеизложенного, положения ст. 12 Гражданского кодекса РФ сосредоточат в себе совокупность способов, направленных на защиту нарушенных прав всех субъектов гражданского права, в том числе и ФГБОУ ВПО.

Регламентация права ФГБОУ ВПО на использование соответствующего способа защиты нарушенного права, в том числе права на заявление виндикационного либо негаторного исков, позволит сохранить их материальную природу в нормах гражданского и образовательного материального права.

Понятие «исковая давность» укоренилось в сознании не только законодателя, но и ученых-цивилистов. Однако институт исковой давности известен еще со времен римского частного права (с 424 года). По истечении срока давности аннулировалась возможность обращения в суд за защитой, но не само право обращения.

Сущность исковой давности в отечественной юридической литературе определяется, как возможность потерпевшего в установленный законом срок обратиться за защитой своего нарушенного права. Иными словами, субъект имеет право на иск, ограниченное процессуальными сроками.

В соответствии с положениями материального гражданского закона, исковая давность – это срок, который дает государство для принудительной защиты нарушенного права путем предъявления иска в суд физическими и юридическими лицами (ст. 195 ГК РФ). И вновь законодатель поместил процессуальную категорию среди норм материального гражданского закона.

Исковая давность – это не что иное, как процессуальный срок, на протяжении которого субъект, исходя из принципа диспозитивности, имеет право воспользоваться одним из закрепленных в ст. 12 ГК РФ способов для защиты своего нарушенного права. Рамки такого процессуального срока различны и зависят от предмета требования (спора).

Представляется, что Глава 12 ГК РФ (Исковая давность) содержит нормы исключительно процессуального характера. Наука гражданского права, в свою очередь, развивается на основе действующего гражданского законодательства. И законодатель, и наука течение срока исковой давности связывают с такими явлениями как начало течения срока исковой давности (ст. 200 ГК), приостановление течения срока (ст. 202 ГК), перерыв течения срока (ст. 203 ГК), восстановление срока исковой давности (ст. 205 ГК) и пр. Как отмечалось нами выше, закрепление процессуальных положений в материальном законе (ГК РФ) ошибочно, а равно не отвечает должным требованиям юридической техники.

Сравнительно-правовой анализ положений законодательства позволяет констатировать, что такая категория как процессуальные сроки находит свое закрепление в нормах процессуального законодательства (см., например, УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ). Так, к примеру, в уголовно-процессуальном законодательстве регламентирован порядок и основания подачи гражданского иска потерпевшим от преступления, а также процессуальные сроки принудительной защиты и восстановления нарушенного права физического или юридического лица.

Думается, что процедура подачи иска в целях защиты нарушенного права, включая течение процессуального срока, а также основания для приостановления, перерыва и восстановления такого срока, имеет сугубо процессуальный характер, поскольку выходит за рамки материального гражданского закона.

С учетом вышеизложенного, полагаем необходимым отнести положения Главы 12 ГК РФ (Исковая давность) к нормам гражданско-процес-

суального законодательства в силу их правовой природы.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 (в ред. от 23.06.2015) № 25 // Гарант РУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10135675/> (дата обращения 25.10.2015).

2. Григоров А.А. Механизм самозащиты // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 215–220.

3. Гражданское право: в 4 т. Том I. Общая часть: учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2014. – 720 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М., 1999. – 944 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 29.06.2015) – М., 2015.

УДК 347.77

Коряковцева Ольга Алексеевна

кандидат педагогических наук, доктор политических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
youth1@mail.ru

Плуженская Любовь Витальевна

кандидат педагогических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
l.pluzhenskaya@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы, представленные в статье, обращаются к такой области педагогического инновационного менеджмента, как управление правами обучающихся и педагогических работников, созданными в рамках учебного процесса. Актуализируя эту тему, следует отметить отсутствие нормативов к идентификации образовательных результатов, полученных при реализации проектного метода обучения в поле объектов интеллектуальной собственности. При этом процедура идентификации служебного произведения не может быть применена к образовательному результату, полученному в ходе предоставления и получения образовательной услуги. Общее направление модернизации российской экономики, ситуация нарастающей коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности ориентируют руководство университетов Российской Федерации и всех сотрудников и обучающихся, причастных к приращению научных знаний, к значительному повышению уровня инновационной активности. Для таких категорий граждан как обучающиеся и научно-педагогические работники сейчас настоятельно требует решения проблема правовой защиты в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: инновационная деятельность, образовательный результат, результаты интеллектуальной деятельности, объекты интеллектуальной собственности, автор, служебное произведение, правообладатель, интеллектуальная собственность.

В последние десятилетия, в связи со стремительным развитием научно-технического прогресса, активной ролью СМИ, повсеместным распространением Интернета, особенно остро встал вопрос о защите авторских прав. С проблемами определения и защиты авторского права все больше сталкиваются учебные заведения, в стенах которых ведется научно-исследовательская работа, тем более что большинство университетов стремится к реализации инновационной деятельности, разнообразных инновационных программ. «Действующая инновационная политика государства обеспечила стратегические преимущества научным и образовательным учреждениям, вкладывая в развитие этого направления требуемые ресурсы для формирования важнейшего элемента инновационного бизнеса – охраны и коммерциализации интеллектуальной собственности. Несомненно, подобная поддержка по цепочке призвана способствовать активизации и других неотъемлемых частей инновационной стратегии развития научно-образовательного сектора», –

отмечают А.А. Винокуров и Р.Р. Ноговицын [3, с. 235]. Исследователи говорят о возрождении института патентования, государственной системы охраны объектов интеллектуальной собственности и ее использования.

В целом вопросы, возникающие при выполнении охраны результатов интеллектуальной деятельности (РИДов) в Российской Федерации, регламентируются частью четвертой Гражданского Кодекса РФ. Под результатами интеллектуальной деятельности мы, вслед за Н.О. Яныкиной, понимаем «способы решения технических и технологических задач, технические разработки, знания, навыки, методы изготовления продукции, программные решения и прочие результаты мыслительного процесса» [8, с. 38].

Существует особая область, в которой использование гражданско-правового механизма законодательства Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности крайне проблематично, а именно защита прав обучающихся и педагогов на результаты интеллектуальной дея-

тельности, созданные в рамках образовательного процесса.

Необходимо понимать, что сейчас в сфере интеллектуальной собственности существует как государственная политика, так и политика отдельного университета. «Университеты, выполняя исследовательские работы и создавая интеллектуальную собственность, должны сформулировать собственную локальную политику в сфере интеллектуальной собственности и отрегулировать ее официальным документом» [2, с. 73].

Образовательный результат, достигнутый обучающимися в ходе учебного процесса, измеряется на основании выполнения различных учебных заданий, таких как: подготовка материала для практических занятий, написание рефератов, выполнение курсовых и выпускных квалификационных работ, отчетов о проведенных научных исследованиях. Кроме того, в образовательных учреждениях технического профиля результаты достижений и открытий учеников могут быть воплощены в курсовых и дипломных проектах. В сельскохозяйственных образовательных учреждениях итогами работы становятся селекционные достижения; в творческих художественных учреждениях – авторские музыкальные произведения, режиссерские работы, аудиовизуальные произведения, исполнения и фонограммы.

Подчеркнем, что на основании части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации (статья 1259 пункт 1 и пункт 3) авторские права распространяются на произведения независимо от их достоинств и назначения, от способа их выражения (то есть представления их в объективной форме), от факта обнародования.

Сегодня для предоставления произведению авторско-правовой охраны необходимо и достаточно, чтобы оно было оригинальным, то есть не было заимствованием из известного ранее произведения. Мы не будем в данном случае подробно останавливаться на вопросе защиты произведений и идей, отметим лишь важную для нас в контексте рассматриваемой темы особенность, заключающуюся в том, что право имеет возможность защищать лишь формализованные объекты. «В патентном праве – это описанная в патенте формула изобретения, которая хотя и является технически решением, но обязательно соответствует формализованным признакам новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости. В авторском праве это форма текстового изложения на каком-либо языке с использованием правил грамматики», – отмечает Д.В. Грибанов [5, с. 143].

Объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения: литературные произведения; драматические и музыкально-драмати-

ческие произведения, сценарные произведения; хореографические произведения и пантомимы; музыкальные произведения с текстом или без текста; аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства; произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов; фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии; географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам; другие произведения. К объектам авторского права относятся также производные и составные произведения. Производные произведения – это произведения, представляющие собой переработку другого произведения. Составные произведения – это произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда. Составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии энциклопедии, базы данных, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство).

Базе данных предоставляется правовая охрана как составному произведению по статье 1260 Части четвертой ГК РФ. Таким образом, авторско-правовая охрана баз данных признается не в отношении содержания (контента), а в отношении подбора или расположения включенных в базу данных материалов. Охрана смежным правом вводится российским законодательством для защиты капиталовложений правообладателя в базы данных, где систематизация осуществлена по очевидным или известным критериям.

Объектом авторско-правовой охраны является произведение, а его создателем, в любом случае – человек (или люди), благодаря своим усилиям и умениям создающий это произведение. Согласно ст. 1257 гл. 70 («Авторское право») Гражданского кодекса РФ, «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творчеством которого оно создано» [6].

Под творческой деятельностью подразумевается любая умственная деятельность, создающая качественно новый интеллектуальный продукт. Таким образом, права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в процессе обучения, принадлежат автору результата интеллектуальной деятельности, творческим трудом которого создан такой результат.

Конечно, не за любой работой студента, магистранта стоит закреплять статус произведения, на

которое распространяются положения авторско-правовой охраны. Прежде чем говорить о признании произведения таковым, необходимо оценить степень творческого вклада учащегося в создание работы. Актуальна в данном случае и проблема самостоятельности студента (основного исполнителя) в выполнении задания. И степень научной новизны, и творческий характер, и самостоятельность работы при необходимости оцениваются специалистами, проводящими экспертизу студенческой работы.

И.А. Близнец указывает четыре категории лиц, на которых должно распространяться положение о политике в сфере интеллектуальной собственности университета: профессорско-преподавательский состав университета, администрация вуза, комплекс сотрудников университета; лица, обучающиеся в вузе (студенты, аспиранты, слушатели, соискатели); физические лица, участвующие в научно-исследовательских и образовательных проектах университета на основании договоров; наконец, подрядчики (исполнители) по договорам подряда, различным договорам на проведение работ [1, с. 14].

Следует отметить, что результаты интеллектуальной деятельности, созданные обучающимися в учебном процессе, не следует рассматривать в качестве служебных произведений. Служебными признаются результаты интеллектуальной деятельности, созданные в период трудовых отношений работодателя и работника. Взаимоотношения же обучающегося и образовательного учреждения регламентируются договором на оказание образовательных услуг. В рамках осмысления данной проблемы в 2011 году М.Н. Головневым были представлены результаты диссертационного исследования «Ученический договор в системе оказания гражданско-правовых услуг», в котором исследователь ввел в оборот понятие «ученический договор» [4]. Автор отмечает, что между образовательным учреждением и обучающимся в процессе оказания образовательных услуг, возникают отношения не трудового, а гражданско-правового характера.

Взаимоотношениями трудового характера связаны образовательное учреждение и научный руководитель, который выдает учащемуся задание на выполнение конкретной аутентичной работы. И, как правило, исследования, которые проводит учащийся в рамках выполнения учебного задания, носят квазиисследовательский характер. И, соответственно, новизна проектов, выполняемых учащимися в качестве учебных работ при использовании образовательных технологий с использованием метода проектов, является относительной. В противном же случае, образовательное учреждение не может гарантировать определенного качества образования как достижение конкретного образовательного результата.

Ситуация усложняется при прохождении обучающимися производственной практики, в период которой они выполняют производственные задания и вносят предложения по улучшению технологического процесса или по улучшению характеристик выпускаемой продукции, а также в период подготовки курсовой или выпускной квалификационной работы. Также возникает ряд вопросов при определении прав на результаты выпускных квалификационных работ, выполняемых педагогическими работниками в период повышения квалификации; на результаты магистерских работ и диссертационных исследований. В настоящее время нормы российского законодательства не позволяют однозначно идентифицировать права интеллектуальной собственности на данные категории граждан. И вопрос этот может быть рассмотрен с двух позиций: с позиции студента, магистранта, выполняющего работу и считающего ее результаты своими собственными достижениями и с позиции университета, стремящегося к максимальному приросту интеллектуальной собственности. Поэтому помимо норм российского законодательства результаты интеллектуальной деятельности должны быть обязательно рассмотрены в отдельном документе вуза, помогающем устранить разные неопределенности. Среди целей и принципов, на которых должна основываться политика университета, И.А. Близнец указывает не только содействие свободному распространению идей, создание стимулов для приобретения знаний и условий для повышения качества образовательных услуг, но и «обеспечение условий для соблюдения и защиты интеллектуальных прав университета, работников, обучающихся и третьих лиц»; «обеспечение устойчивых конкурентных позиций университета на рынке интеллектуальных продуктов»; «обеспечение справедливого распределения дохода, получаемого от использования создаваемых в университете РИД и распоряжения правами на указанные результаты между университетом и непосредственными создателями РИД»; «соблюдения прав автора РИД на вознаграждение» [1, с. 15].

Таким образом, в нынешней ситуации нарастающей коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, стремления университетов получить прибыль, каждому вузу необходимо позаботиться о разработке системы управления интеллектуальной собственностью, выработать принципы для своей, локальной политики в указанной области, позаботиться об обязательном регулировании этой политики официальным документом. В создании внутреннего положения об интеллектуальной собственности университет может опираться на опыт зарубежных коллег, а также успехи передовых университетов страны.

Необходимо понимать, что основные положения, касающиеся авторских прав, регулируются

ныне Гражданским Кодексом Российской Федерации. Но в ГК РФ не могут быть закреплены все частные, второстепенные вопросы. Одним из них нам представляется поставленный в этой статье вопрос об управлении правами на результаты интеллектуальной собственности и предупреждении конфликтов интересов между вузом и обучающимися, некоторые из которых не просто реализуют поставленные перед ними учебные задачи, но самостоятельно и активно включаются в процесс научного поиска, добиваясь значительных результатов.

Библиографический список

1. *Близнец И.А.* Политика университетов в сфере интеллектуальной собственности // *Международный правовой курьер*. – 2014. – № 3. – С. 11–15.
2. *Видякина О.В.* Использование зарубежного опыта для формирования политики в сфере интеллектуальной собственности Российских университетов // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. – 2013. – №3. – С. 73–82.
3. *Винокуров А.А., Ноговицын Р.Р.* Интеллектуальная собственность университета как инструмент конкурентного преимущества // *Проблемы современной экономики*. – 2015. – № 1 (53). – С. 235–237.
4. *Головнев М.Н.* Ученический договор в системе оказания гражданско-правовых услуг: автореф. дисс. ... канд. юр. наук – М.: ФГБОУ ВПО РГАИС, 2011. – 22 с.
5. *Грибанов Д.В.* Авторское право в науке, образовании и издательском бизнесе // *Российский юридический журнал*. – 2009. – № 4. – С. 141–147.
6. Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/> (дата обращения 22.08.2015).
7. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ № 2227-р от 08.12.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения 24.08.2015)
8. *Яныкина Н.О.* Управление интеллектуальной собственностью: специфика научно-образовательного комплекса // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2011. – № 3. – С. 37–44.

ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ЭКОНОМИКИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье представлен ретроспективный анализ философских учений, в которых рассматриваются различные формы, ограничивающие индивидуальную свободу человека как гражданина в системе экономических отношений внутри государства. На заре человечества основным регулятором свободы произвола служило знание о справедливости, которое позволяло сформировать общественный идеал, необходимый для воплощения в трудовой деятельности. Возникшие позже капиталистические отношения определялись общественным договором, по которому функции упорядочения свобод граждан выполняло государство. В современных условиях приоритетным сектором культуры считается политика, которая способна согласовывать и контролировать производственно-экономическую, юридическую, социальную сферы общества как внутри государства, так и мирового сообщества в целом. Важным направлением политической деятельности должна стать переориентация права с принципов буржуазного либерализма на новые юридические нормы, обоснованные в концепции плюралистического права.

Ключевые слова: трудовая деятельность, предпринимательство, экономика, свобода, справедливость, общественный договор, юриспруденция, политика.

Онтология права представляет собой учение о сущности бытия такого явления юриспруденции, как право. Само понятие «бытие», введенное в V в. до н.э. Парменидом, означает субстанцию вечную, неизменную, постоянную, которая находится в метафизической сфере, и которая состоит из сущностей предметов и явлений, наполняющих изменчивый материально-природный мир. Обладая перечисленными свойствами, бытие детерминирует процессы, происходящие в реальности. Однако бытие права невозможно представить в форме субстанции. В теории юриспруденции говорится о том, что бытие права является способом организации различных аспектов социальной жизни. Разумеется, существует множество видов организации общественной сферы, но, подчеркнем, что сущность правовой реальности выражена формой долженствования. Другими словами, бытие права – это мир должного, того, что в привычном смысле нет, но реальность чего, тем не менее, значима для человека и его деятельности. О долженствовании как главной характеристике права, основанной на трансцендентальной сущности мышления, писал, в частности, австрийский юрист Р. Марчич, признавая «в праве как порядке и норме трансцендентальное...», которое определяет бытие «как логическую основную норму позитивного права» [4, с. 129], соответствующего форме строгого обязательства. Безусловно, бытие права как способ организации социальной жизни включает в себя множество объектов юридического регулирования, одним из которых является такой сегмент культуры, как экономика.

Проблема предпринимательства непосредственно связана с экономической сферой деятельности человека. В истории философии существовали различные, иногда прямо противоположные друг другу, представления о месте экономических отношений в системе социума, в системе государ-

ства. Еще на заре формирования трудового сообщества, ориентированного в своей деятельности на создание блага для всех граждан города-полиса, считалось, что отношения между членами должны подчиняться принципу справедливости. По мнению Платона, изложившего свою концепцию в диалогах «Государство» и «Критий», собственно общественная сфера, выраженная взаимоотношениями между свободными людьми, обусловлена нравственными регулятивными принципами, главным из которых является ответственность, определенная идеей добра. В области же производства материальных благ эти принципы бесполезны, ибо они носят внутренний, сугубо личностный характер, поэтому свобода человека – производителя материального благополучия общества – должна быть ограничена справедливостью, которая понималась как норма внешнего регулирования. Справедливо то, что служит благу всего общества, стало быть, закон справедливости определяет и выражает способ участия каждого члена государства-полиса в этом общем делании, а также меру распределения созданных в производственном процессе материальных ценностей для удовлетворения необходимых потребностей [5; 6].

Исходя из этих представлений Платона, государством должны управлять философы, смыслом жизни которых является стремление к познанию идеи добра чистым разумом, лишенным чувственного содержания. Знание добра как такого в его идеальной, образцовой чистоте позволяет философам-руководителям обустроить практическую жизнь общества, в котором реально воплощается благо каждого, соответствующее мере его участия в общем производстве. Подчеркнем, что философы в своей руководящей деятельности ограничены собственными внутренними принципами, сформированными на основе причастности их сознания метафизической сфере бытия, содержащей идею

добра. Сфера производства материальных благ, в которой участвуют свободные граждане, находится в подчинении у философов, контролирующих справедливое создание и распределение технических ценностей.

Собственно, в этом же русле, проложенном в системе объективного идеализма Платона, движется мысль и его ученика Аристотеля, который, анализируя природу человека, выделил и обосновал два комплекса добродетелей: этический и дианоэтический. Этический уровень включает добродетели, характеризующие личностные качества человека, формирующиеся на чувственно-эмоциональном уровне сознания. Дианоэтический уровень формируется «разумно-познавательными» способностями (по сути, разум в системе Аристотеля тождествен трансцендентальной или рассудочной форме мышления), результатом деятельности которых будет знание, как высшая форма добродетели.

Оба уровня должны гармонично дополнять и согласовывать друг друга по принципу справедливости. Об этом пишет Аристотель в своем произведении под названием «Никомахова этика»: «Справедливость является величайшей из добродетелей, более удивительной и блестящей, чем вечерняя или утренняя звезда. Поэтому-то мы и говорим в виде пословицы: “в справедливости заключаются все добродетели”» [2, с. 825]. Этический и дианоэтический комплексы добродетелей определяют сознание отдельного человека и в то же время соответствуют различным сферам деятельности общества, целостность которых так же обусловлена законом справедливости. Можно сказать, что экономическая деятельность, осуществляющаяся в рамках государства-полиса, развивается вне зависимости от произвола ремесленников, но в строго ограниченной мере, соответствующей форме справедливого гармоничного общества. Подчеркнем, что справедливость *познается*, о ней можно получить общезначимое, универсальное *знание*, воплотив которое в практической жизни можно создать идеальное государство.

В представлениях философов средневековья справедливость носит божественный характер. Мироздание и человечество, как его часть, созданные свободной доброй волей Бога-Творца, соответствуют в своем иерархическом порядке духовной сфере, пребывающей в гармонии. Изначально, до грехопадения первых людей, и материально-природный мир был гармоничен. Но в процессе отпадения человечества от духовного совершенства стали утрачиваться связи, которые согласованно объединяли и природу, и общество в единство порядка. Деятельность средневековых ремесленников, как одна из многих других форм производства, будет справедлива только в той мере, которая соответствует божественной справедливости, представленной в догматах христианского учения.

В случае если человек в своей практической жизни ориентирован на удовлетворение желаний плоти, забывая о вере во всеобщую гармонию, созданную Богом, он нарушает данный свыше справедливый порядок и после смерти будет лишен пребывания в Граде Божием. В этом заключается смысл представлений Августина Блаженного о любой форме деятельности, в которой участвует субъект: «Когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу» [1, XIV, с. 4].

И античные, и средневековые представления о технической сфере деятельности человека в рамках общества свидетельствуют о необходимости подчинения этой ограниченной области производственных отношений всеобщему миропорядку, независимо от его космоцентрического или теоцентрического характера. Принцип подчинения части целому свидетельствует о том, что сфера культуры и в эпоху древнегреческой цивилизации, и в период средневекового развития была единой. Целостность культуры, состоящей из различных секторов, предполагала существование единого центра, который считался доминантным и объединял относительно себя соподчиненные, не имеющие самостоятельного значения сегменты. И еще один аспект характеризует и античное, и средневековое мировоззрение – это идея справедливости, которая пронизывает Космос, придавая ему гармонию и красоту, которая в своей божественной сущности детерминирует иерархию земного, падшего бытия.

И только в эпоху Нового времени происходит раскол культуры, из нее выделяются и начинают самостоятельно существовать и развиваться различные секторы, среди которых уже не существует главного. Естественное состояние каждого человека, определенное свободой, характеризуется психофизиологическим состоянием произвола, которое выражается в суждении: «Что хочу, то и делаю». В данном случае «хочу» обусловлено постоянно возрастающими потребностями человека в сытной, благополучной, счастливой в материальном отношении жизни. В силу того, что запросы носят утилитарно-универсальный характер, так как они определяют психофизиологическую природу каждого человека, возникает «война всех против всех» (Т. Гоббс). Для того чтобы избежать реального уничтожения людей друг другом и тем самым осуществить социальную справедливость, Т. Гоббс предлагает заключить «общественный договор», в котором полномочия уравнивания в потребительских правах всех граждан передаются государству. Государство наделяется законодательно-силовой функцией по поддержанию общественного порядка и ограничению потребительского произвола, создавая гармоничную, слаженную жизнь, в которой все разрозненные сегменты культуры объединяются в механическое единство, определенное положениями «общественного договора».

Кроме экономической сферы общества, которая непосредственно ориентирована на удовлетворение потребностей, возникают и усиленно развиваются социальная сфера, юридическая, политическая, рационально-научная. Искусство и религия по-прежнему еще актуальны в развитии мировоззрения граждан, но не играют решающей, государственно-значимой роли. Думается, что именно в этот период осуществляется перестройка внутреннего мира человека или, другими словами, происходит очередной «поворот сознания» (К. Ясперс), которое становится все более и более ориентированным на материально-природный мир и гражданский социум, именно в них видя причины необходимого для жизни блага и возможного зла.

Представление о справедливости, столь актуальное в предыдущие исторические эпохи, особенно о справедливости как личной ответственности за благо другого человека и общества в целом, изживается, утрачивается или, в лучшем случае, рационализируется, в результате возникают целые системы законодательных проектов, в которых провозглашенные ценности сводятся к прагматично-удобным и приемлемым для всех выгодам. Целью развития нарождающихся капиталистических отношений становится сфера экономики и предпринимательства, приоритет которой обосновывается тем, что жизненно важные средства существования можно создать трудом рабочих. В эпоху Нового времени и позже в XVIII–XIX вв. считалось, что рыночные отношения, как основа капитализма, поддаются анализу, прогнозируются, следовательно, экономическая сфера производства способна формироваться неограниченно, а итогом развития будет материальный «рай». Закономерно, что наиболее тесные отношения возникли между экономикой и наукой, фундаментальные открытия в которой способствовали внедрению новых материалов, технологий, механизмов, машин, облегчавших или полностью заменявших ручной труд рабочих, многократно увеличивая производительность труда.

Например, в середине – конце XIX в. французский философ О. Конт – основатель позитивизма – считал, что высшей задачей философии является обоснование классификации наук, главная из которых – математика. Позитивное развитие человечества полностью зависит от того, насколько развита в сознании способность к «здравому смыслу», достоинство которого выражено в умении находить пользу и рассчитывать возможную выгоду от тех или иных научных открытий. В социальной философии О. Конт утверждает приоритет аффективного уровня сознания над рациональным, тем самым рассматривая высшим регулятором общественной жизни нравственность, но не правовые нормы и принципы. Однако нравственность автор понимает как сферу долженствования, ибо каждый член общества – гражданин – обязан взять на себя функ-

ции, выполняя которые, он служит благу общества. Свои обязательства человек рационально определяет посредством здравого смысла, высчитывая наибольшую пользу, которую он может принести, наделяя себя определенными функциями. Можно сказать, что для О. Конта нравственность тождественна юридически обоснованной сфере долженствования, в которой формируются нормы, ориентированные на ограничение свободы произвола граждан в системе социума. Анализируя философско-юридические представления О. Конта, Вл. Соловьев писал: «Отрицая психологию, сводя логику к математике и совершенно обходя главный гносеологический вопрос о возможности для субъекта достоверно познавать то, что не есть он сам, – Конт полагал, что философия есть простое продолжение и расширение частных наук, как они сами суть продолжение и расширение обыкновенного житейского познания, управляемого “здравым смыслом” (le bon sens)» [8].

К началу – середине XX века стало очевидно, что рыночная экономика не способна к процессам саморегуляции, основанным на стихийных, непредсказуемо изменяющихся (и качественно, и количественно) потребностях населения. Не случайно в производственно-экономических отношениях этого периода стали играть большую роль юридически грамотные специалисты, которые с помощью законодательных актов и других нормативных документов стремились планировать деятельность различных предприятий, согласовывая ее с рынком потребления. Однако, как правильно заметил Вл. Соловьев, критикуя взгляды О. Конта, невозможно организовать гармоничные связи с двумя сегментами культуры, каждый из которых не является фундаментальным, приоритетным. Безусловно, что остальные секторы, реально не участвующие в деятельности юридического и экономического характера, потенциально присутствующие в общественном устройстве государства, требуют развития, совершенствования и внедрения в экзистенциальную практику жизни. Вертикаль общественного развития должна иметь источником нравственность человека, который участвует в различных проектах государства, осуществляя свои духовные, личностные качества в форме той или иной профессиональной деятельности – именно так представляет Вл. Соловьев основу предпринимательства в России. Поэтому главным объектом политики государства является человек, воспитание и образование которого должно быть направлено прежде всего на выявление и формирование в его сознании человеческой сущности, которая способна реализоваться в форме любого профессионального служения [7, с. 320–322].

Вл. Соловьев, почитающий учение Платона, разделяет его представления о свободе как качестве, определяющем сущность человека. Справедливое

осуществление собственной свободы в границах социального пространства возможно в том случае, если личность имеет нравственное воспитание, основанное на развитии чувственно-человечной природы, выраженной чувствами стыда, жалости и благочестия. Для обеспечения всеобщего блага, по мнению русского философа, в своей деятельности каждый человек должен ограничивать себя совестью, которая понимается как «социальный стыд». Стыдясь проявления собственной плотской природы, руководимой страстями, человек как гражданин государства, обязан жалеть ближнего своего, стараясь своим трудом облегчить возможные страдания его жизни. Однако сама по себе чувственно-эмоциональная сторона человеческой природы не может стать руководящим принципом деятельности, но является только побудительным мотивом к нравственному деянию. Рационально понимаемый долг, детерминированный принципом категорического императива И. Канта, управляет и нравственными проявлениями чувственной природы человека, и его профессиональными навыками. Таким образом, стыд определяет поведение человека в его оценке собственных недостатков, а рациональное согласование своих достоинств с благом каждого в системе государства характеризует его социальность – «социальный стыд» [9, с. 179–183].

Справедливости ради отметим, что система Вл. Соловьева не нашла достойного применения в практике государственного устройства ни в веке XIX, ни в веке XX. Научно-техническая революция, основанная на фундаментальных открытиях в науке, сделанных А. Эйнштейном, Н. Бором и другими учеными, способствовала быстрому внедрению в технику качественно новых материалов, технологий, которые резко увеличили объемы производственно-экономической сферы общества. Человек из создателя технического тела цивилизации мгновенно превратился в ее винтик, став полностью зависимым от техногенных процессов, которые все более и более неуправляемы собственными человеческими силами. Проблема регулирования предпринимательской деятельности в сфере экономики стала требовать нового решения, более адекватного вызовам времени. Согласно французскому философу конца XX – начала XXI веков П. Розанваллону, идеал капиталистического либерализма, построенный на представлениях о регуляции общественно-экономических отношений рыночными рычагами управления, является утопичным, никак не связанным с реальностью. Автор трудов по философско-правовой тематике считает, что ведущим сектором современной культуры следует признать политику, ибо только на уровне политико-правового управления можно решить проблему гармоничного существования общества как внутри государства, так и мирового сообщества в системе глобализации. По свидетельству В. Ка-

плуна – исследователя творчества П. Розанваллона, – французский философ в своем творчестве отстаивал мысль, что «сфера политического является местом, где происходит конструирование “общего мира”, где реализуется республиканский принцип сообщества как форума, без чего в конечном итоге невозможна организация общества, характеризующегося в терминах “гражданского состояния”» [3].

К слову сказать, П. Розанваллон считает, что политическая деятельность в современных экономических условиях, определенных рыночными механизмами, должна быть радикально изменена как на уровне региональных структур, так и в глобальном масштабе, на уровне государств. Либеральная политика капитализма не способна решить проблемы, которые выражены в кризисах, разрушающих все сферы социально-культурной жизни мирового сообщества. П. Розанваллон предлагает политико-юридическими средствами «раздробить и перераспределить различные права, которые, будучи сгруппированы, составляют классическое (буржуазное) право собственности, и таким образом двигаться в направлении настоящей *депроприации*» [7]. Такие действия необходимы для того, чтобы освободиться от закономерностей рыночной экономики, создать новые правовые отношения между человеком и его частной собственностью. В частности, французский философ считает возможным осуществить «право на разнообразное использование вещей» [7], которое определяет эволюцию юриспруденции или, другим словами, переход от меновой стоимости к потребительской. Безусловно, это требует создание принципиально новой концепции права (*conception dimensionnelle*), «в которой природа применяемых прав была бы дифференцирована в зависимости от размера коллектива, к которому они относятся» [7]. П. Розанваллон убежден, что только в сфере личных прав человека возможно и сохранить, и расширить универсальность юридических принципов, а тем самым преодолеть негативные последствия рыночной экономики. На наш взгляд, автор стремится узаконить личностную ответственность человека за его отношения к собственности и способы ее эксплуатации, утверждая необходимость создания «плюралистического права». Можно сказать, что в этом заключается смысл концепции справедливости, разработанной впервые в эпоху античности, ведь новое – это хорошо забытое старое.

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. О граде Божием // Августин Блаженный. О граде Божием. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, – 2000. – 1296 с.
2. *Аристотель*. Никомахова этика // Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио. 1999. – 1056 с.

3. *Каплун В.* Пьер Розанваллон: неустранимость политического (предисловие научного редактора) // Пьер Розанваллон: Утопический капитализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.plam.ru/philos/utopicheskii_kapitalizm/p1.php (дата обращения 23.09.2015)

4. *Marcic R.* Rechtsphilosophie. – Freiburg, 1969.

5. *Платон.* Государство // Платон. Диалоги: Филеб. Государство. Тимей. Критий. – М.: Мысль. 1999. – 656 с.

6. *Платон.* Критий // Платон. Диалоги: Филеб. Го-

сударство. Тимей. Критий. М.: Мысль. 1999. – 656 с.

7. *Розанваллон П.* Утопический капитализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.plam.ru/philos/utopicheskii_kapitalizm/p1.php (дата обращения 23.09.2015).

8. *Соловьев Вл.* Конт Огюст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/be/k/ko0002.htm> (дата обращения 23.09.2015).

9. *Соловьев Вл.* Оправдание добра. – М.: Республика. 1996. – 479 с.

ТРУДОВЫЕ АРМИИ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА: ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (к 95-летию Первой Революционной Армии Труда)

Статья посвящена краткой характеристике правовых основ организации и функционирования трудовых армий в условиях государственной политики, получившей название «военный коммунизм».

Автор работы акцентирует внимание на анализе наиболее значимых, ключевых нормативно-правовых актов, принятых новой властью в обозначенный период и положенных в основу правового регулирования общественных отношений, в рамках которых осуществлялось практическое применение воинских формирований на «трудовом фронте». Наиболее важными нормативными актами, по мнению автора, следует считать: Декрет СНК «О всеобщей трудовой повинности» (от 29.01.1920 г.); Положение СНК «О комитетах по всеобщей трудовой повинности» (от 05.02.1920 г.); Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О Первой Революционной Армии Труда» (от 15.01.1920 г.). Кроме того, решающее значение имели соответствующие идеологические установки и представления новой власти о построении социализма в стране. На примере реорганизации третьей армии Восточного фронта в «трудовую армию» показаны основные особенности широкомасштабного экономического эксперимента, предпринятого советской властью в кульминационный период политики «военного коммунизма». В результате анализа автор приходит к выводам, что подобные формы организации труда возможны и даже необходимы лишь в чрезвычайных и экстремальных условиях для выполнения широкомасштабных, жизненно важных работ (в интересах государства и общества), требующих быстрой мобилизации большого количества людей.

Ключевые слова: военный коммунизм, хозяйственная разруха, всеобщая трудовая повинность, принудительный труд, трудовые мобилизации, трудовые армии, Первая армия труда.

К вопросу о применении армии для трудовых задач, <...> мы подошли эмпирическим путём, отнюдь не на основании теоретических соображений.

Л.Д. Троцкий

Современное трудовое право России прошло неоднозначный и противоречивый эволюционный путь, обусловленный экономическими, политическими, идеологическими и культурными особенностями развития нашей страны. Оно несёт в себе не только множество специфических черт и особенностей (в «снятом виде») советского трудового права, но и довольно звонкие отголоски фабричного законодательства Российской империи. Очевидно, что современное переосмысление определённых ключевых исторических аспектов отечественного трудового права необходимо для более глубокого и объективного понимания характерных особенностей, правовых закономерностей и общих тенденций развития действующего трудового права, а также для выявления глубинных, наиболее актуальных проблем теории и практики, разработки обоснованных предложений по их возможному решению. Наибольший интерес представляет переломный период нашей истории, в рамках которого началось построение основ системы социалистической организации труда и рождение трудового права советского типа. Целью работы является краткое рассмотрение специфики правовых основ создания трудовых армий в контексте всеобщей трудовой повинности, установленной в период осуществления политики, получившей название «военный коммунизм», а также получение обобщающих выводов по теме.

Первые годы становления советской власти (1918–1920) проходили в условиях экономического коллапса, тотальной хозяйственной разрухи, массового обнищания населения. Кроме того, ситуация усугублялась Гражданской войной, иностранной интервенцией, ожесточённым натиском контрреволюции. «В работе государственных органов преобладали насильственные методы, зачастую в самой суровой, жестокой форме, вполне соответствовавшей духу времени и идеологическим установкам диктатуры пролетариата. Многие меры экономической и социальной политики того времени, получившей название «военный коммунизм», были вызваны экстремальной обстановкой, требовавшей незамедлительной мобилизации всех имевшихся скудных ресурсов, крайнего напряжения сил ради выживания новой власти» [7, с. 31].

Среди важнейших мероприятий новой власти стало создание основ системы социалистической организации труда, как исторически новой, ранее неизвестной и более прогрессивной формы труда, благодаря которой предполагалось не только преодолеть и побороть хозяйственную разруху, но и осуществить широкомасштабные преобразования для строительства социализма. Поэтому вполне логично, что одним из первых в фундаменте советского права появился Кодекс законов о труде (далее КЗоТ РСФСР), принятый в декабре 1918 года. «Особой приметой» данного нормативного акта стала узаконенная всеобщая трудовая по-

винность, которой КЗоТ РСФСР посвятил первую главу. К сожалению, объем данной статьи не позволяет даже в общих чертах рассмотреть идеологические предпосылки, характерные особенности, правовые закономерности и тенденции установления и развития трудовой повинности в рассматриваемый период, но следует отметить, что принудительный труд являлся не только средством борьбы с экономической катастрофой, но и необходимым сегментом в процессе построения новой формации. Так, в мае 1917 г. (т.е. до прихода большевиков к власти), В.И. Ленин в своём докладе на VII Всероссийской конференции РСДРП (б) отмечал, что «общая трудовая повинность – это нечто новое, такое, что составляет часть социалистического целого» [8, с. 433]. А в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной в конце сентября 1917 г., В.И. Ленин уже не церемонился: «...Всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства... самым могучим средством учёта и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало... «Кто не работает, тот не должен есть» – вот основное первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью» [8, с. 310–311].

Обещания В.И. Ленина были в скором времени исполнены и в первой Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., было записано, что РСФСР «признаёт труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся, да не ест!». Следует отметить, что трудовая повинность выступала в качестве важнейшего принципа политики «военного коммунизма», а нормы КЗоТа РСФСР, регламентировавшие привлечение к принудительному труду, осуществлялись на практике в наиболее полной мере.

На пике эпохи «военного коммунизма», в развитие конституционного принципа о всеобщей трудовой повинности и в дополнение к КЗоТу РСФСР, был принят декрет Совета Народных Комиссаров (далее СНК) «О всеобщей трудовой повинности» (от 29.01.1920 г.). Данный декрет стал некой «квинтэссенцией» (кульминацией) в развитии трудовой повинности и возвёл данный конституционный принцип в «превосходную степень». Согласно этому нормативно-правовому акту, всё трудоспособное население страны подлежало «единовременному или периодическому» привлечению к выполнению различных работ, осуществляемых в форме трудовой повинности, на основе общехозяйственного плана. Для всех работников, независимо от их постоянной работы, устанавливались соответствующие виды трудовой повинности: сельскохозяйственная, топливная, дорож-

ная, строительная, снеговая, продовольственная, гужевая и т.п. В порядке трудовой повинности предписывалось привлекать рабочие части Красной армии и флота и осуществлять рациональное перераспределение рабочей силы. Следует констатировать, что согласно данному декрету, российский трудящийся был обязан добросовестно выполнять свои трудовые функции по основному месту работы (фактически в форме трудовой повинности), а также дополнительно выполнять (тоже в форме трудовой повинности) различную общественно-полезную работу в интересах общества и государства. Известный советский учёный – трудовик Н.Г. Александров – в своё время отметил, что декрет «О всеобщей трудовой повинности» от 29.01.1920 г. «...ввёл в понятие трудовой повинности (в собственном смысле) новый признак, а именно, что она выполняется трудящимися одновременно или периодически, независимо от постоянной работы по тому роду деятельности, которым обычно занят данный трудящийся» [1, с. 225].

Данным декретом был образован Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (далее Комитет, Главкомтруд), через который осуществлялось общее руководство соответствующими процессами. В состав Главкомтруда, согласно декрету, входили представители весьма весомых и влиятельных государственных структур: Народного комиссариата труда (НКТ); Народного комиссариата внутренних дел (НКВД); Народного комиссариата по военным делам. Перед Комитетом стояло решение ряда важнейших задач: 1) согласование хозяйственных планов, составленных хозяйствующими субъектами, обеспечение рабочей силой определённых отраслей хозяйства; 2) установление порядка применения различных форм трудовой повинности; 3) разработка ведомственных инструкций, адресованных местным комитетам «по вопросам о трудовой повинности»; 4) использование административно-управленческого ресурса различных ведомств для проведения всеобщей трудовой повинности; 5) принятие официальных решений по коллизионным ситуациям, возникавшим при проведении трудовой повинности.

На местном уровне учреждались губернские, уездные, городские комитеты по проведению в жизнь всеобщей трудовой повинности и при этом наделялись чрезвычайными революционными полномочиями. Так, Комитеты обязывались «предавать Народному Суду» всех лиц, виновных в следующих деяниях: 1) уклонение от учёта и явки по трудовой повинности; 2) дезертирство с порученных работ либо подстрекательство к дезертирству; 3) изготовление и (или) использование подложных документов в целях уклонения от трудовой повинности; 4) сообщение заведомо ложных сведений должностным лицам; 5) умышленная порча орудий и материалов; 6) небрежная органи-

зация работ или «нехозяйственное использование мобилизованной рабочей силы»; 7) пособничество вышеперечисленным деяниям и укрывательство виновных. В случаях «особой злостности и повторности деяний» данные комитеты имели право передавать правонарушителей суду Ревтрибунала, а также непосредственно применять определённые меры воздействия: пресечение; административное наказание, «вплоть до передачи в штрафные трудовые части и ареста...».

Особым направлением государственной политики времён «военного коммунизма» стало широко-масштабное применение армии в трудовых целях. Первые эпизодические шаги в данном направлении наблюдаются уже в первый год становления советской власти. Так, 26.12.1918 г. был принят приказ Реввоенсовета «О рабочих войсках». Такие войска предназначались для: производства работ на железных дорогах (погрузочно-разгрузочные работы); расчистки железнодорожных путей от снежных заносов; помощи железнодорожным войсковым частям, «ведущим работы по постройке и эксплуатации железных дорог»; постройки и ремонта грунтовых дорог; поддержания в исправности водных путей; охраны грузовых поездов и складов и др. В приказе говорилось о том, что довольствие рабочих частей осуществляется «на общих основаниях с войсковыми частями» [10, ст. 1027].

В 1920 г. в стране наступила короткая военная передышка и поэтому отпала необходимость переброски войск для участия в боевых действиях. В то же время распустить действующую армию в тех чрезвычайных условиях означало подвергнуть страну огромному риску, а может быть и подписать себе «смертный приговор». Вместе с тем, на содержание огромной массы вооружённого народа требовались колоссальные экономические и финансовые ресурсы, что оказалось не под силу молодому советскому государству в условиях тотального системного кризиса. По-видимому, в тех условиях единственно правильным решением советского руководства стало использование воинских частей на «трудовом фронте».

Наиболее активным инициатором и сторонником данной идеи выступал Л.Д. Троцкий. Для рационального и эффективного применения воинских частей в трудовых целях требовалось создание специальных условий, которые, по словам Л.Д. Троцкого, должны были заключаться: а) в строгом и точном определении задач для трудармейцев; б) в простейших видах труда; в) в установлении «таких организационных взаимоотношений с соответствующими хозяйственными органами, чтобы исключена была всякая возможность нарушения хозяйственных планов...»; г) в установлении «тесной связи, по возможности, уравнительного продовольствия и товарищеских взаимоотношений с рабочими того же района»; д) «...выяснение

неизбежности и прогрессивности военного принуждения в деле поднятия хозяйства на основе всеобщей трудовой повинности» [12, с. 157].

Следует заметить, что реорганизация 3-й армии Восточного фронта в «трудовую армию» состоялась по инициативе Реввоенсовета этой армии, который в телеграмме (от 10.01.1920 г.) Реввоенсовету Республики предложил использовать воинские части армии на восстановление народного хозяйства Урала, Челябинской и Тобольской губерний. 12.01.1920 г. на телеграмму ответил В.И. Ленин: «Приветствую это предложение, вношу вопрос в Совнарком. Начинайте действовать при условии строжайшей согласованности с гражданскими учреждениями» [9, с. 16–18].

15.01.1920 г. Совет рабочей и крестьянской обороны (председатель – В.И. Ленин) принял соответствующее постановление «О Первой Революционной Армии Труда» (далее 1 РАТ). В Постановлении говорилось о временном характере трудового применения 1 РАТ. Основные виды работ, которые надлежало выполнять этой армии, заключались в следующем: а) заготовка и сосредоточение в заготпунктах продовольствия, согласно плану развёрсток, установленных Народным комиссариатом труда; б) заготовка дров и их доставка к железнодорожным станциям; в) массовые работы, требовавшие дополнительной мобилизации рабочей силы; г) всевозможные строительные работы; д) сельскохозяйственные работы (в т.ч. работы по ремонту сельхозорудий) и прочие работы, перечень которых не являлся исчерпывающим и подлежал соответствующим корректировкам.

Единым органом, руководящим работой 1 РАТ, являлся «Революционный Совет Трудовой Армии», состоявший из членов «Революционного Военного Совета» и полномочных представителей соответствующих народных комиссариатов: Наркомпрода, Высовнархоза, Наркомзема, Наркомпути, Наркомтруда. Все местные учреждения (совнархозы, продкомы, земотделы и др.) обязывались подчиняться (особыми приказами и инструкциями) совету трудовой армии «через соответствующих его членов, либо целиком, либо в той области их работы, которая требует применения массовой рабочей силы» [6, с. 96–99].

30.01.1920 г. принимается очередное постановление Совета рабочей и крестьянской обороны, согласно которому в сферу деятельности 1 РАТ включались следующие губернии: Пермская, Екатеринбургская, Челябинская, Тюменская, Уфимская (за исключением 3-х уездов) [6, с. 160].

По итогам трудовой деятельности 1 РАТ за 1920 г. видно, что трудармейцы реально работали в следующих направлениях: по заготовке топлива – 55,5% рабочей силы; на постройке и ремонте различных сооружений (мосты, заводы и т.д.) – 19,6%; в горных работах – 20% (сентябрь – октябрь

1920 г.); восстановление железнодорожного полотна – 4,6% рабочей силы [2, с. 176].

За данный период 1 РАТ осуществила ряд крупных работ по восстановлению Пермских железных дорог и железнодорожных мостов – Бельского, Уфимского, Нязепетровского, а также: восстановление мостов в районах Шадринска, Камышлова; выполнение строительных работ в Пермском, Тюменском, Уфимском уездах; выполнение горных работ на Челябинских, Кизеловских, Богословских копиях и др. Кроме того, были восстановлены крупные (в т.ч. военные) заводы – Мотовилихинский, Ижевский, Златоустовский, Саткинский, «Столь» (Челябинск), Верх – Исетский и др. [2, с. 179–180].

Несмотря на трудовой героизм (и это отмечают почти все исследователи данного вопроса), проявленный 1 РАТ в тех чрезвычайных исторических условиях, следует констатировать, что сформулированные в постановлении «О Первой Революционной Армии Труда» намерения государства столкнулись с рядом объективных проблем. Очевидной проблемой стало то, что принудительный труд изначально не мог быть эффективным, высокопроизводительным, с безупречной трудовой дисциплиной и искренним «товарищеским сотрудничеством». В подтверждение наличия острых организационных и функциональных проблем, возникших в самом начале создания трудовых армий, следует привести цитату из приказа (от 24.02.1920 года, № 194) председателя «Революционного Совета Первой Трудовой Армии» – Л.Д. Троцкого. Он констатировал: «Трудовые сводки свидетельствуют как о крайне незначительном числе красноармейцев, привлечённых к производительному труду, так и о чрезвычайно низком уровне производительности этого труда...». В связи с этим, Л.Д. Троцкий давал жесткие указания: «части, недобросовестно относящиеся к трудовым обязанностям, перечислять в штрафные, устанавливая для них строжайший режим... Особо уполномоченным Совтрударма установить на месте причины плохого хода работ, арестовать наиболее виновных лиц и направлять их в распоряжение Революционного трибунала армии» [12, с. 159].

Основные причины неэффективности работы 1 РАТ тезисно обозначены в диссертационной работе Буряк Е.М. «Трудовые отношения в первые годы Советской власти: на материалах промышленных районов Урала». Среди причин неэффективности автор упоминает следующие: несогласованная работа органов труда; отсутствие полной информации о спросе и предложении рабочей силы в процессе трудовых мобилизаций; попытка применить трудовые мобилизации во всех сферах трудовой деятельности; частые переброски рабочих с одного места на другое; применение в основе трудовой политики принудительных методов привлечения к труду; отсутствие реального

экономического стимула и материальной заинтересованности у трудармейцев; необеспеченность трудармейцев минимальным набором обмундирования и продовольствия; несоизмеримые убытки государства по содержанию каждого трудармейца, даже при условии минимальной оплаты его труда; отношение власти к населению как к неисчерпаемому трудовому ресурсу [2, с. 190].

Создание 1 РАТ стало началом бурного процесса по формированию других трудовых армий. Уже 21.01.1920 г., в районе Юго-Западного фронта (Украина) создаётся вторая трудовая армия – «Укрсовтрударм», в задачи которой входило «максимальное усиление добычи продовольствия, топлива, сырья, установление трудовой дисциплины в предприятиях, снабжение предприятий рабочей силой». Руководителем армии был назначен «особо уполномоченный от Совета Обороны на правах председателя» – И.В. Сталин [6, с. 122].

23.01.1920 г. вышло Постановление Совета Труда и Обороны (СТО) об использовании сил Западной армии для улучшения работы железнодорожного транспорта в районе Московско-Казанской железной дороги. В связи с этим 2-я армия была реорганизована в трудовую. Основной задачей для этой армии стало «поднятие производительности труда по ремонту паровозов и вагонов» [11, ст. 31].

Несмотря на объективные трудности, В.И. Ленин активно поддерживал идею реорганизации боевых армий в трудовые. В докладе «О работе ВЦИК и Совнаркома» (02.02.1920 г.) он указывал: «Появляется задача перехода от войны к мирному строительству в условиях настолько своеобразных, что мы не можем распустить армию, так как мы должны считаться хотя бы с возможностью наступления той же самой Польши или любой державы... Это своеобразие задачи, когда мы не можем ослабить своих военных сил, но должны всю машину Советской власти, заострённую на войне, переводить на новые рельсы мирного хозяйственного строительства» [9, с. 105].

К началу 1921 г. в стране было создано 8 трудовых армий, а к весне 1921 г. общее число рабочих-трудармейцев составляло 280781 человек. В том числе: 1) Украинская и Донецкая армия – 60976 чел., 2) Сибирская – 34786 чел., 3) Кавказская – 13794 чел., 4) «Совтрудармия» – 15500 чел., 5) Управление Трудчастей Туркфронта – 6181 чел., 6) Московская с присоединённым округом – 87971 чел., 7) Приволжская вместе с Заволжской – 35805 чел., 8) Петроградская – 25768 человек [3, с. 7].

Недопустимо преуменьшать значение трудовых армий в условиях «военного коммунизма», поскольку во многих российских регионах, разрушенных в результате боевых действий в ходе гражданской войны, именно трудовые армии стали той реальной силой, которая оказалась способной не только восстановить важнейшие отрасли народ-

ного хозяйства, но и организовать начало мирной жизни.

Как известно, в марте 1921 г. государство отказалось от политики «военного коммунизма» и объявило о новой экономической политике, в результате чего последовал отказ от основных принципов «военного коммунизма» (в т.ч. от принудительного труда). В мирных условиях построения социализма применение трудовых армий становилось всё менее продуктивным и более затратным для государства. 30 марта 1921 года СТО вынес постановление «О трудовых частях», согласно которому с 01.05.1921 г. все трудовые армии передавались из подчинения военного ведомства в ведение НКТ [4, с. 3]. До окончания 1921 г. шло постепенное сокращение численности трудовых армий, а 30.12.1921 г. вышло в свет Постановление СТО об их окончательном расформировании (в течение 1 месяца – до 01.02.1922 г.) [5, с. 4]. Примечательно, что самой последней была официально расформирована и прекратила своё существование 1 РАТ (02.02.1922 г.).

Выводы.

1. Применение трудовых армий для выполнения производственных и общественно-полезных работ стало кульминационным этапом осуществления политики трудовой повинности (которая провозглашалась не сколько временной и вынужденной мерой борьбы с разрухой, сколько важным средством воспитания и перевоспитания русского народа) в период «военного коммунизма». Осуществляя ширококомасштабное применение вооружённых сил на «трудовом фронте», государство рассчитывало не только спасти от окончательного краха разрушенное народное хозяйство, но и существенно сэкономить свои, довольно скудные, материальные ресурсы, направляемые на содержание армии.

2. В рассматриваемый период армия проявила себя не только как военная организация, но и как мощная консолидирующая сила советского общества, как основа выживания государства. При этом армия показала, что она способна не только поглощать огромные ресурсы (как людские, так и материальные), но и, переходя на частичную «самокупаемость», снять непосильное бремя с отечественной экономики.

3. Опыт применения армии на трудовом фронте наглядно свидетельствует, что подобные формы

организации труда возможны и, в определённой степени, необходимы и эффективны только в чрезвычайных и экстремальных условиях для выполнения ширококомасштабных, жизненно необходимых работ (в интересах государства и общества), требующих быстрой мобилизации большого количества людей. Советское государство в последующем неоднократно прибегало к применению армейского труда в мирных условиях (ликвидация различных форс-мажорных обстоятельств, наличие стройбатов и т.п.).

4. Глубокое изучение и объективная оценка исторического опыта применения трудовых армий позволяет более достоверно спрогнозировать дальнейшее развитие отношений армии и общества в целом, осознать каким образом возможно применение военных сил в современных условиях для решения несвойственных им задач, в частности, для ликвидации всевозможных катастроф (природного и техногенного характера) и восстановления разрушенного хозяйства, тем более, что вызовы сегодняшнего времени, зачастую, весьма непредсказуемы.

Библиографический список

1. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение: монография. – М.: Проспект, 2008. – 344 с.
2. Буряк Е.М. Трудовые отношения в первые годы Советской власти: на материалах промышленных районов Урала: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.
3. Бюллетень трудового фронта. – 1921. – № 17.
4. Бюллетень трудового фронта. – 1921. – № 6.
5. Бюллетень трудового фронта. – 1922. – № 3.
6. Декреты Советской власти. Т. VII. – М.: Политиздат, 1974. – 675 с.
7. Киселёв И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.
8. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 31. – М.: Политиздат, 1969. – 671 с.
9. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 40. – М.: Политиздат, 1974. – 506 с.
10. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 100.
11. Собрание Узаконений РСФСР. – 1920. – № 6.
12. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990. – 447с.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Vladimir V. Vasilik
Saint Petersburg State University
jvasilik@mail.ru

The reflection of natural disasters and epidemics of the 6th century in the kontakia by St. Romanos the Melodist

The article reveals the reflection of natural cataclysms (epidemics and earthquakes) in hymns (kontakia) by Byzantine poet of the second half of the late 5th—mid 6th centuries St. Romanos the Melodist. Before the author of this article, only one of scholars aiming at the Byzantine Empire – Grosdidier de Matons (Romanos le Melode. Paris, 1977) studied this subject, and the works of St. Roman the Melodist have not even been used as a historical source for studying the earthquakes and epidemics in the Eastern Roman Empire in the 6th century. The author in details and against the background of the chronologically close to St. Romanos historical works by Procopius of Caesarea, John Malalas and John of Ephesus studies sources, as well as social and theological aspects of the poet's attitude to the natural disasters as signs of the Wrath of God. What is the special novelty of the article, is the theme of the St. Romanos' Romean Empire which shifts from New Israel to New Egypt and the Romans' loss of the Chosen People status due to their impiety and sinful infantilism. These inclinations were quite common then and were shared by many St. Romanos' contemporaries, and the significance of his works for the Eastern Orthodoxy was expressed in their liturgical use through many centuries.

Keywords: Roman the Melod, Byzantine hymnography, Byzantine Empire, earthquakes, epidemics, cataclysms.

Andrey N. Yegorov
Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
anegorov65@mail.ru

The image of a liberal in the revolutionary- democratic circles of Russia of second half of the 19th—early 20th centuries

The article shows that the image of a Russian liberal was formed in revolutionary-democratic circles in terms of liberals' attitude towards revolution and the tsar's absolutism. The liberals' activities to accommodate interests of various social groups were regarded by revolutionaries as cowardice, toadying as a rule, selling out people's interests. As the liberation movement mounted, the word "liberal" became almost a synonym of "over-compromising" and "inconsistency", it gained a negative sense and grew unpopular. The article notes the role of political satire in forming a negative image of a liberal. Satirical works stressed complacency and feebleness of liberals, their unbelief in "ignorant people", fear of revolution and belief in reasonableness of regime. Liberalism was set against compelling interests of working people. What was

pointed out, was absence of serious contradictions between liberals and authorities. To liberals, such qualities as indecision, phrase-mongering, disingenuity, hypocrisy, etc, were attributed. The work considers the way a liberal's image was reflected in memoirs of eminent revolutionary persons – Viktor Chernov, Vladimir Burtsev and others. As a conclusion, the article states that the negative view at liberal values and their bearers by revolutionary-democratic circles precluded a reasonable dialogue between socialists and liberals which in turn led to the revolutionary turmoil of the early 20th century.

Keywords: liberalism, socialism, revolutionary movement, public opinion, political satire, memoirs.

Andrey M. Belov
Nekrasov Kostroma State University
istclass@ksu.edu.ru

Historiography of political parties in Russia among the workers in the revolution of 1905— 1907 (writings before the 1917 revolutions)

The article examines the historiography of the all-Russian political party activity among the workers during the First Russian Revolution in 1905—1907. During this period, the ideological bias would not allow party leaders to fully objectively approach to the phenomenon, rising above the conjuncture of the moment. In the pre-Soviet period, there were varying degrees of completeness of studying the question of relations of political parties and working in Russia, including in the central industrial regions. Party publicists-researchers tried "without delay" to comprehend the enormous amount of factual material relating to the involvement of workers in the public movement in 1905—1907. The activities of various parties were acute at that time. But the ideological bias would not allow them to fully objective approach to the phenomenon, rise above the controversial moment. Handling of Menshevik leaders, publicists and researchers to the interpretation of the social movement in Russia in the early 20th century is investigated in the article. Also, the activities of the various parties and political behavior of workers in the revolution was, of course, valuable, but it did not disclose the full consciousness of the workers rising in the Central Russia as well as the influence of political parties in this process during the studied period.

Keywords: historiography, political parties, workers, revolution.

Aleksandr O. Gulin
Nekrasov Kostroma State University
holst90@mail.ru

Refugees on the territory of Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces during World War I

Issues of evacuation, registration, accommodation, employment and social integration of refugees and internally displaced persons from the areas of operations, as well as the ones of organisation of primary

care during the years of the World War I are discussed in the article. Statistical data on the number and the ethnic composition of the displaced residents of the western and southwestern regions of the Russian Empire into Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces are summarised. The formation and operation of the national system for the needs of refugees, the role of local authorities, social organisations and individuals in helping this category of forced migrants are displayed. Examples of attitude of the broad masses of the Upper Volga population towards the problems of refugees are based on data from state archives of Vladimir, Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions, published documents, central, provincial and district newspapers and magazines, memoirs of contemporaries. The conclusion that the phenomenon of “refugee” has arisen as a direct result of participation of the Russian Empire in the fighting of 1914—1917 period, is made in the article; fleeing was massive on summer and autumn of 1915 in connection with the so-called «Great Retreat» of the Russian armies in the West and South-West strategic directions and not without the involvement of the military and administrative authorities of the front-line regions. Particular attention is paid to the history of the adoption of legislative acts of war, which were of particular importance to refugees and those in need of assistance, which had been affected by military action: “Instructions on the Committee of Her Emperor’s Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna”, the law “On ensuring the needs of the refugees” and “Instructive statute on refugees’ settling”.

Keywords: World War I, refugees, Russian province, Zemstvo unions, public assistance, charity.

Aleksey Ye. Kidyarov
Nekrasov Kostroma State University
19a85@mail.ru

Rybinsk uprising of 1918

The article discusses the preparation and progress of the anti-Bolshevik uprising, organised in July, 1918 in Rybinsk by the Society for the Defence of the Motherland and Freedom under the leadership of Boris Savinkov. Rybinsk held a special place in the plans of the Society of Defence of the Motherland and Freedom due to its geographical position and the presence of large artillery reserves. The preparation of the uprising was facilitated by the unstable socio-political situation, which has continued in Rybinsk at the end of 1917—the first half of 1918. In Rybinsk, the process of establishing the power of the Bolsheviks was challenging, meeting the resistance of the Mensheviks and Socialist Revolutionaries. Soviet workers of Rybinsk managed to disclose a plan for preparing the armed uprising. Because of this, almost all of the insurgents were blocked. Nevertheless, the detachment, commanded by Boris. Savinkov, did revolt on July 8, 1918. The Revolt was crushed by the working groups and

Latvian Riflemen. The failure of the anti-Bolshevik revolt in Rybinsk was one of the reasons for the defeat of the rebellion raised in Yaroslavl under the leadership of Colonel AleksandrPerkhurov. The uprising in Yaroslavl did not receive reinforcements from Rybinsk, though being counted on. Ultimately, this influenced the collapse of the plans of the “Society of Defence of the Motherland and Freedom” to overthrow the Bolshevik government, relying on the rebel cities against the Soviets.

Keywords: Society of Defence of the Motherland and Freedom, Boris Savinkov, Rybinsk, revolt, Bolsheviks, Mensheviks, Socialist Revolutionaries.

Natal'ya V. Milovidova
Nekrasov Kostroma State University
istclass@rambler.ru

Russian daily life under the so-called New Economic Policy of the Soviet power: life between “tradition” and “novelty”

The article is devoted to little-studied and thus topical today, theme, namely the history of everyday life. In the study, by extending the traditional source base and supplementing it with fictional and satirical magazines and newspapers, memoirs, novels, stories, feuilletons written by Russian writers – contemporaries of the Soviet power so-called New Economic Policy (hereinafter NEP), an attempt to reconstruct the life and experiences of Russia, the psychology of people in the 1920s is made. The author draws the eye of witnesses to Moscow, which has just experienced a civil war and the “war communism” and was at the moment being restored, tending to live in peace, to have trading, bling and at the same time suffering, trying to externally change at all – and still to remain the same. Attention is paid to the description of the buildings and streets of the capital, affecting with the abundance of different kinds of transport, bright signs, catchy advertising, thousands of banks, offices and shops, restaurants, gambling houses, which became more and more numerous. The author draws as well pictures of Moscow postwar motley commercial life. What else is given attention in the article, are former “business-people”, hucksters, the NEPmen, as well as the class which is the maker of wealth: workers, street children (who often work since their childhood). There are a few sketches from the provincial and the NEP everyday life. We describe the life, habits, people’s desire to adapt to the new, but, as we see, “well forgotten old” life. People caught between the past and the present, in a contradictory world of hope, loss and illusions of faith in a brighter future, as the author concludes the article.

Keywords: Soviet Russia of 1920s, New Economic Policy (NEP), everyday life, memories, stories, short stories of NEP contemporary writers, person between “market” and “socialism”.

David M. Ziganshin

*The Stoletovs Vladimir State University
david130880@mail.ru*

Economic position of glassmaking workers in 1960s—1980s

Socioeconomic position of glass making workers in 1960s—1980s was provided by meeting the material and cultural needs on the basis of the successful development of mechanised and automated production. The author emphasises that the standard of living of the factory workers and their wealth grew during this period. The ideological conviction of citizens towards their common goals of building a prosperous society were important in the process of improving life. The administration in plants was interested to create favourable conditions for the workers. It is noteworthy that the plant's management has decided, together with non-governmental organisations, trade union committees, a wide range of issues on intensification of social production, in order to increase productivity, to improve product quality, to save material, energy, labour resources, to strengthen the planning and labour discipline. The task to provide each worker with secondary education was put forward by civil society organisations and the administration. Living in urban settlements has greatly improved, the labour legislation provided special conditions for pregnant and nursing women, the insurance funds greatly helped trade union committees in that. The only remaining great problem that has not been solved completely until the end of the 20th century, was a housing problem in cities and villages.

Keywords: economic position, workers, glass-works, works councils, trade unions, workers' everyday life.

Sergey M. Zarubin

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
zarubinsergey@gmail.com*

Hispanic-Argentinian relations in 1946—1955: the establishment and collapse of Franco-Perón Alliance

The author of the article examines the intensification of relations between Spain and Argentina after the World War II. The rapprochement between the two countries was caused not only by mutual economic interests but also by some changes in the international arena. At that time, Spain was isolated internationally. The general and dictator Francisco Franco found a new ally in Argentinean president Juan Domingo Perón who tried to conduct an independent foreign policy. The economical and trade cooperation between the two countries developed very intensively till the end of the 1940s and was fruitful for both Argentina and Spain. Nevertheless, Spain took more advantage of the bilateral co-operation because the trade ties with Argentina helped the former to stabilise the internal situation. The diplomatic support of Argentina, provided for Spain in international organisations and con-

ferences, was also very important for Franco's regime. Despite the positive evolution of bilateral relations, at the end of the 1940s, there was a crisis. The author of the article is convinced that the crisis was caused by both internal and external reasons. Argentina and Spain were unable to resolve economic and political differences between themselves and it led to the gradual deterioration of bilateral relations and the collapse of Franco-Perón Alliance.

Keywords: Hispanic-Argentinian relations, Francisco Franco, Juan Domingo Perón, foreign policy, post-World War II period.

Boris V. Yablokov

*State Academic University for the Humanities
b-yablokov@yandex.ru*

On the role of the GDR in the policy of détente

The article is devoted to the GDR foreign policy at the turn of the 1960s—1970s, when the crisis of the doctrines based on the principles of mutual non-recognition of the GDR and the FRG appeared and became a decisive impediment for the détente policy. On the basis of archival materials, the article outlines the development of a common tactic of the Eastern bloc in Willy Brandt's new Eastern policy. It concludes about the similarity of the foreign policy situations in which both the GDR and the FRG were, and the differences in the ways of practical implementation of their diplomacy objectives. As a rule, both German states were perceived not so much as independent players of the international political arena but as carriers of ideas of the relevant military-political bloc. Any diplomatic moves were inevitably discussed in the context of the global confrontation between the Soviet Union and the United States. Fearing to become "unnecessary" in the Cold War landscape, the GDR and the FRG leaderships have made maximum efforts to intensify the development of their own economies. The task of overcoming the diplomatic blockade was resolved through the establishment and coordination of external relations within transnational associations such as the Council for mutual economic assistance and the European Economic Community. These activities resulted in a mismatch between the level of economic development of these countries and their political weight on the world stage. In this regard, considerable controversy was caused by the issue of the GDR and the FRG international legal status based on the thesis of the illegality of the claims of the GDR or the FRG to represent the interests of the entire German people singularly. The fundamental position of the GDR leadership in the new Eastern policy led to Walter Ulbricht's resignation and, as a consequence, the abandonment of the further reform of the East German economy.

Keywords: GDR, FRG, USSR, COMECON, new eastern policy, economic diplomacy, Walter Ulbricht, Willy Brandt.

Dmitriy S. Krysenko

*Shevchenko Lugansk State University
mamaj2@rambler.ru*

**“Polish issue” in the American-Soviet relations
of 1981—1988**

The main events and features of geopolitical rivalry of the USA and the USSR toward the Polish People's Republic on the final period of the “Cold War” are enlightened in the article. The author argues the thesis that the events of 1980—1981 in Poland made it a priority of the US foreign policy. Problems with respect to the Soviet Union, which were implemented by the “Polish policy”, lie in Soviet material and psychological exhaustion and discredit in the eyes of the world. Washington's aim with respect to Warsaw was limited to stimulation of the opposition movement and in the long term – bringing it to power, liberal-democratic reforms and bringing the country out of Warsaw Pact. Tactics to achieve the objectives was, above all, in the information on the impact of the PPR (the revitalisation of the anti-government TV and radio networks), which was carried out together with a number of economic (trade embargo and financial pressure), military-political (military exercises in the adjacent region) and diplomatic (the creation of the broadest possible coalition of states that supported the Polish opposition) US actions.

Keywords: USA, USSR, PPR, opposition, “Solidarity” (Polish trade union), geopolitics, conflict.

SCIENCE OF LITERATURE

Natalya V. Zakharova

*Gorky World Literature Institute, Moscow
radaeva2002@gmail.com*

**Translations of Conan Doyle and the emergence
of a new genre – detective – in the Chinese
literature in the early twentieth century**

The article reveals the history of Chinese detective. The predecessors of modern Chinese detective are “novels about the judges” and “the heroic and adventurous prose”. At the turn of 19th—20th centuries, a process of transition from classic classic “novels about the judges” to a new genre of detectives had began. In the early years of the twentieth century from the Western languages into Chinese hundreds of novels and short stories, including stories by Conan Doyle, were translated. Cheng Xiaoqing is considered to be the first author of the Chinese national detectives, published in 1919 the story “The Shadow in the Light of the Lamp”. The main character of this composition, the detective Ho San, became the hero of the thirty stories by this author. In his writings, Cheng Xiaoqing is moving away from traits that are typical of Chinese judicial prose, borrowing a lot of novels of Sherlock Holmes. A distinctive feature of the creative manner of Cheng Xiaoqing is the fact that he borrows the stories from high profile trials, that took place in the nineteenth century, but moves the action to contemporary life, in the spirit of Western detective gives a psychological portrait of the protagonists. Cheng Xiaoqing creates a national “Chinese” detective, clear and loved by readers.

Keywords: Chinese literature, detective, translations of foreign prose, court novel.

Diana G. Kiknadze

*Saint Petersburg State University
d.kiknadze@mail.ru*

**New view on the collection
of setsuwa story-tales “Uji Shui Monogatari”
as an important source of spiritual culture of
Japan's Heian period (794—1185)**

The article represents the monument of the Japanese 13th century's narrative setsuwa genre “Uji Shui Monogatari”. It is a valuable historical source of spiritual culture of the 11th—13th centuries. Because of the folk component in setsuwa genre, Russian and foreign Japanologists used to search this source exceptionally as a literary work. “Uji Shui Monogatari” was also used for textual analysis and its comparison with another prominent work of 1120 “Konjaku Monogatari”. If one studies of this composition in a profound manner, its significance will increase in medieval Japan's historical realities' studies. The source reflects the influence of the Buddhist eschatological mapo idea on the Japanese society and the religious situation generally. For instance, the simplification of ritual rites, the emergence of new cults and practices. Also, “Uji Shui Monogatari” is a valuable source of onmyodo rites which are the synthesis of Taoist magic and natural philosophy with local rites and superstitions. The source recreates the aristocrats' daily life dependent on onmyodo and biography of the outstanding court magician Abe no Seimei. The author of this article suggests to mark out “Uji Shui Monogatari” from the common line of setsuwa collection and to regard it as a valuable historical source of medieval Japan.

Keywords: Japan, Heian period, setsuwa collection, Buddhism, eschatological idea, onmyodo.

Inna V. Denisova

*Yessenin Ryazan State University
i.denisova@rsu.edu.ru*

**On the study of the problem
of Ryazan chronicle text**

Ryazan chronicle text is analysed in the article and its place in the system of local texts of Ancient Russian literature. The system of province texts literature of Ancient Russia includes many records with only a few of them to be called «the local text». Researchers usually know Moscow, Pskov, Novgorod, Galician-Volhynian texts. Chronicles of these cities are finely preserved and investigated. Ryazan text is one of insufficiently explored local texts in the Ancient Russian literature and fraught with many riddles. Ryazan chronicles are considered from a historical perspective but literary analysis is not exposed. At the same time, text scattered on all Russian chronicles has something of pronounced features of outstanding Ryazan's author. Recordings have clearly expressed pro-Ryazan and anti-Ryazan focuses and have shown the interest of Moscow and Ryazan principalities in the years of

their opposition. Questions of poetics of Ryazan text are rather relative but their detection on content and artistic levels requires a comprehensive study. All of these facts suggest that Ryazan chronicle text occupy an important place in the system of local texts literature of Ancient Russia.

Keywords: local text, province, Ancient Russian literature, Ryazan, Ryazan Principality, chronicles, poetics of Ryazan chronicle text.

Vu Thuong Linh
Ivanovo State University
vuthuonglinh@gmail.com

**Proverb in Alexander Pushkin's novel
"The Captain's Daughter": the problem
of the translation to Vietnamese**

Topicality and objects: In this article, we interpret the problem of adequate translation of Pushkin's prose to Vietnamese. What is at the centre of attention, are the proverbs in Alexander Pushkin's novel "The Captain's Daughter", which are means of understanding the nature of a Russian nobleman, his adherence to duty, magnanimity, kindness and generosity, stipulation for the peculiarity of the character's discourse. Proverbs are also used as an epigraph, express a theme, idea or mood of Pushkin's novel. The primary task of the translator is to achieve the equivalence of the original text and the translation. Results: Reproduction of the spirit of family traditions, representation of national life, national character and way of people's thinking in the dramatic period of Russian history required search of special style, word usage. Translating the Russian proverbs into Vietnamese, a translator uses various methods in order to conserve the imagery and the semantic load of the original paroimias: choosing Vietnamese equivalents and analogues, creating graphic expressions, replication, transferring general meaning of the parable. Conclusions: Translating many Russian proverbs into Vietnamese, a translator combines different methods. This approach allows the reader to know the proverb in the text and promotes adequacy of the translation. A translator takes responsibility for the localisation of translated author, which puts it to its culture.

Keywords: style, proverb, saying, parable, context, adequacy, translation.

Mariya V. Truhina
Chernyshevsky Saratov State University
maruska-08@yandex.ru

**The destruction of harmony in «Evenings on
a Farm near Dikanka» by Nikolai Gogol as
a result of the transition in the «alien» space**

The article reveals the relationship of the motives of harmony and discord and archetypes "own" and "alien" in the short stories by Nikolai Gogol "The Lost Letter" and "A Bewitched Place". In these short stories, the hero is in a "foreign" space, in other words, in the realm of the infernal forces. The consequence of the transition to this space is the destruction of the established order and harmony of life. The transition itself in the "alien" space is often unknownst to the hero,

instant, but felt: the first symptom is the feeling of discomfort. The article also discusses the features of the "bewitched place", the locus in which there is a merging of two worlds – the human world and the world of evil. In this locus, there are special laws, not subject to man. However, if one finds something "its" in a "foreign" world, for example, turning to God and faith, it is possible to eliminate the influence of evil spirits and regain harmony. The author notes that in "Evenings on a Farm near Dikanka", this space is still small, but in subsequent cycles ("Mirgorod" and "Petersburg Tales"), they grow, and tricks of evil spirits from the harmless and hilarious become pernicious and destructive.

Keywords: Gogol, motive, harmony, disorder, archetype, story, bewitched place, evil spirit.

Ol'ga V. Belopukhova
Nekrasov Kostroma State University
klepa3367@mail.ru

**Schiller's reflexions in the novels by Ivan Turgenev
in 1850—1860**

The author analyses the novels by Ivan Turgenev in which his ethnical and aesthetical views were fully reflected, and the forthcoming analysis of the novels by Turgenev brings the influence of Friedrich Schiller's ideas upon Turgenev's world outlook and artistic method, the collusion of the proximity of moral philosophic and aesthetic positions of the German and Russian writers. The article traces the evolution of Turgenev's orientation to Schiller's literary tradition. Most Schiller's reminiscences in Turgenev's work play a merely literary role. The connection between the two writers is expressed through similarity of themes and ideas, the speech manner of positive characters and the portrayal of love in its various manifestations. «Schiller's reflections» in works of the Russian classical writer enable emphasising the idealistic aspect of Turgenev's writing. Re-evaluation of philosophical and poetic idealism makes Turgenev connect Schiller's imagery with reminiscences of the past and romantic outburst. The images of idealists in Turgenev's works are based on Schiller's concept of detachment, perceived as a slogan. Turgenev often portrays Russian Schiller-based philosophy as an everyday phenomenon of the late 1830s—early 1840s. Schiller in Turgenev's work is introduced in the real political and social context of the new times.

Keywords: ballad, novel, artistic method, influence, German and Russian writers.

Yelena N. Belyakova
Nekrasov Kostroma State University
helenbel31@yandex.ru

**Some observations about the formation of the
author's intention in the process of speech space
of comedy by Alexander Ostrovsky "Whatever
You Look for, You'll Find" (on the material
of draft autograph of the play)**

The problem of the author's intention of becoming a comedy by Alexander Ostrovsky "Whatever You Look for, You'll Find" is addressed in the article on

the material of the manuscript with numerous corrections of the playwright, who believed that every detail of a hero's speech is directly connected with its character and way of thinking. Text of autograph draft of not included in Nikolay Rumyantsev's library catalog Ostrovsky's manuscripts, which was made by Nikolay Kashin and has remained out of view of literature, allows tracking changes in the nature of the images of the main characters through the work of the playwright on the nuances of their speech. According to our observations, corrections relating to the field of speech of Balzaminov, indicate the author's intention to mitigate as much as possible the character of the protagonist. At the same time, Ostrovsky explicitly avoids even the hint of dramatisation of events that are associated with this person. Changes in speech of the other characters show semantic and ethical relationships within the work that more and more determined. The fact how carefully Ostrovsky chooses every word in the acknowledgments, worrying about accuracy and brevity of the psychological characteristics of the characters, then replacing the faded neutral word with conversational expressive option, preferring its more expressive utterance to calm equivalent noteworthy. Although the manuscript does not allow full tracing of the process of formation of the author's intention and indicates the later stage of completion of the play, the character of corrections that are made by the playwright, makes it possible once again to see how carefully Ostrovsky studies each piece of the comedy, thus achieving the effect of unpretentious simplicity which describes the situation and is characterised by involuntary, figure of speech of his characters.

Keywords: author's plot, signature, text variant, image, character, hero's speech characteristics, working one's text.

Yevgeniya N. Stroganova
State Slavic Culture Academy, Moscow
enstroganova@yandex.ru

Mikhail V. Stroganov
State Slavic Culture Academy, Moscow
mistro@rambler.ru

Concerning the project of the encyclopedia "Mikhail Saltykov-Shchedrin and his contemporaries"

The paper justifies the requirement of compiling of the reference book with encyclopedic character that actualises the achievements in Mikhail Saltykov-Shchedrin's study including the modern methods. The writer's reputation of being a revolutionary democrat, in which they believed in the Soviet period, distorts the meaning of his works and detracts from real significance of his oeuvre. Nowadays, researchers aren't so interested in the issue of Saltykov's works: there are no specialised research projects and no intention of publishing the academic collected works; the edition of "Life and Creative work, Full survey" hasn't occurred; the bibliography series have stopped; no fundamental compendiums have been published lately.

This situation might be changed positively by the publishing the encyclopedia which is dedicated to the interaction between Mikhail Saltykov-Shchedrin and his epoch and based on unbiased texts' examination. The project must stimulate the contemporary and further researches of the writer's creative work. We suppose that the project presents Mikhail Saltykov-Shchedrin's world view and creative work, the way the writer communicated with all his contemporaries. The Glossary contains not only the names of the persons with whom Mikhail Saltykov-Shchedrin communicated directly, but also those on whom the writer kept an eye and who were mentioned in his literature, publicistic and epistolary works.

Keywords: personal encyclopedia, Mikhail Saltykov-Shchedrin, summarising research experience, comprehension modern level.

Alla A. Bilyukina
*Institute of Humanitarian Investigations and Issues
of Scanty Peoples of the Russian North of the Siberian Division
of the Russian Academy of Sciences*
777ruslit@mail.ru

Artistic features of Yakut drama in the 1850s—1970s

The conflict relations of a person with the world in the drama lead to development of the social consciousness and the social-psychological state of a person. The heroes' participation in the circumstances of the past and the present ideological-thematically and artistically enriches the genre content of the play. In the post-war (we mean the World War II) years, the drama cannot still catch growing tendencies of the social movement. It appeals to themes of historical past of the Yakut nation, to permanent moral problems, which are also relevant for the modern period. A social-life drama and a lyric comedy showed the interrelations of the man and the world in forms of life similarity, combining real features of time and life with a romantic mood of the characters. But a real national poetics of folk creativity disappeared from the Yakut drama. Social realistic creativity led to the unification of the image of the world and of the personality concept. In the plays of the 60s—70s, public attitude and authors perception of the world have caused the appearance of the psychological drama, lyrical comedy, historical drama, dramatic tale with expressive lyrical style. In the plays of the 80s—90s, time of restructuring of the social system, the parable imagery, philosophical aspect in an address to the objectivity of realistic drama and passion for romantic genre poems and legends were dictated by the concept of personality, inseparable from the national and universal human experience. However, the concrete historical content of the dramatic conflict is the eternal struggle between the good and the evil, the humanity and the inhumanity, the light of truth and the darkness of ignorance driving the progress of society.

Keywords: hero, ethnicity, nation, past, present, consciousness, unity.

Aysylu Kh. Khusainova

*Aqmullah Bashkir State Pedagogic University, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
fsp22@yandex.ru, a_hah@mail.ru*

Free choice existence and “laboratory experiment ontological” of war events in the artistic creative work: Jean-Paul Sartre and Vasil Bykov

This paper addresses the problem of human existence and its freedom of choice in the military creation. Similarities and differences in the “laboratory experiment ontological” events of the war in art representative of the French Resistance Jean-Paul Sartre and a veteran of World War Bykova. War – a “border”, “stress” situation, when a person is alone on the one in front of the whole world and himself, and feels himself to human strength. This is reflected in the drama of Jean-Paul Sartre “Dead without burial”, home of the “ontological laboratory experiment on outdoor test site”, which has some common ground with the play of famous writer and veteran Bykova “Resolution”, which explores not so much characters as the situation. The views of Jean-Paul Sartre and Bykova in these dramas to much not the same, although the anti-fascist pathos in them single. On the one hand - too much faith in man, on the other – a lot of doubt. But it is of equal interest to the true existence, to the “border situation” to the problem of choice, to the heroic act. At the same time similar mazes of reality in which pathetically seeking to escape the humanist idea – high morals. Hence, the community, “sharpness” and “bleakness” moral issues in the decision by the authors of philosophical and ethical ideas: man is completely free to choose, but he bears full responsibility for their behavior. It recognizes only one virtue – honesty, because no one should try to shift the blame for their actions on the other person or the situation. A “laboratory experiment ontological” directly depends on the similarity of some elements of the experiment with the historical reality on the basis artistic realism.

Keywords: existents, freedom, choice, event, war, creative work, writer, artistic, situation, drama, hero.

Elena Y. Kozmina

*The first Russian President Yeltsin Federal University
of the Urals, City of Yekaterinburg
klen063@gmail.com*

The adventure-philosophical fantastic of the 20th century and the philosophical tale

The article describes the influence of the philosophical tale genre in the adventure-philosophical fantastic of the 20th century. Main characteristics of philosophical tale is associated with experimental verification of philosophical ideas. The idea is tested in the adventure plot and characters in the discussions, so the important role is played by philosophical dialogue. The adventure plot creates a crucial event which reveals the idea. Characters' philosophical tales and images of internal peace are sketchy and tentative. Philosophical tale is focused on satire and parable, and therefore duality; and metaphorically, it is linked to the “current modernity” and eternal problems. The moral choice

is related to traditional patterns. The adventure-philosophical fantastic in the spotlight is a philosophical idea – “what makes human to be human”. The hero is tested in contact with the impersonal and superhuman strength. Tests of the hero and ideas are not separated from each other, and this is significantly influenced by Fyodor Dostoyevsky's novels. Hero selecting is morally ambiguous. The hero faces new subhuman standards. The adventure-philosophical fiction is a new type of hero, being the personification of “human nature” rather than the type or character. Adventure-philosophical fiction should be distinguished from the philosophical satire of “Gothic fiction”.

Keywords: adventure-philosophical fantastic, science fiction, philosophical tale, genre, adventure plot, philosophical dialogue, tale, parable, satire.

SCIENCE OF LANGUAGE

Lyudmila T. Kalabekova

*Khetagurov North-Ossetian State University, City of Vladikavkaz,
North Ossetia autonomy, Russia
kalabekova@list.ru*

Models of formation of inceptive mode of verbal action in the languages with different systems (experience of comparative analysis)

The article identifies the interlingual collisions (integral and differential features), which are in the models of formation of inchoative mode of action in the languages with different structural organisation. The contrastive analysis is based on the material of French, Russian and Ossetian languages, the first of which is an analytic language and the others are distinctively flexional languages. Thus, the material of French language serves as the basis for analysis, Russian and Ossetian are drawn for the comparative purposes. The onomasiological analysis in this article allows concluding that French language system detects a lot of differential features with Russian and Ossetian languages, which, on the contrary, are united by the integration. These languages, because of their predominantly synthetic organisation, have greater ability to convey a particular aspectual information, in this case inceptiveness in its two assertive versions: inchoativeness and ingressive-ness. The material of this article can be used in various processes of teaching: to promote the improvement of teaching methods of relevant section of the theoretical and practical grammar of French language, as well as the theory and practice of translation.

Keywords: contrastive analysis, functional analogue, verbal-analytic design, interlingual conflicts.

Yelena V. Bodnaruk

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
City of Arkhangelsk
bodnaruk@rambler.ru*

Future meaning in the utterances with the compressed indirect speech (on the material of German language)

The syntactic structures containing indirect speech about forthcoming events, having the characteristics of dependent secondary predication, but used thus as a part of the simple sentence, are analysed in the article.

Such structures act as the predicate actants linked by valency relations with modus verbs or their nominal equivalents, indicating speech and thought processes. The given structures containing indirect speech are highly integrated in the statement and have the compressed or contracted structure. The infinitive or infinitive group, and also the noun or noun group, are involved into the expression of the forthcoming action. Modus words play the leading part in actualisation of the temporal characteristic “prospective” into the compressed indirect speech. Being predicates of volitive, commissive or epistemic type, many modus words can predetermine temporal meaning of the dependent predication, actualising prospective sense in speech. In rare instances, semantics of forthcoming action which is being told about in indirect speech, is deduced from a wide context. Despite the different superficial structure, the investigated syntactic units do not differ at deep level, which is proved by the transformations indicating the possibility of structural interchange.

Keywords: indirect speech, German language, future meaning, predicate actants, infinitive/ infinitive group, noun group.

Elena V. Zolinova

*Nekrasov Kostroma State University
evz-08@yandex.ru*

Complex sentences of condition-concession in Modern English (based on publicism)

The article is dedicated to peculiarities of complex sentences of condition-concession in English language. In such sentences, condition contained in the subordinate clause should hinder the action expressed in the main clause, but in fact, it concedes it, i.e. is defective in achieving an expected result. Complex sentences of condition-concession are constituents of the micro-field of defective condition which is the smallest in the grammatical field of concession in English language. Low productivity of such sentences is connected with their semantics – in subordinate clauses of condition-concession conditional and concessive meanings overlap; the conjunction ‘if’ is used to express conditional-concessive meaning which is characteristic mainly of complex sentences of condition. Subordinate clauses introduced by a combination of the conjunction ‘if’ and particle ‘even’ – ‘even if’ – are more productive than ‘if’ used individually. To emphasise the discrepancy between two parts of a complex sentence, they use adversative particles ‘nevertheless’, ‘still’. The meaning of condition-concession in the sentences under analysis is supported by correlation of aspectual-temporal forms and the mood of predicates. Complex sentences of defective condition can be of two modal types – of real and of unreal condition. A characteristic feature of the sentences expressing real defective condition consists in the usage of the Indicative Mood, whereas in the sentences of unreal defective condition forms of the Subjunctive Mood are used in the predicate.

Keywords: syntax, complex sentence, subordinate clause, concession, condition, grammatical field, conjunction.

Zhanna I. Rudakova

*Tsiolkovsky Kaluga State University
rudakova.z@bk.ru*

Distribution of finite and non-finite structures in composite parts of a complex syntactic whole (based on the text of the German newspaper “Die Relation” dating back to 1609)

The work is aimed at the attempt of vindicating the distribution of finite and non-finite structures in certain composite parts of a complex syntactic whole as a means of organising the text of a newspaper. The organisation of the text that is opposed to the semantic division of the utterance appears to be typical of earlier German texts. In this respect, it is proposed to use an alternative syntactic unit – a complex syntactic whole – as the basic syntactic unit in analysing the texts of the early new High German period. This approach allows avoiding confusion of structural and semantic divisions within the introduced syntactic unit, as well as using the semantic component in explaining certain grammatical phenomena, such as, for instance, the presence of finite and non-finite structures within one complex syntactic whole. Thus, the majority of finite verb eliminations are registered in the composite part, called the nucleus, while the full form is most often retained in the introduction and in the tag-piece. This distribution of finite and non-finite structures is logically explained on the basis of the semantic organisation of the statement: the information contained in the nucleus presents mostly neutral report of past events, for describing which, analytical verbal forms are typically used; and still the elimination of the finite forms in this part influences the semantics of the report less than in the introductory and tag parts of the statement.

Keywords: complex syntactic whole, introduction, nucleus, tag-piece, simple sentence, elimination of the finite verb, finite and non-finite structures.

Viktoriya Y. Varzapova

*Far Eastern State University of the Humanities, City of Khabarovsk
victoria_matushi@mail.ru*

The headline of the modern media text in the aspect of intertextual relations (on the material from Internet versions of the Telegraph and The Guardian)

The article is devoted to the headline of the modern media text which functions on the Internet. The headline is regarded in the light of intertextual relations that are the part of transtextuality/intertextuality theory. According to the purpose of the research the author defines the notion “headline in mass media” and differentiates between concepts of “intertextuality” and “transtextuality”. Classification of intertextual relations by Gerard Genette helps to disclose a complex nature of the headline: 1) being a part of media scene (intertextual relations) by means of using quotations (in the broad sense) such as quotations itself, reminiscences

and allusions; 2) as a structural correlation between the headline and its media text (paratextual relations). The headline is a paratext to the media text because it stands above and before the text; 3) in the light of critical correspondence of the headline to the media text (metatextual relations). The headline usually gives and comments on the information of the media text; 4) as a correlation of the headlines and texts in hypertextual environment (hypertextual relations). The headline is a hypertextual reference which helps in organising the hypertext of the media; 5) as replicability of textual patterns in headlines of the same media text type (architextual relations) which indicates the correlation between the genre of the media text and its headline.

Keywords: headline, transtextuality, intertextuality, intertextual relations, paratextual relations, metatextual relations, hypertextual and architextual relations.

Natal'ya V. Garanina

*Khakas State University, City of Abakan,
Khakasia autonomy, Russia
garanina.natalya@mail.ru*

Names of the outdoor games in language world of English schoolchildren

The article is devoted to the linguistic analysis of names of outdoor games in the language world of English pupils. Outdoor games take an important place in pastime of English pupils. Our research material includes 34 names of English outdoor games. Structural models of names of games may consist of one component, two or many components. Icon function of names is reflected in semantics of names of English outdoor games. According to the carried-out structural-semantic analysis names of games were allocated into eight groups: 1) the name points out nature of action; 2) the name points out movement and a game subject; 3) parts of a body by means of which the player influences a game subject are reflected in the name; 4) the name is constructed on the "game stock + game subject" model; 5) the name points out a trajectory of the movement of the player on a playing field; 6) the name points out material of a game subject; 7) the name of game is the name of a game subject on the basis of metonymical transfer; 8) the names include metaphorical reconsiderations, including ethnocultural realities. According to the semantic principle the names of games are constructed on a direct sense ("primary" nomination) and on reconsideration (the "secondary" nomination). All names of games belong to the cultural realities of the language world and are used as precedent names.

Keywords: language world, name, outdoor game, movement, game tool, culture, reality.

Nastassia V. Kuzmenka

*Minsk State Linguistic University, Belarus
har_nastya@mail.ru*

Holo-meronymic structure as a model of human body conceptualisation

The article deals with the problem of constructing a holo-meronymic hierarchy for human body part terms,

which are the prototypical meronyms. Such names as head, body, hand, leg, finger, eye, mouth, etc. are the most ancient lexemes, most frequent and universal, that belong to the core lexicon of any language. This group of lexical units has been thoroughly studied in linguistics. Nevertheless, the meronymic relations in the group of human body part terms still might be better investigated. The present research of meronymic relations in the group of human body part terms has revealed a specific meronymic structure which is closely entangled with the hyponymic taxonomy as well as with synonymic series. This fact indicates the specificity of human body conceptualisation and categorization in modern English language.

Keywords: holo-meronymic hierarchy, holonym, meronym, meronymic relations, human body part terms.

Yelena V. Kudryavtseva

*Nekrasov Kostroma State University
lengoreva@yandex.ru*

Phraseological zoonym components as an object of occasional transformations (by the example of transformations of phraseological units with the component swine)

The article is dedicated to the study of occasional potency of the phraseological units with the zoonym component swine. The interest to the study is evoked by the fact that the images, created by means of the zoonym, reveal the animalistic features that a person extends to themselves. The particular animal for a Russian speaker is a swine. In its figurative meaning, the animal conveys negative semantics when characterising a person. As a phraseological component the zoonym swine holds the negative semantics carrying it over to the phraseological image. The zoonym component actualises wide systemic connections, which leads to occurrence of phraseological transforms. Occasional transformations take place by means of substituting the animalistic component by the lexemes forming lexical-semantic groups "Animal", "People", "Object". Injection of the occasional substitutes allows changing semantic elements. Authors' intentions are aimed to concretisation, literalism, explication and intensification of phraseological meaning. However, authors' intentions do not always explain the choice of substitutes, that happens in a spontaneous act of speech.

Keywords: phraseological unit, zoonym component, occasional transformations of phraseologisms, author's intentions.

Tat'yana A. Selyukova-Fyodorova

*Lomonosov Moscow State University
6295425@mail.ru*

The role of communicative means in the Russian language with regard to narration about unknown and obscure

The article is devoted to the problem of functioning of the oral communicative level system in Russian language. The level reflects correlation of positions of the speaker, the listener and the situation qualified by them.

The article contains study results of communicative semantic speech tracks of eyewitnesses to emergency reflected in television reports and amateur videos. The results explain the logic of appearing of communicative means in the Russian speech. In particular, in the context of narration about Yeti, the interdependence of semantic invariant parameters of communicative means have been shown and its functional role in oral text composition has been revealed. Semantics of this means is implicit; speakers understand it at the subconscious level. However, the analysis demonstrated that, despite this, their appearing in text not only disturbs the logic of its semantic drawing, but conversely, elaborates its tiniest but equally valuable substance. The complex of means depends on type of texts. For definition of communicative means complex, that is typical for certain Russian texts, the concept of communicative matrix is introduced in this paper. As an example, the article cites means that appear with mathematical precision in the Russian speech with regard to stories about unknown and obscure.

Keywords: communicative tools semantics in Russian language, oral spontaneous speech and its communicative aims, verbal behaviour, invariant parameters' algorithm, communicative tools role.

JURAL SCIENCES

Alla V. Kudryashova
Nekrasov Kostroma State University
alla880@mail.ru

Consideration by the court of criminal cases with pre-trial agreement on cooperation

This article deals with the problems of the institution of pre-trial agreement on cooperation in the criminal proceedings. Despite the fact that this institution is relatively new to the Russian criminal trial, it is becoming more common, and therefore, on the basis of existing practice, the attempt to sum up the results of its application has been made by the author. The difficulties that arise in the enforcement of criminal pre-trial agreement on cooperation, have been understood as requiring permission in order to further improve this institution. The most acute problems that arise in criminal cases of pre-trial agreement on cooperation, in particular, the problem of the legal qualification of crimes in criminal cases with pre-trial agreement on cooperation, the legal status of a person, who has been convicted in a particular order in considering the main criminal case against the other participants criminal activity, as well as to the liability of the person to retract testimony, for which the specified pre-trial agreement was concluded with the person, have been raised in the paper, based on the practice of the courts of the city of Kostroma, and existing research; their solutions have been proposed.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, court, sitting of court, convict, legal status, review of sentence.

Aleksey A. Grigorov
The Bar of lawyers' chamber of Kostroma Region
grig83@mail.ru

The system of self-defence

The article is devoted to a detailed analysis of the individual elements of self-defence: self-defence, a way of self-defence, a means of self-defence, the exercise of self-defence, a new method of self-protection and the conditions of application of self-defence. Legislator self-defence is related to methods of protection of civil rights that, according to the author, leads to its narrowing proportionally. The author develops a detailed analysis of the elements of self-defence and, from the position of system approach, shows the relationship of all elements as a single system. Every element of self-defence is discussed in detail in the framework of particular legal relations subject to the provisions of norms of the substantive law. Depending on the legal relations in which self-defence applies, the classification means of self-defence is conducted according to various criteria. Special attention was paid to the implementation of self-defence with the use of legal information systems, as a means of self-defence. In the end, the author came to the conclusion that all the elements of self-defence, being in constant interaction, form a system of self-defence, which shows self-defence in action. In general, the system of self-defence shows the institution of self-defence, as a whole, complete, balanced, adjusted device, able to use. The set of elements of self-defence in a single system will also allow avoiding conflicts, gaps and contradictions in the rulemaking.

Keywords: self-defence, self-defence system, self-defence form, self-defence method, self-defence, self-defence means, procedure for self-defence, self-defence method.

Alla V. Kafiutulina
Ivanovo State University
kafiutulina.alla@yandex.ru

Characteristics of those who are sentenced to deprivation of the right to occupy certain positions or to engage in certain activities

The author attempts in the article to distinguish the subjects of punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions, deprivation of the right to engage in certain activities and deprivation of the right to engage in other activities. Based on 342 studied criminal cases, we have dealt with the courts of Ivanovo and Yaroslavl in 2009—2014 and have had a survey of 35 convicted persons serving a sentence in a penal colony of Ivanovo Region, a comparative analysis characterising those convicts, who were sentenced to deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities: socio-demographic characteristics (sex, age, education, marital status, occupation), the qualification of the offense, the amount of the penalty imposed. On the basis of the study, we have concluded that there was, in figure in this cat-

egory, a difference from the average of convicts. In the end, the author suggested that the broader application in practice of the measures of state compulsion, especially as the main form of punishment, could be reasonable.

Keywords: characteristics, personality of convict, punishment, deprivation of rights, holding certain positions, engaging in certain activity.

Safina R. Suleymanova

*Russian Academy of National Economy and Civil Service
under the President of the Russian Federation
safina_899@mail.ru*

**The problem of legislative regulation
of the interaction of youth organisations of Russia
with public authorities in the process of formation
of civil society: legislative priorities**

On the basis of the analysis of legal acts defining the legal status of the competent state bodies of executive power, the legal status of governmental-public advisory bodies of the Russian Federation are defined and the main mechanisms of interaction between youth organisations and the state are identified. The author pointed out that the Russian model of the mechanism of interaction with the youth associations have both positive and negative sides, forming its features and differences between the models of such cooperation which exist in other CIS countries. The author concluded that today, when public authorities had been involved, they had created quite a number of youth structures, different from each other only by a model of the mechanism of interaction with the state, while often fixing related functions and powers. Furthermore, the author believes that the situation today is complicated by the fact that the system of public authorities, the responsibility of which is the realisation of the state youth policy, is quite confusing and unstructured, which is a barrier to the establishment of its system in such a implementation.

Keywords: youth associations, civil society, mechanisms of interaction with public authorities, separation of powers of state power executive bodies, public advisory bodies.

Oksana N. Kolupayeva

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University
ok6000@yandex.ru*

**Legal responsibility for violations by the customer
of documentation of the legislation of the Russian
Federation on the state environmental assessment**

The concept of "environmental assessment", the principles of carrying out the state environmental assessment, objects of the state environmental assessment of federal and regional level, procedure of carrying out the state environmental assessment have been considered in the article. The bases and types of legal responsibility to which the customer of documentation for violations of regulations on the state environmental assessment, and also possible measures of

punishment for a perfect offense can be attracted have been opened. Problems of realisation of the state environmental assessment which is carried out by federal executive authority and public authorities of subjects of the Russian Federation concerning the customer of documentat have been revealed and possible ways their solutions have been proposed. Options of improvement of the current legislation in the field of the organisation and carrying out the state environmental assessment have been offered.

Keywords: concept; principle; objects; order of carrying out state environmental assessment; civil, administrative, documentation customer's criminal liability; state environmental assessment realisation problems; legislation improvement in field of organisation and state environmental assessment carrying out.

Viktor A. Demidyuk

*Alexeyev Nizhny Novgorod State Technical University
demidyuk-viktor@yandex.ru*

**Legal nature of replevins and negatory actions
in the activities of federal state budgetary
educational institutions
of higher professional education**

The article is devoted to the legal nature of replevins and negatory actions in the activities of a federal state budgetary educational institutions of higher professional education (hereinafter FSBEI HPE). The mixed nature of the claim is noted in the article. The author considers different points of view of scientists about the substantive and procedural legal nature of the claim. The author believes that the right to sue of a FSBEI HPE is of substantive nature. At the same time, replevins and negatory actions are of procedural nature. The comparative analysis of the institution of a civil action in criminal proceedings is contained in the article. Procedural issues of fulfilment of a replevin and of a negatory action by a FSBEI HPE in court are discussed in the article. The author disputes the appropriateness of the placement of the procedural provisions among the rules of substantive nature. According to the author, consolidation of procedural rules in the material laws governing of a FSBEI HPE are incorrect. The author believes that the legal nature and essence of substantive and procedural law is different, since the subject of the regulation are different branches of law, in particular, educational law, civil and civil procedure. Such rules, undoubtedly, are closely connected with each other, they supplement each other as "constant" and "dynamic". In this regard, the author proposes to transfer the rules governing the institution of civil action (Chapters 11 and 12 of the Russian Civil Code) in the Russian Federation's Law "On Education in the Russian Federation".

Keywords: replevins and negatory actions, right of action in procedural sense, right to sue in material sense, statute of limitations, procedural terms.

Olga A. Koryakovtseva

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
youth1@mail.ru*

Lyubov V. Pluzhenskaya

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

**The emergence of intellectual property rights
in the educational process:
on statement of the problem**

Materials that are presented in this article apply to such field of pedagogic innovation management as the management of the rights of students and teaching staff, which (we mean the rights) are created as part of the learning process. While actualising this topic, absence of standards for the identification of educational results, obtained in the implementation of the project teaching method in the field of intellectual property, should be noted. At the same time, the identification of the said work cannot be applied to educational outcomes, which are obtained in the course of providing and preparation of educational services. The general direction of the modernisation of economy of the Russian Federation, of situation of the growing commercialisation of the results of intellectual activity has oriented university authorities of the Russian Federation and all the staff and students who are involved in the increment of scientific knowledge, to a significant increase in the level of innovation activity. For such categories of citizens as students and scholars, as well as educators, the problem of legal protection of intellectual property is now urgent and requires solutions.

Keywords: innovation activities, educational outcomes, intellectual property results, intellectual property items, author, promoting to rank, rights holder, intellectual property.

Svetlana V. Kovalyova

*Kostroma State Technological University
sweta.lana1968@yandex.ru*

**Philosophical foundations
of economics and entrepreneurship**

The article presents a retrospective analysis of philosophical doctrines, which discusses various forms of limiting individual freedom as a citizen in the system of economic relations within the state. At the dawn of humanity, the knowledge of justice, which was allowed to form a social ideal, needed to make this work, was the main regulator of the freedom of arbitrariness. Capitalist relations, emerged later, were defined by public contract in which the functions of ordering freedoms of citizens were served by the state. In modern conditions, policy, that is able to coordinate and control the production and economics, legal and social spheres of society within the state and the world

community in the system of globalisation, is considered to be a priority sector of culture. Reorientation of law with principles of bourgeois liberalism on new legal norms, grounded in the concept of pluralistic law, should be an important direction of political activity.

Keywords: employment, entrepreneurship, economy, liberty, justice, social contract, jurisprudence, politics.

Boris Ye. Roshchin

*Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru*

**Labour armies in days of war communism:
the historical and legal aspect
(to 95th anniversary of the First Revolutionary
Labour Army)**

The article is devoted to the brief characteristics of legal bases of the organisation and functioning of labour armies in the conditions of the Soviet state policy which has received the name of “war communism” (the war was the Russian Civil one). The author of the work focuses his attention on the analysis of the most significant, key standards – the legal acts adopted by the new power in the specified period and being the basis for legal regulation of the public relations within which, practical application of military formations on the “labour front” was carried out. The most important regulations, according to the author, are necessary to consider: the decree of the Council of People’s Commissars “On General Civilian Duty” (on 01/29/1920); the provision of the Council of People’s Commissars “On the Committees on the General Civil Duty” (on 02/05/1920); the resolution of the Council of Workers’ and Peasants’ Defence “On the First Revolutionary Labour Army” (on 01/15/1920). Besides, what was of crucial importance, were the corresponding ideological installations and ideas of the new power concerning creation of socialism in Russia. On the example of reorganisation of the third army of the World War I East front into the “labour army”, the main features of the large-scale economic experiment undertaken by the Soviet power during the culmination period of “war communism” policy are shown. As a result, the author comes to conclusions that such forms of organisation of work are possible and even necessary only in extraordinary and extreme conditions for performance on the large-scale vital works (in interests of the state and society) demanding fast mobilisation of a large number of people.

Keywords: war communism, economic deterioration, general civil duty, forced labour, labour mobilisation, labour armies, First labour army.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0, 087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. –

Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2015 – Т. 21 – № 5

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 14.10.2015.
Дата выхода в свет .11.2015.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 24,3.
Уч.-изд. 24,9 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 65.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна